

Л. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ИСТИНЫ РАДИ...

Москва
Издательство «Республика»
2004

УДК 32
ББК 63.3 (2 Рос)3
В64

В64 **Вознесенский Л. А.**
Истины ради. – М.: Республика, 2004. – 728 с.: ил.
ISBN 5–250–01877–7

Книга Л. А. Вознесенского удачно сочетает воспоминания и теоретические соображения относительно природы и причин распада советского государства, а также сути строя, создаваемого в настоящее время. В ней содержится множество ранее неизвестных фактов, включая и почерпнутые из личного опыта автора, и вводится в историко-научный оборот ряд ранее не опубликованных материалов, особенно в связи с так называемым ленинградским делом. Эта книга не только глубоко человеческий документ, но и своеобразное *приглашение к размышлению* – истины ради, а значит, ради будущего. Для читателей, интересующихся новейшей историей нашей страны.

ББК 63.3 (2 Рос) 3

ISBN 5–250–01877–7

© Издательство «Республика», 2004
© Л. А. Вознесенский, 2004

***Советскому народу –
величайшему
в истории человечества
герою и страстотерпицу –
земной поклон.***

ВОТ СМЫСЛ КНИГИ СЕЙ:

«Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок. Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога? Видит теперь все ясно текущее поколение, дивится заблуждениям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отовсюду устремлен пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение; но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми так-же потом посмеются потомки».

Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

*«Давно известно каждому школьнику – и даже каждой ученой женщине, если она к науке не глуха, –
Что на свете существуют два вида греха.
Первый вид именуется – г р е х с о в е р ш е н и я , и грех
этот важный и сложный,
И состоит он в совершении того, чего совершать не положено.
Второй вид греха – полная противоположность первому,
и зовется он г р е х у п у щ е н и я , и грех этот столь же
тяжкий, что передовыми мыслителями всех времен – от
Билли Санди до Будды – авторитетно доказано,
И он заключается в несовершении того, что вы сделать должны
и обязаны.*

*Второй вид греха – грех упущения – менее гласный,
Но зато он самый опасный».*

Огден Нэш. «Портрет художника в преждевременной старости»

СТЕРТЫЕ СТУПЕНИ

Каждое утро, как бы рано ни открыл я глаза, из соседней (!) комнаты раздается короткое вежливое предупреждение: «М-р-р», и бело-рыже-черный котенок одним прыжком оказывается у меня на груди. И если я не реагирую на его урчание и снова закрываю глаза в тщетной надежде поспать еще хотя бы десяток минут, он мягкой, с убранными когтями лапой прикасается к моему лицу, требуя внимания к себе... и к ждущей на столе рукописи книги, которую, мой уважаемый Читатель, ты взял в руки.

Первоначально ей была уготована судьба затворницы в семейном архиве – для чтения сыновьями и внуками, если для этого у них будут желание и время. Именно как внутрисемейный «отчет о проделанной работе» стал я писать ее еще в 1990 г. Вскоре, однако, события общественной, а в связи с этим и собственной жизни вынудили меня почти забыть о начатой рукописи и примириться с тем, что моим наследникам придется самим разбираться в трехстах с лишним толстых папках с накопившимися за долгую рабочую жизнь архивными материалами. Но тут о них прослышали сотрудники тогдашнего Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, теперешнего Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и, ознакомившись с пока бессистемным содержанием папок, настояли на передаче этому архиву всех материалов, поскольку в них просматриваются характерные черты сталинских, хрущевских, брежневских и последующих лет. Пришлось на своем восьмом, увы, десятке взяться и за этот гуж...

Конечно, каждый автор хочет написать книгу, безупречную во всех отношениях. Мне же, трезво оценивающему краткость своего оставшегося бытия, пришлось поставить перед собой более скромную задачу: добиться безупречности хотя бы в одном отношении – с точки зрения Истины, достоверности каждого или почти каждого факта, эпизода или утверждения. Убедиться в том, насколько это удалось, можно, ознакомившись с моим личным архивом, хранящимся теперь в РГАСПИ (фонд 558, опись 2). Если же какого-либо документа или литературного источника в моем распоряжении не было, это непременно оговаривается в тексте.

Среди причин того, что я на несколько лет прекратил работу над книгой, было и нежелание включать ее в бесконечный и не всегда прозрачный поток мемуарной литературы. Однако, проведя почти полтора года в читальном зале архива бывшего КГБ и, наверное, с полгода в Архиве Президента Российской Федерации, ранее – архиве Политбюро ЦК КПСС (приношу глубокую благодарность их руководителям и сотрудникам), я получил и там и там немало свидетельств по поводу обстоятельств, плохо известных в деталях читающей публике. Полагаю, мой долг – сделать их достоянием общественности. Кроме того, в различного рода ли-

тературе и в средствах массовой информации накопилось так много фактических неточностей по вопросам, затрагиваемым в этой книге, в том числе касающихся моих родственников, погибших по известному «ленинградскому делу», что и здесь я обязан внести документально обоснованную ясность.

В общем, постепенно у меня сложилось впечатление, что «за» явно перевешивают «против», и вот теперь мне остается лишь пригласить читателя окунуться в некоторые эпизоды нашего не очень давнего и просто недавнего прошлого, с тем чтобы лучше понять настоящее и точнее предвидеть будущее. А будущее это в огромной, если не в решающей мере зависит от того, насколько быстро и прочно хотя бы основная часть общества объединится вокруг подлинно *национальной идеи*, без осознания которой миллионами людей оно будет продолжать распадаться на отдельные, во многом враждебные группы и катастрофически деградировать во всех сферах жизни – экономической, политической, социальной, культурной, нравственной и прочих. Однако ни наука, ни политика, ни публицистика такой объединительной, действительно общенациональной идеи, способной сплотить народ и вывести страну из тотального и, похоже, самого глубокого в ее истории кризиса, не предлагают или в лучшем случае делают это столь робко, слабо аргументированно и организационно беспомощно, что такие попытки никакого массового отклика и широкой практической поддержки не получают.

В настоящей книге содержатся предложения по этой животрепещущей проблеме, реализация которых, на мой взгляд, способна вывести общественное сознание и политическую практику на принципиально иной уровень, позволяющий преодолеть сложившуюся тяжелейшую ситуацию. В попытке подметить и подчеркнуть переплетение, взаимообусловленность хотя бы некоторых прошлых, нынешних и предвидимых событий и процессов в жизни нашей страны вижу я возможную общественную значимость предлагаемой работы, выполненной по необходимости, Истины ради...

Познавать ее или расширять, уточнять свои представления о ней можно, конечно, разными путями. Помню, как еще в детстве, до войны, меня поразили ступени лестницы в одном из самых больших тогда магазинов Ленинграда – Пассаже, на Невском проспекте. Сколько же людей должно было пройти по ним, чтобы камень оказался под углом стесанным подошвами, наверное, на треть своей ширины! Но настоящее потрясение испытал я лет через десять, уже после войны, когда меня из камеры Лефортовской тюрьмы вели в следственный корпус: по таким же каменным ступеням можно было пройти, лишь осторожно ставя ноги около самых стен, потому что вся остальная поверхность лестницы была «съедена» – почти подчистую! – прошедшими по ней. Мне тут же вспомнились ленинградский Пассаж и бесконечная толпа, поднимающаяся и спускавшаяся по его ступеням... Окажись хотя бы одна такая деталь из

Лефортово в музее, она сказала бы людям об эпохе больше и выразительнее самого красноречивого экскурсовода.

Конечно, деталь эта поведала бы об эпохе далеко не во всей ее полноте и многообразии. Она не рассказала бы, например, о всемирно-исторической роли Великой Октябрьской социалистической революции, но напомнила бы о дальнейших судьбах ее творцов и активных участников. Она не рассказала бы о героическом, самоотверженном строительстве социалистического общества, но дала бы повод вспомнить о праведных и неправедных жертвах народа во имя достижения этой цели. Она не рассказала бы и о его беспримерном подвиге – Победе в Великой Отечественной войне, но заставила бы поразмыслить о том, что, как и почему происходило в стране после нее...

Надеюсь, что и мои зарисовки эпизодов из прошлого окажутся теми фрагментами целого (а на комплексные описание и анализ бывшего я совершенно не претендую), которые высветят его с неизвестной или в слишком общем виде известной стороны. Современные естественные, точные, как их еще называют, науки способны по микродозе вещества прийти к фундаментальным выводам. Хорошо бы и нам, обществоведам – историкам, экономистам, философам и т. д., лучше уметь через малое познавать большое и даже великое, чувствовать то чистое, то смрадное дыхание эпох, сопереживать поколениям людей, которые их творили и судьбами которых они, эпохи, распоряжались так щедро и так трагично, как это может быть, наверное, только в России.

Так что не столько о подвигах народных в создании нового общества и в защите его от всяческих посягательств, о величайших достижениях страны в советскую эпоху, сколько о вольном и невольном нагромождении завалов на этом пути, а уж тем более после того, как его сумели оборвать, о трагических по своим историческим последствиям заблуждениях, ошибках и даже преступлениях пойдет речь в предлагаемой книге. Но если у читателя хватит желания и терпения одолеть ее, он, смею полагать, приобретет или укрепит свою уверенность в том, что глубоко прогрессивная историческая миссия России в развитии и совершенствовании человечества далеко не исчерпана, что оно вновь и еще не раз принесет ей свою дань уважения и благодарности.

Что же касается включенных в книгу фрагментов из моей собственной жизни, то я привожу их прежде всего как частное подтверждение общих процессов, как личное свидетельство по поводу реальных фактов, в той или иной мере характерных для всего нашего общества в разные периоды его существования. Стремясь смягчить по возможности автобиографический привкус книги, я, в частности, позволил себе разместить ее главы не в хронологической последовательности, а, может быть, даже в некотором беспорядке. Так, как бывает с каждым, кто, живя настоящим, ищет во дни душевного смятения и тревог опору в прошлом опыте или в трезвой оценке своих перспектив – малой частицы перспектив всего общества. К тому же хотелось бы облегчить читателю его зна-

комство с книгой, перемежая более «основательные», в какой-то мере аналитические главы сравнительно «легковесными», по преимуществу описательными. Надеюсь, что это не помешает внимательному взгляду все же заметить лейтмотив, прошедший через всю мою жизнь: где и в каком бы качестве я ни оказался, главной целью для меня было и остается торжество *Социальной Справедливости* в нашей стране. Свою главную задачу в те годы я видел во все более полном теоретическом наполнении этого понятия, в определении оптимальных путей и всяческом – словом и, по возможности, делом – содействии ускорению движения общества к такому идеалу.

Контрреволюция 1991-го и последующих лет уничтожила надежды миллионов, в том числе и мои, на своем веку увидеть реальные сдвиги в этом отношении, но она не могла и не может истребить в сознании людей, пусть и затуманенном сейчас псевдодемократической демагогией, самую идею Социальной Справедливости как высшего принципа устройства общества, главной цели его развития. Рано или поздно она вновь станет определять мысли, чувства, поступки основной части населения страны. Поэтому смею полагать, что жизнь всех нас – поколений, посвятивших ее, в той или иной мере осознанно, достижению этой цели, прошла не напрасно. Исходя из непреложности в конечном счете законов развития общества, можно с уверенностью сказать, что «Россия вспрянет ото сна» и на ее знаменах напишут те священные слова, которые сделают осмысленными жизнь каждого гражданина и обеспечат нашему Отечеству ведущую духовную роль в дальнейшей истории человечества.

* * *

От всей души благодарю моих родных и близких, друзей и товарищей, неустанно помогавших рождению этой книги. Их вклад в ее появление для меня неоценим.

Глава 1

«И БРОСИЛ ТО СЛОВО НА ВЕТЕР...»

Что делать новому руководству страны? –

Ускорение без... ускорения. –

Из авангарда человечества в арьергард «мировой цивилизации». –

Статистика как служанка политики.

На листочке от старого календаря запись фломастером: «Что не надо. Что надо». Обнаружил я его, разбирая архив, в папке с надписью «Некоторые актуальные проблемы управления. 18.03.85». В тексте – четыре раздела с 83 тезисами, на полях отчеркнутые М. С. Горбачевым строки и абзацы, которые заинтересовали его в те дни, когда он только что стал Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Событие это произошло, как известно, на Пленуме ЦК 11 марта 1985 г., а через несколько дней мне на работу – тогда я был политическим обозревателем Центрального телевидения по вопросам внутренней жизни СССР – позвонил А. И. Лукьянов и сказал:

– Мы сейчас разрабатываем программу наших действий. Ты можешь написать, что нам *не* надо делать и что делать *надо*? Но это очень срочно.

– Могу. А когда все же?..

– Вчера, как говорится, нужно было. Ну, дня два тебе хватит?

Первую ненадолго рассказ ради важной для меня оговорки: на страницах этой книги значительно чаще, чем хотелось бы, будет мелькать слово «я». Но как избежать его? Ведь эти заметки основываются на событиях моей собственной жизни, хотя и полагаю, что по своему значению они выходят чаще всего за ее относительно узкие рамки, и именно поэтому их описание и предлагается вниманию читающей публики. Тем не менее прошу принять извинения за пусть и неизбежное, но все равно малоприятное словоупотребление...

Упустить возможность вновь попытаться привлечь внимание руководства страны, тем более нового и сравнительно молодого, откровенно нуждавшегося в свежих и, как я надеялся, кардинальных идеях, было просто невозможно. Наскоро «сверив часы», то есть переговорив по телефону с одним из друзей – Ф. М. Волковым, проректором Московского университета, и получив две странички с соображениями другого – К. М. Подлазова, редактора-консультанта Главной редакции пропаганды Центрального телевидения, я просидел беспрерывно 36 часов за письменным столом, потом за машинкой и отвез, можно сказать еще горячий, недостаточно отредактированный, с пометками текст Анатолию Ивановичу. А для подкрепления своих соображений и их обоснования

присовокупил к этому документу полтора десятка разработанных ранее, с анализом разных аспектов нашей действительности и предложениями о путях и методах ее совершенствования, изменения или, как неоднократно говорилось в переданных материалах, «существенной», «коренной» и просто *перестройки*.

Конечно, это было самое начало прекрасного времени – времени Великого Романтизма, когда казалось, что вот-вот, наконец, в стране восторжествуют Разум, Свобода и Порядок, начнется долгожданная новая, светлая жизнь. Такова была широко распространенная надежда, которая, увы, слишком быстро стала превращаться в мираж. Но в тот день, когда я привез свои документы, Анатолий Иванович искренне воскликнул:

– Как жаль, что мы пришли к власти только сейчас, когда нам уже за пятьдесят! Произойди это лет на десять раньше – сколько полезного можно было бы успеть сделать для страны!

Я ответил:

– Если вы сумеете и успеете сделать хотя бы одно, но главное: создать такую систему демократических институтов, при которой возврат к любому беззаконию в стране окажется абсолютно невозможным, вам поставят памятники при жизни.

Не сумели, не успели, не поставили...

А тогда в нашем разговоре я предложил, в частности, сделать первый шаг в этом направлении: установить как *обязательную* норму на выборах прохождение каждого избирателя через кабину для голосования, поскольку при во многом формальном волеизъявлении, существовавшем в то время, когда в бюллетене значился *один* кандидат, большинство пришедших на участки демонстративно опускали бюллетени в урну, порой даже не читая их, и в этой обстановке тот, кто все же заходил за занавески, давал повод сомневаться в его лояльности к власти. В таких условиях и нужно было организовать, хотя бы на первое время, одинаковый для всех порядок голосования. Это предложение было принято и реализовано на ближайших же выборах.

Так вот, о документе. Мне очень хотелось ввести его, как и некоторые другие материалы, прямо в текст, чтобы таким образом передать атмосферу тех дней, тревоги общества и его надежды. Включенный в основное содержание книги целиком, без всяких изъятий и улучшений, которые просятся сейчас, после всего пережитого страной за последние без малого полтора десятка лет, документ показал бы и действительный «потолок», выше которого автор не сумел или не считал возможным подняться, чтобы чрезмерно радикальной формой подачи тех или иных идей не оттолкнуть от их существа высокопоставленных критиков, которым он был адресован. В еще большей мере эти замечания относятся к запискам, подготовленным *десять* лет назад.

В общем, я попытался ввести два своих «опуса» прямо в текст, но убедился, что сухие, «казенные» вкрапления в него могут быть интересны далеко не всем. Однако есть ведь и читатели, для которых факт во

всей его первозданности важнее почти неизбежно блеклого или, еще хуже, приукрашенного рассказа о нем, и мне пришлось все же сохранить ряд материалов в первоначальном виде, но отнести их в Приложения к основному тексту. Правда, при таком подходе неизбежны какие-то повторения между соответствующими главами и документами, но постараюсь свести их к разумному минимуму.

Конечно, публикуя документы без каких-либо изменений и сокращений, я вызываю огонь критики на себя по тем пунктам, которые с высоты сегодняшнего дня выглядят недостаточно значимыми, ошибочными и т. д. Надеюсь лишь на то, что наиболее вдумчивые читатели, если они доберутся до Приложений, просматривая их, будут учитывать *время*, существовавшее в обществе *условия*, при которых они создавались, и, конечно, то *новое*, что эти документы содержали по сравнению с тогдашними официальными или общепринятыми представлениями.

Итак, переданный А. И. Лукьянову материал именовался «Некоторые актуальные проблемы управления» и начинался с вопросов сравнительно «легких», относительно быстро решаемых, непосредственно связанных с наукой, образованием, идеологией в широком смысле слова. Сделано это было потому, что общество жаждало почувствовать немедленно, сейчас: наконец-то к власти пришли люди, способные разрушить давно устаревшие догмы, отбросить опостылевшие шаблоны во взаимоотношениях верхов и низов, создать новый политический и психологический климат в стране.

На каких же проблемах *управления* следовало прежде всего сосредоточить внимание науки, пропаганды, партийных, государственных и общественных организаций? Исходя из сложившейся к этому времени в стране обстановки, мне представлялось, что ими являлись три взаимосвязанные основные проблемы, которые необходимо было энергично разрабатывать теоретически и не менее настойчиво вытекающие из этого выводы осуществлять на практике: ориентировать все звенья экономики на наивысший *конечный* народно-хозяйственный результат; обеспечить хозяйственную *самостоятельность и ответственность* предприятий и объединений; дать простор социально-политическим факторам экономического роста, начиная с подлинной *гласности, реального* участия масс в *управлении*, его действительной *подотчетности* народу.

Чтобы развязать инициативу масс, активизировать их в политическом отношении, было выдвинуто предложение ликвидировать «неприкосаемость» для критики Москвы и некоторых других городов и районов страны, создать положение, при котором критике мог подлежать любой гражданин, независимо от его роли в обществе. И вот буквально на следующий день опять раздался звонок «заказчика».

— Ну, ты уже получил указание о том, что с Москвы снят запрет на критику? — смеясь, спросил он. — Спасибо за материал, его прочитал Михаил Сергеевич, и, как видишь, есть первая практическая реакция на твои идеи.

Год спустя Анатолий Иванович вернул мне этот документ с почему-то легкими, как будто ватной рукой сделанными, карандашными пометками Горбачева. Что привлекло его внимание в нем кроме двух исходных пунктов? Отмечу лишь несколько важных моментов, начиная с развития гласности как *решающего* средства борьбы с недостатками, пороками и их носителями, как способа, пути активизации масс и вовлечения их в процесс совершенствования общества. Порадовало и то, что в экономическом разделе, где говорилось, в частности, о границах и формах централизованного управления и самостоятельности всех звеньев народного хозяйства, Горбачев особенно, подчеркнув дважды, отметил мысли о необходимости *революционного переворота в отношениях между производителем и потребителем*, поскольку первый у нас экономически господствует над вторым. Я полагал, что решение этого вопроса — ключ к ряду острейших проблем развития народного хозяйства, в том числе таких коренных, как научно-технический прогресс, качество продукции, ценообразование, эффективность нашей экономики в целом. Не буду перечислять остального, положительно оцененного Горбачевым: любопытствующий читатель, тем более еще не забывший о злободневных проблемах жизни страны полтора — два десятка лет назад, найдет все это в Приложениях.

Огорчен же я был тем, что другие, не менее существенные позиции оказались без «знаков внимания». Так, не были замечены или, по крайней мере, отмечены предложения о переходе от экономики «затратной» к «результативной», о создании *экономического* (то есть стоимостного, а значит, в конечном счете основанного на рыночных связях и отношениях) механизма планового управления, поощрения не научно-технического прогресса как такового, а конечного народно-хозяйственного результата, достигнутого благодаря ему. Видимо, не затронули еще в то время сознания моего читателя и мысли о передаче хозяйственно-управленческих функций от партийных органов государственным, о необходимости внимательного и непредвзятого изучения процессов, происходящих, как тогда говорили, в братских странах социализма, включая опыт перестройки внутрипартийной и всей общественной жизни в Китайской Народной Республике, об анализе социальной природы и эффективности семейных ферм в сельском хозяйстве и подобных форм в сфере обслуживания населения.

А вот то, что в третьем разделе — «Улучшение экономического и правового положения масс, укрепление социальной справедливости» — не оказалось никаких пометок вообще, меня просто опечалило. Ведь там (и частично в других разделах) говорилось, в частности, о строжайшем соблюдении *равенства всех перед законом* и равенства закона для всех, о возможности *реализации права на судебную защиту от произвола* администрации, представителей власти, о беспощадной *борьбе с коррупцией, со взяточничеством*, о *гласности доходов*, особенно некоторых категорий руководителей, о *ликвидации формализма на выборах* и обеспечении жест-

кого контроля за процедурой подведения их итогов и т. д. и т. п. И ведь очень скоро многое из сказанного в этом материале начало постоянно и, естественно, в критическом по отношению к руководству партии и страны ключе муссироваться на съездах, митингах, на страницах печати, в теле- и радиопередачах, но и тогда, и ныне, в новых условиях, осталось, увы, не только нерешенным, но и нерешаемым.

Ну а в то время новому Генсеку, вероятно, было не до того, чтобы вникать в каждую из проблем, и подобные бумаги читались им, скорее всего, второпях: в первые месяцы он, по словам А. И. Лукьянова, спал чуть ли не по два-три часа в сутки. Материалов же подобных на столе Генерального секретаря, только пришедшего на высший пост в стране, было, конечно, немало, и он использовал их наряду с прочими источниками информации, вырабатывая и уточняя *свое* отношение к гигантскому кругу проблем, свалившихся на его плечи. Однако поначалу груз прежних представлений и навыков был еще слишком велик, сила инерции мысли и традиционных методов управления оставалась пока решающей, ведущей. Может быть, это было даже естественно: не боги, как известно, горшки обжигают, и концепция всеохватывающей *перестройки* (сам этот термин использовался в документе едва ли не с десятков раз), Перестройки с большой буквы еще не родилась в «руководящем» сознании. К апрельскому (1985 г.) Пленуму ЦК оно созрело лишь до идеи, позднее названной развернутой концепцией и даже стратегией «ускорения социально-экономического развития страны», которая – идея, концепция, стратегия – и стала официальной установкой партии на ближайшую и относительно отдаленную, на 15 лет, перспективу.

Исторически и политически эта установка была вполне правильной, но, к сожалению, и ей была присуща самая скверная из всех скверных черт сложившейся системы управления – оторванность от реальностей жизни, отсутствие трезвого предварительного экономического обоснования. Мне довелось убедиться в этом, как только в конце 1985-го или в самом начале 1986 г. в связи с подготовкой статьи для одного из журналов, заказанной именно на эту тему, я проделал элементарные расчеты на базе опубликованных и первоначально немногих общих намёток из «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». Так вот, сопоставив приведенные данные с соответствующими характеристиками предыдущего этапа, я в полном недоумении потянулся к телефону, чтобы переговорить с А. И. Лукьяновым:

– При подготовке статьи об ускорении я не нашел... ускорения! По тем данным, которые сейчас опубликованы, мы в лучшем случае выйдем на такие же, что и в прошлый период, темпы. Как быть?

– На то ты и ученый, и пропагандист, – не очень радостно на этот раз, как мне показалось, рассмеялся Анатолий Иванович. – Подумай, напиши, может быть и нам что-то разъяснишь...

Отступать? – некуда и некогда: слово было брошено, да и в самом стремлении ускорить социально-экономическое развитие страны, повторм, криминала, конечно, не было, и я написал несколько статей (основную из них еще в машинописном варианте отправил своему собеседнику) о том, что, на мой взгляд, нужно и можно было делать для превращения ускорения из лозунга в реальность.

Говоря здесь кратко и без «расшифровки», речь шла о решении поставленных количественных задач, ведь ускорить – значит добиться тех же или даже больших результатов в меньшие сроки – через перенесение центра тяжести на проблему *качества* «в самом широком смысле слова, от качества труда и продукции до качества экономического роста и нового качественного состояния общества»; о том, что это «*есть центральный, главный пункт концепции ускорения*»; что перевод всей экономики на интенсивные факторы роста, ее *перестройка* в этом направлении «объективно неизбежна и исторически необходима как по причинам внутреннего, так и по причинам внешнеполитического характера, ей нет альтернативы»; что требуется «кардинальная перестройка» хозяйственного механизма, действительная перестройка самого мышления; что эффективность всей работы, «нацеленной на ускорение социально-экономического развития страны, прямо и неразрывно связана со всемерным развитием *гласности* в обсуждении проблем, выработке решений и контроле за их выполнением, с усилением роли общественного мнения не только в оценке тех или иных сторон политики, но и в ее формировании» и т. д. Позднее подобные идеи стали достаточно тривиальными, а тогда я был в какой-то мере удовлетворен хотя бы тем, что созвучные им мысли через некоторое время появились и в материалах XXVII съезда КПСС.

Кстати, хотел бы пригласить читателей, во избежание недоразумений, при ознакомлении с этой книгой исходить, как и ее автор, из принципа «после этого не значит вследствие этого». Для меня намного важнее не то, кто первым сказал «А», а то, насколько точно удавалось моим товарищам и мне улавливать тенденции развития общества и те сложные последствия, которыми они сопровождались, задуматься еще и еще раз над тем, почему же эти сигналы опасности так упорно, на протяжении десятков (!) лет, не хотело слышать руководство страны. Может быть, такой анализ пригодится хотя бы будущим поколениям и предостережет их от повторения ошибок прошлого?

Так или иначе, но, как уже сказано, слово было брошено. Очень быстро выяснилось, что, к несчастью для страны и народа, оно оказалось слишком легковесным, а ветер эпохи слишком тугим, и слово это, «ускорение», начало таять прямо на глазах и вскоре вообще стало совсем неразличимым – сначала слитым с «перестройкой», а потом полностью вытесненным ею. Это и понятно: ведь только коренная и энергичная перестройка всей общественной системы – от экономического механизма до идеологической работы – могла действительно стать базой ус-

корения развития страны. Замена же одних терминов другими, да еще в ситуации жесточайшего исторического цейтнота, наше общество не спасла, поскольку понимания объективных закономерностей и путей создания условий для их реализации вершителям его судеб не прибавила. А через несколько лет ветру истории вообще было придано прямо противоположное направление: перестройка должна была принести с собой социальный прогресс, но из-за беспомощности и прямого предательства со стороны провозгласивших и возглавивших ее Горбачева, Яковлева и им подобных превратилась в плацдарм для социального регресса, капиталистической реставрации, контрреволюции. Впрочем, попытаюсь изложить свою точку зрения по этой проблеме поближе к концу книги, а пока продолжу рассказ об «ускорении».

Судя по словам Генсека на октябрьском (1985 г.) Пленуме ЦК, в ходе работы над «Основными направлениями...» многое в них «удалось поправить», чтобы они «в основном» отвечали «программным требованиям партии об ускорении экономического роста», и в опубликованном перед XXVII съездом КПСС проекте этого документа уже содержались достаточно впечатляющие цифры и задачи на начавшуюся двенадцатую пятилетку и до 2000 г. Однако ход жизни внес и в эти «научно обоснованные» позиции, можно сказать, трагические поправки. Как известно, из оставшихся до конца века 15 лет, т. е. трех пятилеток, в течение которых предполагалось примерно удвоить экономический потенциал страны, удалось пройти только треть этого пути – с 1985 по 1990 г. В этой последней в истории СССР пятилетке намечалось вывести экономику «на более высокую траекторию развития – траекторию ускорения», без чего, естественно, нельзя было рассчитывать и на достижение желаемых и обещанных народу результатов к концу века.

Что же получилось на практике? Сопоставим хотя бы динамику некоторых среднегодовых социально-экономических показателей за три наших «заключительных» пятилетки – десятую (1976–1980 гг.), одиннадцатую (1981–1985 гг.) и двенадцатую (1986–1990 гг.). Прирост по этим показателям соответственно выглядел следующим образом:

- валового общественного продукта: 4,8 – 3,7 – 2,4;
- произведенного национального дохода: 4,3 – 3,2 – 1,3;
- продукции промышленности: 4,4 – 3,6 – 2,5;
- производительности общественного труда: 3,3 – 2,7 – 1,5.

И вот при столь значительном *снижении* темпов по этим базовым для экономики позициям *выросли* темпы роста практически по всем показателям, имеющим прямое отношение к благосостоянию населения, особенно – более чем вдвое! – среднегодовые (в двенадцатой пятилетке по сравнению с одиннадцатой) темпы роста его *денежных* доходов. Какая же экономика выдержит такой разрыв?! Поэтому повышение уровня жизни и было главным образом «бумажным», можно сказать, в двух смыслах: оно оставалось в основном на бумаге, поскольку возник и постоян-

но возрастал дефицит различного рода продукции, к тому же в ряде случаев явно искусственно обостряемый заинтересованными в этом силами, и, следовательно, «бумажки», то бишь деньги, хотя их и стало больше у населения, просто оседали в сберкассах или в домашних «чулках».

Не вдаюсь в более глубокие рассуждения по этому поводу, не рассматриваю в динамике соотношение денежных доходов и розничных цен, не пишу о политических колодцах, в которых была заката экономика страны, а отмечу только одно: лозунг «ускорения» не был и не мог быть реализован без глубокой, можно даже сказать глубочайшей, перестройки всей системы экономических и организационно-управленческих отношений в стране. Понимание же масштабов, глубины и срочности таких фундаментальных перемен, тем более реальных и оптимальных путей их осуществления, пришло и не сразу, и не в необходимой мере. Все, что говорилось в то время вокруг проблемы ускорения, в принципе было правильным, но, как показал дальнейший ход событий, совершенно недостаточным, поскольку оставалось все же в слишком узких рамках традиционных представлений о системе общественного устройства и методах его функционирования. Правда, в материалах XXVII съезда КПСС (февраль – март 1986 г.) проблема ускорения была уже увязана с *перестройкой*, но только хозяйственного механизма, с необходимостью коренных преобразований и кардинальных решений в этой области. И опять: слова более или менее верные, но между ними и практическими делами – пропасть, перешагнуть, перепрыгнуть через которую ни ума, ни решимости, ни времени не хватило.

Напомнил же я об эпопее «ускорения» потому, что вижу в ней частное свидетельство так и не изжитого на протяжении многих десятилетий XX в. коренного порока системы управления в нашем Отечестве: выдачи желаемого за реальное или осуществимое; торопливое, ради политической конъюнктуры выдвижение идей, прежде всего социально-экономического характера, не подкрепленных *предварительным* комплексным, научным прогнозом и деловым расчетом.

Сколько раз, например, за последние годы¹ постоянно звучали с российских «верхов» заклинания о якобы начавшейся экономической стабилизации; о признаках подъема народного хозяйства в условиях, когда уровень производства продолжал снижаться (!), пусть и с меньшей скоростью; о ближайших месяцах, когда будет выплачена, наконец, постыдная для любого государства, кроме нашего, его чудовищная задолженность населению по заработной плате, пенсиям и пособиям; о «поворотке к социальной ориентации экономической реформы», что, судя по бесчисленным словам, должно было произойти давным-давно, но, судя по делам, не произойдет никогда, если в стране по-прежнему будут господствовать исторический кретинизм, социальный эгоизм и информационный цинизм? И утверждения, что в «новой» России изжиты, отброшены

¹ Глава написана в основном в 1997 г.

всяческие «измы», столь же далеки от истины, как и все прочие заверения о ее движении по пути «мировой цивилизации».

Кстати, не поискать ли нам себя, то есть Россию, на этом пути? Раньше было просто: ткнул пальцем в первые два места по большинству основных показателей – и непременно увидишь: СССР. А как обстоят дела теперь, после того как в одну беловежскую ночь мы потеряли треть территории и половину населения своей тысячелетней страны, а затем вот уже который год идем, да нет – ползем в грязи и крови, «подбадриваемые» пинками, елейными похвалами и обещаниями Запада протянуть руку помощи прежде, чем наш народ окончательно протянет ноги? Конечно, придется надеть очки, а то места своего нового в иерархии государств мира можно и не обнаружить.

Здесь, однако, нужно дать небольшое, но весьма важное для автора пояснение. Работа над книгой началась не позднее середины 90-х гг., и те ее страницы, которые относятся к событиям 1991 – 1999 гг., отражают мое крайне негативное отношение к позорнейшим деяниям и итогам ельцинского правления. Конечно, название это весьма условно, так как «всенародно избранный» все эти годы в значительной мере был игрушкой в руках своего окружения, подонков, умело использовавших себе на потребу, стране и людям в невиданные ущербы и унижение поразительную для государственного деятеля ограниченность, усугубленную болезнями, его анекдотическое самолюбование и безудержное властолюбие. С появлением в 2000 г. нового главы государства население связывает надежды не только на возрождение производства и улучшение своего материального положения, но и на наведение элементарного порядка в обществе и системе управления им, и конечно же на обретение новых или, если хотите, обновленных *духовных* ценностей, без которых Россия окончательно перестанет быть сама собой. Эти надежды и первые практические шаги в некоторых направлениях заставляют меня не выходить в критическом рассмотрении последнего этапа отечественной истории за рубеж 1999 г. Но все, что сказано в книге об этом времени, я в ней оставляю и не меняю оценок, порожденных самим смыслом и ходом так называемых реформ, в результате которых остаток от бывшего великого государства оказался не столько в русле «мировой цивилизации», сколько в ее хвосте.

Судите сами. В 1997 г. по ожидаемой средней продолжительности жизни всего населения (66,6 года) из 150 стран, упомянутых в издании ООН «Доклад о развитии человека за 1999 год», Россия находилась на 100-м месте, а по такой же графе для мужчин (60,6 года) – далеко за пределами этой сотни и на 2 года меньше среднего показателя для развивающихся стран. В 1998 г. по сравнению с 90-м естественный прирост населения с 2,2 на 1000 человек упал до *минус* 4,8. Население страны с 1992 г. к началу 2000-го уменьшилось более чем на 3 миллиона, а если учесть, что ускоренное вымирание населения в значительной мере перекрывалось усиленной миграцией из других бывших республик СССР,

то эта цифра составит 5,3 миллиона человек. Чтобы ощутимо представить себе масштабы происходящего, скажу: это все равно, как если бы ни за что ни про что (точнее, из-за бездарно проводимых «реформ») было умерщвлено российских граждан больше, чем население такого обширного региона, как Краснодарский край, и намного больше, чем население Ленинграда. Так не достаточно ли одного этого факта, чтобы раз и навсегда понять всем и каждому: ельцинские так называемые реформы в экономике и социальных отношениях глубоко антинародны, а значит, и преступны?

Вот еще несколько фактов – специально для продолжающих закрывать глаза, затыкать уши и отключать разум. В 1991 г. безработицы как социально и статистически значимого явления не было, а в начале 98-го она составила уже 13,3 процента общей численности экономически активного населения. Но пока еще есть страны, где она выше. Не будем, однако, отчаиваться: при продолжении нынешней «стратегии реформ» мы имеем полную возможность по этому показателю занять свое законное место в первых рядах мировой «табели о рангах». Ну а о чудовищном, беспрецедентном для мирного времени падении объема промышленного и сельскохозяйственного производства, производства внутреннего валового продукта, национального дохода на душу населения, его уровня жизни, росте социальной незащищенности людей по всем направлениям и параметрам говорить уже не приходится: практически каждая семья вот уже больше десяти лет подряд выбивается из сил под невыносимым гнетом «благоденствий» современных «реформаторов». Отмечу лишь, что с 13-го места в мире, которое СССР занимал по производству годового дохода на душу населения в 1985 г., Россия в 95-м скатилась, точнее сказать докатилась, свалилась, рухнула аж на 97-е!

И после этого еще находятся люди, возглаголющие осанну новым «выдающимся экономистам и государственным деятелям», добившимся того, чего Гитлер со всей мощью его военной машины уничтожения достичь так и не сумел за четыре года самой страшной в истории человечества войны! Его блицкриг провалился. Блицкриг отечественных марионеток, водимых западными кукловодами, состоялся, цели Гитлера достигнуты: страна развалена, строй уничтожен, народы разъединились, а то и передрались друг с другом, сырьевые и прочие ресурсы перетекают за рубеж, экономика, армия, культура деградировали, «лишнее население» вымирает... Алоиз (Адольф) Шикльгруббер руками «первого Президента России» и прочей современной ее «элиты» все же отомстил Иосифу Джугашвили и заодно всем нам через полвека после Великой Отечественной войны за свое поражение в ней. Жаль только, что, проходя по Европе, мы топтали солдатскими сапогами горы брошенных «Железных крестов»: часть из них пригодилась бы для вполне заслуженного награждения тех, кто осуществил планы и мечты фюрера. Как известно, с ним-то и с его бандой наш народ сумел разобраться. Правда, тогда это был *советский* народ, был *народ*, а не просто население...

Впрочем, читатель может упрекнуть меня в слишком большом отклонении от темы, и мне придется вернуться здесь к размышлениям о статистике. Объективности ради скажу, что в последние годы она стала разнообразнее и, на мой взгляд, в научном и практическом отношении интереснее. И все же она сохранила при этом старые и приобрела новые пороки, одним из которых является разрыв многих принципиально важных для оценки действительного положения вещей так называемых «динамических рядов». Это и понятно – ведь истина познается в сравнении, а любое из них сейчас слишком невыгодно для тех, кто привел страну к катастрофе. Вот лишь один пример, начало которому, правда, было положено еще до государственного переворота 1991 г.

Думаю, не случайно из официальных публикаций, с 1989 г. и по сей день тем более, исчезло весьма важное понятие – *реальные* доходы населения. Вокруг него, как и ряда других, была тогда, насколько мне известно, некая дискуссия в статистических кругах, где говорилось о слишком приблизительном характере этого показателя, о возможности манипулирования его содержанием и т. д. Но ведь и многие иные показатели представляют собой, как говорят в полушутку сами статистики, «очень точный свод не очень точных данных». Вместе с тем, если соблюдать одну и ту же методологию счета, даже недостаточно достоверный по своему наполнению показатель, взятый в динамике (скажем, из года в год), даст вполне отчетливое представление о *тенденции* развития – идет оно по восходящей или нисходящей и каким именно темпом это происходит.

Так что, как ни крути, и введение в отечественную статистическую практику в 1967 г. показателя «реальные доходы населения», и его исчезновение произошли, на мой взгляд, по чисто политическим мотивам, лишь прикрытым научными и околонаучными рассуждениями. Правда, вместо него появилась взятая из мировой статистики графа «Потребление населением материальных благ и услуг». Возможно даже, что она точнее отражает ту или иную сторону действительности (хотя бы потому, что исключает так называемый отложенный спрос) и имеет право на существование. Однако отказ от прежнего показателя не позволяет сохранить преемственность в анализе уровня жизни, ради чего, очевидно, все эти манипуляции и понадобились. К тому же теперь отечественная статистика «обогатилась» и другими заимствованными на Западе разделами, например «Занятость и безработица», и «утеряла» за полной ненужностью такой, как «Выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления». Нет, что ни говори, а в какой-то мере наша современная статистика жизнь все-таки отражает!

Затронув проблемы статистики, я не стремлюсь завлечь читателя в ее прошлые и нынешние дебри, но кое-что еще о ней сказать все же должен. Статистику нельзя не уважать и не ценить, при любых ее недостатках, за те знания, которые она предлагает человеку об окружающем мире и о нем самом, а уж экономисту невозможно не любить ее и не

владеть ею. Без статистики в хозяйственном и государственном управлении не обойдешься, а в научной работе путем различных сопоставлений и расчетов не так уж трудно, чаще всего, даже из казенно-оптимистических цифр получить более близкие к действительности и, как правило, отрезвляющие данные. Так что задача состоит лишь в том, чтобы относиться к публикуемым сведениям с дозой здоровой критичности. Приведу два-три маленьких эпизода из моего знакомства с этой наукой и практикой.

Началось все на студенческой скамье, когда на экзамене по этому предмету на втором курсе я чуть было не получил «двойку» из-за того, что преподаватель на обложке моей тетради, которую он захотел просмотреть, обнаружил знаменитое высказывание Б. Дизраэли: «Есть ложь, подлая ложь и статистика» (в некоторых современных переводах – «ужасная» или даже «гнусная ложь»). Спас я свою, теперь уж не помню, «четверку» или «пятерку» ссылкой на то, что его автор – премьер-министр Великобритании во второй половине XIX в. – говорил и мог говорить так только о буржуазной статистике, поскольку никакой иной в мире тогда и не существовало.

Прошло несколько лет, я вернулся в университет, чтобы завершить образование после тюрьмы и лагеря, набравшись там, среди прочего, кое-какого «производственного опыта», и однажды у меня состоялся разговор с В. Н. Старовским, тогдашним начальником Центрального статистического управления СССР, преподававшим на экономическом факультете МГУ.

– Владимир Никонович, знаете ли Вы, что все наше строительство держится, как говорят сами его работники, на трех китах – на блате, мате и на «туфте» (так на жаргоне назывались приписки)? Первые две позиции в комментариях не нуждаются, а вот в масштабах третьей я убедился на практике. Существующие нормы и расценки таковы, что удержать рабочего на стройке мало-мальски приемлемым заработком можно лишь, вписывая в наряды фактически не выполнявшуюся и трудно контролируруемую в этом отношении работу: «подноска пиломатериала на 100 метров с подъемом на 5 метров вручную», «копка траншеи такой-то ширины и глубины в грунте такой-то (желательно – самой тяжелой) категории с последующей закопкой» и т. д. Мало того, этот уже фальсифицированный документ, поднимаясь по ступеням административно-хозяйственной иерархии, обрастает новыми дополнениями подобного рода, ибо на каждой из них люди тоже рассчитывают хоть как-нибудь увеличить свой заработок.

В конце концов эти дутые сведения поступают в ЦСУ. Там их сводят воедино, не зная, сколько же реальных материальных ценностей стоит за такими обобщенными стоимостными данными и сколько в них «воздуха», приписок. Но самое скверное здесь то, что такие сводные данные, поступая в Госплан и Правительство, служат исходной базой для планирования будущего периода и уже в силу одного этого обрекают

намеченное на провал. Причем в следующем плановом периоде размах этого маховика и скорость его вращения только увеличиваются, и я с ужасом думаю о времени, когда он сорвется с оси, круша все вокруг. Так делаете ли Вы что-либо для того, чтобы как-то элиминировать, исключить, влияние этого фактора – «туфты» – и сделать статистику более достоверной, а значит, и основанное на ней планирование более реальным?

Подумал-подумал Владимир Никонович и сказал в ответ на мою тираду:

– Сейчас готовится постановление Правительства, ЦК и профсоюзов «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим». Это должно смягчить ситуацию, о которой Вы рассказываете.

Я с большим уважением относился и отношусь к нему, давно ушедшему из жизни, поскольку знал его как выдающегося профессионала своего дела, но этот ответ меня глубоко разочаровал: стало понятно, что и здесь наука не имеет своего голоса, полностью и беспредельно остается в роли безропотной служанки политики со всеми ее вилияниями и провалами. А это было, есть и будет губительным и для той, и в конечном счете для другой.

Примеров сокрытия реального положения дел и даже прямых фальсификаций как в собственно статистике, так и в социологических исследованиях тьма-тьмушая. Многие знают, скажем, что при Сталине итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. были просто «отменены», поскольку они его не устраивали, а большинство руководивших ею людей – расстреляны. А какие «блистательные» перспективы перед руководителями страны для их самообмана и обмана отечественной и зарубежной общественности (и дополнительного изъятия зерна у производителей) открыло подписанное им и А. Андреевым – под благовидными предлогами, разумеется, – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1942 г., где, в частности, сказано: «Воспретить ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР собирать данные о фактическом намолае урожая в колхозах как искажающие действительное положение дел с урожайностью и впредь пользоваться в оценке урожая только данными видовой оценки, производимой органами ЦСУ до начала уборки»! Кстати, отсюда и возникли в докладе Маленкова на XIX съезде партии победоносные 8 миллиардов пудов зерна, что якобы позволило решить зерновую проблему «окончательно и бесповоротно». В действительности тогда собрали не более 5 миллиардов, а до реальных 8 миллиардов (амбарный урожай) страна добралась – по статистике же – только через шесть лет, в 1958 г. Ну а о том, что вскоре после этого мы десятки лет закупали зерно за рубежом, еще никто не забыл.

При ставшем Председателем Совета Министров Маленкове статистика поведала о бурном росте фондов потребления – в немалой степени просто потому, что в них были «переведены» из других разделов данные по городскому транспорту и некоторым иным позициям, ранее в эти

фонды не включавшимся. К тому же тогда были использованы накопленные до того продовольственные и прямо или опосредованно пригодные для бытового потребления вещевые стратегические запасы страны, что тоже увеличило показатели народного благосостояния.

Что же касается недавнего, «ельцинского» времени, приведу лишь одно высказывание солидной английской газеты «Файнэншл таймс»: «Госкомстат России манипулирует цифрами, чтобы создать впечатление начала экономического роста в стране. Госкомстат, показав рост российской экономики в январе – феврале 1997 года, попросту увеличил для этого оценочные показатели объема теневой экономики в России, оставив без изменения данные прошлого года, которые использовались для сравнения. Без такой манипуляции расчеты показывают падение объемов ВВП (валового внутреннего продукта. – Л. В.) в России в январе – феврале нынешнего года на 6 %».

Пожалуй, хватит и этих фактов, чтобы иметь право сказать: а Дизраэли-то, сам того не подозревая, своим афоризмом вышел далеко за рамки XIX в. Уж слишком сильным орудием или оружием, если угодно, в политической борьбе является статистика, чтобы любая власть в любой стране и в любую эпоху пренебрегла ею. И не только сильным, но и удобным в пользовании: ответ в статистике часто может быть запрограммирован умелой постановкой вопроса. В результате формально все будет правильно, а по существу окажется издевательством над наукой, над истиной.

Между прочим, не всегда осознается, что это оружие – статистическое мифотворчество – обладает весьма опасным свойством и для тех, кто его применяет: через некоторое время оно обращается против них самих. Ведь раздутая сегодня цифра завтра или послезавтра, точнее, уже в следующем месяце, квартале, году и т. д. станет точкой отсчета при подведении итогов за очередной период, и чем выше она была, тем менее выразительным окажется новый результат, даже если успех имел место в действительности. Поэтому при смене руководства в стране органам статистики нередко приходилось пересматривать прежние данные, чтобы очистить их от приписок в прошлом и тем самым... освободить место для приписок в настоящем. Увы, психология временщиков (после нас – хоть потоп!) пустила слишком глубокие корни в аппарате государственного управления.

То, что в нашей стране не только статистика (как, впрочем, и вся экономика, теоретическая и практическая) – заложница и заложница политики, относится и к нашему советскому прошлому, и уж тем более – к современности. Боюсь, что сиюминутный политический интерес, сдобренный к тому же и своекорыстными вожделениями правящих кругов России, еще долго будет довлеть над объективным, элементарно грамотным и своевременным экономическим анализом, не только порождая иллюзии и у самих «верхов», и у «низов», то бишь у населения, но и создавая почву для тотальной лжи в качестве одного из основополагаю-

щих «принципов» управления. К сожалению, у «государственной» лжи ноги, вопреки поговорке, оказываются не такими короткими, как у бытовухи, но чем дольше она тянется, тем более мощной разрушительной силой становится. Годы ельцинского развала, прозябания и гниения страны служат тому неопровержимым доказательством.

Впрочем, чтобы не слишком сильно огорчать подобными мыслями разрушителей всего и вся, дам им возможность в случае чего сказать с легким вздохом: «Всегда так было...» – и прикрыться при этом авторитетом известного управленца и к тому же «корифея всех наук». Приведу с этой целью, со слов профессора Ш. Я. Турецкого, работавшего некогда в союзном Госплане, один эпизод полувековой давности.

Дело происходило вскоре после Отечественной войны. Однажды председатель Госплана, вызвав к себе начальника Сводного отдела С–го, показал тому жесткую резолюцию Сталина на документе, который незадолго перед тем был ему направлен. Он представлял собой аргументированные, подкрепленные расчетами соображения Госплана о невозможности и нецелесообразности дополнительного и весьма значительного налогообложения крестьян, идею которого выдвинул Сталин. Позиция Госплана и его председателя вызвала явное раздражение у «корифея», и он своей резолюцией потребовал немедленно исполнить его первоначальное указание.

– Что будем делать, товарищ С – й? – спросил председатель у своего, как считали не без оснований в аппарате, любимца, которого он всячески поддерживал и выдвигал.

– Как что? Выполнять указание товарища Сталина, – бодро ответил тот.

– Но ведь документ, над которым мы с Вами так основательно работали, – не формально-бюрократическое послание: в него вложен наш разум ученых, приведены неопровержимые доказательства того, что вступить на предложенный путь – значит окончательно погубить деревню. И теперь мы должны написать нечто прямо противоречащее нашим аргументам и выводам?

– Да, и сделать это можно.

– Каким образом?

– Надо взять за исходный пункт наших размышлений позицию, диаметрально противоположную той, которая была у нас, и логически ее развернуть.

– И Вы можете это сделать?

– Конечно.

И С – й изложил свою новую концепцию, которая формально полностью оправдывала идею Сталина. Председатель молча выслушал своего сотрудника, подошел к окну, открыл его, несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух Моховой улицы и сказал:

– Ну и б.... же Вы, С – й! Вон из кабинета!

К сожалению, жизнь очень скоро показала, что эта нелицеприятная характеристика была совершенно точной: С – й предал своего шефа, под-

твердив ложные обвинения, использованные при фабрикации так называемого «ленинградского дела», в связи с которым тот был расстрелян.

Эта роль С – го была хорошо известна старожилам Госплана, передававшим рассказ о ней приходившей туда на работу молодежи, и презируемый поколениями сотрудников бывший начальник его Сводного отдела в здании на Моховой, говорят, уже никогда не появлялся. «Герой» этих строк прямо назван в воспоминаниях Д. Т. Шепилова, давшего ему такую же, самую отрицательную с позиций элементарной нравственности характеристику.

Что же касается налогов на крестьян, то, по давним рассказам старых экономистов, Сталин через некоторое время убедился в ошибочности своего требования: постоянное завинчивание налогового пресса не только окончательно разоряло деревню, но и делало шатким положение всей экономики, опирающейся, можно сказать, на два столпа – промышленность и сельское хозяйство. И если один из них «усыхает» или разрушается, возникает опасность падения всей конструкции, всего народно-хозяйственного комплекса. Поэтому еще в конце жизни «корифея» были, вроде бы, подготовлены проекты постановлений об облегчении налогового бремени для сельского населения. Принять их он не успел, и эти разработки сразу же использовал, став Председателем Совета Министров СССР, Маленков. Именно поэтому в деревенских избах еще в течение многих лет мне бросались в глаза его портреты, вырезанные из журналов, а то и из газет.

Но вот в 1999 г. была обнаружена стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором тот же Маленков, оказываясь, буквально через несколько месяцев после смерти Сталина упомянул об очередном рецидиве в представлениях «вождя» относительно положения деревни и возможности бесконечно решать те или иные проблемы за счет ее ограбления. «В связи с задачей подъема животноводства в феврале месяце этого года т. Сталин настойчиво предложил увеличить налоги в деревне на 40 млрд рублей. Ведь мы все понимали вопиющую неправильность и опасность этого мероприятия. Мы говорили, что все денежные доходы колхозов составляют немного более этой суммы. Однако этот вопрос не был подвергнут обсуждению, коллективность в руководстве была настолько принижена и подавлена, что приводимые т. Сталину доказательства были им безапелляционно отброшены».

Не берусь логически увязать между собой эти рассказы, хотя каждый из них в отдельности сомнений у меня не вызывает. Скажу лишь, что история постоянно преподносит уроки, которые в нашей стране до сих пор не были способны усвоить никакие власти. Они не хотели учиться ни на чужом, ни на своем опыте, ибо, добравшись или дорвавшись до вершин управления, самоуверенно полагали, что теперь они могут не считаться ни с кем и ни с чем, в том числе и с закономерностями развития природы и уж тем более – общества. Расплачивались же и расплачи-

ваются за эту убогость ума недостаточно подготовленных, самовлюбленных и бесконтрольных честолюбцев, ставших руководителями, миллионы людей, да еще и во многих поколениях.

Так не стать ли нашей стране, накопившей как раз в этом отношении «богатейший» опыт, первой, которая докажет, что расхожая истина «Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает» способна нести в себе и глубоко *положительный* смысл? Не так уж много для этого и требуется: всего-то несколько десятков лет интенсивного, подлинно и всесторонне демократического развития общества во имя высокой, одухотворяющей цели на основе прочного и значительного экономического прогресса. Тогда и только тогда страна и ее народ будут застрахованы от исторических зигзагов, подобных кровавой сталинщине, или постыдных провалов, подобных бандитски-воровской ельцинщине. Может быть, история все же наконец-то и хоть чему-то нас научит?

Глава 2

НА ТЕПЛОМ МЕСТЕ

*Лагерь: первые уроки. – Ученый-историк Л. Н. Гумилев. –
«Золотая рыбка» А. И. Лукьянов. –
Тотальная ложь – оружие несправедливой власти.*

Поздним декабрьским вечером 1950 г. меня привели в барак и указали спальное место – узкое свободное пространство на длинных общих нарах. Оно было, можно сказать, еще «теплым», принадлежавшим недавнему московскому студенту Литературного института Г. Ингалу. Среди тамошнего населения ходил слух («параша»), что он якобы вел нечто вроде дневника, каким-то образом умудрялся утаивать свои записи от обысков («шмонов»), время от времени складывал накопившиеся бумаги в консервные банки и зарывал их в землю на территории лагеря или на «объектах», то есть местах работы заключенных. Доносчиков, надо полагать, хватало, и его реальная или вымышленная деятельность для истории стала известна «куму» (то бишь «оперу» – оперативному работнику в составе администрации лагеря). Однако поймать летописца с поличным не удавалось, и тогда опер пошел на провокацию: оставил на столе своего кабинета клочок бумаги с какой-то фразой – доносом, подписанной якобы Ингалом. Расчет оправдался: дневальный по административному барaku подросток-пастушок («шестерка» – прислужник у кого-либо) из числа многочисленных западных украинцев, бывших в заключении, схватил эту бумажку и немедленно передал своим хозяевам – руководителям бандеровской лагерной группировки. В ту же ночь студента зарезали. И произошло это меньше чем за сутки до моего появления в лагере.

Конечно, обо всем этом, как и о лагерных терминах, использованных выше, о нравах и законах, царивших в специфическом мире заключенных, я узнал немного позже, а пока мне был преподан первый урок.

Дело в том, что во время ареста я был одет в свою офицерскую форму. В тюрьме же все, что можно было, распорол и выпотрошили – и фуражку, и шинель, и китель. В общем, пока меня не обрядили в лагерную робу, надо было попытаться привести себя в более или менее человекообразное состояние. Оказалось, однако, что иголку и нитки еще предстояло добыть, и мне посоветовали пойти в дальнюю «секцию» (читай – камеру) этого же барака и попросить то и другое у «тети Коли».

– Он любит, когда его так называют, – сказали мне, – и не откажет тебе в этом.

Видно, в каких-то вопросах был я тогда совсем зеленым и не представлял себе ничего такого, о чем в последние годы «свободы» знают с помощью телевидения, «Московского комсомольца» и подобных изданий даже малолетки, не говоря о подростках. И только тогда, когда после моей парольной фразы некий молодой человек залился краской, я понял, какую злую шутку сыграли с нами обоими мои новые коллеги. Конечно, я поспешил извиниться и объясниться и действительно получил откуда-то извлеченные им иголку и нитки.

Однако этого урока даже для начала оказалось мало. То ли тем же, то ли следующим, скорее всего, вечером меня вызвали к «нарядчику», жившему в другом бараке, в отдельной, как и положено высокому руководству, «кабине», в привилегированных условиях, всесильному главе внутрилагерной администрации из заключенных. В его обязанности входило, в частности, распределение бригад и отдельных арестантов на те или иные виды работ. Темень была уже беспросветной, освещалась только «запретка» (запретная полоса с вышками, глухим забором и колючей проволокой), да горели тусклые лампочки над входом в бараки. Найдя тот, в который был вызван, я предстал перед нарядчиком, сказавшим нечто малозначащее и тут же отпустившим меня. Но только я вышел на крыльцо – откуда-то сзади мое горло сжали крепкие руки. Я даже не успел испугаться, опять по наивности, очевидно, как вдруг эти клещи разжались: из темноты вынырнули два надзирателя. Вернувшись в барак, я рассказал о произошедшем своему соседу по нарам – опытному заключенному Алексею Федоровичу Савченко, человеку, что потом стало очевидным, с очень твердым характером. Тот молча встал, надел свой лагерный бушлат (несколько удлиненную телогрейку) и вышел из барака.

Дальнейший ход событий мне стал известен позднее и от третьих лиц, чей рассказ, весьма неохотно, подтвердил мой спаситель. Как я уже сказал, в лагере было много бандеровцев – украинских националистов, но еще больше, по-моему, просто причисленных к ним. Эта часть якобы националистов состояла из людей самых мирных, простых «работяг». Многие из них, даже неграмотные или малограмотные, получили свои сроки как «враги народа» чисто случайно. Скажем, во время войны и в первые годы после нее, когда на территории Западной Украины еще действовали бандеровцы, какая-нибудь их банда заскакивала в село и разбегалась по хатам.

- Хозяин, сало давай!
- Да нету, самим есть нечего.
- А хлеба?
- Уж давно и без него сидим.
- Ну, хоть воды-то напиться есть у тебя?
- Вон ведро и кружка...

Банда, чем-то поживившись, скрывалась в лесу, а в село врывался преследовавший ее отряд войск НКВД – МГБ. И первым делом:

– К кому бандеровцы заходили?

– К тем-то и тем-то...

Борьба была жесткой, и подобный эпизод нередко был достаточен для того, чтобы получить срок по печально знаменитой 58-й (контрреволюционные преступления), а то и 59-й (бандитизм) статьям, независимо от действительной вины человека, и оказаться в так называемом спецлагере, где и содержались в условиях особого режима политические заключенные. А здесь выходцев из Западной Украины объединяли и общая беда, и землячество, и язык, и интересы выживания, а больше всего «организаторская работа» их идеологов, можно сказать интеллектуалов, студентов Львовского университета. Они-то и вершили судьбы не только «своих» украинцев, но и всего трехполовинойтысячного населения нашего лагунка.

Этому способствовали два, по крайней мере, обстоятельства.

Первое было самым элементарным: в лагере в то время бушевал голод. Нормы, и без того убогие, содержания заключенных не выдерживались даже отдаленно. Один из путей разворовывания продуктов состоял в постоянной замене более ценных малоценными, даже если при этом соблюдалось их формальное соотношение по калорийности. Скажем, мясо заменялось таким-то количеством рыбы, а та – еще чем-то и т. д. В результате такой «логики» можно было приравнять грамм масла, условно говоря, к ... ведру воды. Это были «игры» самого начальства – то ли лагерного, то ли более высокого.

Но и то, что после этих манипуляций должно было попасть в кухонные котлы, растаскивалось, а точнее, просто отбиралось «придурками» (находившимися «при дураках», т. е. при начальстве, или, по другой версии, «придуривавшимися», т. е. администраторами из числа заключенных, оставшимися в «зоне» и не выходившими на тяжелые работы за ее пределами), а также главарями разных террористических внутрилагерных группировок. Именно террористических, слишком частым свидетельством чего были трупы, обнаруживаемые на рассвете, с черепами, расколотыми топорами, а нередко и с двумя-тремя десятками ножевых ран на теле.

Такой террор был, очевидно, самым коротким путем к лагерной кормушке, позволявшим убрать неугодных и расставить на ключевых постах своих людей и тем обеспечить выживание горстки заключенных за счет остальных. Кто-то не выдерживал этого испытания и вместе с крысами рылся в лагерной помойке, надеясь найти там хотя бы гнилой лист капусты (так что подобные сцены в современной Москве для меня не новы), а в бараке, служившем столовой, соскабливал с дощатых столов мерзкую слизь, образовавшуюся от пролитой и полумерзшей баланды.

Мне тоже довелось испытать такой голод. Получишь в хлеборезке свою «пайку», сожмешь чаще всего сырой кусок в руке и при самом горячем желании не съесть его сразу, растянуть на день, только успеешь

пересечь лагерный плац и подняться по ступенькам своего барака – ладонь раскроешь, а на ней ничего нет. При такой степени оголодания каждая клеточка души и тела ежесекундно кричит об одном: «Есть! Есть. Есть...» Забываешься лишь во сне, а с подъема до отбоя беспрерывно думаешь, чем бы ни был занят, о том, что же можно съесть из окружающего тебя мира, – использовать, например, обмылок по назначению или растворить его в собственном желудке. Строго говоря, не будучи никогда хорошим едоком, оголодал я зверски еще в Лефортовской тюрьме, а в лагере месяца за два уже и распух, точнее, опух от постоянного голода. Ткнешь пальцем в щеку – и там надолго остается впадина. На этот раз меня спасли весна и врачи-заключенные. Не знаю, что и где они добывали, но серией укулов довели меня до «нормально-доходного» состояния: я стал худ сверх всякой меры, но все же работо- и жизнеспособен. Правда, той же весной 1951 г. начались одно за другим, по нарастающей тяжести, всяческие «животные» заболевания, и вышел я из лагеря с целым их букетом и нехваткой 18 килограммов до нормального веса. Но это было впереди, через три с лишним года...

Вернусь к причинам, побудившим бандеровскую верхушку захватить путем показательного террора власть внутри лагеря. Так вот, второй причиной и поводом было то, что именно тогда стала особенно нагнетаться международная (!) обстановка, когда, по словам Н. С. Хрущева, Сталин в течение двух лет держал страну и мир на грани новой войны. Косвенным свидетельством его тогдашней позиции является хотя бы такой недавно опубликованный факт: в самом начале 1951 г. в Москве состоялось совещание генеральных секретарей и министров обороны стран социалистического лагеря, где Сталин заявил, что «третья мировая война навсегда покончит с империализмом» и что настал наиболее выгодный момент для наступления на капиталистическую Европу. Возникла-де реальная возможность установить социалистический строй по всему континенту. Нам, лагерникам, полностью изолированным, казалось бы, от таких глобальных политических проблем, они аукнулись новым ужесточением режима и открытыми угрозами эмгэбэшного начальства: «Если нам придется уйти (может быть, они уже имели какую-то инструкцию на случай особого положения. – Л. В.), мы сделаем это, хлопнув дверью: для каждого из вас приготовлены пуля или веревка!» – и т. д. Такие заявления вызвали ответную реакцию, и те же бандеровцы, как наиболее организованная в тот момент сила, стали морально и в какой-то мере практически готовить лагерное население, особенно западноукраинское, к сопротивлению в «день Икс». А утвердить свою подпольно-руководящую роль в условиях лагеря они могли проще и эффективнее всего через беспощадный террор. Таким образом, основная масса заключенных очутилась под прессом двойного террора – и гулаговского, и бандеровского.

Как говорится, законы жанра требовали, чтобы слух о реальной силе «наших» бандеровцев, их господстве распространился как можно шире,

за пределы лагпункта, по всему лаготделению (а оно состояло из ряда «пунктов») и всему Песчлагу (который, в свою очередь, состоял из «отделений»). Тем самым можно было *повсеместно* простимулировать захват внутрилагерной власти их земляками. А поскольку слух, передаваемый из уст в уста, обязан быть кратким, содержательным и выразительным, в проскрипционных списках бандеровцев должны были находиться наряду с фамилиями по тем или иным причинам неугодных им людей и просто достаточно известные, не требующие пространных комментариев. И я, ничего собой не представлявший (студент!) и не успевший провиниться перед лагерным населением ни в чем, тотчас по прибытии возглавил просто из-за своей фамилии, как потом мне объяснили, такой перечень намеченных жертв. Забегая вперед, скажу, что за все годы заключения мне удалось не скомпрометировать себя перед моими товарищами по заключению и даже, судя по многим признакам, приобрести определенный авторитет в их глазах. Так что когда меня выдворяли из лагеря, именно бандеровцы (то ли прежние поумневшие, то ли их наследники) прислали мне валенки и деньги, чтобы я мог добраться ... куда-нибудь, так как дома у меня к этому моменту уже давно не было.

Да, но чем же закончился эпизод с покушением? Оказалось, что А. Ф. Савченко пошел прямо к главарям бандеровцев и без лишних предисловий заявил им:

– Если вы тронете этого парня, мы, русские, объединимся и, прежде чем вы опомнитесь, вырежем всю вашу верхушку.

Много десятилетий спустя в разговоре с Алексеем Федоровичем я напомнил ему об этой истории, но, будучи человеком невероятной скромности, он подтвердил лишь, что «побеседовал» с главарями бандеровцев. А тогда, подойдя к своему бараку и взглянув на крыльцо, он похолодел, решив: «Не успел!» На ступеньках лежал с закрытой руками головой «свежий» труп очередной жертвы. Присмотревшись и убевившись, что это был не я, Алексей Федорович вошел в барак, переместил меня к стенке и сам лег рядом. Так я остался жить – наверное, для того, чтобы в числе прочих дел написать и эту книгу.

Боюсь, что в ней мне придется еще не раз вспоминать эпизоды из тюремной и лагерной действительности, хотя и делаю это, как говорится, «без всякого удовольствия». И не потому, что тема мрачная. Дело в том, что такую книгу в свое время – году, пожалуй, в 52-м – я написал. В какой-то момент у меня в лагере появилась возможность (подпольная, конечно) сделать это и даже вывезти рукопись с Алтая, где в то время мы, а по сообщениям печати – комсомольцы, закладывали основы будущего шахтерского города Междуреченска. Книга представляла собой толстую, 96-страничную в коленкоровой обложке тетрадь. В каждой клеточке бисерным почерком умещались две строки. Написана она была кровью сердца и молодым умом, и, как сказали два человека, ознакомившиеся с нею, читать ее без дрожи в душе было невозможно. Сейчас,

по прошествии сорока с лишним лет, я, естественно, воспроизвести эту работу не могу, а писать хуже, бледнее, в общих словах, после широко известных публикаций по тюремной и гулаговской проблематике, считаю неуместным, в силу чего ограничусь теперь изложением отдельных эпизодов и сторон тогдашнего своеобразного бытия.

Итак, рискуя своей свободой, а может быть и жизнью, замечательные люди – харьковчане супруги Р. М. и В. А. Лапис, на всем пути спавшие в поезде поочередно, доставили рукопись с Алтая в Москву. Они должны были ее передать сестре моей матери. Однако вокруг Лидии Васильевны стали сгущаться тучи, и, спасаясь от возможных репрессий, она буквально накануне появления моих посланцев уехала в Горький. Отправиться за нею в другой город они уже не могли и, прочитав книгу еще раз, сожгли ее. Я бесконечно благодарен им за их душевный порыв и мужество и глубоко сожалею о том, что с 1991 г. мы, как и миллионы других людей, оказались по разные стороны новой государственной границы.

Полагаю, что после упоминаний о тюрьме и лагере мне придется в дальнейшем поведать, почему я там оказался. А пока скажу лишь, что точнее всего это сформулировал, не без юмора, Лев Николаевич Гумилев – один из моих ближайших друзей на протяжении сорока двух лет – в небольшом фильме, сделанном обо мне по просьбе испанского телевидения: «Причина, по которой мы со Львом Александровичем, тогда еще называемым Лёвушкой, встретились, была одна и та же у нас обоих: это называлось неосторожность в выборе родителей. Поскольку мы были оба из Ленинградского университета, то на этой почве, как земляки, сразу познакомились, а в дальнейшем и очень сблизились»¹.

Теперь его имя известно многим читателям, телезрителям, радиослушателям. По крайней мере в Москве чуть ли не на каждом книжном лотке, не говоря уже о магазинах, можно увидеть его труды. В Акмоле по Указу Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева создан Евразийский университет им. Л. Н. Гумилева. В разных городах проходят научные Гумилевские чтения. В Ленинграде существует «Фонд Льва Николаевича Гумилева», в Москве – Российский фонд «Мир Л. Н. Гумилева». По телевидению и радио идут передачи с записями его лекций, выступлений, воспоминаний о нем. Есть интересные документальные фильмы и печатные работы о Гумилеве, его воззрения поддерживаются или критикуются, то есть живут в науке, а главное – постоянно выходят в свет его книги, притягивающие к себе новых и новых читателей и почитателей таланта этого выдающегося ученого и литератора.

В те же времена, в конце 1950 г., еще ничто не предвещало такого его будущего. Представьте себе занесенный снегом, скованный лютым

¹ Рассказывая здесь о Л. Н. Гумилеве, я на основании новых источников слегка уточняю в двух-трех моментах свои прежние выступления о нем.

морозом плац, по краям которого стоят заиндевевшие бараки. В одном из них почти сразу после того, как накануне вечером меня водворили в спецлагерь, расположенный в казахстанской степи, я увидел согбенную фигуру заросшего бородой старика, поддерживавшего огонь в печке. Это был Лев Николаевич Гумилев. «Старику» в тот год исполнилось 38 лет. Нам не понадобилось много времени, чтобы окунуться друг в друга. Наверное, это произошло и потому, что оба мы были еще молоды и с небольшой разницей в возрасте – всего в 14 лет. И потому, что он сразу рассказал о том, как мой отец, ректор Ленинградского государственного университета, вопреки яростному, по тогдашнему выражению нового знакомого, сопротивлению местных и московских властей, дал ему возможность перед последним, четвертым арестом защитить кандидатскую диссертацию, а для меня, только что отца потерявшего, теплые, благодарные слова о нем были дороже всего другого в мире. И потому, что оба мы, как уже сказано, ленинградцы и учились в Ленинградском университете (правда, окончил я Московский), да и по каким-то иным, менее видимым, но оказавшимся на поверку достаточно весомым причинам, – если после первой встречи мы общались и в духовном плане не расставались до конца его жизни.

Итак, последний свой срок он отбывал уже дипломированным ученым и мог при случае, говоря его тогдашним языком опытного заключенного, «хилять под (в переводе на нормальную речь – выдавать себя за) старичка профессора». Впрочем, никакие прошлые звания не избавляли в лагере, как правило, от самой тяжелой работы, от страшного голода, от полного бесправия, и для Льва Николаевича спасительная, хотя бы от холода, должность при печке была большой удачей в непрерывной борьбе за выживание в тех прямо нацеленных на истребление людей условиях, в которых он находился в общей сложности четырнадцать лет. Прежде всего из заключенных всячески пытались вытравить личностное начало, превратить их, по бериевскому выражению, «в лагерную пыль». Но и при этом Лев Николаевич оставался внутренне самим собой. Да, он, как и все, носил на лбу, на спине, на груди у сердца и на левой ноге повыше колена вшитые в специально вырезанные для этого места арестантской робы белые тряпки со «своим» большим черным номером. Да, он говорил, подобно всем, в зависимости от обстановки, на лагерном жаргоне, что было одним из условий взаимопонимания с товарищами по несчастью, жил нашими тогдашними общими интересами, но сохранил себя как личность и как интеллектуала. Душа и разум ученого принадлежали не тюрьме, не «гражданину начальнику», а великой Святой – Науке, говоря его словами, «прекрасной науке – истории». Без всякого преувеличения, она всегда была дамой его сердца, царицей ума, покровительницей и спасительницей даже тогда, когда немало людей вокруг в той или иной мере теряли самих себя. Он был страстно предан науке, и она открыла ему многие свои тайны.

Уже тогда в бесчисленных разговорах и спорах с друзьями он оттачивал свое научное мировоззрение, развивал теорию пассионарности, разрабатывал проблемы исторического взаимодействия народов в неразрывной связи с природно-географическими условиями их обитания, отшлифовывал своеобразный стиль изложения, построенный во многом на образном видении столь далекого от нашего времени предмета научного исследования.

Человек редкой эрудиции, прежде всего в области истории, географии, этнографии (этнологии), сопряженных с ними дисциплин, он к тому же был великолепным знатоком литературы, и особенно поэзии. Именно от него впервые услышал я великое множество стихов таких поэтов, о которых не имел, да и не мог иметь по тем временам ни малейшего представления.

Отвлекусь ненадолго от лагерной темы и расскажу в связи с этим об одном эпизоде из биографии Льва Николаевича. Среди других особенностей его мировоззрения было убеждение, что жизнь человека развивается циклично, причем у каждого имеется свой «график» взлетов и падений, благополучия и неприятностей. Верил он, конечно, в такую закономерность и своего бытия. А так как краткие и относительно нормальные периоды его существования неоднократно сменялись не чем иным, как арестами, то он предполагал, что после возвращения с фронта в Ленинград и в университет ему вскоре придется снова пойти проторенной тюремной дорогой. Это было (рассказываю со слов Льва Николаевича) не единственной, но главной причиной того, что он принял решение окончить университет и защитить диссертацию в сверхкраткий срок, оставшийся ему до очередного, по прогнозу, ареста. И когда ему предложили на выбор – учиться на 4-м и 5-м курсах или сдать за них экзамены экстерном, Гумилев предпочел второй вариант.

А дальше произошло нечто невероятное: все предметы за два курса – 10 экзаменов – он сдал и защитил диплом, написанный на основе его довоенных материалов, буквально за месяц! Ситуация осложнилась тем, что он заболел, и на экзамен по марксизму-ленинизму (тогда это был комплексный предмет, объединявший историю партии, философию и научный коммунизм) был вынужден явиться с температурой под 40 градусов. В аудиторию он вошел с пылавшей головой и, прочитав вопросы билета, тут же спросил у экзаменаторов:

– Можно, я буду отвечать стихами?

Переглянулись члены комиссии, но ими были профессора старого закала, эрудиты, которым поэзия тоже была не чужда, и они сказали:

– Пожалуйста. Какой у Вас первый вопрос?

– Диалектический закон отрицания отрицания.

– Что же Вы нам предложите?

– Отрывок из стихотворения Николая Заболоцкого «Людейников» (привожу здесь лишь малую часть прочитанного Львом Николаевичем. – Л. В.):

Лодейников склонился над листьями,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековая давящая
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.

– Прекрасно! – сказали члены комиссии. – Преемственность в развитии, движение по спирали здесь показаны вполне отчетливо. Переходите ко второму вопросу. Что там у Вас?

– Народничество и его роль в революционном движении в России.

– Что же мы услышим по этому вопросу?

– Главу «Отцы» из поэмы Бориса Пастернака «Девятьсот пятый год».

И Гумилев прочитал – наизусть, естественно, – труднейший для запоминания отрывок из этой поэмы, автор которой через систему образов показал исторические условия возникновения народничества и его эволюцию.

Кажется, на третий вопрос он ответил все-таки в прозе и получил свою очередную «пятерку».

Но Лев Николаевич не только хранил в своей бездонной памяти стихи множества поэтов – он и сам получил от родителей удивительно образное мышление и прекрасный поэтический дар. Иногда читал он мне, один на один, и собственные свои стихи, в том числе сильного, глубоко гражданского звучания. Боюсь, что он их так и не «перевел» после лагеря на бумагу и они потеряны навсегда. Но какая-то часть его поэтического творчества, к счастью, сохранилась, и есть надежда, что она будет представлена читателям.

Приведу здесь попутно два маленьких свидетельства. Первое – Лев Николаевич рассказывал друзьям, что в трудные для него и матери времена он делал переводы стихотворений поэтов союзных республик, а Анна Андреевна слегка подправляла их рукой мастера, и они выходили

в свет под ее именем. Надеюсь, эта деталь ни в малейшей мере не компрометирует гордость и славу отечественной поэзии А. А. Ахматову. Да и у самого Л. Н. Гумилева после выхода из лагеря опубликованы по меньшей мере четыре сборника поэтических переводов. И второе свидетельство – о появлении понятия «Серебряный век русской поэзии», и тоже в неоднократном изложении Льва Николаевича. В ходе какого-то разговора с Анной Андреевной о русской поэзии XIX и XX столетий она упомянула о «Золотом веке» эпохи Пушкина, и у них состоялся примерно (как сохранила память с лагерных времен) такой диалог:

– Да, но XX век можно с таким же правом назвать «Серебряным веком»...

– Замечательная характеристика!.. Продай ее мне! – воскликнула Анна Андреевна.

– Только за чекушку! – не растерялся Лев Николаевич, тут же получил необходимую сумму, превратил ее в соответствующий эквивалент, водка была дружно распита, и Анна Андреевна приобрела тем самым авторское право на ставшее потом расхожим определение. Не пытаясь включиться в историко-литературную дискуссию о его происхождении, я лишь добросовестно передаю рассказ Льва Николаевича, справедливо ли, ошибочно ли, но искренне считавшего себя родоначальником этой формулы.

По природе своей и поэт, и истинный ученый, Л. Н. Гумилев в короткие перерывы между арестами буквально поглощал знания в любимой им области науки и сопряженных с ней. Более того, он впитывал их даже в лагере, в контактах с людьми самых разных профессий. И все это он постоянно систематизировал и приводил в какой-то ему одному известный порядок, анализировал ворох разнообразных фактов и находил им место в той концепции, которую он создавал и развивал на протяжении многих лет в тюрьмах и лагерях, а затем десятилетий, как тогда говорили, «на воле».

Конечно, и здесь ему было нелегко. Сейчас даже трудно представить себе, через какие препятствия, неприятности и страдания пришлось ему пройти после возвращения в, так сказать, нормальную жизнь из-за естественного стремления передать обществу свои открытия, помочь ему глубже познать себя и тем способствовать его совершенствованию. Я даже не берусь описывать пройденный им действительно крестный путь. Это с большим знанием конкретных обстоятельств делает в своих воспоминаниях, над которыми она сейчас работает, Наталия Викторовна Гумилева – жена и бесценный помощник Льва Николаевича в его служении науке.

Скажу лишь, что многие работы просто не увидели бы света при жизни автора без помощи друзей его друзей. Назову, по крайней мере, троих из прилагавших реальные усилия к тому, чтобы труды Л. Н. Гумилева были изданы, – М. Л. Титаренко, Л. А. О니кова и А. И. Лукьянова. Михаил Леонтьевич и Леон Аршакович работали долгие годы в ЦК

партии, а Анатолий Иванович – то там же, то в Президиуме Верховного Совета СССР. Статус обязывал их к взвешенности и осторожности в общественно значимых поступках, и все же, например, нынешний действительный член Российской академии наук и директор ее Института Дальнего Востока М. Л. Титаренко, рискуя своим тогдашним положением, взял на себя личную ответственность за выход в свет одной из книг Льва Николаевича. Получив от него призыв о помощи, а он это делал в действительно безвыходной ситуации, я бросился прежде всего к этим дорогим моим товарищам, ставшим затем друзьями и Гумилева. Наверное, потому, что им удавалось что-то предпринять, мне от него достался титул «Золотая рыбка». Однако на самом деле ею был прежде всего А. И. Лукьянов, и об этом считаю себя обязанным хотя бы вкратце рассказать.

Впервые мы встретились с Анатолием Ивановичем, по-моему, в начале 60-х гг., оказавшись одновременно пациентами одного и того же больничного отделения, а исходным мотивом нашего быстрого сближения стал как раз... Гумилев. Дело в том, что А. И. Лукьянов – поэт, романтик (да-да, отнюдь не юридический «сухарь»), тонкий знаток и собиратель поэзии, особенно отечественной, всегда высоко ценил творчество Николая Степановича Гумилева и Анны Андреевны Ахматовой. И когда я ему рассказал о научных исследованиях и поэтическом даре их сына, он по-настоящему близко к сердцу принял судьбу Льва Николаевича и в меру возможностей, а то и выходя за их пределы, в течение десятков лет поддерживал и защищал его право иметь и высказывать свои нестандартные взгляды в избранной им области знаний.

Началось же все с того, что Анатолий Иванович помог квалифицированными юридическими советами и делом в очень беспокоившей Гумилева ситуации после смерти Анны Андреевны, когда некоторые еще не публиковавшиеся ее произведения вдруг стали появляться в зарубежных изданиях, что рассматривалось тогда как чуть ли не измена Родине. Стихи эти находились в руках близких в то время Ахматовой людей, но Лев Николаевич допускал, что претензии властей по их давней привычке преследовать его за родственные связи могли быть в очередной раз обращены к нему.

Ну а затем пришлось в какой-то мере помогать ему противостоять многолетним запретительно-поносительным акциям, связанным с его научным творчеством и по уровню, и по содержанию, и по форме подачи резко контрастировавшим с тогдашней официальной наукой в тех областях, в которые он вторгался. По существу, это был интеллектуальный вызов давно и безраздельно господствовавшей упрощенной и заформализованной методологии в ряде отраслей научного знания. Гумилев просто жаждал честного, открытого сражения на почве фактов истории, географии и других общественных и естественных наук. Но он так и не дождался действительно научной дуэли. В какой-то мере это было даже понятно: ведь для того, чтобы принять подобный вызов, надо было

иметь за душой хотя бы примерно такой же объем информации, знаний, какими располагал Гумилев. Можно было бы, конечно, спорить по отдельным элементам его учения, по регионам и эпохам, тем самым раздвигая границы научных представлений об истории человечества и закономерностях его развития, но это было и хлопотно, и рискованно для генералов от науки: а вдруг окажешься несостоятельным... В общем, против Гумилева и его нестандартных идей быстро сформировался общий фронт почуявших опасность разных сил, среди которых особенно усердствовали ленинградские идеологические вожди и их ученые подпевалы. Впрочем, и московских «запретителей» оригинальных взглядов Льва Николаевича было более чем достаточно.

Сейчас, вспоминая прошлое, я думаю: какое же время пережило наше поколение, когда, например, о происхождении Земли, конечно в рамках материализма, спорить еще было можно, а о том, что на ней происходило с появлением человечества, без риска быть вычеркнутым из его числа – нельзя! Для меня давно было очевидно, что ввевшиеся в плоть и кровь нашей системы управления обществом привычки кого бы то ни было присваивать монополию на истину и насильно навязывать ее людям должны быть преодолены. Убеждай в своей правоте сколько угодно, но не вбивай ее в чужие головы дубиной власти и не внедряй заведомой ложью, ибо это оскорбительно для достоинства человека, губительно для науки и в конце концов ведет к разрушению общественного устройства, ради сохранения которого, вроде бы, и происходит.

И тут я не могу не попросить читателя опять отвлечься на время от рассказа о роли А. И. Лукьянова в творческой жизни Л. Н. Гумилева ради его собственных, до последнего времени неизвестных размышлений по поводу уже затронутой в предыдущей главе проблемы – роли лжи в жизни общества. Они представляются мне чрезвычайно существенными в свете только что сказанного, а главное – происходящего в стране. Однако здесь придется сделать предварительно некое пояснение. Речь идет об отрывке из небольшого, но очень емкого текста, озаглавленного «Апокриф», т. е. из сочинения, авторство которого не подтверждено и маловероятно, сомнительно. Этот текст публиковался дважды: в прижизненном издании его фундаментального труда «Древняя Русь и Великая степь» и в сборнике статей Гумилева «Этносфера. История людей и история природы», вышедшем в свет после его кончины.

«Апокриф» – это 12 в первом и 14 во втором случае тезисов, которые я охарактеризовал бы как мировоззренческие, что ли. При публикации в «Древней Руси...» Лев Николаевич два тезиса убрал и рассказал об истории появления этого документа, сославшись, в частности, на уйгурский алфавит, который-де был использован неведомым автором при написании тезисов. При подготовке же сборника «Этносфера...» произошла «накладка»: составителем и редакцией были изъяты три работы, отделявшие «Апокриф» от предшествующей ему в печатном издании статьи. Эта техническая деталь и привела к недоразумению: читая

подряд концовку предыдущей и начало последующей публикации «Апокрифа», можно понять, что он порожден иудаизмом.

На самом же деле (и Н. В. Гумилева просила меня сказать об этом непременно) «Апокриф» – оригинальная работа самого Льва Николаевича, что, к слову, становится очевидным также и при анализе текста, и при сличении его в двух изданиях. Рассказ же его о якобы найденном и потерянном потом первоисточнике есть лишь попытка мистификации, с помощью которой он хотел опубликовать свои, в чем-то нетрадиционные размышления о том, во что одни верят безоговорочно, а другие отвергают с порога. Гумилев глубоко и искренне верил и вместе с тем не мог не размышлять – иначе он не был бы ученым. И, судя по «Апокрифу», можно, пожалуй, сказать: он укреплял свою веру логикой, а логику проверял верой. Кто знает, может быть, наступит время, когда подобный подход перестанет казаться слишком странным.

Итак, напомним, что тремя абзацами выше речь шла о лжи как факторе разложения человека, науки и общества. И вот что нашел я у Гумилева в его «Апокрифе»:

«Сила зла во лжи. Ложью можно преодолеть ход времени (имеется в виду не космическое, а биолого-психологическое время как ощущение мыслящего существа), доказав, что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. Ложь ломает пространство, создавая облики (или призраки) далеких вблизи, а близких отдаляя от общения. Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облакает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам».

Вдумайтесь же в этот текст, дорогие друзья-профессора, особенно из технических вузов! Вы имеете все основания гордиться своими способностями к научному, строго логичному мышлению. Но присмотритесь к себе попристальнее: не превратилась ли ваша воля, а с нею и мысль незаметно для вас самих в несвободную, подчиненную иллюзиям, потому что она опирается на тотальную ложь, ставшую основополагающим принципом деятельности ельцинской власти в нашей стране? Перечитайте эти вещие слова, коллеги по журналистскому цеху, творящие, а еще больше ежедневно и ежечасно с восторгом разносящие очевидную любому непредвзятому человеку государственную ложь – это орудие зла, принадлежность царства сатаны, как пишет Гумилев в той же работе, – по всему обществу! Или вы уже не способны отличить черное от белого и рабское пресмыкательство от элементарной личной порядочности? Примерьте мысли выдающегося историка к сегодняшнему дню¹ и задумайтесь, уважаемые соотечественники, с помощью какой гигантской и всесторонней лжи нас превратили в беспомощное стадо, все ближе и ближе подгоняемое к криминально-капиталистической бойне! Или вы с детской наивностью продолжаете полагать, что вопреки мно-

¹ Глава написана не позднее 1995 г.

говековому опыту человечества общество, построенное на лжи, способно когда-нибудь процветать и даже заботиться о благополучии своих членов?

Кто-то может сказать – и раньше ввали. Верно: Сталин, уничтоживший сотни тысяч сограждан, клеветнически объявленных врагами своего же народа; Хрущев, обещавший построить коммунизм за двадцать лет; Брежнев, осыпавший себя звездами за несовершенные подвиги; Горбачев, предательски клявшийся в своем социалистическом выборе, и т. д. и т. п. – до бесконечности. Но! И еще тысячу раз но! Ведь вы-то, нынешние, шли и пришли к власти на волне – пусть и односторонней, не очень чистой и далеко не во всем справедливой – критики прошлого, отвержения всяческого беззакония и неприемлемых в цивилизованном обществе форм насилия государства над людьми, политической лжи. А к чему же вы пришли сами и привели страну? К тому, что власть и лож стали синонимами.

Более того, взаимосвязь этих понятий стала совершенно естественной и закономерной. Ведь современная контрреволюция в кратчайшие сроки сбросила российское общество, в противоположность советскому, в пучину, казалось бы, уже во многом преодоленного классового (и даже, что особенно нелепо сегодня, сословного) деления, раскола, к тому же продолжающего быстро углубляться. А это и составляет первопричину государственной лжи, в том числе такой излюбленной нынешними руководителями ее формы, как наглая и всеохватывающая демагогия. «...Ложь в политике... есть функция классового строения общества. Ложь *узнатателей* есть система отуманивания масс для *поддержания своего господства*» (выделено мной. – Л. В.). Так писал Троцкий в своей книге «Сталинская школа фальсификаций». И далее: «...что такое... демагогия? Сознательная игра с *мнимыми* величинами в политике, раздача *фальшивых* обещаний, утешение *несуществующими* воздаяниями» (выделено мной. – Л. В.). По-моему, не в бровь, а в глаз теперешним «вождям народа» – а так буквально и переводится греческое слово «демагог».

Современная государственная ложь многолика: это и тщательное сокрытие истинных целей проводимых реформ на первом их этапе; и постоянное вранье на самых высоких должностных уровнях о реальном положении дел; и бесчисленные пустопорожние заявления о вот-вот предстоящем и даже якобы начавшемся улучшении в разных сферах жизни; и клевета на те безусловно светлые факты и явления прошлого, которые в нем были и представляют собой слишком невыгодный фон для характеристики настоящего; и фальсификация результатов выборов и социологических опросов; и защита органами власти чиновников и современных великих комбинаторов – общеизвестных циничных воров и взяточников... Этот перечень каждый может продолжить как угодно далеко на основании собственного опыта унижительного существования в качестве цели такой лжи, объекта постоянного и, надо признать, весь-

ма эффективного оболванивания десятков миллионов людей. Ну что же, если не мы, то наверняка наши ближайшие потомки будут иметь возможность убедиться, насколько прав Гумилев, утверждая, что ложь – на пагубу *всем* живущим.

Вернемся, однако, к прерванному рассказу о времени, когда на творческом пути Льва Николаевича одна за другой воздвигались баррикады и выкапывались все более глубокие рвы, ибо у его противников, хотя и не имевших серьезных научных контраргументов, с каждой новой работой этого автора крепло ощущение, что в той или иной мере они подрывали устоявшиеся стереотипы мышления и некоторые выводы исторической науки того времени. У нас же с А. И. Лукьяновым была иная позиция: независимо от того, в чем и в какой мере прав Гумилев в своих изысканиях, он должен иметь возможность высказать свое мнение и представить его на суд научной общественности. Для нас было очевидно, что, как уже отмечено чуть выше, старорежимная практика присвоения человеком или организацией монополии на истину стала полнейшим анахронизмом, не только губительным для самой науки, но и компрометировавшим партию и государство внутри страны и в остальном мире.

Следуя такой логике, А. И. Лукьянов – и я с удовольствием наблюдал этот процесс – по мере своего административного роста сначала просил ленинградских и московских руководителей разного ранга не чинить Гумилеву препятствий в научной и педагогической деятельности, защите докторских диссертаций (Лев Николаевич написал две – по истории и по географии), потом он уговаривал этих людей, затем настоятельно рекомендовал и, наконец, просто указывал им на недопустимость тех или иных действий. И я с полным основанием могу вслед за Гумилевым сказать, что Анатолий Иванович сыграл в его творческой судьбе очень большую и благородную роль.

Наверное, кому-то будет интересна и такая деталь: А. И. Лукьянов много лет бережно собирал не только произведения отечественных поэтов, но и записи их голосов, когда они читали свои стихи. И вот однажды ему попали в руки два полустертых валика от старинного фонографа, на которых оказался записанным голос Николая Степановича Гумилева, читавшего свои стихи. К этому времени техника, как говорится, шагнула вперед настолько, что голос поэта удалось восстановить. И тогда Анатолий Иванович на одной и той же магнитной пленке записал голоса Гумилева-старшего и Анны Андреевны, а когда я привез к нему в гости Льва Николаевича, он записал там же и его, в том числе стихи Николая Степановича, сочиненные им для четырехлетнего сына, запомнившиеся тому на всю жизнь и нигде раньше не публиковавшиеся. Помоему, такая пленка – одно из сокровищ А. И. Лукьянова как собирателя отечественной поэзии.

Впрочем, у него хранятся еще две, можно сказать, драгоценные пленки. По его просьбе я записал на них рассказы Льва Николаевича: один –

о его жизненном пути, «Автонекролог» (так в свойственной ему иронической манере назвал он эти свои воспоминания), другой – о его отце и матери. Хотелось бы прочитать когда-нибудь эти материалы, как и блистательное выступление А. И. Лукьянова (если он сумеет его воспроизвести) на одном из вечеров памяти Л. Н. Гумилева, которое Анатолий Иванович закончил своим стихотворением, написанным им в Лефортовской тюрьме и посвященным Льву Николаевичу.

Научное наследие Гумилева чрезвычайно весомо и по объему, и по содержанию. Даже трудно представить себе, как много успел он сделать после возвращения из лагеря. Но первым замеченным широкой общественностью вкладом в историческую науку стала вышедшая в 1960 г. книга «Хунну. Срединная Азия в древние времена», написанная (и добрая половина следующей – «Древние тюрки») в основном... в лагере, почти исключительно по памяти! Лишь в самое последнее время перед освобождением ему прислали в лагерь кое-какие книги, да что-то он, судя по его воспоминаниям, умудрился найти в библиотеке, хотя для всех нас, бывших рядом с ним, само это понятие – библиотека – в тех условиях было чем-то абсолютно ирреальным.

И сейчас, когда берешь в руки эти первые и любые другие его работы, до предела насыщенные фактами из различных областей знания, именами давно ушедших людей, так или иначе действовавших на исторической сцене, деталями быта и нравов народов, о судьбах которых рассказывает автор, каждый раз поражаешься тому, какой щедрой оказалась природа, дав ему эту феноменальную память и способность выстроить из мириадов хранящихся в ней кирпичиков стройное здание одного из самых сложных разделов всемирной истории.

На моем экземпляре «Хунну» написано: «Молодому Львенку, крестному книги сей – от старого Льва, автора. 15 мая 1960 г.». Но и это звание – крестного – я должен разделить с человеком, сделавшим так много для заключенных (это было уже в другом месте, на Алтае), что они и сейчас, через полвека, помнят и говорят о нем с огромным уважением и великой благодарностью, медиком, в те годы капитаном Захаровым, который по моей просьбе спрятал на несколько месяцев Льва Николаевича в лагерьной больнице и дал ему таким образом возможность заложить основу книги, ставшей первой на его последующем тернистом пути ученого, всю жизнь положившего служению Истине, Науке и Родине.

Лев Николаевич ушел из жизни в 1992 г. Однако интерес к его трудам не только не утихает, но, напротив, постоянно возрастает. Более того, самые разные общественные силы привлекают его работы для фундаментирования своих взглядов, по-своему трактуют его позиции, манипулируют его именем. Чем объяснить этот феномен, такую популярность его творчества? Я бы отметил здесь, не вдаваясь в анализ концепций Льва Николаевича, по крайней мере три обстоятельства.

Первое – и, думаю, многие с этим согласятся – страна наша претерпела всестороннюю национальную катастрофу. Достаточно сказать о распаде государства и в территориальном отношении, и во многом как общественного института, о потере общенародных (а значительной частью населения и личных) моральных ценностей и ориентиров. И главной движущей силой этого чудовищного по своим последствиям процесса стал *национализм*, противоестественное для конца XX в. стремление замкнуться в своих национально-территориальных границах, противопоставление одной нации другой или другим, доведенное до абсурда местничество. Между тем все учение Л. Н. Гумилева пронизано идеей национальной и духовной терпимости, уважения к особенностям, к образу жизни каждого народа, идеей их *совместного* и *равноправного* исторического творчества. Ведь «неполноценных этносов нет!» – считал Лев Николаевич (*Л. Н. Гумилев. «Тысячелетие вокруг Каспия»*).

Книги Гумилева – и этим они, в частности, дороги и интересны сегодня – посвящены этногенезу, т. е. развитию этносов, народов в их контактах, противоборстве и сотрудничестве. На фактах и процессах истории они показывают, между прочим, что, «пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, *объединенная* Евразия (выделено мной. – Л. В.) успешно противостояла натиску и Европы, и Китая, и мусульман» (*Л. Н. Гумилев. «От Руси до России»*).

Второе обстоятельство как раз и состоит, по-моему, в том, что Гумилев, используя богатейший материал всемирной истории, изучал и описывал движение, развитие народов главным образом на территории гигантского *евроазиатского* материка. А именно здесь происходят сейчас самые бурные события, ход и результаты которых могут оказать сильнейшее – благоприятное или катастрофическое – воздействие на характер взаимоотношений между государствами во всем мире. И в книгах Гумилева люди ищут ответа на вопрос: какова же роль России в современном и будущем мире, в том мире, где Восток объективно станет играть еще большую роль, чем сейчас? Будет ли она стеной между Западом и Востоком или же *мостом* между ними? Противники Гумилева приписывают ему ненависть к Западу, одностороннюю ориентацию на Восток. Сама постановка вопроса о роли России как моста между Западом и Востоком показывает беспочвенность подобных обвинений. На самом деле он был только против того, чтобы рассматривать Запад как *единственный* свет в окошке, призывал не забывать исторического опыта сожительства российских народов с другими народами, особенно с народами Востока.

Да, у Льва Николаевича были продиктованные анализом истории нашей страны, скажем так, «восточные» предпочтения в выборе ее возможных друзей и союзников, была и критика в адрес стран западных: «...*надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, мо-*

гут быть только хитроумными эксплуататорами» (Л. Н. Гумилев. «Ритмы Евразии»)). Может быть, кто-то сочтет, что по крайней мере вторая часть этой формулы приложима и к нынешней системе взаимоотношений России и Запада. Но даже здесь, в одном из самых, может быть, резких заявлений автора, есть определенная констатация, окрашенная его личным мнением, однако нет приписываемой ему ненависти к западному миру. Что же касается первой части, то для нее существовали (и существуют) вполне объективные основания: «...при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых» (Л. Н. Гумилев. «От Руси до России»)). И вот последние слова его последнего интервью: «...если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» (Л. Н. Гумилев. «Ритмы Евразии»)). Имеющий очи да видит, имеющий уши да слышит!

Этот круг мыслей Льва Николаевича представляется особенно важным при попытке заглянуть в достаточно близкую перспективу человечества. Никто, разумеется, не может гарантировать ни того, что ему удастся избежать третьей мировой войны, ни того, что наши потомки не будут втянуты в нее. Думаю, что такая возможность достаточно реальна. Ведь темпы потребления невозобновляемых топливно-энергетических ресурсов планеты растут катастрофически быстро; различия в уровне развития передовых и сравнительно отсталых стран становятся все более глубокими и все менее терпимыми; энергично формируются новые центры экономической мощи, и происходит передел сфер влияния между ними. Кто поручится, что подобные процессы однажды не вырвутся из-под контроля человечества и не поставят его на грань жизни и смерти? Недаром Организация Объединенных Наций числит первой в своем перечне опасностей, угрожающих населению планеты, именно мировую термоядерную схватку. И если она состоится еще до появления новых технологий использования постоянно возобновляемых источников тепла и энергии, то ее фактической целью будет прежде всего захват контроля над источниками невозобновляемого топлива, прежде всего нефти, газа. А это значит, что главным предметом вожелений станет самая богатая ими и теперь, быть может, одна из самых незащищенных владелиц их – Россия.

Ну а так как чужими руками развитым странам жар загребать приятнее всего; и так как значительная часть сравнительно отсталых в экономическом отношении государств находится в сфере влияния исламского фундаментализма; и так как самый легкий способ поднять на дыбы огромные массы малообразованных фанатиков – призвать их «покарать иноверцев», то, доживи я до новой мировой бойни из-за передела истощающихся природных ресурсов, не удивился бы, узнав, что она густо припудрена «благородной» идеей борьбы экстремистских течений му-

сульманства против христианства. А самое главное поле такой битвы – опять же Россия: есть, где развернуться, есть, кого вырезать, есть, что захватить и присвоить... В общем, в свете подобных допущений единение России и, как теперь нас называют, россиян с другими странами и народами Евразии, о чем постоянно говорил Л. Н. Гумилев, выглядит особенно необходимым и безотлагательным.

(Так писал я лет восемь тому назад. Сегодня, в 2003 г., картина возможного будущего в этом отношении становится еще более многофакторной и поэтому еще менее предсказуемой хотя бы из-за появления на исторической арене организованного и крупномасштабного международного терроризма. Но это обстоятельство только актуализирует и обостряет необходимость в быстрейшем сближении и объединении усилий всех стран независимо от их географического положения, политических систем, религиозной ориентации и т. п. в общем противостоянии вызовам ушедшего и нового веков.)

И наконец, третье обстоятельство, способствующее росту популярности трудов Л. Н. Гумилева, состоит в том, что Россия находится на перепутье, когда судьба ее совершенно непредсказуема. Теория Льва Николаевича позволяет в какой-то степени заглянуть в будущее своей страны, своего народа. Но, размышляя над этим, стоит иметь в виду, что сам он не абсолютизировал значения исторических фактов и даже их обобщений для практики сегодняшнего дня. Историк дает материал для размышлений, расширяет границы наших представлений о прошлом ради более глубокого понимания настоящего и выработки решений, способствующих благоприятному ходу событий в будущем. «Задача Науки лишь в том, чтобы своевременно предупредить сограждан о вероятных вариантах развития событий, а дело Политики найти оптимальный выход из возможных, но необязательных, т. е. непредначертанных, коллизий. Вот почему фундаментальная наука и практика обоюдно нужны друг другу» (Л. Н. Гумилев. «Древняя Русь и Великая степь»).

Свою часть этой совместной работы Лев Николаевич Гумилев выполнил. Он свершил свой научный и человеческий подвиг, к которому готовился давным-давно не только в творческом, но и в морально-психологическом отношении. Еще в лагере у нас состоялся такой разговор:

– Вы знаете основное содержание моей концепции. Как Вы думаете, сумею ли я ее когда-нибудь опубликовать, если все-таки окажусь на воле?

– Жизнь, Лев Николаевич, несмотря ни на что, идет вперед, и, если после Сталина режим в стране хоть в какой-то степени изменится, у Вас появятся шансы сделать это. Но Ваша концепция не вписывается в существующую идеологию, и поэтому даже при некоторой либерализации обстановки Вас ждут огромные трудности.

– Это я понимаю. Так как же тогда действовать?

– По-моему, путь один: защитить докторскую, получить кафедру, читать лекции и готовить своих учеников и последователей, которые

понесут Ваши идеи дальше. Тогда они не погибнут, даже если Вы не сможете опубликовать свое учение во всех его аспектах и в полном объеме.

Видимо, этот разговор запал в душу Льва Николаевича, и через много лет, вручая мне свою книгу «Этногенез и биосфера Земли» (она выросла из его второй докторской диссертации, экземпляр которой автор задолго до ее защиты хранил у меня «на всякий случай»), он написал на титульном листе: *«Дорогому молодому Льву, от Льва старого, облезлого, на память о днях и годах рождения этой книги. Ваш совет выполнен: автор освободился, защитил две докторские диссертации, 25 лет читал самостоятельный курс в Университете, подготовил читателя и, наконец, выпустил сию книгу. Итак, она рождалась 40 лет. Л. Гумилев»*.

Его пример беззаветной любви и преданности, бескорыстного служения своей стране – один из спасительных маяков, которые, будем надеяться, помогут уже ныне живущим вывести ее вновь на путь могущества и процветания.

Мне же остается поблагодарить судьбу за то, что моя жизнь не только в годы пребывания «на теплом месте», но и в последующие десятилетия была окрашена и обогащена тесным общением с этой яркой, незаурядной Личностью.

Глава 3

«ГДЕ ТЕПЕРЬ ЭТИ КРЕПКИЕ РУКИ, ЭТИ ДУШИ ГОРЯЩИЕ – ГДЕ?»

*Семейные корни и ветви. –
А. А. Вознесенский: человек, ученый и педагог,
государственный и общественный деятель. –
«Нас всех могут физически уничтожить».*

Уже давно написаны были и предыдущие, и ряд последующих глав, а я все не решался приступить именно к этому разделу книги. Сотни раз глаза останавливались на длинном ряде полок, под завязку набитых книгами и журналами, в которых рассказывается о моих родственниках, их жизни, государственной и общественной деятельности и гибели в связи с так называемым «ленинградским делом», содержатся ссылки на их научные работы, а руки между тем не могли прикоснуться ни к перу, ни к компьютеру: видно, душа не была готова обратиться к до сих пор самой большой для нее теме. Но все же в конце концов чувство долга взяло верх...

Начну, пожалуй, со своего деда со стороны матери. Прошло почти восемь десятилетий с тех пор, как я впервые увидел его, и около семи с того дня, когда он был убит, но все эти долгие годы в моей душе живет светлый образ этого человека, согревающий ее и помогающий выбирать свой путь в нашей многосложной жизни.

Родина его – Вологодская область (по нынешнему административному делению), где, в частности, протекает полноводная река Суда. Отсюда, наверное, и фамилия его семьи – Судаковы. Бабушка же моя – Елизавета Михайловна Малинина. У них с дедушкой, Василием Мартыановичем, было девять детей, старшая из которых, Анна Васильевна, вышла замуж за моего отца – Александра Алексеевича Вознесенского.

И дедушка, и бабушка были и остались у меня в памяти олицетворением русского характера, прежде всего таких его черт, как светлое, уважительное отношение к природе и людям, искренняя скромность, непритязательность и неистребимое, пожизненное трудолюбие. Все это в полной мере передалось и их детям. И я хотел бы предоставить здесь слово одной из них – Лидии Васильевне. Ее, моей второй матери, опекавшей меня чуть ли не с рождения до старости, воспоминания (незаконченные, к сожалению) я с небольшими сокращениями включаю в Приложения, тем более что описанные ею детали дореволюционного быта северной российской деревни, характеров и поступков людей того времени выходят далеко за узкосемейные рамки и, по-видимому, могут быть интересны достаточно широкому кругу читателей.

Расстрелян дед был в приснопамятном 1937 г. только за то, что некогда был священником, хотя к тому времени уже давно ему пришлось «выйти за штат» и даже формально отделиться от семьи, чтобы хоть немного облегчить положение детей, подвергавшихся из-за своего социального происхождения всяческим ограничениям и преследованиям. Его сын Петр, насколько было известно в семье, не выдержав такой дискриминации, застрелился. Дедушка же погиб по грубо состряпанному «делу», одному из десятков тысяч подобных, когда в стране была развернута широкая кампания по физическому уничтожению не только действовавших, но и бывших «служителей культа».

На примере этого «дела» можно судить о технологии и методах «юридического» оформления в сталинские времена процесса массового истребления людей по признакам их социальной, профессиональной и даже национальной принадлежности. В местное отделение милиции поступает запрос «из района», есть ли на территории данного сельского Совета «служители культа». Участковый инспектор отправляет рапорт о том, что таковых проживают три человека, с присовокуплением протоколов допросов двух «свидетелей». О деду они показывают, что тот часто ходит на кладбище (потом выясняется, что в течение какого-то времени он был там сторожем), а вот зачем – не знают. Но *«надо полагать»* (курсив мой. – Л. В.), что производит молебны там. (Стиль и орфография «следственных дел» и других официальных материалов в книге полностью сохранены.) Предлог, пусть и нелепый, состряпан. Примерно так же поступают и по отношению к двум другим бывшим священникам. Всех троих тут же арестовывают, смертельный капкан захлопывается, и их «сводят» в «преступную группу» – ведь именно групповые преступления влекут за собой то, ради чего все происходит, то есть расстрел. В считанные дни составляются протоколы допросов в одних и тех же формулировках не только вопросов, а и ответов, но теперь уже предъявляются обвинения контрреволюционного и даже террористического характера. Подследственные все отрицают, однако затем, хотя и не могут, даже с «помощью» следователя, сами привести какие-нибудь связанные с их «преступной деятельностью» факты и даты, *«вынуждены»* (вот уж точное слово появляется в протоколах) признать обвинения! «Тройка УНКВД» заочно и оперативно приговаривает их к смерти. Людей убивают, а для истории остается папка с призванными оправдать «законность» совершенного злодеяния малограмотными бумажками, но зато с заранее типографски исполненной на обложке надпись: «Дело по обвинению ... с применением санкции по 1-й категории», что и означало расстрел.

Как и множества других людей, судьба этих священников глубоко трагична, и слабым утешением для их близких может быть лишь то, что они прожили свою жизнь и ушли из нее с чистой совестью: все трое сопротивлялись, сколько было возможно, насильственным методам ведения следствия и не запятнали никого из своих бывших прихожан и просто знакомых.

Именно ощущение какой-то, можно сказать, максималистской порядочности, душевной чистоплотности и доброты ко всем окружающим и ко всему миру осталось у меня от дедушки. Эти черты характера Василия Мартемьяновича удивительно органично проявлялись и в его внешнем облике, в несуетливой, достойной манере держаться и даже в голосе, до сих пор звучащем в моей памяти. Голос дедушки был подлинным, а может быть и самым большим его сокровищем. Низкий, могучий и вместе с тем бархатный, обволакивающий слушателей, он был известен далеко за пределами прихода. По семейным преданиям, дедушка отклонил все приглашения, поступавшие из знаменитой оперной труппы Мариинского театра в Санкт-Петербурге, и остался простым деревенским священнослужителем. Архирей присылал за ним коляску, чтобы дьякон, а затем священник о. Василий мог принять участие в главных службах, проходивших в Череповце или в Вологде (к сожалению, не помню точно, в каком из этих городов). Рассказывали и о том, что, когда он вступал в песнопение, стекла в храме дрожали и звенели, и голос дедушки – мягко рокочущий, с богатейшими модуляциями – перекрывал звучание церковного хора.

Сам я в храме его не слышал – был слишком мал тогда, но слышал в доме и особенно в лесу, точнее, в бору. По мере того как я подрастал, он все чаще брал меня с собой, когда отправлялся на одновесельной лодке-«душегубке» за сеном или хворостом. Наш путь начинался от поставленного им самим недалеко от основного дома, где жила его семья, небольшого рубленого «особняка» на берегу сравнительно узкой реки Шулмы, почти у ее устья – места впадения в широкую Андогу. На дальнем, правом ее берегу начинался бесконечный сосновый бор. За всю жизнь мне не довелось быть в более прекрасном лесу: он состоял из гигантских стройных, мачтовых сосен, верхушки которых можно было увидеть, не рискуя потерять при этом шапку, только придерживая ее на голове руками. Чистейший, пронизанный, налитый солнцем воздух, под ногами не земля, а пружинящий толстенный ковер из сосновых иголок и серебристого мха. И речь человеческая в таком лесу как бы глхла, потому что в нем даже в самую тихую погоду поскрипывали стволы этих великолепных сосен, а их верхушки раскачивались от неощутимого внизу ветра и неустанно «говорили» о чем-то своем друг с другом...

– Спой, дедушка, что-нибудь, – просил я его.

– Что ж тебе спеть? Духовное – родители будут недовольны, светское – мал еще, не поймешь. Спою-ка я тебе народное...

И звучал его мягкий и вместе с тем такой мощный голос, что в нем тонул даже говор огромного леса и возникало удивительно острое ощущение гармонии мира, его красоты и совершенства, слияния твоей жизни с жизнью реки, леса, всего сущего... Конечно, не этими словами выражались тогда мои чувства, но они были настолько яркими, что сохранились и поныне. Увы, теперь давно уже нет всего того, что их рождало,

– ни бесподобного голоса, ни благородного леса, ни моего детства. Но как не поклониться судьбе за то, что все это – было?

Ну, и еще об одном – маленьком, но тоже запомнившемся уроке, полученном от деда, уроке равенства и справедливости. Думаю, мне было лет пять, если не меньше. В селе Никольском Вологодской области, как и в большинстве, наверное, деревень страны, люди жили тогда, мягко говоря, не сытно, и мясо на столе, даже в малых дозах, бывало не часто. Но в тот день от похлебки – а ели всей семьей, дети и взрослые, из одной большой и довольно высокой миски – исходил слабый аромат петушиного мяса (почему-то оно по вкусу и запаху отличалось, как мне казалось, от куриного). Однако чего-то ощутимого для зубов, а не только для языка и неба я в ложке никак не находил. Сообразив, что желанное можно поискать на дне миски, я опустил ложку пониже и, действительно, вытащил кусочек мяса. Тогда любящий и любимый дедушка, сидевший напротив, обтер свою деревянную ложку и щелкнул ею меня по лбу, произнеся при этом какую-то весьма афористичную фразу, из которой следовало, что есть хотят все и что гущу со дна надо брать по команде. Было не обидно (получил за дело!), но стыдно, и я навсегда запомнил: порядочный человек не должен строить свое благополучие за счет других людей.

Спасибо тебе, дедушка, и за этот урок, за то, что самой жизнью и даже гибелью своей ты завещал нам, твоим потомкам, каждый поступок, большой и малый, сверять с Совестью. Вечная тебе память!..

Да, эти «рядовые», казалось бы, люди, в число которых входил и дедушка, не только словом, но и повседневными поступками своими несли другим свет добра и высокой нравственности. Однако еще в годы горбачевской перестройки, реабилитировав их чохом, что было тогда, по-видимому, единственно возможным, сделали это в такой правовой форме, которая по сути является профанацией святого, казалось бы, дела. Ведь их «деятельность» *ныне* признана не подлежащей осуждению как не содержащая общественной опасности, но в выдаваемых потомкам документах не говорится о том, что этой «деятельности» – антисоветской, антигосударственной – не было вообще. Другими словами, они так и не реабилитированы «за *отсутствием* состава преступления», а их «дела» не объявлены сфальсифицированными. Например, в выданной мне справке о судьбе деда просто воспроизводится без каких-либо оговорок, без указания на ее ложный характер формула 37-го г.: «за проведение антисоветской агитации подвергнут высшей мере наказания – расстрелу».

Конечно, расстрелять человека тогда было легче и быстрее, чем теперь по-настоящему *пересмотреть* его «дело» многодесятилетней давности, и при нынешнем состоянии государства и его правовых институтов по каждому из миллионов уничтоженных граждан это просто непосильно, но создать правовую основу для того, чтобы не пачкать еще раз

их доброе имя оскорбительными подозрениями или хотя бы допущениями возможности того, что их арестовали и погубили за какие-то противоправные по тому времени деяния, совершенно необходимо, по-моему.

Что же касается цинично и зверски уничтоженных служителей Церкви, думаю, было бы справедливым увековечить память о всех ее мучениках, включая, быть может, и погибших из-за приверженности вере мирян, у которых еще в довоенные годы безвинно отняли не только жизнь, но и право на могилу, созданием достойного их мемориала. Надеюсь, что наша Патриархия поддержит эту идею.

О бабушке со стороны матери и о ней самой кое-что достаточно любопытное, по-моему, рассказано ее сестрой Лидией Васильевной (см. Приложения – «Былое») и моим младшим братом Эрнестом Александровичем (там же – «Вхождение в жизнь»). Добавлю только несколько штрихов к нарисованному ими портрету матери – Анны Васильевны.

С 16 лет она учительствовала – сначала в далеком от ее дома селе, а затем в детском монастырском приюте, тогда же вошла в группу сочувствующей молодежи (комсомола в тех краях еще не было), в 20-м г. уехала в Петроград и поступила в университет, где вскоре стала членом партии и входила, как сказано в одном издании, в число наиболее теоретически (думаю, следовало бы сказать – *лучше*) подготовленных, стойких и авторитетных студентов – коммунистов.

Мать унаследовала от своих родителей какую-то абсолютную честность, доведенное до фанатизма чувство долга, перед которыми отступали любые обстоятельства, если они могли хоть сколько-нибудь снизить ее требования к себе самой. Ее твердый, несгибаемый характер, доставлявший в детстве нам с братом немало нелегких минут, несколько смягчался открытым и просто самоотверженным отношением не только к близким, но и к посторонним людям. Так, в лагере она оказалась с серией тяжелых заболеваний, приобретенных в блокадном Ленинграде; усугубленные и дополненные на лесоповале, они в конце концов вынудили даже тамошнее начальство перевести ее на инвалидность, но и при этом она вставала задолго до подъема, чтобы расчистить от снега для солагерниц дорожки между бараками и привезти на санях (или на коляске летом) бочку с водой. Подобное отношение к людям она сохранила вплоть до последнего дня и часа. Больше всего мать боялась затруднить кого-либо своими проблемами и, умирая, беспокоилась о том, чтобы не доставить тем самым неприятных переживаний соседкам по палате.

По воспоминаниям ее сестры, Анна была по-настоящему, «классически красива» – с правильными чертами лица, большими лучистыми темно-кариими глазами, белозубой улыбкой, пушистой косой и невысокой, но очень стройной, хорошо сложенной фигурой. Долгие годы она являла собой прямо-таки сгусток энергии – еще в юности по праву счи-

талась лучшей жницей в селе, да и в течение всей жизни не чуралась никакой работы, которая всегда горела у нее в руках. Это не мешало ей, уже будучи замужем, выглядеть слишком хрупкой для такого «солидного» статуса. Как-то вместе с женой отец зашел в Книжную лавку писателей на Невском проспекте, около Аничкова моста. Бывал он там часто, его хорошо знали, и, когда выбранные им книги упаковали, продавец, глядя на нее, сказал: «Только вот, к сожалению, Александр Алексеевич, детской литературы у нас нет». Тот от души расхохотался, а мать почему-то была очень обижена такой ее «недооценкой».

Выйдя за моего отца, она, можно сказать, посвятила свою жизнь ему: вскоре оставила занятия в университете, а затем поступила на службу, умудряясь при этом создавать мужу максимально благоприятные условия для его работы, которой он был занят без малого круглые сутки. В течение многих лет он заведовал кафедрами сразу в нескольких вузах Ленинграда (включая и Военно-морскую академию), и я помню такие сцены: отец влетает домой, смотрит на часы и говорит ей: «Разбуди меня через... семь минут!» – сбрасывает с себя одежду, падает на постель и молниеносно засыпает. Ровно через семь минут мать его будит, он вскакивает с совершенно свежей головой и мчится читать следующую лекцию, заседать в Ученом совете и т. п. Она же ночами, чтобы к утру все было готово, стирала и гладила старинным, с раскаленными углями внутри, утюгом белоснежную военно-морскую форму отца, доводя ее до такого состояния, когда на ней не оставалось не только ни единой «неположенной» складки, но даже и морщинки. Конечно, ее душой и рукой вела тогда любовь, но и чувство долга, как она его понимала, тоже.

В начале 30-х гг. родители расстались – и здесь тоже сыграл свою роль характер матери: отец сказал (не знаю, по какому поводу) что-то резкое, и мать тут же оставила его. Но до конца жизни каждого из них они сохранили очень теплое и глубоко уважительное отношение друг к другу, а может быть, так мне казалось по ряду деталей, и нечто большее. Мать говорила, что отец спас ее, находившуюся уже при смерти, во время блокады Ленинграда.

До сих пор душу точит воспоминание о глубокой обиде, нанесенной мной матери. В 1946 г. я приехал в отпуск из армии (наша часть стояла тогда в Австрии). Мы не виделись пять лет, я стал взрослым и давно отвык от материнской ласки. И в тот момент, когда я, сидя за столом, снимал с ремня кобуру с пистолетом, чтобы убрать его в ящик, мать подошла сзади и попыталась меня обнять и поцеловать. А у меня с непривычки, что ли, непроизвольно передернулись плечи. Она промолчала, только слезы покатались по ее лицу, и с тех пор больше ни разу в жизни (характер!) меня не обняла.

Ко времени ее ареста в 1950 г. мать уже около двадцати лет не была женой моего отца, но это не помешало обвинить ее в том, что она «знала и скрывала от органов советской власти о преступной деятельности сво-

его мужа», и по решению так называемого Особого совещания при министре Государственной безопасности СССР направить в особый же лагерь сроком на 10 лет как... «члена семьи изменника Родины» (почему-то именно в таком падеже в те годы писалось и произносилось последнее слово) «и за антисоветскую агитацию». Для ясности надо добавить, что отец хранил письма матери, в том числе те, в которых она еще в 29-м г. критически характеризовала, исходя из ее служебного опыта, обстановку в учреждении, где она работала, все более сгущавшуюся и там, и за его пределами, атмосферу фальши, безропотного чинопочитания и заискивания перед начальством. «В сущности, – писала она, – не так уж трудно быть на хорошем счету. Надо лишь перестать уважать себя – и тебя будут уважать другие». Эти и другие подобные ее наблюдения и выводы об эволюции общественной жизни и человека в ней привели в конце концов к тому, что она через 18 лет после пребывания в партии была из нее в 38-м г. исключена (тогда она поплатилась за это начавшимся туберкулезом, который удалось вовремя вылечить), а затем, уже в 50-м, эти письма были использованы и против автора, и против сохранившего их адресата. Ну а поскольку «перестать уважать себя» было сверх ее сил, все обвинения в адрес отца в связи с ее письмами она полностью относила только на свой счет и, несмотря на нажим следствия, жестко заявляла, что знала его «как советского человека» и с ним каких-либо «антисоветских бесед не было».

Думаю, эти небольшие штрихи в какой-то мере позволяют воссоздать психологический портрет Анны Васильевны, а мне хоть чуть-чуть облегчить бремя вины за то, что я, вечно занятый работой, недодал ей своего сыновнего внимания и тепла.

Теперь о родственниках со стороны отца. О деде известно немного – он умер еще в 1917 г. Родился Алексей Дмитриевич в Тульской губернии в семье, опять-таки, «служителя культа» – дьячка, но не продолжил эту линию: работал приказчиком лесничества, а затем лесником (по этому и некоторым другим моментам из прошлого семьи существуют разночтения в источниках, но они касаются деталей и не меняют существа информации). В доносе на его дочь, поступившем «куда следует» в 1937 г., сказано, что дедушка «получил личное почетное гражданство, т. к. не пошел по религиозной работе». Судя по этой корявой фразе, он, будучи старшим сыном, отказался от права быть причисленным к духовному сословию, а в виде своеобразной моральной «компенсации» за такое решение, похоже, чуть ли не автоматически полагалось присвоение упомянутого звания. К сожалению, найти какое-либо подтверждение этого предположения мне не удалось. Но как бы то ни было, столь, казалось бы, незначительный факт через десятки лет дорого обошелся его детям – моему отцу, его брату и сестрам, став одним из пунктов их обвинения (!) по так называемому ленинградскому делу.

Бабушка Любовь Георгиевна (в быту и в некоторых документах – Егоровна) тоже родилась в Тульской губернии, в Черни, и тоже в семье одного из низших церковных «чинов» – то ли пономаря, то ли дьячка Глаголева. Вспоминаю ее чаще всего с улыбкой как человека, спасшего меня, можно сказать, от весьма скверной участи. Дело в том, что после рождения я с месяц, если не больше, жил безымянным, так как отец хотел, чтобы в имени его первенца, отражая дух времени, сочетались Революция, Интеллект и Марксизм. Ничего благозвучного и вместе с тем соответствующего этой идее у него, к счастью, не получалось, а бабушке надоело мое безымянное существование, и она в конце концов сказала: «Да назовите его просто Лёвушкой!» Так я и получил свое «звериное» имя... 84-х лет от роду она была, говоря словами «следственного дела», арестована «за преступную деятельность против советской власти» и заключена в тюрьму, поскольку, по мнению «органов», находясь на свободе, могла «уклониться от следствия и суда». Следствие же «установило»: эта деятельность состояла в том, что она жила на иждивении своих детей, и «как лицо, представляющее общественную опасность по своей связи с преступной средой», т. е. с сыновьями и дочерьми, решением Особого совещания при министре Государственной безопасности СССР была сослана в Красноярский край сроком на восемь лет.

«Взяли» (как тогда говорили) бабушку в октябре 1950 г. в осеннем пальто и легких туфлях и в этом виде вместе с ее младшей дочерью Валентиной Алексеевной (09.01.1906 – 10.02.1996) – она заведовала кафедрой политической экономии Ленинградского педагогического института имени Герцена – в декабре, после содержания в тюрьме, отправили в ссылку. В вагоне для заключенных их этапировали в Красноярск, а оттуда в январе следующего года неотопливаемым военным самолетом перебросили за Полярный круг, в Туруханский район. Приземлились они ночью, в лютый мороз, вокруг посадочной полосы вздымались огромные сугробы, и только где-то вдали еле мерцал одинокий огонек. Тут ссыльные и получили последнее напутствие:

– Видите огонек? Идите на него, там деревня. Найдите дом старосты, он определит вас на постой...

Несколько часов пробивались они к деревне по бездорожью, порой по грудь в снегу, и, в конце концов найдя дом старосты, услышали из-за закрытой двери:

– Идите в конец деревни, там есть пустая конюшня с сеном. В ней переночуете и придете утром – тогда с вами разберемся.

Одетая далеко не по сезону, бабушка, хотя и признанная тюремным врачом годной к легкому физическому труду, не сумела в ссылке внести свой вклад в укрепление экономической мощи государства, так как в ту ночь заболела и через три дня скончалась. Теперь, наверное, от ее могилы уже и следа не осталось...

Члены семьи Валентины Алексеевны – муж и оба сына – тоже были сосланы.

Без преувеличения можно сказать, что бабушке повезло с детьми: все четверо были отмечены печатью таланта, в нелегких условиях жизни семьи до революции, а затем и первых послереволюционных лет получили высшее образование и стали заметными фигурами в избранных ими сферах деятельности. Мой отец был старшим – он родился в 1898 г., Мария – в 1901-м, Николай – в 1903-м и Валентина – в 1906 г.

Конечно, каждому из них были присущи индивидуальные черты характера, но были и общие, роднящие их не только по крови. На первое место я бы поставил глубочайшую порядочность, совесть, какую-то обостренную, даже в мелочах, щепетильность. Вторая семейная черта – беззаветное служение долгу, Родине, делу строительства социализма. И третья – неподдельная человечность, реальная забота о людях, с которыми их сталкивала жизнь, помощь им в трудных ситуациях. Надеюсь, читатели сами убедятся в справедливости таких выводов, ознакомившись с последующими страницами этой и следующей глав. Боюсь, правда, что придется кое-что и повторить, несмотря на многочисленные публикации об этих дорогих мне людях, т. к. большинство изданий уже давно стали библиографической редкостью, а новые поколения вообще имеют весьма смутное, крайне одностороннее и во многом просто извращенное представление о недавнем прошлом своей страны. Ну а для истории и историков надеюсь успеть оставить в Российском Государственном архиве социально-политической истории библиографию научных и иных работ отца и его брата и обширный перечень литературы о них.

Всегда спокойная, доброжелательная, внимательная к людям, Мария Алексеевна (17.11.01 – 28.10.50) вызывала искреннее уважение со стороны тех, кто ее знал. Вместе с Николаем Алексеевичем они создали первую комсомольскую организацию в Черни, и Мария Алексеевна была сначала секретарем горкома, а затем председателем уездного комитета комсомола. Членом РКП(б) стала в 1919 г. и всю жизнь занималась профессиональной партийной работой. В 1937 г. была арестована «как участница контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, которая, зная о троцкистах, не разоблачала их и назначала на преподавательскую работу заведомо чуждых элементов». Виновной она ни в чем себя не признала и заявила: «Врагом по отношению к партии и Советской власти я никогда не была и не буду несмотря на мое заключение под стражу и никогда в контрреволюционной троцкистской организации я не участвовала» (из протокола допроса). Тем не менее ее вместе с малолетними сыновьями и мужем отправили в ссылку в Богучанский район Красноярского края. К счастью, Николай Алексеевич сообщил об этом Жданову, ссылка была отменена, и «дело» прекращено. Но оно осталось, затаилось до поры до времени в архиве и ждало своего часа, чтобы опять быть использованным на новом витке сталинских репрессий в партии и государстве.

Вернувшись из ссылки, Мария Алексеевна, восстановленная в партии, продолжала работать в Ленинграде. В 1942 г. она оказалась в Свердловске, работала в райкоме и горкоме ВКП(б), а в следующем году стала секретарем по пропаганде горкома и обкома. Выдвинул ее на эту работу тамошний первый секретарь Андрианов, впоследствии сыгравший зловещую роль в так называемом «ленинградском деле», в том числе и в ее судьбе. А во время войны он, посылая председателю Госплана СССР – Николаю Алексеевичу – телеграмму с просьбой о выделении дополнительных ресурсов угля для обеспечения работы оборонной промышленности Свердловска, настоял на том, чтобы под этим документом была подпись и Марии Алексеевны. Уголь город получил, что представляло собой нормальную практику перераспределения Госпланом ресурсов, если это диктовалось интересами страны, но через несколько лет, когда из ничего создавалось «ленинградское дело», телеграмма послужила «основанием» для предъявления и Николаю Алексеевичу, и Марии Алексеевне обвинения по расстрельной статье Уголовного кодекса. «Выяснилось», что она, секретарь по *пропаганде*, «проявляла рваческие тенденции в обеспечении Свердловска различными материалами (в них по ходу следствия превратился пресловутый уголь. – Л. В.) сверх фонда за счет других областей Советского Союза». Однако Андрианову при этом обвинение не предъявлялось: тогда он был уже первым секретарем Ленинградского обкома и горкома КПСС и яростно громил тамошние партийные и советские кадры, возглавлявшие город во время блокады и его восстановления.

Но я забежал вперед и еще не сказал, что после Отечественной войны Мария Алексеевна сначала заведовала Ленинградским Домом политического просвещения, а затем стала первым секретарем Куйбышевского райкома. В книге В. А. Демидова и В. А. Кутузова «Ленинградское дело» опубликованы воспоминания о ней работника Ленинградского горкома партии П. Н. Жучкова, считавшего, что «если у кого и учиться партийной скромности, бескомпромиссности и преданности ленинской партии, так это у Марии Алексеевны... Я был на пленуме райкома партии. Когда ее освобождали, приехал секретарь горкома ... и сказал: «Товарищи, есть предложение освободить Вознесенскую Марию Алексеевну от обязанностей первого секретаря райкома партии». И ничего более – ни мотивировки, ни обвинений... «Есть вопросы?...» Все молчат. «Возражений нет?» – «Нет». Проголосовали...». С Марии Алексеевны и начались аресты в наших семьях в связи с фабрикацией самого «громкого» и массового послевоенного «дела» – «ленинградского». О многих его деталях нам с братом рассказал в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС Алексей Ильич Кузнецов, которому при Н. С. Хрущеве была поручена практическая работа (скорее всего, в рамках комиссии Н. М. Шверника) по пересмотру материалов крупных политических процессов прошлого, начиная как раз с этого «ленинградского дела». В частности, он подчеркнул, что в ходе бесчеловечного следствия, проходившего в Лефор-

товской тюрьме, держалась Мария Алексеевна, как и ее братья, мужественно, и Сталин, чтобы выяснить, почему они не дают нужных ему показаний, послал туда «комиссию» – Маленкова, Берию и Булганина, которые предложили ей:

– Дай показания на братьев (видимо, требовалось нечто большее, чем содержалось в протоколах допросов. – Л. В.) – оставим тебе жизнь, будешь работать на подпольной партийной работе... (Существование такой странной, казалось бы, для 1950 г. формулировки подтверждается тем, что позднее я сталкивался с нею еще дважды по другим поводам. – Л. В.)

Мария Алексеевна отказалась и была расстреляна вместе с братом – Александром Алексеевичем.

Ее мужа и старшего сына на этот раз отправили в тюрьмы и лагеря, младшего – тоже через тюрьмы – в ссылку.

«ВОЗНЕСЕНСКИЙ Александр Алексеевич (5.3.1898 – 27.10.1950), советский экономист, деятель науки и культуры, профессор (1939). Член КПСС с 1927. Окончил Петроградский (Ленинградский) государственный университет (1923). С 1923 преподавал и заведовал кафедрами политической экономии в вузах Ленинграда. Организатор и декан экономического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ); в 1941–48 ректор ЛГУ и Саратовского (1942–44) государственного университета. В 1948–49 министр просвещения РСФСР. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Вице-председатель Общеславянского комитета. Вознесенский – автор ряда работ по вопросам теории и методологии политической экономии, а также методики ее преподавания». (Небольшое уточнение: по некоторым данным, позднее полученным в ФСБ, он был расстрелян в 2 часа ночи не 27, а 28.10.1950 г. – Л. В.)

Из 1-го тома «Экономической энциклопедии»

Затем, как это обычно делается в энциклопедических изданиях, приводятся (далеко не полные) список его сочинений и перечень литературы о нем.

Об отце с самого моего детства и до последнего мгновения, когда он ушел из дома, чтобы отправиться в отпуск, а оказалось – там же, в Сочи, на горе Ахун быть арестованным и через год с небольшим уничтоженным, у меня (и у многих других знавших его людей) сохранилось впечатление как о необычайно солнечном, светозарном человеке. Он мог быть сосредоточенным, сдержанным, озабоченным, но я никогда не видел его раздраженным или угрюмым. Из ясных глаз – это видно даже на прижизненном живописном портрете и на фотографиях – лился свет, свет радости бытия, общения с людьми, творчества в любом деле, которым он был занят. Красивая белоснежная (последствие 37-го г.) голова венчала великолепную стройную фигуру – в воспоминаниях сестры моей матери сказано, что он мог бы «служить моделью для скульптора», а

женщины, в довоенные годы бросавшие на него взгляды на берегу моря, называли отца Аполлоном. Позднее он чуть «посолиднел», но состариться так и не успел: его убили в 52 года.

И еще немного из воспоминаний, в чем-то перекликающихся с моими, той же Лидии Васильевны о нем, относящихся к их знакомству в 1926 г.: «Моя первая мысль была: «Какой солнечный!» – так от него повеяло бодростью, свежестью, энергией, вообще чем-то радостным... Каким запомнился мне Александр Алексеевич? Это был высокий, очень стройный блондин... Густые светлые волосы, ясные серо-голубые глаза. Для лица было характерно выражение какой-то особой доброжелательности и живого интереса к окружающему, к собеседнику, к рассказу. Быстрые движения, упругая походка, исключительная аккуратность в одежде. Он преподавал в четырех вузах, в том числе в Военно-морской академии, и обычно носил военную форму, которая ему очень шла. Он не любил входить в квартиру по темному коридору, и мне очень запомнилось, как стремительно пролетал он через анфиладу комнат, на ходу расстегивая шинель.

Кроме преподавания он выступал с лекциями, участвовал во всевозможных комиссиях, писал статьи. Справляться со всем этим ему помогала высочайшая организованность – весь день у него был заранее спланирован до минут, и план строго выполнялся. Иногда, проработав допоздна, он на следующий день забегал отдохнуть, при этом клал передо мною часы и говорил: «Разбуди меня через двадцать три минуты» и, когда я сообщала: «Двадцать три минуты прошли», моментально вставал, одевался и уходил на очередную работу.

(Сохраняю и это небольшое совпадение со своими наблюдениями, чтобы добавить маленький эпизод: после такого короткого сна отец, поставив ногу на край жесткого стула, быстро и ловко пропускает шнурки через крючки, заменявшие на форменных морских ботинках традиционные отверстия; в это время в комнату с блокнотом в руках неторопливо вплывает его младшая сестра и так же «врасстяжку» говорит: «Сашенька, я сейчас пишу такой-то параграф диссертации – какие вопросы надо там осветить?») И отец, не отрываясь от своего занятия, отвечает: «Пиши: ...», молниеносно набрасывает ей перечень проблем в их последовательности и взаимосвязи и стремительно исчезает. Наверное, контраст в темпе жизни собеседников, в особенностях их психологии был настолько разителен, что врзался даже в детскую память. Что же касается Валентины Алексеевны, то спокойный характер не помешал ей стать успешным ученым и вузовским преподавателем.)

«Несмотря на такую напряженность, работал он, – продолжает свои воспоминания Лидия Васильевна, – по-моему, с удовольствием: вероятно, этому способствовало удовлетворение от хорошо выполненной и всеми признаваемой большой работы... Меня поражало его умение работать в проходной комнате – очевидно, он настолько уходил в работу, что не замечал окружающего...

Отношения с сослуживцами у него были хорошие, они ему очень часто звонили... Некоторые приезжали домой, но это были деловые визиты. Не помню, чтобы у него был задушевный друг, с которым были бы и дела, и жизнь пополам, – кажется, со всеми были ровные дружеские отношения. Думаю, это объяснялось тем, что для него, как и для Николая Алексеевича, жизнь – это была работа, которой отдавалось все, а остальное – друзья, женщины, удовольствия – было иногда приятным, но не обязательным довеском...

В университете Александра Алексеевича не просто любили, но и восхищались им. На его лекциях аудитория всегда была полна. Читал он без всяких бумажек, очень легко (без «э-э»), логично и убедительно. Я сама слушала его курс и видела, с каким интересом относилась к лекции аудитория».

О жизни и творчестве моего отца можно прочесть, как уже говорилось, в многочисленных воспоминаниях о нем, а я приведу сверх опубликованных лишь несколько фактов.

Как-то мне довелось лечиться на Украине, в Трускавце, где в промежутках между процедурами мы «сражались» на теннисном корте с кем-то из приехавших туда по той же причине. И вот однажды, «умаяв» друг друга, присели на скамью, разговорились. Оказалось, что мой «противник» – капитан первого ранга в отставке, командир дивизиона торпедных катеров. Естественно, он поинтересовался, чем занимаюсь я. Зная, что многие люди, мало знакомые или вовсе не знакомые с экономической теорией, думают о ней совсем не так, как она того заслуживает, я ответил:

– Скудной наукой – политической экономией.

И тут на меня обрушился водопад справедливого гнева:

– Что Вы! Как можно так говорить?! Я сорок лет назад слушал лекции по политической экономии в Военно-морской академии и помню их чуть ли не слово в слово до сих пор! Эту науку я полюбил на всю жизнь...

Горло у меня перехватило, и я с трудом ответил:

– Если это было сорок лет назад и в Военно-морской академии, то Вы слушали лекции моего отца...

Так и оказалось.

Прошли еще годы и годы, и однажды в комнату (тогда я работал в Отделе пропаганды ЦК партии) буквально ворвался мой коллега – доктор экономических наук, профессор Э. П. Плетнев – со словами:

– Лев! Ты не можешь себе представить, какой потрясающий комплимент я сегодня получил! После лекции ко мне вместе с другими слушателями подошел, опираясь на палку, какой-то очень пожилой человек и дребезжащим голосом заявил публично:

– Я слушал лекции академика Тарле, лекции Александра Алексеевича Вознесенского и должен сказать Вам, молодой человек: у Вас тоже кое-что получается!..

Эрик Пантелеймонович прямо-таки светился от этой похвалы, хотя сам был опытным лектором. И я невольно вспомнил и рассказал ему об одном случае из лекционной практики отца. Было это, скорее всего, во второй половине 20-х гг. Однажды к нему, только что прочитавшему лекцию по политической экономии, подошел один из слушателей – вчерашний рабочий, ставший студентом университета, и сказал:

– Товарищ профессор, после Вашей лекции хочется взять дубину и с ней пойти на капитализм!

Я услышал об этом от отца уже после войны, в 40-х гг. К тому времени он был признанным мастером своего дела, достигшим вершин педагогического мастерства, и все же заключил свой маленький рассказ так:

– С тех пор прошло лет двадцать, но, знаешь, никогда и ничто, никакие награды и другие знаки признания для меня, преподавателя, не были так дороги, как эти слова простого рабочего паренька: я понял, что на сторону нашего дела завоеваны не только разум, а и сердце человека, и завоеваны навсегда.

Как студент, не раз слушавший лекции отца, могу свидетельствовать: они всегда были не только содержательными, но и образными, эмоционально насыщенными. В них не было каких-то голословных призывов и анафем в адрес буржуазного устройства общества, в них была только логика жизни и логика мысли – и именно это, подобно мощному магниту, привлекало к лекциям сознание слушателей.

Сейчас об отрицании капитализма и защите социализма как исторической перспективы человечества писать не модно, но я хочу показать тех, о ком рассказываю, такими, какими они были в действительности, да к тому же, как читатель мог заметить, мои взгляды в принципиальных моментах не расходятся с их суждениями, хотя и содержат много такого, что в их время показалось бы, вероятно, неправильным или даже ошибочным. Ну что же, жизнь идет вперед, и каждый при желании имеет возможность извлекать из нее новые и новые уроки...

Природа далеко не всегда равно одаривает человека внешне и внутренне. В Александре Алексеевиче она сделала такое исключение. Его брат, Николай Алексеевич, общепризнанный обладатель недюжинных способностей, особенно высоко ценил методологическую, если так можно сказать, составляющую его ума, тонкость и точность мышления ученого. Порой, будучи студентом, я спрашивал его, например, о том, как Маркс трактует такую-то сторону такого-то сложного вопроса. И в ответ мог услышать: «Не помню, но, исходя из таких-то основополагающих позиций, из логики развития мысли, в таком-то месте «Капитала» (или другой его работы) он должен прийти к такому-то выводу... Проверь». И не было случая, чтобы отец ошибся.

В своих научных работах он не навязывал читателям, как и студентам в лекциях, готовых выводов, не призывал заучивать цитаты из произведений подлинных и мнимых классиков, а прививал аудитории на-

выки *самостоятельного* анализа экономических процессов и явлений, проходя *вместе* с нею весь путь поиска научной истины. «Сомневайтесь!» – призывал он своих учеников, следуя, очевидно, любимому изречению Маркса, взятому им у древних: «Подвергай все сомнению». От незнания – к первичному знанию, от него – к сомнению в его полноте и достоверности, далее – к добытому новому знанию и снова – к сомнению, и т. д. – таковы, на мой взгляд, бесконечные ступени движения научной мысли в процессе познания, анализа ею окружающего мира и к развитию самой личности человека. Именно такая или подобная ей позиция и была, строго говоря, его единственным «преступлением», объективно подрывавшим психологические устои тогдашнего режима, который все больше и больше нацеливал людей на механическое усвоение готовых истин, в кавычках и без них, сформулированных Сталиным или приписанных ему, на продиктованное сверху единообразие мыслей и поступков.

На лекции Александра Алексеевича собирались студенты и экономического, и других факультетов университета, а о публичных выступлениях в Ленинграде извещали не только газеты и радио, но и афиши. И подобно учебным, городские аудитории тоже всегда были переполнены. Недаром многие из пяти тысяч учебных и полутора тысяч публичных лекций, которые он успел прочитать за свою так рано оборвавшуюся жизнь, остались в памяти его слушателей как пиршество мысли, как выдающиеся образцы творческого применения материалистической диалектики в политической экономии.

Несколько следующих абзацев – главным образом для будущих историков экономической мысли советского периода – построены на характеристиках, содержащихся в публикациях, посвященных анализу политико-экономических сочинений А. А. Вознесенского или в какой-то мере связанных с ними.

Теоретические работы Александра Алексеевича, содержащие немало новых, свежих для своего времени идей, относятся главным образом к этапу становления (двадцатые – первая половина тридцатых годов) советской политической экономии и в связи с этим отражают существовавшую тогда борьбу взглядов по коренным вопросам теории. Именно в двадцатые годы, как подчеркивают исследователи, до начала предпринятого Сталиным идейного и организационного погрома в экономической науке и физического уничтожения многих из лучших ее представителей, были заложены основы для появления и развития политической экономии социализма. Внес свой весомый вклад в этот процесс и А. А. Вознесенский. Ярко выраженная особенность его работ – их глубокая *методологичность*, что имело исключительно важное значение в условиях, когда еще только вырабатывались принципы научного анализа совершенно новой социально-экономической действительности, а предлагаемые выводы проверялись суровой практикой жизни.

Так, за два года до начала широкомасштабной дискуссии по этой проблеме Александр Алексеевич в обширной статье «К вопросу о понимании категории абстрактного труда» (1925 г.) первым выступил как против механистических, так и против идеалистических ее трактовок, дал в этой и более поздних работах детальный и чрезвычайно ценный анализ этого основополагающего понятия экономической теории Маркса.

Заметный след в истории политической экономии советского периода оставили два крупных раздела – «Предмет политической экономии» и «Товар», подготовленные А. А. Вознесенским для вузовского учебника, вышедшего в 1931–1932 гг. тремя изданиями. Интегральный характер этих работ, которые представляли собой сплав экономического, философского и социологического анализа, позволял студентам пройти школу подлинно научного мышления, когда в центре внимания исследователя оказывались *внутренние противоречия*, присущие экономическим явлениям и процессам, что и позволяло выявить закономерности их развития и взаимодействия. В его работах дана всесторонняя характеристика предмета и метода политической экономии и их единства, основных моментов способа производства материальных благ, содержания таких понятий, как «производительные силы» и «производственные отношения», раскрыта диалектика их взаимосвязи.

Как и ряд других экономистов, Александр Алексеевич защищал тезис о научной правомерности и необходимости формирования политической экономии переходного периода и периода *социализма* и, что особенно ценно, уже в те годы, вопреки весьма распространенным представлениям, говорил о существовании экономических законов его движения и их *объективном* характере. Основным из них на переходном этапе от капитализма к социализму он считал закон социалистического обобществления, который реализуется через плановую деятельность государства. Она же, по его мнению, может быть успешной только при использовании *товарной* формы в качестве рычага планирования народного хозяйства. Вместе с тем, подчеркивая товарный характер тогдашнего общественного производства, он впервые проанализировал социально-экономическую природу и роль продукта труда в каждом секторе советского хозяйства в переходный период.

В публикациях, посвященных анализу политико-экономических работ А. А. Вознесенского, отмечается, в частности, и статья «Расширенное социалистическое воспроизводство» (1941 г.), где обозначены его важнейшие черты и особенности, и именно такая система взглядов на эту проблему стала затем общепринятой в научной и учебной литературе. В равной степени это относится и ко многим другим новаторским позициям в его сочинениях, создававшихся автором в процессе поиска научной истины, преодоления принимавшихся экономистами (в том числе и им) в то время за истину заблуждений и активного участия в коллективной выработке методологических основ и теоретических выводов нарождавшейся политической экономии социализма.

В высшей степени требовательный к себе во всем, и прежде всего в научном отношении, А. А. Вознесенский, добиваясь максимальной точности в содержании, в научной разработке тех или иных идей, умел изложить их просто и доходчиво. Именно с этих позиций он не был удовлетворен хорошо известным в те годы весьма полезным при всех его недостатках четырехтомником «Комментариев» Д. Розенберга к «Капиталу» К. Маркса. Александр Алексеевич считал, что раскрыть логику и содержание этого основополагающего труда можно и нужно глубже, точнее, доходчивее. И при всей своей сверхзанятости практическими делами он все же делал наброски для такого издания. К сожалению, они, как и фактически законченные рукописи двух книг – «Логика и основные идеи «Капитала» и «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме», – были уничтожены вместе с их автором. (Основное содержание первой из них изложено в статье доцента С. Д. Зака «Об одной неопубликованной рукописи А. А. Вознесенского» и в машинописном варианте подготовленной им же брошюры, находящейся также в упоминавшемся фонде РГАСПИ.)

Прирожденный, как многие считали, администратор, блестящий организатор, он тем не менее остро переживал то, что служебные и общественные обязанности отвлекали его от чисто научной и преподавательской деятельности. Однажды, в пору самых высоких официальных признаний эффективности его работы на посту министра, он с ноткой горечи сказал:

– Все, что я делал и делаю в сфере управления, очень скоро после того, как я уйду из нее, забудется. Останется лишь то, что принадлежит науке.

К счастью, отец все же недооценил человеческую способность помнить добрые дела независимо от того, к какой сфере жизни они относятся. Об этом говорит хотя бы то, что в 1998 г., почти полвека спустя после гибели Александра Алексеевича было тепло и уважительно, несмотря на новые реальности в стране, отмечено 100-летие со дня его рождения. В бывшем Ленинградском, теперь Санкт-Петербургском государственном университете прошли заседание Ученого совета и Всероссийская научная конференция, посвященные памяти его ректора; от правительства поступила содержательная телеграмма, в которой, в частности, подчеркивалось, что «известный ученый-экономист, министр просвещения Российской Федерации, он внес крупный вклад в историю университета, высшего и среднего образования в стране». В «Российской газете» опубликована статья «Просвещенный век профессора Вознесенского», в нескольких журналах также появились статьи и очерки. Спасибо всем, кто счел нужным написать их, кто организовал связанные с этой датой мероприятия и принял участие в них, почтив тем самым память об Александре Алексеевиче Вознесенском.

Ну а по поводу относительной долговечности любого реального вклада в науку он был не далек от истины. Конечно, общественные науки вообще, а уж в сталинское время тем более, были крайне уязвимы с точки зрения их объективности. И все же лучшие достижения советских философов, экономистов, историков не потеряли своей значимости и для современной общественной мысли, и для ее развития в дальнейшем, если, конечно, подходить к ним по-хозяйски. Я уж не говорю о том, что, как известно, в науке отрицательный результат есть тоже результат, порой не менее значимый, чем положительный, ибо только так достигается ее движение вперед, к истине.

Что же касается работ Александра Алексеевича, то и через десятилетия после того, как они были написаны, студенты, аспиранты, преподаватели, научные работники искали его статьи и разделы в учебниках, хотя они находились, как говорится, за семью печатями, в спецхранах основных книгохранилищ. В последние десять лет их постигла общая для практически всех обществоведческих работ советского периода участь. Когда кучка предателей-авантюристов поставила точку в истории Советского Союза, началось насильственное тотальное отторжение всего и вся, что было с ним связано, в том числе и чуть ли не в первую очередь в области общественных наук. Понадобились годы, чтобы появились первые признаки просветления умов (еще не у всех, к сожалению), понимания того, что без трезвого анализа прошлого и учета не только его недостатков, пороков и преступлений, но и реальных, действительно исторически значимых, признанных во всем мире достижений ничего путного не выстроишь ни в настоящем, ни в будущем.

В области теоретической экономики повальный негативизм выразился, в частности, в отрицании исторического значения марксистского учения, в полном, огульном отказе от него, в слепом следовании западным теориям и учебным курсам, одностороннем увлечении так называемой экономикс – наукой, как ее характеризуют сами авторы, исследующей «поведение людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов». Было бы нелепым отрицать ее полезность для профессиональной подготовки управленческого и другого административного персонала, работающего в условиях рыночной экономики, но эта наука (или, если угодно, учебный курс) отнюдь не поднимает мысль человека к звездам, сводя, главным образом, его интересы к счету прибылей и убытков, конкурентной борьбе и прочим нужным, конечно сугубо земным, повседневным задачам и проблемам. Может быть, этого и достаточно для, как принято говорить, западной хозяйственной и общественной практики, но этого явно недостаточно для России, беспомощно барахтающейся в пучине всеобщего кризиса и не способной ныне определить ни цели, ни реальные пути и перспективы своего дальнейшего существования (рука не поднялась написать – развития, ибо пока и,

боюсь, еще долго речь может идти только о ее прозябании, деградации, умирании, самоуничтожении).

Надо полагать, именно растущее понимание катастрофического положения страны и народа, бесплодности и бесперспективности многолетних заверений (не говорю – усилий) сменяющих друг друга властей в стремлении вытащить российские государство и общество из помойной, чтобы не сказать выгребной, ямы, в которую они же (!) их и сбросили, лежит в основе некоторых новых явлений в обществоведении. В последнее время все очевиднее просматриваются пока еще слишком робкие, но все же прогрессивные на фоне царящих во внутренней политике последнего десятилетия XX в. творческой импотенции и интеллектуального маразма тенденции в этой области знания. Пожалуй, пионером здесь выступают экономисты, поскольку они ближе всего, естественно, связаны с наиболее «провальной» в нынешних условиях сферой жизни – с народным хозяйством, а точнее с тем, что от него еще осталось.

Эти тенденции проявляются в постепенном отходе от западных научных и учебных шаблонов, о которых говорилось чуть выше, в возрождающемся и возрастающем интересе к творческому осмыслению отечественного и зарубежного теоретического наследия и практического опыта экономического развития. Обнадёживает то, что все больше внимания уделяется особенностям нашей страны (от географических и климатических до исторических и ментальных) и анализу современного этапа ее существования, ощущаются растущие неудовлетворенность узкоделаческим взглядом на функции экономических субъектов и институтов и тяготение к научным обобщениям, к политической экономии как одному из важнейших элементов процесса познания обществом самого себя и формирования личности человека и гражданина. Речь идет, безусловно, не о возвращении к единым и для всех обязательным идеологическим догмам, а о создании научной концепции развития общества, о его трезвом самоанализе и понимании на их основе своих реальных перспектив. И это – возрождение обществознания, творческий подъем в каждой из составляющих его дисциплин, их эффективная роль в спасении страны и народа, в сознательном выборе ими оптимальных путей развития в XXI в. – на наших глазах становится необоримым требованием самой жизни.

...Активное, творческое начало было одной из главных черт характера и деятельности Александра Алексеевича. Он стал одним из основателей специального высшего экономического образования в стране – организатором и деканом первого экономического образования в стране – организатором и деканом первого экономического образования (тогда он назывался политико-экономическим) факультета, заведовал кафедрами по этой дисциплине в ряде вузов Ленинграда, в том числе, конечно, в своем родном университете. Став его ректором, он сделал все возможное и сверхвозможное для спасения коллектива во время блокады Ленинграда и в эвакуации, а затем внес огромный вклад в восстановление и развитие своей

alma mater, вскоре после войны потеснившей на вершине системы высшего образования Московский университет. За время «ректорства» Александра Алексеевича в ЛГУ дополнительно появились четыре факультета, сорок шесть кафедр, двенадцать научно-исследовательских институтов и т. д., и на первых же послевоенных выборах в Академию наук СССР сразу шестеро ученых университета стали ее действительными членами и девятнадцать – членами-корреспондентами.

Крупные и плодотворные изменения произошли и в качественных характеристиках научной, преподавательской и воспитательной работы. Многие его начинания приобрели общесоюзное значение и способствовали прогрессу всего высшего образования в стране.

Правда, нашелся человек, профессор Фриш, который в своих воспоминаниях попросту оклеветал университет и его людей, включая ректора, что вызвало возмущение тех, кто на своих плечах вынес тяготы войны и послевоенной разрухи. Надо полагать, предчувствуя такую реакцию, он не решился опубликовать эту работу при жизни и распорядился предать ее гласности лишь через четверть века после своей смерти. Так вот, автор пишет сам о том, как Александр Алексеевич всячески помогал ему в трудные и даже критические моменты жизни, за что, кажется, можно быть только благодарным. Действительно, продолжая преподавать в университете, он в течение многих лет встречался с друзьями отца в дни его рождения, участвовал, не колеблясь, в посвященных ему глубоко уважительных публикациях, но... в то же самое время писал свои воспоминания с диаметрально противоположными оценками и характеристиками. Видимо, проблема совести для него не существовала. А причина столь негативной позиции состояла в том, как это вполне отчетливо просматривается в книге, что ректор, назначив его в начале войны деканом факультета, не позволил ему бежать из Ленинграда, когда фашистские войска подступили к городу, и тем «обрёк» автора будущих воспоминаний (вместе с собой, всем руководством и коллективом университета, поскольку существовало решение властей о неэвакуации этого вуза) на муки блокады... Просмотрев книгу и получив письма-протесты от ознакомившихся с нею бывших универсантов – блокадников, я направил вместе с этими документами соответствующее письмо в выпускавшее ее издательство, директор которого принес извинения за публикацию непроверенных фактов и ложных суждений. Здесь же рассказываю об этой ложке дегтя, полагая, что раз она существует, моя обязанность, истины ради, упомянуть о таком крайне редком для литературы об Александре Алексеевиче выпад против него.

Подлинная интеллигентность и широкая эрудиция (недаром его называли «Луначарский нашего времени»); отец, правда, совершенно искренне полагал, что такая параллель неправомерна, в связи с чем рассказал мне о действительно достойных восхищения способностях своего далекого предшественника) позволили ему творчески подойти, после

назначения министром просвещения РСФСР, и к проблемам среднего образования. Отсылая опять-таки профессионально заинтересованных в этой проблематике читателей к подготавливаемой мной библиографии, расскажу лишь о некоторых деталях, отсутствующих в перечисленных там многочисленных публикациях.

Еще до войны, когда Николай Алексеевич стал снова работать в Москве, между братьями состоялась договоренность о том, что Александр Алексеевич раз и навсегда остается в Ленинграде. Это совершенно устраивало обоих, и на неоднократные предложения занять тот или иной пост в Москве отец отвечал отказом, а если дело вопреки его желанию, с которым тогда не очень-то считались, доходило до подготовки решения, Николай Алексеевич как кандидат в члены, а позднее член Политбюро всегда накладывал свое «вето» (для этого ему было достаточно написать на опросном листе без всяких объяснений одно слово: «Возражаю»). Так этот механизм и действовал до тех пор, пока Жданов и Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение отца на пост министра просвещения. Тут «вето», а оно на этот раз было выражено еще более жесткой формулировкой *«Категорически против»*, сработать уже не могло...

В то время, когда отец пришел на эту работу, в ЦК партии сложилось резко критическое отношение к деятельности Академии педагогических наук и ее президента И. А. Каирова. Александру Алексеевичу было даже предложено параллельно с министерством взять на себя и руководство академией. Он отказался, заявив, что поможет президенту в течение полугода выправить положение. И действительно, они постоянно, даже по воскресеньям (тогда был один выходной день в неделю), чаще всего в доме отдыха «Сосны», работали над проблемами академии до тех пор, пока вопросы к ней не были сняты. И когда отца освободили от должности министра, а Ивана Андреевича назначили на нее, он сказал: «Александр Алексеевич, я не имею к Вам никаких претензий, ничего, кроме благодарности».

Когда отец сообщил мне об этом разговоре, я спросил его:

– Как ты думаешь, Каиров долго продержится на этом посту?

– Да, – ответил отец. – Он совершенно безынициативен и никогда не выдвинет никаких новых идей. А именно такие люди, как видно, сейчас и нужны.

И правда, уж не знаю, по этой ли, по другим ли причинам, но Иван Андреевич, кажется, действительно поставил рекорд длительности пребывания на этом весьма горячем участке государственной работы.

Что же касается претензий, то их не было по существу и у руководства ЦК. За несколько дней до формального освобождения от работы – Сталин подписал соответствующее постановление Политбюро 12 июля 1949 г. – отца вызвал Маленков. Между ними состоялся довольно любопытный разговор:

– Александр Алексеевич, надо оставить пост министра.

– Разве у ЦК есть какие-то претензии к моей работе? До сих пор партийная печать весьма высоко оценивала то, что делает министерство, и поддерживала нас в этом.

– Да, претензий, действительно, нет, но... не пойдет у Вас это дело, не пойдет... А что касается претензий, то Вы, как коммунист, должны помочь Центральному Комитету: подумайте и сообщите нам, какие недостатки в Вашей работе могут быть Вам предъявлены...

Цинично, конечно, но хотя бы откровенно... И вот мы, сидя на даче министерства (пока она еще оставалась за отцом), придумывали вдвоем эти «самообвинения». Например, я говорил:

– Может быть, ты бывал иногда резок в разговоре с сотрудниками?

– Наверное, если работа того требовала. Давай, запишем.

В общем, соединенными усилиями набрали «целых» шесть недостатков, которые затем и были предъявлены Александру Алексеевичу на заседании коллегии министерства.

Сделано это было его ярыми недоброжелателями – Дубровиной и Михайловым. «Она» заведовала сектором школ в аппарате ЦК и пыталась командовать работой министерства, а отец не любил чьего-либо непрошеного вмешательства в свои прерогативы. «Он» же был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и тоже стремился постоянно ввязываться в вопросы, входившие в круг обязанностей прежде всего министерства просвещения. Разумеется, отец должен был считаться с этими организациями, но садиться себе на голову никому не позволял. Именно этим людям Маленков и поручил провести упомянутое расширенное заседание коллегии. Александр Алексеевич был приглашен в президиум, и после его доклада состоялись заранее намеченные выступления участников заседания. И тут произошло нечто совершенно неожиданное: выходившие на трибуну один за другим с явно неподобающим случаю воодушевлением говорили о том, как кардинально изменилась работа министерства, какие новые и благие веяния произошли во всей системе просвещения, в школах, интернатах, институтах... Михайлов некоторое время был буквально в шоке, а потом опомнился и стал требовать от выступавших:

– Скажите, *кто* мешал Вам в работе?

– Никто. Мы работали очень интенсивно и дружно, без помех.

– Нет, Вы все-таки чего-то не понимаете... Скажите, *кто* именно мешал Вашей работе?

Выступающий молча мнетя на трибуне. Михайлов поворачивается к нему всем корпусом, вытягивает обе руки в сторону Александра Алексеевича и, потрясая ими, восклицает:

– Так *кто* же, в конце концов?!

Понуриив голову, выступающий вынужден выдать из себя искомое:

– Министр...

Рассказывая мне об этом, отец не столько удивлялся методам Михайлова, сколько радовался выступлениям своих коллег, тому энтузиазму, с которым они говорили о пройденном пути и о новых, еще не решенных задачах.

Дубровина и Михайлов получили вполне «заслуженные» ими поощрения: она стала заместителем министра просвещения РСФСР, а он через некоторое время – секретарем ЦК КПСС, позднее – министром культуры СССР. Тем министром, который говорил, например, так: «Что Вы мне о нем рассказываете? Он же гурман в искусстве!» Видно, путал слегка это понятие с другим, более привычным – турман... Документы, стаканы и т. п. – тоже из его лексикона. Бедная наша культура – ей далеко не всегда везло на действительно культурных руководителей.

Ну а когда отец предупредил меня о предстоящем освобождении от его поста, я тотчас ответил ему:

– Папа, не переживай! Мы же любим тебя не за то, что ты – министр. Станешь заведовать кафедрой – проживешь на десять лет дольше, и это будет нашей самой большой радостью.

Увы, в то время я еще не понимал, что произошедшее – первая ступень не к нормальной человеческой жизни, а к спуску в ад, из которого возврата нет.

Не сразу осознал это, наверное, не только я: вскоре после освобождения его от работы, когда он был дома, раздался телефонный звонок. Я снял трубку и сказал: «Слушаю» (а голос у меня был очень похожим на отцовский) и в ответ услышал:

– Александр Алексеевич, это Ворошилов.

Пришлось ответить:

– Здравствуйте, Климент Ефремович. Но это – его сын. Я сейчас позвоню Александру Алексеевичу.

И то ли Ворошилов действительно не понял ситуации, то ли совершил акт гражданского мужества, но во всяком случае он тепло переговорил с ним и даже предложил (а он был тогда заместителем Председателя Совета Министров СССР и председателем Бюро Совмина по культуре):

– Если у Вас будут какие-либо затруднения, обращайтесь прямо ко мне.

Однако он достаточно быстро оценил реальный ход событий и возможные последствия его вмешательства в них, и, когда Александр Алексеевич позвонил ему с просьбой о встрече, Ворошилов ответил:

– Нет, зачем же встречаться, все, что Вам нужно, Вы можете сказать по телефону.

Разумеется, Александр Алексеевич по телефону ни о чем говорить не стал. Так что верно, скорее всего, мое первое предположение...

Научный, творческий подход к любому делу, помноженный на неиссякаемую энергию и еще раз – на высочайшую организованность, позволил ему за короткое время решить или подготовить решение множества вопросов жизни всей системы народного образования (просвещения) не только в Российской Федерации, но и в масштабах страны. Отзвуки его идей, предложений и практических дел в сфере высшего и школьного образования, воспитания молодежи, распространения науч-

ных знаний во всех слоях общества были слышны и через десятки лет после его гибели. Не пытаясь даже перечислить задуманное и исполненное им в этих областях, ограничусь опять-таки несколькими деталями, даже не первостепенного значения.

Именно при Александре Алексеевиче началась подготовка ликвидации раздельного обучения мальчиков и девочек. Во время войны оно было введено Сталиным, и это обстоятельство требовало особенно тонкой политики для формирования общественного мнения и изменения позиции, как тогда было принято говорить, ЦК партии, то есть на деле — того же «вождя». И отец бывал очень доволен, когда тем или иным образом удавалось подтолкнуть мысли и населения, и педагогов, и организаторов народного образования в сторону возвращения к нормальной, общей для мальчиков и девочек системе обучения и воспитания.

Несмотря на то что нужно было придерживаться существовавшего в то время для руководителей определенного ранга «порядка», согласно которому они разъезжались по домам только в середине ночи, когда Сталин покидал свой рабочий кабинет, Александр Алексеевич все равно обычно «прихватывал» с собой (а уж на выходной день тем более) солидную пачку документов, ждущих его просмотра и реакции. Думаю, что скорее для моего ознакомления с методами функционирования механизма государственного управления, нежели для практической помощи, он иногда просил меня просмотреть эти материалы, рассортировать и высказать соображения по тем или иным из них, порой прямо спрашивая: «Какое бы решение принял ты по поставленному здесь вопросу?» Помню, меня поразил тот факт, что сам Председатель Совета Министров СССР, то есть Сталин, в ответ на просьбы министерства просвещения принимал и подписывал постановления об... освобождении военными каждого конкретного школьного здания где-нибудь, например, в Сибири, занятого ими еще в 41–45 гг. и не возвращенного органам народного образования даже в 48–49-м. За этими многочисленными фактами виделись, конечно, и реальное положение страны после тяжелейшей войны, и чудовищная степень централизации власти, когда только высший руководитель решал даже такие вопросы. Ну а какими еще вопросами и насколько детально, повседневно и лично занимался Генералиссимус после войны, я достоверно узнал лишь через полвека, когда ознакомился с некоторыми документами в бывшем Архиве Политбюро. Расскажу об этом в одной из следующих глав.

Вообще Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, похоже, окончательно убедила Сталина (если у него вообще когда-нибудь были в этом сомнения) не просто в своей гениальности, но и в непогрешимости, в совершенстве своего мышления. Однако для того, чтобы это было понятно любому случайно уцелевшему скептику внутри страны и, конечно, гражданам и руководителям зарубежных государств, все, что появлялось под эгидой его имени, должно было быть непревзойденным и в этом качестве сохраняться, в зависимости от назначения,

на долгие годы и десятилетия, а то и на века. Я столкнулся с этим, когда отец попросил меня внимательно прочитать только что подготовленный специальной комиссией новый проект свода правил русской орфографии и пунктуации. Не могу сказать, что он был идеален: я обнаружил в них 121 ошибку. Что и как, прочитав ее после меня, поправил в книге Александр Алексеевич перед отправкой проекта Сталину, не знаю, но, когда я спросил отца о перспективе выхода в свет этой работы, он ответил:

– Думаю, проект постигнет судьба всех предыдущих: Сталин не даст на него никакого ответа и тем самым снова «заморозит» его на годы, хотя нужда в таком нормативном издании очень остра.

– Но почему? Ведь книга уже подготовлена на уровне, вполне достаточном для практического использования. Если филологи позднее «изобретут» что-то существенное, можно будет внести это в новое издание и в практику преподавания.

– По сложившемуся порядку, ни одно мало-мальски заметное событие в любой области жизни не может произойти без личной санкции Сталина, в том числе и издание наших «Правил». Но раз что-то выходит в свет с его благословения, то это должно быть выше любой критики, соответствующим тому, что именуется «сталинским гением». Поэтому-то с довоенных времен переделывается по указаниям Сталина, но до сих пор не может родиться учебник политической экономии, – нет уверенности в его безупречности, в том, что какие-то сформулированные там положения не будут поставлены под сомнение ходом жизни. Казалось бы, «Правила» с этой точки зрения менее уязвимы, но думаю, что их постигнет такая же судьба.

К сожалению, Александр Алексеевич оказался прав: учебник политической экономии только с 1937 по 1941 г. переделывался 15 (!) раз, после войны работа продолжалась еще несколько лет, и появился он лишь в 1954-м, а «Основные правила орфографии и пунктуации» и того позднее – в 1956 г. (они действуют, в отличие от учебника, и по сей день).

Пожалуй, скажу несколько слов о том, как вообще относился отец к Сталину. В наших разговорах, так или иначе его касавшихся, он не обозначал точек над *i*, но, суммируя свои наблюдения, я понял, что никаких восторгов вождь у него не вызывал. Ни в теоретическом, ни в практически-политическом плане он никогда не ставил его вровень с Лениным. Вместе с тем как опытный политик отец понимал, что судьба всего народа и любого гражданина, в том числе его самого, прямо или косвенно подчинена капризу, воле, решению Сталина, перед которыми бесильны и факты, и логика, и закон. Так, незадолго до ареста он, объяснив мне цели и методы деятельности Берии, Маленкова и Кагановича по дискредитации своего брата, Николая Алексеевича, сказал:

– Нас всех могут физически уничтожить. Единственная, хотя и слабая надежда – на прямое вмешательство Сталина. Но что бы со мной ни случилось, знай всегда: перед партией и государством я не виноват ни на йоту.

И все же, несмотря на ощущение такой абсолютной зависимости от позиции Сталина, отец, будучи человеком широко образованным, не мог принять без, по крайней мере, душевной неловкости фимиам, который воскурялся в стране вокруг «вождя народов» в таких масштабах и холуйски-верноподданнических формах, что по существу превращался в подобие газовой атаки на население, не имевшее для защиты своего духовного здоровья никакого идеологического или нравственного «противогаза». Нормой стало, например, завершать каждую лекцию или доклад именем Сталина, что, кстати, автоматически обеспечивало выступавшему дежурные аплодисменты зала, да еще стоя. Как-то в разговоре об этой неприличной традиции отец обронил не без оттенка самоуважения:

– За всю жизнь я только раз, в безвыходной ситуации – тема обязывала, – позволил себе закончить лекцию таким традиционным образом.

То ли этот разговор запал мне в душу, то ли сработали гены, но через много лет я поступал в аналогичных ситуациях точно так же: относясь к Хрущеву и Брежневу явно лучше, чем многие из их прихлебателей, я не мог позволить себе включиться в хор славивших своих патронов даже в тех случаях, когда для этого были определенные основания или хотя бы поводы. Как ни удивительно, кто-то заметил такую позицию, и в ЦК поступил донос (интересно чей?) о том, что я в своих телевизионных программах на Леонида Ильича не ссылаюсь и вообще его не упоминаю. Из Отдела пропаганды раздался звонок моего хорошего друга Е. С. Велтистова, выполнявшего соответствующее поручение начальства, Главному редактору Главной редакции пропаганды Центрального телевидения (основные мои программы шли по ее линии) Ф. Р. Бруеву с требованием срочно отчитаться о том, сколько раз упоминал я Брежнева. Федор Романович был очень взволнован таким запросом, так как он грозил крупными неприятностями не только мне, но и ему. Однако выход я быстро нашел в том, что некоторые выступавшие в передачах «руководящие товарищи» – очевидно, это полагалось по их положению – Леонида Ильича время от времени вспоминали. Мои коллеги произвели подсчет спасительных для нас ссылок, к нему приложили выечатки из стенограмм и отправили все это в отдел. В результате на этот раз донос цели не достиг, а я, да простят меня за нескромную шутку читатели, получил лишнее подтверждение правильности моего постоянного требования к самому себе: надо быть умнее своих противников, что, правда, в данном случае было не так уж трудно...

История эта невольно напомнила мне о том, что требование Чехова выжимать из себя по капле раба оставалось в советском прошлом и остается актуальным в псевдodemократическом настоящем. Более того, оно еще более значимо именно сейчас, когда под лозунгом развития демократии создается общество немногих богатых, которые позволяют себе все, в том числе безнаказанно преступать закон, и огромного большинства бедных и нищих, которых закон не только не защищает, но и попро-

сту третирует. Сегодня люди вымаливают заработную плату и пособия, не выплачиваемые им месяцами и даже годами, а завтра при таком порядке вещей вернемся к «Дозвольте, барин, ручку поцеловать!» – вот перспектива для тех, кто не владеет ни промышленным гигантом, ранее бывшим общенародной, государственной собственностью, ни десятками или сотнями гектаров земли, отобранной у бывших колхоза или совхоза, ни нажитыми воровскими путями и способами явными и тайными капиталами в России и за рубежом.

Да, но я опять задумался о настоящем, забыв на время о прошлом. Вернусь в него. В течение всех четырнадцати месяцев, пока до гибели своей отец находился в тюремных казематах, а брат и я оставались еще на свободе, мы почему-то получали на домашний адрес письма ему как депутату Верховного Совета СССР. Видимо, их пересылал кто-то из этого госаппарата, где они были уже не нужны, потому что эти письма содержали не просьбы, а удивительно теплые слова бесконечной благодарности Александру Алексеевичу за реальную помощь людям, порой уже отчаявшимся когда-нибудь решить свои проблемы. И больше всего меня поражала парадоксальность ситуации: среди обращений к нему, находящемуся в тюрьме и при том явно накануне гибели, были письма тех, кто освободился по его ходатайству из заключения, или их родных и близких, а ведь в то время это казалось почти невозможным. К слову, даже во время войны, еще не будучи депутатом Верховного Совета, он умудрялся решать подобные головоломки. Помню, он как-то упомянул, что сумел тогда вырвать из ссылки В. В. Виноградова – будущего академика, светило отечественной филологии и литературоведения.

Впрочем, вся административно-управленческая работа отца и в Ленинграде, и в Саратове, и в Москве была ежедневно пронизана, среди других дел, конкретной заботой о конкретных людях, множество примеров чего приводится в воспоминаниях тех, кто не забыл и этой стороны его деятельности в университете (недаром там его за глаза так и называли – «папа-ректор») и министерстве.

Не могу не упомянуть вкратце, среди прочих, о еще одной ипостаси Александра Алексеевича: он был вице-председателем Славянского комитета СССР и Общеславянского комитета, избранного первым послевоенным Славянским конгрессом, состоявшимся в Белграде в конце 1946 г. Как представитель Советского Союза в этом комитете, он внес большой вклад в объединение славянских народов, направленное на искоренение остатков фашизма, противодействие тенденциям его возрождения, на борьбу за мир и безопасность во всем мире, против угрозы новой войны. Интересно отметить, что движение это (может быть, в значительной мере на волне еще не остывшего энтузиазма, вызванного Победой над гитлеровской Германией и ее союзниками и военным сплочением стран, боровшихся с ними) очень активно поддержи-

валось, как говорится, простым народом во всех славянских странах. После ареста отца навсегда (для семьи, по крайней мере) исчезли фотографии гигантских, до ста тысяч человек, митингов на площадях Польши, когда он выступал перед этим людским морем бесконечного человеческого потока, до отказа заполнившего центральный проспект столицы Югославии, с плывущей над ним на руках студентов Белградского университета фигурой Александра Алексеевича – представителя русского народа, великого Советского Союза. Невозможно было без волнения смотреть на счастливые, взволнованные лица и молодежи, и ветеранов, охваченных единым порывом. Такое искусственно не создашь, по заказу не организуешь... Был даже период, когда руководство одной из славянских стран прощупывало возможность ее вхождения в СССР на правах 17-й союзной республики. Сталин такую идею отклонил – видимо, из геополитических соображений. Но все это говорит о том, что в те годы братство славянских стран и народов крепло. И можно только горько пожалеть, что уже через какие-то два-три года в результате диктаторской, великодержавной политики Сталина, приведшей, в частности, к разрыву с Югославией, славянское движение надолго пришло в упадок. Оно потеряло свой поистине массовый, а в некоторых странах по существу всенародный характер, перестало быть заметной общественной силой. А ныне, через полвека, и того хуже: единокровные народы разъединены не только политически, но во многом и духовно.

Тогда же, после войны, даже при сильно и откровенно звучащей политической составляющей этого движения, именно духовному, культурному единству славянства придавалось особенно важное значение. По инициативе Александра Алексеевича и при активной поддержке его личных друзей – президентов Белградской академии наук Александра Белича, Пражской академии наук Зденека Неедлы и Болгарской академии наук и искусств Тодора Павлова, других коллег из славянских стран были установлены разнообразные контакты между их учеными, получили новый импульс исследования по славяноведению (научная сессия в этой области знания прошла с участием советских и зарубежных специалистов в Ленинградском университете уже летом 1946 г.) и развернулась подготовка к проведению в Москве первого послевоенного Общеславянского конгресса ученых-славяноведов. Отец был избран председателем Организационного комитета, проделал большую работу в этом направлении. К конгрессу, намеченному на весну 1948 г., активно готовилась научная общественность Болгарии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Югославии, но после того, как по указанию Сталина – см. «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991» – трижды переносились его сроки, он так и не состоялся из-за упомянутых внешних и отчасти из-за внутренних (создание «ленинградского дела», по которому погиб и А. А. Вознесенский) политических событий 1948–1949 гг.

Теперешняя наша жизнь вновь актуализировала проблему единства славянских народов. Пожалуй, она даже стала или может стать в недалекой перспективе еще более значимой, а во многом и более сложной, чем в первые послевоенные годы. Подчеркну в связи с этим другую сторону вопроса: при всей важности укрепления духовного, культурного единения славян эта тематика и тогда не была самодовлеющей. То было, повторю, движение общественно-политическое прежде всего, нацеленное на солидарность и *всестороннее* сотрудничество славянских народов. И последнее: «общий, принципиальный момент», говоря словами Александра Алексеевича, в укреплении содружества славян состоял в том, чтобы «не противопоставлять себя другим народам, а, наоборот, не допускать ничего такого, что могло бы быть основанием или хотя бы поводом к такому противопоставлению». Иными словами, это движение по сути своей было *интернационалистским*. Упоминаю об этом в надежде на то, что подобные соображения, может быть, пригодятся современным сторонникам славянского единства как на территории бывшего Советского Союза, так и за ее пределами.

Идеи и практические задачи всемерного укрепления содружества славян Александр Алексеевич не только пропагандировал в своих выступлениях в печати и по радио, на массовых митингах и в научных аудиториях, на заседаниях Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, но и обсуждал их с руководителями Болгарии, Польши, Чехословакии, с ведущими деятелями Югославии – И. Тито, Э. Карделем, М. Джиласом. О ставшем позднее известным писателем и политиком Миловане Джиласе он говорил с особенным уважением. В свою очередь, Джилас в книге «Беседы со Сталиным», вышедшей в 1961 г., тепло вспоминая о встречах с Александром Алексеевичем и Николаем Алексеевичем, написал: «Со старшим Вознесенским у меня были очень интересные дискуссии во время Всеславянского съезда в Белграде зимой 1946 года. Мы с ним сошлись на том, что официально признанная теория «социалистического реализма» является узкой и односторонней. Еще более единодушно мы считали, что в социализме, вернее коммунизме, после создания новых социалистических стран замечаются новые явления и что в капитализме есть перемены, еще теоретически не изученные. Вероятно, и его красивая умная голова пала в безумных чистках»...

В Белграде, в государственном архиве Югославии хранятся документы, связанные с деятельностью Общеславянского комитета и славянским движением вообще. Жизнь сложилась таким образом, что «добраться» до этих 20 ящиков мне, к сожалению, не удалось. Остается только надеяться, что когда-нибудь ими займутся новые поколения историков-славяноведов.

И в заключение рассказа об Александре Алексеевиче – еще несколько штрихов к духовному его облику. После ареста отца во время обыска

в квартире находился мой младший брат, у которого проводившие эту «операцию» выясняли интересные их вопросы:

– Где ваши золото и драгоценности?

– У нас их никогда не было.

– А деньги?

– Вот – остаток от последней заработной платы отца. Это все, что есть.

– Ну, а машина где стоит?

– Машины у нас нет.

– Так что же у вас тогда есть?

– Как – что? Книги...

– И это – министр? Вот мы арестовывали министра лесной промышленности, так у него!..

И дальше взахлеб пошел рассказ о том, что, по мнению обыскивавших, должно быть у «настоящего» министра.

К слову, поскольку в то время союзного министерства и соответственного министра просвещения СССР не было, Александр Алексеевич фактически выполнял и его функции. Понимая это, Сталин предложил назначить ему «союзную» заработную плату – отец, однако, от этого отказался. Конечно, мы не бедствовали, но денежные проблемы нас стороной не обходили. Принося заработную плату, он прежде всего делил ее на части и говорил мне:

– Отправь, пожалуйста, это бабушке, это – ребятам (сначала трое, а позднее двое из детей оставались в Ленинграде. – Л. В.), из этого заплати за квартиру.

И, с сомнением глядя на остаток, обычно добавлял:

– Ну а это нам на жизнь...

Для нас не было проблемы в том, что я ходил в университет в перелицованном отцовском костюме или в своей военной форме, но, правда, имел один «приличный» костюм – для театра или какого-то иного торжественного случая. Это не очень-то соответствовало стандартам жизни семей руководителей подобного ранга, однако никого из нас такие «отклонения» не волновали и даже не интересовали. И с полным основанием могу сказать, что больше всего отец боялся быть запятнанным каким-нибудь непорядочным поступком, чем-то корыстным. Недаром, переехав в Москву, он сразу предупредил близкого ему человека: «Ни одного гвоздя из министерства!» А позднее, когда тот же человек умолял его не пытаться спасти арестованную к тому времени сестру, Марию Алексеевну («Что ты делаешь?! Ты сам каждую ночь ждешь ареста!»), тот непривычно резко ответил:

– Ты что, не понимаешь: мне легче умереть, чем чувствовать себя подлецом!

Вскоре эту жизненную позицию ему пришлось подтвердить на практике самым трагическим образом. Нам с братом рассказал об этом уже упомянутый выше А.И. Кузнецов, расследовавший среди прочих и «ленинградское дело». По его сведениям, Александра Алек-

сеевича на протяжении 14 месяцев подвергали жесточайшим пыткам, пытаясь поочередно создать вокруг него «дела» по Ленинградскому университету, по министерству просвещения, по Общеславянскому комитету или хотя бы включить его непосредственно в «ленинградское дело». И Кузнецов заявил нам:

– Я рассматривал материалы и допрашивал тех, кто так или иначе был связан с организацией основных довоенных и послевоенных процессов, в том числе Маленкова, Булганина, тогдашних руководителей «органов» и даже следователей, создававших «дела» вашего отца и других ваших родственников. И должен сказать прямо: чудовищные пытки и издевательства применялись практически ко всем попавшим в сталинские застенки, но два человека вынесли то, что вообще выходит за пределы любого воображения, – Александр Алексеевич и Мейерхольд. И если бы я рассказал о том, *что* пришлось пережить вашему отцу, вы бы сошли с ума. Так что об этом даже не пытайтесь меня расспрашивать...

Не знаю достоверно, почему именно на долю великого режиссера (он был арестован и погиб в 40-м г.) выпали такие пытки, а об отце могу сказать словами Кузнецова, что, выдержав все, он не запятнал ни одного человека и спас многих людей от верной гибели, не позволив создать никакого нового громкого процесса и даже не допустив, чтобы его самого включили в «ленинградское дело». Правда, это не избавило его и других моих родственников от гибели как раз в связи с этим «делом», и, возможно, Алексей Ильич именно таким не очень точным образом упомянул о последней детали лишь потому, что отца не ввели – не захотели, не сумели, не рискнули ввести? – в состав группы осужденных на «головном» процессе в Ленинграде. Но что же объединяло двух столь разных, даже не знакомых друг с другом, погибших в разное время людей? Десятки лет задавал я себе этот вопрос и нашел ответ, сугубо предположительный, конечно, только в одном: общей для них была, наверное, истинная интеллигентность (которая, как многие знают, далеко, судя по «интеллигенции» наших дней, не равнозначна образованности) с присущим ее носителям, в частности, обостренным до самоотвержения, до готовности идти на муки и гибель ощущением собственной Совести как императива, высшего нравственного Закона, как верховного Судии...

Однажды в лагере молоденький солдат-охранник, оглянувшись по сторонам, спросил меня:

– Слушай, а кем у тебя был отец? (Значит, и в той среде какие-то разговоры возникали. – Л. В.)

– Министром просвещения.

– Ого! (Я понял, что ему этот пост кажется каким-то невероятно высоким. – Л. В.) Чего ж ему еще не хватало?

При такой постановке вопроса объяснять действительное положение вещей было явно бессмысленно, да и просто невозможно, и я сказал:

– Видно, не только о себе, а и о других людях, вроде тебя, думал.

Вспоминаю этот диалог как дополнение к рассказу Кузнецова об Александре Алексеевиче и Мейерхольде потому, что порой мне кажется: наверное, у людей, без лозунгов, фанфар и самолюбования посвятивших свою жизнь великой Идее (в чем бы она ни состояла) и своим современникам, вырабатывается какая-то нестандартная иерархия ценностей, особый кодекс чести, в котором самые высокие требования предъявляются прежде всего и главным образом к самому себе. Это и придает им духовную силу, делающую их лидерами не по должности, а по их внутренней сущности.

...Выйдя от Кузнецова после его шестичасового рассказа о том, как держались в тюрьме и как погибли отец и другие родственники, я поймал себя на мысли: самое лучшее сейчас – свести счеты с жизнью. Больше всего мне в тот момент хотелось... иметь машину, чтобы разогнать ее километров на сто и врезаться в первый попавшийся столб. Месяц я практически не мог спать вообще – лежал с открытыми глазами до рассвета, лишь время от времени впадая в какое-то полузабытье. И десять лет понадобилось на то, чтобы похоронить отца в своей душе. Десять лет каждую ночь, вопреки фактам, документам, разуму, логике, ждал я его возвращения и без тени преувеличения готов был тут же расстаться с жизнью, если бы даже такой ценой мог обнять его живого и сказать: «Я тебя люблю». И до сих пор мне, старому человеку, больно при мысли о том, что, умирая, он не услышал этих моих слов...

Закончу эту часть рассказа о нем двумя цитатами из старой, четвертьвековой давности, и одной из недавних статей о нем: «Александр Алексеевич остался в памяти знавших его как яркая, светлая личность, как энергичный, деятельный, мыслящий, любивший жизнь и людей человек с отзывчивым, горячим и благородным русским сердцем». «Он был одним из самых достойных сынов России».

Как и каждому человеку, мне хотелось бы больше и полнее рассказать о родителях и других близких людях, но боюсь, у читателя и без того напрашивается вопрос, почему в книге так много места уделено воспоминаниям о них, тем более что мне предстоит написать еще об одном представителе этой семьи. Открою «секрет»: не только из естественного желания воздать им должное, но и потому, что впереди – рассказ о так называемом «ленинградском деле», в связи с которым они погибли, а я хотел бы на их примере показать, прежде всего молодым читателям, чудовищные стороны сталинского режима, уничтожавшего всех, кого «великий вождь» *назначал* в жертвы своему аппарату репрессий, независимо ни от наличия или отсутствия преступлений, ни от заслуг перед страной и народом. До сих пор перед моим внутренним взором время от времени возникает белая голова отца за тюремной решеткой, и я каждый раз думаю, что, наверное, самым страшным, нравственно невыносимым для него, его сестры и брата, как и для всех не-

винных *советских* заключенных, было переносить издевательства, изверские пытки, обрести смерть не в фашистских, а именно в *советских* тюрьмах и лагерях. Хотелось бы, чтобы сопоставление честного, а для многих, многих людей их беззаветного служения своему Отечеству и трагической гибели, организованной от его же имени, заставило хоть кого-нибудь из прежних и новоявленных сталинистов задуматься над тем, к какому прошлому зовут они вернуться общество сегодня. И хотя больших надежд на такое прозрение нравственных калек и политических слепцов у меня нет, все же продолжу изложение и осмысление фактов, теперь уже на примере жизни и деятельности Николая Алексеевича Вознесенского.

Глава 4

«ГДЕ ТЕПЕРЬ ЭТИ КРЕПКИЕ РУКИ, ЭТИ ДУШИ ГОРЯЩИЕ – ГДЕ?» (Окончание)

*Н. А. Вознесенский в жизни, на работе, в политике. –
11 лет во главе Госплана страны. –
Сталин – редактор «Военной экономики СССР...». –
История «Политической экономики коммунизма».*

Из 5-го тома «Большой Советской Энциклопедии», третье издание:

«ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич (18.11(1.12).1903 – 30.9 (дата не точна: 1.10. – *Л. В.*). 1950), советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1943). Член Коммунистической партии с 1919. Родился в с. Теплое, ныне Тульской области, в семье служащего лесной конторы. Был на комсомольской работе в Черномском уезде и в г. Туле. С 1921 учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова; по окончании университета до 1928 на партийной работе в Донбассе. В 1928 – 31 учился, а затем работал в экономическом Институте красной профессуры и одновременно в ЦКК РКИ, а затем в Комиссии советского контроля. В 1935 председатель городской плановой комиссии и заместитель председателя Ленинградского городского совета. С 1938 председатель Госплана СССР, одновременно член бюро Комиссии советского контроля. С 1939 заместитель председателя СНК, с 1941 1-й заместитель (председателя СНК, с 1946 заместитель. – *Л. В.*) председателя Совета Министров СССР. В годы Великой Отечественной войны член ГКО; с 1943 член комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. На 17-м съезде ВКП(б) (1934) был избран членом Комиссии советского контроля, а на 18-м съезде (1939) членом ЦК ВКП(б). На 18-й конференции ВКП(б) выступал с докладом «Хозяйственные итоги 1940 и план развития народного хозяйства на 1941». С февраля 1941 кандидат в члены, а с 1947 – член Политбюро ЦК ВКП(б). Автор книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947), являвшейся первой попыткой научного анализа развития советской экономики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Другие экономические работы Вознесенского освещают вопросы социалистического планирования, расширенного социалистического воспроизводства, хозяйственного расчета, социалистической организации труда. Государственная премия СССР (1948). Награжден 2 орденами Ленина»¹.

¹ В ряде моментов более детальную и содержательную информацию о Н. А. Вознесенском заинтересованный читатель найдет в вышедшей в 1999 г. книге В. И. Ивкина «Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник».

Этот том энциклопедии вышел в свет в 1971 г., когда фактически шел процесс реабилитации Сталина и возрождения активной фальсификации отечественной истории, особенно периода его правления. Поэтому справка о Николае Алексеевиче кончается вполне благостно, стыдливо умалчивая о том, что в 1949 г. он был арестован, в 1950 г. уничтожен по грубо состряпанному, насквозь лживому «ленинградскому делу», а после смерти Сталина полностью реабилитирован.

Расскажу в связи с этим о маленьком, но чуть ли не символическом, как потом оказалось, эпизоде. Кажется, мой брат, будущий доктор экономических наук и профессор, а тогда школьник, и я, студент, были вместе с нашим отцом в какое-то зимнее воскресенье конца 1948 или начала 1949 г. в Горках-Х на даче Николая Алексеевича. Все вышли из дома подышать морозным воздухом. Настроение у гостеприимного хозяина было отличным (впрочем, в плохом состоянии духа видеть этого очень жизнерадостного человека мне, пожалуй, не довелось вообще), мы шли с ним рядом, разговаривая и подшучивая друг над другом, по заснеженной дорожке, и он стал по-мальчишески «задирать» меня, то и дело пытаясь столкнуть меня в сугробы. В конце концов я сам напал на него и с помощью подножки свалил в очередной подвернувшийся сугроб. Этот прием оказался для него совершенно неожиданным и, хотя он был явно сильнее и тяжелее меня, увенчался полным успехом. Мы все от души хохотали над таким поворотом событий, а всего года через два, уже после его гибели, я в лагере, да и позднее не раз вспоминал об этом эпизоде, потому что увидел в нем какую-то зловещую аналогию: вот так же, с помощью подножки, но уже не в игре, а в реальной жизни, одержали над ним победу люди, которых я бы не рискнул по их интеллектуальным и моральным качествам поставить рядом с этой яркой, талантливой личностью.

Даже противники называли его «глыбой ума», а я бы добавил – постоянно самообучающейся «глыбой». На той же даче по половине периметра кабинета размещались небольшие квадратные столы. На каждом из них – стопки свежих книг и журналов по самым разным отраслям знаний – от, скажем, математики и астрономии до металлургии и эпизотологии. Завершала это великолепие недавно вышедшая в свет художественная литература. Увидев такое тематическое разнообразие, я спросил Николая Алексеевича, зачем ему книги по столь широкому спектру наук и общественной практики, и в ответ услышал:

– Я нахожусь на такой работе, что постоянно должен быть в курсе новейших достижений науки и практики во всех сферах жизни, иначе не смогу правильно планировать развитие народного хозяйства.

– Да, но ведь все это невозможно даже просто прочитать!

– А я и не читаю. Я эти книги *просматриваю*.

– Но что может дать такой просмотр?

– Ну, давай проведем эксперимент. Пойдем. Так, математику ты не любишь и не знаешь... Физику и химию тоже особенно не жалуешь...

Биологию... А вот художественную литературу любишь и знаешь. Ты читал этот роман?

Николай Алексеевич взял книгу, лежавшую сверху стопки на последнем столе.

– Читал.

– Что ты можешь сказать о нем?

Я изложил свое мнение о романе...

– Хороший анализ. А заметил ли ты?..

И Николай Алексеевич почти процитировал пространное описание природы и обратил внимание на ряд других пренебрежительно пропущенных мной деталей.

– Так, значит, ты все же книгу прочитал? – продолжал упорствовать я.

– Нет, я только пролистал ее. На это ушло минут 10–15 – большего времени у меня не было...

(К слову, несколько лет тому назад мне сделали подарок – брошюру Н. Тихонова с весьма любопытным анализом состояния советской литературы в 1944–1945 гг. Судя по формуляру научной библиотеки Госплана СССР, единственным читателем этого издания оказался Николай Алексеевич.)

Действительно, он обладал редкостной и к тому же, можно сказать, фотографической памятью, позволявшей буквально за несколько секунд охватить и запомнить чуть ли не дословно текст страницы прежде, чем успевал перевернуть ее. Но главное – в то же время с необыкновенной скоростью происходил и многогранный анализ прочитанного или, точнее сказать, просмотренного. (Надо думать, в какой-то мере с помощью этого навыка, хотя он, конечно, не всегда был применим, председатель Госплана и заместитель Председателя Совета Министров СССР ежедневно прорабатывал в своем сознании примерно 400 страниц печатного текста.)

Уже после снятия со всех постов, а может быть даже и ареста Николая Алексеевича, в лекции на экономическом факультете Московского университета будущий начальник Центрального статистического управления, входившего тогда в Госплан, доктор экономических наук Л. М. Володарский рассказывал, не скрывая восхищения, о его руководителе, правда не называя того по имени. Впоследствии Лев Маркович написал специальную главу (см. Приложения) «В школе Вознесенского» в своей брошюре, изданной на английском языке. А тогда, обращаясь к нам, студентам, он говорил:

– Как мы работали с председателем Госплана? Вызывает он «творчески заряженных» сотрудников и дает поручение подготовить материал по сложнейшему вопросу. Мы работаем не покладая рук, не считаясь со временем, и являемся к нему с готовым документом. Он прямо при нас пролистывает его, откладывает в сторону и экспромтом до глубокой ночи читает нам шестичасовую лекцию. Теория в ней опирается на практику и перемежается с нею, выводы выходят далеко за пределы, каза-

лось бы, относительно узкой темы полученного задания, и перед нами открываются не только ближайшие, но и отдаленные, не только экономические, но и социальные, политические и даже нравственные последствия предложенных в документе решений. После этого председатель рвет наш документ на части по числу авторов, отдает каждому его долю и (добавлю от себя – в духе, в стиле практики руководства тех лет. – Л. В.) рекомендует использовать эти бумажки «по назначению». «Идите и работайте», – напутствует он нас. Казалось бы, результат наших усилий перечеркнут, а мы уходили от него с крыльями за плечами, потому что перед нами открывались совершенно новые горизонты мышления.

Не знаю, часто ли происходили подобные сцены, но рассказ этот запомнился навсегда: ведь в то время он был равносильен моральному подвигу, который очень просто могли приравнять к государственному преступлению нашего, теперь уже светлой памяти, лектора. Кстати, Льва Марковича позднее раз десять допрашивали, пытаясь получить показания против Н. А. Вознесенского. Однако ему, по рассказам, удалось «отбиться» от следователя, сославшись на то, что никаких указаний, которые тот хотел инкриминировать бывшему председателю Госплана, он от него не получал. В конце концов Л. М. Володарского, в то время заместителя начальника ЦСУ, отправили рядовым редактором в статистическое издательство. Много позже в одной из своих публикаций он так охарактеризовал руководителя, с которым проработал немало лет: «Беспрельдно преданный своей стране, народу и партии, человек огромных знаний, фантастической работоспособности...»

Но не только незаурядным интеллектом и профессиональными качествами притягивал к себе людей Николай Алексеевич. Ему, как было отмечено выше, были присущи исключительная жизнерадостность, а потому и непосредственность, он любил шутку, независимо от того, в чужой или собственный его огород она направлялась. Помню, переправившись на лодке через Москву-реку на обширный луг, простиравшийся на противоположном, низком берегу, перед Николиной Горой, мы оторвались от начальника охраны, и я рассказал ему какие-то студенческие анекдоты. Они были достаточно смешны, и все-таки его аналитический ум сказался и в такой ситуации: во многих случаях он находил глубокий смысл даже в этой форме «народного творчества». А потом, дойдя до дороги, поехали на велосипедах... И еще одна встреча запомнилась – тогда он так плясал в деревянной беседке на краю обрыва, что я, грешным делом, побаивался, не рухнет ли она вместе с нами вниз.

Ограничусь пока этими неформальными деталями, дающими в какой-то мере, на мой взгляд, представление о человеческой сущности Николая Алексеевича, не растерявшего даже на вершине власти естественности и простоты, свойственных по-настоящему крупным личностям.

Ну а для того, чтобы подойти к еще одной, принципиально важной теме, о которой я просто обязан рассказать, придется сделать небольшое то ли отступление, то ли вступление.

Многим читателям известно, а многие, наверное, догадываются, что в сталинские времена в большинстве случаев даже имена репрессированных как бы вычеркивались из истории страны и той сферы жизни, где они подвизались. Конечно, те, кого «пропустили» через широко разрекламированные «процессы», упоминались и через десятки лет, но в сугубо негативном ключе, о заслугах этих людей уже никогда не упоминалось, а письменные свидетельства их существования и деятельности в виде научных работ, политических выступлений и т. п. в соответствии со специальными циркулярами, поступавшими в библиотеки, сжигались (удивительно, но эта практика существовала, например, еще в Древнем Риме, 2000 лет тому назад!) или направлялись в так называемые «спехраны». Тем более все это относилось к тем, кто был уничтожен без широкой огласки, как это произошло, в частности, с моими родными.

И вот, вернувшись из лагеря, я понял, что мне, старшему в следующем поколении и тоже политико-эконому, придется взять в свои руки все дело возвращения в научный оборот трудов отца и его брата и фактическое восстановление в массовом сознании доброго имени каждого из них. К тому же их официальная реабилитация прошла, можно сказать, келейно, без оповещения общественности, и задавленные страхом люди еще несколько лет говорили о них с оглядкой и сомнением относительно того, действительно ли им посмертно возвращены «права гражданства». Даже после XX съезда партии ситуация коренным образом в этом отношении не изменилась, поскольку ставший в дальнейшем знаменитым доклад Хрущева с разоблачением преступлений Сталина тогда, как известно, опубликован не был. Во всяком случае, как бы это ни показалось странным сейчас, только в 1961 г. мне впервые удалось обнародовать в общесоюзной литературе факт реабилитации отца. Сделал это я в виде посвящения ему второго, вдвое расширенного издания книги «Художественная литература в преподавании политической экономии», вышедшей 20-тысячным тиражом. Прежде всего ради нескольких слов: «Светлой памяти моего отца – пламенного пропагандиста марксистско-ленинской политической экономии – посвящаю эту работу. Автор», откровенно говоря, и было подготовлено это издание. Спать в течение четырех месяцев пришлось по три часа в сутки, но я был счастлив тем, что имя отца вернулось в область его науки и систем высшего и среднего образования, в которых он проработал всю жизнь.

Ну и конечно, до и после выхода этой книги продолжался поиск и извлечение из небытия, где они пребывали после ареста Александра Алексеевича и Николая Алексеевича, научных и иных работ этих авторов, сбор буквально по крупицам информации о их жизни и деятельности, а затем и всяческое содействие появлению книг, статей, воспоминаний и других материалов о них и их творчестве, чем и занимаюсь, наряду с прочим, вот уже полвека. Но в решении этой задачи я выделил главное звено, главное дело моей жизни, не без основания полагая, что без меня и после меня за такую черновую и, без преувеличения, адскую ра-

боту никто не возьмется. Состояло оно в подготовке и выпуске – параллельно со студенчеством и аспирантурой, а затем и работой в различных организациях – четырех изданий: избранных произведений Александра Алексеевича и книги о нем, избранных произведений Николая Алексеевича и книги о нем. Ушло на это соответственно 17 (В. В. Колотов. Николай Алексеевич Вознесенский), 18 (Н. А. Вознесенский. Избранные произведения), 20 («Ученый-коммунист. К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского») и 25 лет (А. А. Вознесенский. Избранные экономические сочинения). Разумеется, заниматься этими изданиями нужно было одновременно. Кроме того, в различных формах приходилось (и иногда еще приходится) отстаивать честь родных от перестраховщиков, политических спекулянтов, от причастных к репрессиям, помогать в литературной и научной работе тем, кто испытывал острую нехватку необходимой для нее информации. Полагаю, таким образом исполнено мое главное предназначение в жизни.

Итак, об одном из эпизодов этой издательской эпопеи.

Василий Васильевич Колотов, заведующий секретариатом Николая Алексеевича, пережил свою долю испытаний в связи с его арестом и после возвращения в Москву решил написать книгу о человеке, с которым работал долгие годы. Однако рукопись из-за недостаточного литературного опыта автора совершенно не соответствовала масштабу личности и деятельности Николая Алексеевича, и я предложил обогатить ее воспоминаниями других людей, знавших его. На сбор таких материалов и переделку рукописи Василий Васильевич потратил немало лет. Чем и как мог помогая ему в этой работе, я вместе с тем закрывал возможность опубликовать пока еще явно сырой труд, и тогда на каком-то этапе он обошел мой контроль и выпустил книгу. Разошлась она быстро и была принята читателями очень тепло. Но, знакомясь с нею, я постоянно наткнулся на теоретические и фактические неточности и прямые ошибки. Пришлось взять ее в отпуск и, не разгибаясь, просидеть над нею на пляже все три или четыре недели. А вернувшись в Москву, показал директору Политиздата Н. В. Тропкину объем и характер правки и предложил использовать ее при подготовке нового издания. В результате через 17 лет после знакомства с рукописью Василия Васильевича появилось это второе издание, которое я с более спокойной душой рекомендую читателям, интересующимся советским периодом истории нашей страны.

Книга появилась в такое время (1974 и 1976 гг.), когда каждая рукопись, над которой работало издательство, контролировалась цензурой. Автор хотел назвать свою работу «Устремленный в будущее», но этого ему не разрешили. Не мог он добиться и публикации небольшого сюжета о том, как Николаю Алексеевичу в первый и единственный раз принесли на подпись список арестованных, намеченных на расстрел... В память об авторе и герое его книги привожу этот не увидевший света фрагмент – без каких-либо изменений и даже без редакторской правки, слово в слово:

«Однажды, поздно ночью, я получил пакет от Берия на имя Вознесенского. Я, как всегда, вскрыл пакет и извлек из него толстую пачку скрепленных между собой листов бумаги. На первом листе было напечатано: «Список лиц, подлежащих...» В моих руках был большой список лиц, обреченных на расстрел.

А что такие списки составлялись, теперь общеизвестно из речи З. Т. Сердюка на XXII съезде партии, который иллюстрировал свою речь письмом Ежова. Но в период «ежовщины», как и во времена, когда уже Берия организовывал массовые убийства невинных людей, о существовании практики расстрелов по спискам не знали даже работники, стоявшие близко к членам Политбюро ЦК партии, в том числе не знал этого и я.

В конце списка по диагонали собственноручно расписались Берия, Шкирятов, Маленков.

Список был прислан для получения визы Вознесенского. Это было впервые за время моей долголетней работы в Кремле. До этого дня никогда чего-либо подобного на имя Вознесенского не поступало.

Я пошел тут же в кабинет к Николаю Алексеевичу и передал ему обжигающий мне руки список.

Вознесенский стал внимательно его читать. Прочтет страницу, другую – остановится, подумает, снова вернется к прочитанной странице и опять продолжает читать. Закончив чтение списка и рассмотрев стоявшие под ним подписи, Николай Алексеевич возмущенно сказал:

– Верни этот список с нарочным туда, откуда ты его получил, а по телефону передай кому следует, что я подписывать подобные списки никогда не буду. Я не судья и не знаю, надо ли включенных в список людей расстреливать. И чтобы такие списки мне больше никогда не присылали.

Этот категорический отказ Вознесенского подписывать приговоры «врагам народа» не мог не запомнить Берия. У Берия появятся впоследствии «основания» приписать Вознесенскому отказ от борьбы с «врагами народа». Ведь было же так с П. П. Постышевым, когда его в 1937 году «обвинили» в потворстве «враждебным элементам» (Э. Ю. Ривов. П. П. Постышев. Биографический очерк. Госполитиздат, 1962. С. 92)».

Публикуя этот фрагмент, я выполняю тем самым свое обещание автору когда-нибудь все же обнародовать приведенные выше строки, которыми тот очень дорожил. К слову, написал Василий Васильевич об этом эпизоде более сдержанно, чем рассказывал мне. А в устной форме он (начало первой фразы прозвучало шутливо) содержал такие детали: «Как начальник секретариата, я должен был, среди других обязанностей, решать, кого из министров пускать, как принято теперь говорить, к шефу, а кого – нет, вскрывать поступающую почту, даже секретную, и докладывать ее председателю. И вот вскоре после того, как он возглавил Госплан, мне принесли пакет из Госбезопасности. Я расписался за него и, сломав сургучные печати, обнаружил в нем большой список людей,

которых предлагалось расстрелять. Никаких данных о них, никаких сведений о их вине там не было – только номера по порядку, фамилии, имена и отчества. У Николая Алексеевича в это время проходило совещание, однако, на пакете были грифы не только особой секретности, но и особой срочности, и я понес список в кабинет. Взглянув на документ, Николай Алексеевич прервал заседание и попросил присутствовавших и меня вместе с ними удалиться. Прошло несколько часов, в течение которых я в тревоге из-за его молчания несколько раз потихоньку приоткрывал дверь и смотрел, что он делает. А председатель, оказывается, все это время ходил по кабинету вокруг стола, останавливался около него, снова и снова вглядывался в зловеющий перечень имен и, наконец вызвав меня, сказал: «Верни список туда, откуда ты его получил, и скажи там, что я – не прокурор и не знаю ни этих людей, ни их вины, ни мер наказания, которые в таких случаях применяются, и пусть мне никогда и ни при каких условиях подобных документов не присылают». Я, конечно, это немедленно исполнил, и с тех пор за все последующие годы мы никогда ни одного подобного списка не получали. Думаю, однако, что такая позиция дорого обошлась ему, когда он сам был арестован.

Как видите, рассказ более эмоционален (позднее автор явно сознательно засушил его, чтобы увеличить шансы на сохранение этого эпизода в книге), содержит некоторые разночтения, в том числе хронологические, с письменным текстом, но по существу своему они не противоречат друг другу. Скорее всего, такой факт был своеобразным пробным шаром, попыткой сделать Николая Алексеевича соучастником репрессий, «замазать» его ими. Но тут коса смерти нашла на камень порядочности. Арест работников министерств и других центральных учреждений, как правило, предварительно согласовывался с их главами, а между тем, по словам профессора Ш. Я. Турецкого, в те годы сотрудника Госплана, за все время, когда им руководил Николай Алексеевич, оттуда не был «изъят» ни один человек! «Были за ним, – рассказывал Шамай Яковлевич, – как за каменной стеной. Аппарат был сохранен. Он отставил работников...» Кроме того, списки на *массовые* расстрелы составлялись в 1937 – 1938 гг. и подписывались Сталиным и другими членами Политбюро, Николай же Алексеевич вошел в его состав в качестве кандидата только в 1941-м, а в качестве члена вообще в 1947 г. Так что о каком списке рассказывал В. В. Колотов, остается неясным. Но все же я тщательнейшим образом просмотрел *все* без исключения расстрельные списки, сохранившиеся в бывшем Архиве Политбюро, и убедился в том, что *ни на одном* из них нет подписи Николая Алексеевича. Последнее обстоятельство хочу подчеркнуть особо, так как до сих пор даже от, казалось бы, очень осведомленных людей, можно услышать: «Все подписывали...», «Сталин списки пускал по кругу прямо на заседаниях Политбюро – попробуй, не подпиши!» Однако при проверке подобные суждения в отношении Николая Алексеевича оказались ошибочными, и я могу теперь с полной уверенностью утверждать, что он ушел из жизни,

не запятнав своей совестью участием в кровавых сталинских преступлениях против человечности или, как принято их деликатно называть, репрессиях.

Ему вообще, как и всему старшему поколению этой семьи, было органически присуще чувство личной порядочности. Оно во многом определяло его поведение и на государственных постах. Приведу лишь один пример, взятый из опубликованной лишь несколько лет тому назад сценарии июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС:

«**Жуков.** ...У нас было в плену в Германии 126 тыс. офицеров, которые возвратились из плена. И Молотов по представлению Булганина, вопреки *существующему закону*, лишил этих офицеров воинских званий и согласно *этому* решению послал их в административном порядке на поселение в концентрационные лагеря на 6 лет...

...Материалы эти были посланы Вознесенскому тов. Булганиным. Тов. Вознесенский не считал возможным подписать этот документ, а Молотов, не читая, подписал».

Это чувство личной порядочности было настолько доминирующим в нравственном облике Николая Алексеевича, что, как мы увидим в одной из следующих глав, обернулось даже против него самого в самый трагический период жизни, когда в результате интриг и провокаций Берии и Маленкова он по решению Сталина был снят со своих постов, арестован и уничтожен.

Что касается *научной* деятельности Н. А. Вознесенского, то прежде всего нужно отметить ее теснейшую связь с его повседневной *государственной* работой. Большинство опубликованных трудов Николая Алексеевича представляют собой своеобразный сплав экономической теории и практики планирования народного хозяйства. В этих работах отчетливо просматриваются творческий, во многом новаторский подход автора к анализу экономических процессов, осмысление накопленного опыта строительства экономической основы глубоких преобразований всех сторон жизни общества. Со страниц этих произведений встает суровая действительность первых пятилеток, Великой Отечественной войны, периода послевоенного восстановления экономики страны, проблемы, трудности и достижения плановой работы и самого народного хозяйства. Отражая определенный этап развития политической экономии в нашей стране, они принадлежат как ее неотъемлемая и существенная часть истории экономической науки в СССР.

Сегодня, в конкретных условиях конца века¹, когда в стране происходит целенаправленное уничтожение всего, в том числе лучшего, так или иначе связанного с ее социалистическим прошлым, и делаются судорожные, противоестественные попытки вернуть ее в русло капитализма, обращение к работам, которые по существу отрицают его как историческую перспективу, рассматривают пути выхода за пределы этого

¹ В основе своей глава написана в 1999 г.

строю и созданию нового, более совершенного общества, может показаться кому-то неуместным, несвоевременным. Это с одной стороны. С другой – и в среде сторонников социализма возникают вполне научно обоснованные сомнения в том, являлся ли, строго говоря, таковым строй, существовавший в СССР. Однако и первое, и второе не подлежат обсуждению в этой главе, поскольку выходят за рамки ее темы. К тому же объективность *историко*-научных оценок трудов ученых прошлого обеспечивается только в том случае, если анализ этих работ строится на их сопоставлении с реалиями *тогдашней* жизни, с задачами, которые в *то* время решало общество, и, конечно, с достижениями творческой мысли предшественников и современников в соответствующей сфере исследований. На этих принципах и построена предлагаемая современному читателю краткая и без выходов на нынешние проблемы экономической теории и практики характеристика трудов академика Н. А. Вознесенского, речь в которых идет о социализме, каким он виделся полвека назад, о создании, защите и развитии олицетворявшего его общества. Эта позиция позволит нам, живущим в совершенно иное время, по справедливости судить и о значении для той эпохи идей автора рассматриваемых работ, и об эволюции его научной мысли.

К сожалению, условия для теоретической работы в области обществоведения уже с конца 1929 г. стали быстро и резко ухудшаться. Пожалуй, это в первую очередь относится к политической экономии, которая начала испытывать на себе жесткое давление, а вскоре и полностью попала в шоры сталинских установок, в научном плане во многом односторонних и догматизированных и к тому же крайне агрессивных по отношению к иным точкам зрения и, что было особенно чудовищно, к их авторам и носителям.

Если попытаться проанализировать «логику» Сталина, то ее глубочайшая порочность, на мой взгляд, состояла прежде всего в том, что он всегда исходил не из задачи поиска объективной истины, а из своих субъективно понимаемых, сугубо личных сиюминутных политических интересов. Под них он затем и подгонял чаще всего «теоретические» соображения и аргументы. Более того, нередко объективная истина, которая с этих позиций его не устраивала, подлежала уничтожению вместе с ее обладателями. Так было, например, с уже упоминавшимися итогами Всесоюзной переписи населения в 1939 г. и ее руководителями, когда полученные результаты наглядно показали, к чему привела сталинская политика насильственной коллективизации и массового уничтожения населения за последние десять лет. Трагической оказалась судьба и ученых-аграрников с их теориями и выводами, а затем и представителей других областей знания. Истинно сказано: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Эти всем известные слова Екклесиаста (Соломона) в сталинские времена приобрели какое-то прямолинейно-зловещее, в буквальном смысле убийственное значение. Физическое уничтожение носителей знания – таково было

крайнее следствие превращения науки в изнасилованную безропотную служанку политики. Но не менее тяжким образом сказывалось на обществе и то, что предельно политизированный, сугубо идеологизированный и, более того, не останавливающийся ни перед какой ложью пропагандистский подход вместо объективного анализа реальной действительности приводил к профанации истины в угодном «величайшему гению человечества» духе и тем самым заранее предопределял ошибочность теоретических выводов и практических действий.

Второй действовавший в том же направлении порок сталинской «методологии» – даже в кавычках это понятие слишком значимо, и в данном случае вместо него просятся более «простые» слова: «технологии мышления» – состоял в абсолютизированном, всестороннем противопоставлении социализма капитализму по примитивнейшему принципу «если у них так, то у нас – наоборот». Например, «у них» товарно-денежная стихия и вырастающие из нее объективные экономические законы, а «у нас» должно быть планово, сознательно управляемое народное хозяйство, где решающую роль играет субъективный фактор – всемогущее государство, которое само создает законы движения экономики. Подобным образом упрощались, оскотчались и реальная жизнь с ее многообразием и многоцветием, и выводы из ее рассмотрения сквозь столь грубо сработанную призму. По сути дела такая технология логически приводила к заведомо ложным выводам, к обману и самообману, когда желаемое выдавалось за действительное, зародыш явления или процесса – за уже развитое их состояние, и на такой зыбкой основе руководители ориентировали страну на недостижимые в объявленные сроки цели.

И третий порок сталинской технологии мышления состоял в том, что она строилась на догмах – и тех, которые были взяты из априорных представлений основоположников марксизма о социализме, и тех, которые были порождены практикой чрезвычайной ситуации периода революции и Гражданской войны, разрухи и голода, и тех, которые появились в связи с конкретными проблемами и задачами последующих лет. Тем не менее они, как правило, приобрели характер незыблемых постулатов на все случаи жизни и все времена, поскольку исходили от диктатора, авторитет которого не подлежал сомнению хотя бы потому, что люди хорошо знали: расплата за такую роскошь – унижения, страдания, смерть.

Было бы несправедливым возлагать только на Сталина историческую ответственность за возникшие по этим и другим причинам волюнтаризм и догматизм в политике и общественных науках, но он, создавший и всячески насаждавший на деле свой культ – основной источник этих явлений, был главным виновником того, что теоретическая мысль на протяжении более полувека не могла вырваться из установленных «сверху» жестких рамок, что между нею и реальной жизнью всегда оставался и лишь нарастал разрыв, что практика строительства нового

общества не получала честного, адекватного критического анализа и крупных, принципиального значения позитивных идей, способных указать обществу оптимальный путь развития.

Не вдаваясь в более глубокое рассмотрение психологической природы сталинских интеллектуальных тисков, в которых оказались все общественные и даже многие так называемые естественные науки, отмечу лишь, что можно только удивляться, как в этой губительной для живой мысли и ее носителей атмосфере она все же время от времени пробивалась сквозь коросту привнесенных Сталиным догматических и волюнтаристских установок и, порой причудливо сочетаясь с ними, в конце концов даже приобретала право на существование.

В полной мере это относится и к научному творчеству Н. А. Вознесенского. Образованнейший марксист, он был безусловным сторонником диалектического и исторического материализма. Именно в борьбе за последовательное применение методологии и теории Маркса – Энгельса – Ленина к анализу социально-экономических процессов в 20-х – начале 30-х гг. рождалась политическая экономия социализма как целостная система взглядов, как наука. Николай Алексеевич принял в этом активное участие. Фундаментальная научная подготовка позволила ему уже в первой опубликованной работе (1931 г.) напомнить о ряде важных проблем теории и практики, в том числе об *общественном* характере потребительной стоимости, о месте ее, а также производительных сил в экономической науке. Можно только сожалеть, что к этой проблематике и ученые, и хозяйственники сумели всерьез вернуться лишь в 60-х гг.

Тогда же Н. А. Вознесенский опубликовал обширную статью «К вопросу об экономике социализма», которую он рассматривал как «начало, приступ» к коллективной работе по созданию политической экономии социализма (именно в ней, кстати, впервые и появился сам этот термин – «политическая экономия социализма»). Статья содержала не только наброски плана исследования важнейших проблем экономической теории социалистического общества, но и принципиальные положения методологического характера. Особенно существенно то, что во главу угла автор поставил изучение *внутренних противоречий* в экономике и закономерностей их развития и разрешения. Самое общее их выражение он видел в противоречии между производительными силами и производственными отношениями общества, между уровнем материального производства и потребностями социалистически организованных производителей. Увы, эта проблема в довоенные годы практически так и не исследовалась, поскольку через некоторое время Сталин обнародовал свою точку зрения, согласно которой при социализме «производственные отношения находятся в *полном соответствии* (курсив мой. – Л. В.) с состоянием производительных сил». Такая антидиалектическая, метафизическая установка привела к тому, что наше общество стало рассматриваться как вообще свободное от внутренних противоре-

чий, а это, в свою очередь, самым отрицательным образом сказалось и на развитии науки, и на социальной практике.

Колебания «теоретической мысли» Сталина в области политической экономии вынуждали даже самых авторитетных ученых автоматически менять свои позиции. Помню, после одной из лекций академика К. В. Островитянова я подошел к нему с двумя журналами, содержащими его статьи, и обратился к нему с вопросом:

– Константин Васильевич, я прочитал две Ваши статьи по проблемам товарного производства при социализме. Опубликованы они с разницей всего в год, но позиции в них диаметрально противоположны...

– Не может быть! Покажи... Да, действительно...

– Какую же из них считать правильной?

– Знаешь, возьми ту, которая последняя...

(Наш уважаемый лектор не обиделся на мою неделикатность, может быть, еще и потому, что знал меня не только как студента: однажды мы с отцом заезжали к нему на дачу, и у меня сложилось впечатление, что между ними существовали искренние дружеские отношения.)

Вернемся, однако, к произведениям Н. А. Вознесенского. В уже упомянутой и в ряде последующих публикаций он разрабатывал концепцию, противостоявшую утверждениям как о том, что в социалистическом обществе не может быть объективных экономических законов, ибо оно базируется на сознательно, планомерно управляемой общественной собственности на средства производства, так и о том, что в нем действуют, подобно капитализму, экономические законы, имеющие стихийный характер. Николай Алексеевич буквально в самых первых своих работах дал новую и весьма прогрессивную для того времени трактовку этой проблемы. Он полагал, что социализм, во-первых, имеет экономические законы своего движения; во-вторых, ему свойственны законы не стихийные, а «плановые»; и в-третьих, они опираются на реально существующие социалистические производственные отношения.

Правда, в одной из самых ранних работ у него содержится положение о том, что «социалистический план является законом развития советской экономики». Это и некоторые другие, более поздние высказывания, в которых не всегда проводилась четкая грань между экономическими и юридическими законами, дали формальный повод, когда после гибели их автора настало время бросать камни в его творчество, обвинить Н. А. Вознесенского в волюнтаристской характеристике природы и роли плана в социалистическом обществе. И как всегда в таких случаях, для «доказательства» желаемого фразы вырывались из контекста, а эволюция его взглядов просто игнорировалась. Между тем в последующих работах автора появляются новые, все более точные повороты в раскрытии природы плана и его роли в народном хозяйстве, и в последней из них (книга «Военная экономика СССР в период Отечественной войны») он прямо говорит о законах расширенного социалистического производства, об экономических законах производства и распределения, на кото-

рых, разумно используя и применяя их, базируется планирование и без учета которых оно обречено на провал. При этом планирование в отличие от *экономических* законов он рассматривает как *общественный* закон развития.

Таким образом, настойчивая и целеустремленная защита Н. А. Вознесенским тезиса о наличии экономических законов социализма, его взгляды на объективную основу плана, на роль планирования в социалистическом обществе даже при недостаточно четком в ряде случаев размежевании экономического содержания и юридической формы этого процесса, взятые в развитии, были важными ступеньками в движении научной мысли по коренным вопросам теории.

Творческое следование принципам диалектического и исторического материализма позволило Николаю Алексеевичу сделать существенные шаги и в анализе весьма сложной научной и вместе с тем чрезвычайно важной практически проблемы товарно-денежных отношений при социализме. Уже в 1931 г. он прямо и недвусмысленно писал о наличии в нашем обществе товарно-денежной формы продукта труда, о ее природе и особенностях внутри каждого из секторов советской экономики и в сравнении с капиталистическим хозяйством. Эти вопросы в той или иной мере освещаются им во многих работах, и, естественно, его взгляды в некоторых отношениях претерпели с годами определенные изменения, но главные выводы при этом лишь получали новые теоретические подтверждения и обоснования.

К числу таких выводов надо отнести прежде всего идею единства плана и хозяйственного расчета, всех товарно-денежных форм, неразрывной связи планирования с законом стоимости, со всей системой экономических законов социализма. Он считал грубейшей ошибкой противопоставление плана хозяйственному расчету, рассматривал его как рычаг планирования, советские деньги – как необходимое орудие социалистического строительства и т. д. Мощное средство повышения уровня хозяйствования, роста производительности труда, рентабельности производства он видел в ценах, в правильном соотношении их на различные виды продукции.

Позднее, выступая на первой сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 г. с докладом «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы», Николай Алексеевич отмечал: «Послевоенная перестройка народного хозяйства требует укрепления роли *экономических* рычагов в организации производства и распределения, какими являются цена, деньги, кредит, прибыль, премия. Государственное планирование народного хозяйства СССР использует в интересах укрепления и развития социалистического производства *закон стоимости* (курсив мой. – Л. В.) с той особенностью, что в советской экономике исключено превращение стоимости в капитал, эксплуатирующий труд». И в появившейся в конце следующего, 1947 г.

книге «Военная экономика...» он настойчиво проводил ту же линию: «научный социализм не отрицает значения в социалистической экономике закона стоимости, рыночных цен, счета прибылей и убытков», и именно этот закон является «наиболее элементарным законом издержек производства, распределения и обмена продуктов».

Явно выходящим за рамки сложившейся системы взглядов было утверждение Николаем Алексеевичем о том, что закон стоимости «действует не только в распределении продуктов (производства. – Л. В.), но также и в распределении самого (характернейший акцент! – Л. В.) *труда* (курсив мой. – Л. В.) между отраслями народного хозяйства СССР». Такая формула приоткрывала возможность более глубокого научного осмысления табуированной по существу проблемы взаимосвязи стоимости и рабочей силы при социализме, ибо официально считалось, что в его условиях она перестала быть товаром. А если это так, то, по логике вещей, она не может быть соотнесена, по крайней мере напрямую, и с законом стоимости...

И еще об одной исключительно важной стороне дела хотелось бы сказать в связи с трактовкой Николаем Алексеевичем роли стоимости в социалистической экономике. Сделаю это словами Н. К. Байбакова из его книги «От Сталина до Ельцина»: «Главным ... в его (Николая Алексеевича. – Л. В.) работе, – считает Николай Константинович, – было то, что он обосновал необходимость опережающих темпов роста производительности труда по отношению к заработной плате как важнейшее условие социалистического накопления и расширенного воспроизводства». И сам Н. К. Байбаков, и А. Н. Косыгин, чутко воспринимавшие биение экономического пульса страны, придерживались этого обязательного условия сохранения стабильности в развитии народного хозяйства. Ну а позднее, когда под давлением, главным образом, политических обстоятельств начался отход от этого принципа, оно, как известно, пошло вразнос...

Н. А. Вознесенский всегда подчеркивал, что стоимостные рычаги – это средство улучшения планового руководства народным хозяйством, что во взаимосвязи плана и закона стоимости второй используется первым, поставлен ему на службу и потерял тем самым свой стихийный характер. Именно поэтому он полагал, что «закон стоимости в социалистической экономике является *преобразованным*» (курсив мой. – Л. В.). Оставляя в данном случае в стороне вопрос о степени правильности или неправильности такой трактовки, отмечу лишь, что она была дана Сталиным 29 января 1941 г. в беседе с составителями учебника по политической экономии. Тогда он заявил – может быть, в порядке компромисса между теорией и жизнью, – что закон стоимости в нашем хозяйстве еще (! – Л. В.) не преодолен, он сохранился, правда в *преобразованной* (!! – Л. В.) форме. А в 1947 г., тщательно редактируя книгу Николая Алексеевича о военной экономике, оставил в неприкосновенности приведенную выше формулу, то есть и тогда полагал ее достаточно верной. Так

что сталинская же формально безадресная критика этого положения через пять лет после публикации упомянутой книги должна была бы быть *самокритикой*...

В своей теоретической и практической деятельности Н. А. Вознесенский неизменно учитывал ведущую роль научно-технического прогресса в развитии экономики и всего общества. Еще в 1932 г. он отмечал, что важнейшим моментом народно-хозяйственного плана должен быть план технический, что именно Госплан должен быть центром технического планирования, что планирование производства необходимо серьезно обосновывать с технико-экономической точки зрения, «изыскивать все возможности развития новой техники и производительности труда».

Никогда не выпуская проблем научно-технического прогресса из поля зрения, Николай Алексеевич особенно настойчиво развивал и пропагандировал их в послевоенное время. Так, выступая на уже упомянутой сессии Верховного Совета СССР, он совершенно справедливо отмечал: для того чтобы обеспечить мощный подъем производства и повышение производительности труда, «необходимо не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР. Ускорение темпов социалистического воспроизводства во всех отраслях народного хозяйства все в большей и большей мере будет определяться техническим прогрессом и использованием его в интересах народа». И там же: «При оказании должной помощи нашим ученым советская наука сумеет преодолеть последние достижения науки за пределами Советского Союза». Как известно, с тех пор почти в течение полувека наши ученые занимали ведущие позиции во многих отраслях знания, но все же проблема создания оптимальных условий для всестороннего во всех отраслях народного хозяйства научно-технического прогресса так и не была решена, а за годы нынешней «демократизации» она вообще переросла в общенациональное бедствие...

Еще сильнее проявились эти мотивы в той же «Военной экономике...» и в лично подготовленной Н. А. Вознесенским, по свидетельству его коллег, обширной вступительной главе к послевоенному фундаментальному докладу Госплана ЦК ВКП(б) и Правительству о предварительном проекте Генерального плана СССР на двадцатилетнюю перспективу.

В первой из этих работ Николай Алексеевич выдвигал задачу для послевоенной экономики «организовать дальнейший технический прогресс в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве СССР на основе высокой механизации трудоемких отраслей производства, дальнейшей электрификации народного хозяйства и газификации городского быта и промышленности. Необходимо обеспечить широкое развитие передовой современной техники для народного хозяйства: передача постоянного тока большой мощности на дальние расстояния, внедрение

кислорода и электрического тока в технологические процессы производства, использование и развитие реактивной и атомной техники, всемерное развитие радиолокации и телевидения, использование и применение инфракрасной техники, развитие синтетических видов производства». Перечитывая этот сюжет в его книге, я невольно подумал: да, не напрасно он постоянно «просматривал» новейшую научную и техническую литературу – ведь в этом перечне обозначены такие направления развития науки и техники, которые в то время еще только-только прорисовывались на горизонте. Поэтому и привлекал он к работе в Госплане или сотрудничеству с ним лучших ученых страны.

Что же касается главы из доклада, хотя один из коллег Николая Алексеевича его авторство не подтвердил, небольшую выдержку из нее приведу, тем более что в любом случае он возглавлял подготовку самого плана и доклада, и все его содержание полностью соответствует его идеям; к тому же, по моим сведениям, в открытой печати этот материал не публиковался. Так вот, в нем отмечалось, в частности, что в проекте плана ставится «огромной важности задача создать новый производственный аппарат, в несколько раз превышающий по своей мощности довоенный производственный аппарат СССР. Новый производственный аппарат должен быть создан на базе новейшей передовой науки и техники... социалистическая экономика имеет возможность по единому плану в масштабе всего народного хозяйства внедрить новейшую передовую технику, основанную на последнем слове современной науки. Этим самым СССР сможет с наименьшими затратами создать совершенные орудия производства и будет иметь передовую технику *одновременно во всех отраслях народного хозяйства* (курсив мой. – Л. В.)». Особенное значение придавалось при этом завершению механизации трудоемких и тяжелых работ и ликвидации ручного труда. Универсальным средством его механизации во всех отраслях народного хозяйства, могучим средством рассредоточения промышленности по всей стране является, сказано в докладе, электрификация. Революционизирующее влияние на технику социалистического производства должна оказать химизация народного хозяйства. Предусматривалось грядущее практическое применение различных видов новейшей техники.

Тенденции, которые с нарастающей очевидностью проявлялись в научном творчестве Н. А. Вознесенского, с еще большей силой развернулись в его предсмертном труде «Политическая экономия коммунизма». Такое название Николай Алексеевич дал своей работе не случайно: еще в конце 1931 – начале 1932 г. он писал о том, что должна быть создана «теоретическая экономия коммунизма», частью которой будет «политическая экономия социализма». Так что, по-видимому, законченная перед арестом книга и представляла собой воплощение мечты, плана, который он наметил 18 лет тому назад. Она была его крупнейшей работой, общим объемом 822 страницы, напечатанных им самим на пишущей машинке с портативным шрифтом. Николай Алексеевич полагал,

что эта книга будет способствовать формированию экономического раздела новой партийной Программы, членом Комиссии по подготовке которой он являлся.

О своей работе над этой книгой он рассказал мне еще в 1948 г. А на вопрос, когда же ее завершит, ответил:

– Через несколько лет, не раньше: при моей служебной нагрузке я могу заниматься ею только урывками.

Но жизнь повернулась по-другому: освобожденный от этой нагрузки и не получавший назначения на новую работу, он невольно появившееся у него время отдал книге и закончил ее за несколько месяцев – с марта по октябрь 1949 г. Поставив в ней последнюю точку (несмотря на проходившие тогда же его допросы в прокуратуре, где, выполняя соответствующее поручение, создавали против него и ряда других работников Госплана «дело» об утере в нем секретных документов), Николай Алексеевич сказал домашним: «Вот мое кредо ученого и коммуниста. Я пошлю книгу Сталину». В тот момент от такого шага его в семье отговорили, а чуть ли не через несколько дней он был арестован. Рукопись, вернее машинопись, во время обыска была занесена под номером 2 в «Опись особо важных изъятий», которую позднее я видел в Комитете партийного контроля. Под номером же 1 числилась рукопись (машинопись) книги «Военная экономика...» с редакторской правкой Сталина.

Здесь мне придется сделать очередное отступление, чтобы рассказать об этой правке. Закончив работу над рукописью, Николай Алексеевич отправил ее на отзыв членам Политбюро и, конечно, Сталину вместе с таким письмом:

«Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Мной написана работа «Военная экономика СССР», в которой сделана попытка подвести итоги экономической победы СССР в период Отечественной войны.

Работа состоит из следующих разделов: (...)

Не считая возможным издание этой работы без Вашего ведома, очень прошу Вас с ней ознакомиться.

Н. Вознесенский».

От членов Политбюро – естественная для того времени деталь! – ни одного замечания не поступило, а Сталин, продержав у себя рукопись почти год, внес в нее поправки более чем в ста местах и оставил на полях ряд замечаний. Все поправки и замечания, независимо от того, насколько они были точными, автор учел (иначе и быть не могло), а некоторые места переписал заново. Правда, в конце книги вместо традиционного «Редактор такой-то», т. е. в данном случае И. Сталин, появилась необычная формулировка: «Под наблюдением редактора В. Булыгиной». Но, как мы еще не раз увидим дальше, «товарищ Сталин» далеко не всегда оставлял следы свое-

го личного участия во многих делах, где он был и автором, и редактором, и организатором, и главным режиссером...

Читал книгу он очень внимательно и в ряде случаев даже представлял пропущенные запятые. Многие поправки оказались правильными, удачными. Некоторые из них были напрямую связаны с его именем. В. В. Колотов говорил мне, что Николай Алексеевич показал ему экземпляр с разрешающей изданию подписью Сталина, где тот синим карандашом перед своим именем вычеркивал «товарищ» и с большой буквы писал «Великий». Однако эта информация теперь, после того как мне довелось ознакомиться с правкой Сталина (возможно, в каком-то другом варианте книги, так как его подписи в этом экземпляре я не обнаружил), вызывает у меня некоторое сомнение: в тексте, который я изучал, он, напротив, в пяти местах убрал или смягчил ритуальные славословия в свой адрес. Правда, в политическом по характеру Введении Сталин оставил множество ссылок на себя, включая троекратное «Великий» (плюс еще дважды далее) и указание на его «гений полководца», на «сталинскую науку побеждать» и на то, что теория военной экономики социализма создана конечно же его трудами.

Во фразах, где говорилось о единстве классовых и национальных интересов народов СССР, первую характеристику он вычеркивает. Почему – домысливать не стану, чтобы не загромождать текст еще больше, чем мне это местами, стремясь к максимальной достоверности изложения, иногда приходится делать.

Убирает он и весь сюжет о снижении добычи нефти во время войны.

В том месте, где говорилось: «Бесспорно, что вооружение, стратегические материалы и продовольствие, полученные Советским Союзом от союзников, содействовали успешному завершению войны против общего врага – гитлеровской Германии. Однако разгром гитлеровской Германии Советской Армией осуществлен в основном отечественным советским оружием и отечественной военной техникой», Сталин вымарывает упоминание о продовольствии, а затем отчеркивает весь текст, посвященный этой проблеме, и пишет на полях: «*Не – то*». В результате автор вынужден был вообще исключить из этого сюжета указания на помощь со стороны союзников. Хорошо еще в другом месте, в главе о балансе народного хозяйства осталась информация о том, что во время войны импорт товаров – «преимущественно сырья и материалов» – увеличился в пять раз, и произошло это «за счет поставок союзников СССР в войне против Германии и Японии», хотя удельный вес поставок *промышленных* товаров по отношению к их отечественному производству составил «всего лишь около 4%».

Вычеркнул главный из всех редакторов и абзац с цифрами, показывающими роль «индивидуальных посевов» овощей и картофеля городскими рабочими и служащими, оказавшихся «серьезной статьей» в их бюджете, как и большой кусок текста, тоже с цифрами, о значении госу-

дарственных резервов в обеспечении работы военной промышленности и снабжении продовольствием армии и населения.

Ставшее особенно очевидным после войны стремление Сталина унифицировать, огосударствить и оказёнить все и вся проявилось в том, что он выбросил из рукописи, когда речь пошла о ближайшем будущем, такой текст: «В планировке и строительстве городов и сел необходимо сочетать классические формы архитектуры с национальными особенностями каждой союзной республики и народов Советского Союза. Необходимо ликвидировать созданные в военный период непригодные для человека бараки и землянки и заменить их жилыми домами, достойными советских людей, вынесших гигантскую тяжесть Отечественной войны; оказывать всемерную помощь рабочим, крестьянам, интеллигенции в постройке ими собственных жилых домов с подсобным домашним хозяйством, выделяя им для этого в пользование участки земли для усадьбы и организуя продажу строительных материалов».

И в завершающей части книги редактор убрал большой фрагмент, где автор сравнивал производство промышленной продукции на душу населения в СССР и США, приводил соответствующие расчеты и определял условия, при которых в нашей стране в течение примерно десяти лет может быть достигнут довоенный американский уровень.

Что касается поправок непосредственно в тексте книги, то отмечу из них только две.

Там, где речь идет об отсутствии в социалистической экономике противоречия между конкретными видами труда, создающими потребительные стоимости, и общественно-необходимым трудом, создающим стоимость, Сталин дважды вписывает понятие «*абстрактный*». Это, как уже упоминалось в предыдущей главе, не только коренной, но и один из самых сложных вопросов экономической теории К. Маркса. И когда после выхода книги в свет читатель из Хабаровска в письме Сталину наряду с высокой ее оценкой высказал критические замечания по ряду моментов, особенно в связи с формулой об отсутствии при социализме противоречий между конкретным и абстрактным трудом, тот просто переадресовал материал, начертав резолюцию: «*Только тт. Вознесенскому, Жданову*».

И еще один штрих, отражающий его психологию и логику: в тех местах книги, где речь шла о сезонном – для ряда отраслей народного хозяйства вполне естественном и неизбежном – спаде производства, Сталин пишет: «*Слово спад не подходит*» и заменяет это с таким упорством, что создается впечатление: у Сталина постоянный рост социалистического производства (большой или меньший, но при любых условиях – только рост) был своеобразным фетишем. Даже в самый тяжелый начальный период войны, когда предприятия оказывались на захваченной противником территории, а их оборудование в лучшем случае еще находилось в пути на восток страны, плановые

задания должны были только возрастать. Похоже, Николай Алексеевич недооценил этот догмат «корифея», когда в 1949 г. принял роковое для себя решение о некотором снижении плановых показателей на первый квартал года в соответствии с реальными условиями хозяйствования в тот момент. Впрочем, это решение было лишь поводом для начала прямых военных действий против него.

Таковы основные поправки Сталина в книгу Н. А. Вознесенского, если не считать еще и изменения ее названия, о чем будет сказано чуть ниже.

Да, так о судьбе «Политической экономии коммунизма». В течение сорока лет неоднократно пытался я обнаружить эту рукопись или хотя бы ее следы. В 1989 г. заместитель председателя КГБ В. П. Пирожков сообщил, что наконец-то найдена запись, согласно которой 23 января 1952 г. А. Н. Поскребышеву (как известно, ближайшему помощнику Сталина) был под грифом «Совершенно секретно» направлен макет книги Николая Алексеевича. Недавно эту информацию, еще раз ее проверив, подтвердили и в Архиве ФСБ. И все же оставалась неясность: о какой же книге шла речь, поскольку в сопроводительном письме министра ее название указано не было. Точку в этом вопросе поставили сотрудники бывшего Архива Политбюро, ныне Архива Президента РФ, установившие, что это был макет книги «Военная экономика СССР...».

Упоминания же о «Политической экономии...» нашлись в следственном «Деле №... по обвинению...» нескольких человек, в том числе и Николая Алексеевича. Вместо виденного мной в Комитете партийного контроля документа там находится протокол обыска от 27 октября 1949 г., где записано: «48. Материал Вознесенского Н. А. «Политическая экономика коммунизма» печатный на 822-х листах», постановление от 6 октября 1950 г. об уничтожении вместе с прочими его документами этой рукописи «путем сожжения» и почему-то два акта, оба без даты, о совершении такового. Добавлю, что расследовавший в том же КПК «ленинградское дело» А. И. Кузнецов сообщил мне, что он допрашивал следователей, фабриковавших обвинения против Николая Алексеевича, и они подтвердили, что его рукопись была ими уничтожена.

Рассказываю об этом с некоторыми подробностями для того, чтобы будущие исследователи прошлого представляли себе реальное положение дел вокруг исчезнувшей рукописи Н. А. Вознесенского, судьба которой не случайно интересует многих экономистов, историков, философов старшего поколения. Одна из причин такого интереса заключена в их уверенности в том, что столь фундаментальная работа именно этого автора в случае ее обнаружения и публикации могла бы способствовать лучшему пониманию хода научного поиска тех лет в области экономической теории и других обществоведческих дисциплин, а также уровня исследований реальностей жизни. Другая же причина состоит в том, что (я слышал это от немалого числа ученых) Сталин якобы использовал работу Николая Алексеевича в своей брошюре «Экономические пробле-

мы социализма в СССР». Однако даже те, кто был уверен в таком ходе событий и говорил, как профессор А. Я. Кошелев, например, что он это достоверно знает, не приводили в доказательство каких-либо фактов, а ссылались на третьих лиц.

Против подобного допущения, конечно, вопиет элементарная совесть. Увы, теперь общеизвестно, что Сталин и совесть – это «явления» разнородные, более того – взаимоисключающие. *За* – сомнения, которые на весах логики тянут несколько не меньше, чем *против*. Во-первых, никакие документы сталинского прошлого, как говорят самые сведущие в этом историки, на веру принимать невозможно: огромная масса их фальсифицировалась еще в процессе создания; во-вторых, в после-сталинское время архивы, где они хранились, неоднократно «чистились» некоторыми из тех деятелей, чье участие в преступлениях прошлого могло быть по ним установлено; в-третьих, запрос Поскребышева (на какую из двух книг Н. А. Вознесенского?) поступил в начале именно того года, в конце которого вышли «Экономические проблемы...» Сталина; в-четвертых, Николай Алексеевич в разговоре, о котором я упомянул чуть выше, отвечая на мои вопросы, в общей форме обозначил круг проблем, которые должна была охватить книга. В памяти осталась их малая часть, в том числе экономические законы коммунистической формации, их объективный характер и особенности действия, включая закон стоимости, на первой, социалистической ее стадии, пути и формы движения экономики и общества в целом к стадии второй. Здесь упор предполагалось сделать на создании принципиально новой материально-технической базы и соответствующих изменениях производственных отношений социализма, на ликвидации классовых и иных социальных различий. Все это являлось, как выяснилось позднее, когда довелось собирать и готовить к переизданию избранные сочинения Н. А. Вознесенского, прямым продолжением и развитием идей, ранее заложенных в них автором.

По рассказам, в последние полтора года перед снятием со всех постов Николая Алексеевича Сталин чуть ли не ежедневно вечерами и ночами работал с ним (говорили даже – только с ним) в Волынском-1, на «Ближней» даче, всерьез, видимо, готовя его в качестве своего преемника по государственной линии. Это была работа и в кабинете, и во время ужина и прогулок в саду. Было бы странно, если бы при этом кроме текущих вопросов не рассматривались и вопросы перспективные, в которых без теории не обойтись, или просто научные аспекты экономики социализма. Допускаю, что какие-то результаты таких обсуждений могли и должны были в той или иной мере отразиться и в книге Николая Алексеевича, и, через три года, в брошюре Сталина. Не исключая также, что какие-то отзвуки, пусть и искаженные, реального содержания работы Н. А. Вознесенского могут быть обнаружены в пока закрытых частях архивов ФСБ в виде заказанных, если они были, «рецензий» на его рукопись, или в архиве группы экономистов-теоретиков, готовив-

ших уже после ареста ее автора учебник политической экономии, или в архиве Комиссии по подготовке новой Программы ВКП(б), а позднее – КПСС.

Есть и еще один, несколько неожиданно проявившийся пласт материалов, среди которых стоило бы поискать рукопись книги или, по крайней мере, ее отголоски. Оказалось, что в сентябре 1949 г. по экземпляру рукописи, точнее, машинописи этой книги Николая Алексеевича к экзамену по политической экономии готовились Ф. Д. Бобков – будущий генерал армии и первый заместитель председателя КГБ СССР, а в то время молодой офицер – и трое его товарищей, как и он, слушатели университета марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б). Этот материал (учебника политической экономии тогда не было) один из них получил от Л. М. Гатовского – заместителя директора Института экономики. Филипп Денисович помнит внешний вид рукописи и ее объем – «страниц 800», то, что это был не первый экземпляр, хотя, по домашним преданиям, Николай Алексеевич, печатая книгу на машинке, копировальной бумагой не пользовался, а главное – свое впечатление от прочитанного: «Я впервые понял, что политическая экономия социализма тоже существует» («тоже» – как и Марксова политическая экономия капитализма). После успешной сдачи экзамена всеми готовившимися к нему по рукописи книги, она исчезла из поля зрения Ф. Д. Бобкова. Очевидно, это было связано с тем, что уже примерно через месяц ее автор был арестован. Так что кто знает, не выплывут ли когда-нибудь пусть не первый и даже не в последнем варианте, но все равно интересный для истории науки экземпляр этой книги или хотя бы заметки по поводу нее из обширного архива члена-корреспондента Академии наук СССР Л. М. Гатовского?..

Научные и тесно связанные с ними политические интересы Николая Алексеевича выходили далеко за пределы экономики. Он работал и над проблемами *социального* развития страны, вплоть до *глубокой демократизации* советского общества. Но об этих мотивах – в одной из следующих глав. А здесь хотя бы вкратце упомяну о применении его научных воззрений в практической работе по руководству Госпланом СССР, развитием народного хозяйства страны. Итак, в самом начале 1938 г., говоря словами итальянского автора двухтомной «Истории Советского Союза» Д. Боффа, «Госплан доверили блистательному 34-летнему экономисту Вознесенскому». Прошло всего несколько лет (но каких!), и послевоенное зарубежное радио – тогдашний чуть ли не единственный альтернативный источник информации – стало называть Николая Алексеевича «экономическим диктатором России». Конечно, слово «диктатор» режет ухо, но все же я вспоминаю об этом не только потому, что даже в то время оно звучало в весьма уважительном контексте по отношению и к человеку, и к государству, но и потому, что в какой-то мере отражало реальное положение вещей: Госплан действительно был, используя выражение тех лет, экономическим штабом страны. Соответственной по

размаху и значению была и роль его главы, тем более во время Отечественной войны.

Приведу одно маленькое наблюдение, относящееся к 1944 или 1945 г. Проезжая через Москву, я был у Николая Алексеевича дома, на улице Грановского, и в это время раздался телефонный звонок. Он снял трубку, через какие-то мгновения четко произнес, почти скомандовал: «Один – в Донбасс, другой – в Ленинград!» – и вернул трубку на место. Заинтригованный предельной краткостью разговора, я спросил, о чем шла речь.

– Мне сообщили, – ответил он, – что к Москве подходят два эшелона с лесом. Я распорядился отправить их туда, где в нем сейчас самая острая нужда.

В этом микроэпизоде, как в капле воды, отразилось и тяжелое, напряженнейшее состояние экономики страны, фактически уже выдержавшей чудовищную войну, и степень упоминавшейся в предыдущей главе централизации, и в какой-то мере методы управления народным хозяйством. Так что, может быть, не так уж не право было зарубежное радио?

Но если даже в чем-то и согласиться с ним (говоря серьезно, в истории централизованного управления экономикой есть немало таких моментов, которые заслуживают вдумчивого анализа и в современных условиях), то следовало бы добавить, что то была «диктатура» разума, «диктатура» науки. Вся практическая работа Госплана СССР имела под собой глубоко заложенный научный фундамент. Сам Н. А. Вознесенский являл собой прочное, высокоэффективное единство экономиста-ученого, теоретика и экономиста-практика, хозяйственника. А самым важным было, конечно, то, что в работе Госплана в разных формах, как уже упоминалось, участвовали лучшие научные силы страны. Планы разрабатывались исключительно тщательно, их проекты всесторонне анализировались, взвешивались, уточнялись, насколько это было возможно при тогдашнем уровне развития прогностики и счетной техники.

Николай Алексеевич прямо выступал против волюнтаризма в плановой работе, который, как он писал еще в 1933 г., ведет к авантюризму, и был человеком исключительной научной добросовестности. Опять-таки – небольшой пример из жизни, затронутый в сюжете о сталинской правке «Военной экономики...». Предлогом для снятия Н. А. Вознесенского со всех постов было обвинение в том, что он распорядился по каким-то показателям уменьшить задания на I квартал 1949 г. Действительно, так и было, прежде всего потому, что в зимние месяцы начала каждого года снижались реальные производственные возможности, как их называли, сезонных отраслей, и план не мог не считаться с этим неизбежным фактом. Недобор же предполагалось перекрыть чуть позже, в более благоприятных условиях. Это обстоятельство Сталин проигнорировал, тем более что председатель Госплана принял *самостоятельное* решение, без согласования с ним. И после того как от работы он его освободил, задания были повышены, но когда ближе к осени в печати появились хозяйственные итоги I квартала, Николай Алексеевич их про-

считал и с удовлетворением сказал домашним: «План выполнен точно так, как я его предлагал. Моя совесть ученого абсолютно чиста...» Он крайне отрицательно относился к любой профанации экономической науки ради каких-либо конъюнктурных обстоятельств и соображений, и этот случай – далеко не единственное тому свидетельство.

Именно потому, что Госплан был центром экономической практики и экономической теории в их единстве, и удавалось обеспечивать постоянное укрепление научной обоснованности планов. Во внимание при этом принимались выводы не только обществоведческих, но и всего комплекса естественных наук. Например, уже третий пятилетний план был разработан как план *химизации* народного хозяйства (к чему из-за войны и связанных с нею обстоятельств смогли вернуться лишь через двадцать лет). Перед войной и после нее в Госплане велась большая работа по комплексному планированию развития экономических районов страны, по сочетанию отраслевого и территориального планирования, по разработке балансового метода в планировании.

При Н. А. Вознесенском и по предложенной им схеме Госплан впервые стал разрабатывать баланс народного хозяйства как самостоятельный раздел и органическую часть народно-хозяйственного плана. Значительно возросло в это время, уже с конца 30-х гг., количество материальных (натуральных, как тогда их называли) балансов, основательнее рассчитывались стоимостные и синтетические (стоимостные и натуральные в их увязке) балансы – производство и распределение общественного продукта, производство и распределение народного дохода, денежных доходов и расходов населения, роста заработной платы и ее товарного обеспечения и другие. Разработка балансов явилась важным условием соблюдения внутриотраслевых, межотраслевых и территориальных пропорций, совершенствования структуры всего общественного производства, его гармоничного развития. В подготовленном Николаем Алексеевичем еще в 1941 г. Положении о Госплане сказано, что его главнейшая задача – обеспечение в плане «правильных соотношений в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению диспропорций в народном хозяйстве». Именно в те годы балансовый метод не только прочно вошел в планирование, но и стал его основным инструментом. Все это сыграло важную роль в реализации идеи пропорционального развития народного хозяйства, значительно повысило научный уровень государственного планирования экономики страны.

Труднопереоценимую роль в совершенствовании народно-хозяйственного планирования сыграла горячо отстаиваемая Н. А. Вознесенским идея создания Генерального плана развития экономики, рассчитанного примерно на 15 лет. Только с учетом *перспектив* развития *всего* народного хозяйства, отмечал Николай Алексеевич еще в предвоенной записке на имя Сталина и Молотова, могут быть правильно решены такие крупнейшие вопросы, как строительство новых заводов черной и цветной металлургии, завершение реконструкции железнодорожного транспорта, сооружение Куй-

бышевского, Соликамского и Ангарского гидроузлов, Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, создание топливной и металлургической базы в северных районах европейской части СССР, развитие отдельных экономических районов. Предполагалось завершить подготовку такого плана к концу 1941 г., однако война помешала довести ее до конца.

После войны Н. А. Вознесенский вернулся к этой идее и, как уже сказано, предложил создать Генеральный план на 20-летнюю перспективу (первоначально предполагалось на 1946 – 1965 гг., а позднее – на 1951 – 1970 гг.). К сожалению, работа и над этим планом была прекращена – на этот раз в связи с отстранением Николая Алексеевича от поста председателя Госплана и соответственно Центральной комиссии по его, плана, подготовке. Обратиться к решению такой задачи удалось лишь много лет спустя.

В свете всего сказанного проблема, которая может возникнуть перед исследователем истории плановой работы, состоит скорее не в том, было ли научно обоснованное планирование в 30–40-е гг., ибо в принципе положительный ответ здесь очевиден, а в том, почему тщательно составлявшиеся планы далеко не всегда и не по всем позициям выполнялись на практике, что именно и как в реальной действительности отклоняло итоговые показатели от намеченных. Ответ, полагаю, будет лежать далеко за пределами экономики. Но и чисто хозяйственные результаты тех лет, в течение которых Николай Алексеевич возглавлял Госплан СССР, весьма впечатляющи. «Никто не сделал так много для развития экономики», как Н. А. Вознесенский, – отметил Д. А. Волкогонов. Не привлекая к рассказу существующий огромный статистический материал, напомним лишь, что среднегодовые темпы *прироста* валовой продукции промышленности СССР за три предвоенных (1938–1940) года третьей пятилетки и в послевоенной, четвертой (1946–1950) пятилетке составили свыше 13 (!) процентов, а национальный доход увеличился только за эту, последнюю в жизни Николая Алексеевича пятилетку более чем вдвое. И это при том, что мы потеряли в Великой Отечественной войне около трети национального богатства. Вот бы снились каждую ночь подобные цифры тем, под чьим руководством за последнее десятилетие прошлого века темпы, объем производства и уровень жизни народа не просто снизились, а буквально *рухнули* до глубин, каких страна не знала даже в годы фашистского нашествия.

Н. А. Вознесенский задал такой тон и так поднял уровень работы Госплана, его авторитет и значение в обществе и государстве, собрал настолько мощный коллектив специалистов самого высокого класса, что преемники Николая Алексеевича старались прежде всего сохранить, а уж затем добавить и свои «накопления» к доставшемуся им богатству традиций и кадров. Удивительно тепло и содержательно рассказал об этом в упомянутой выше книге Н. К. Байбаков, в 1955 г. назначенный председателем Госплана, многие годы проработавший на этом посту и сам обладающий уникальным опытом планирования и управления на-

родным хозяйством. Хотелось бы предложить вниманию читателя несколько отрывков из нее (да не посетует он на меня за их обилие!):

«Прежде всего требовалось овладеть огромным теоретическим наследием Н. А. Вознесенского и, конечно же, его учением о планировании народного хозяйства. Я знал, что это был умный человек, я бы сказал, тонкий «психолог экономики»... Я и раньше внимательно следил за практической и научной деятельностью Николая Алексеевича, особенно в годы войны, когда он с предельной точностью и оперативностью руководил важнейшими экономическими процессами: переключением гражданских отраслей на нужды обороны, перераспределением всех экономических и трудовых ресурсов страны в интересах фронта, созданием системы снабжения фронта и тыла.

Одиннадцать¹ лет Николай Алексеевич был председателем Госплана СССР. Основные принципы его – научная, всесторонняя обоснованность планов экономики, высококвалифицированные кадры в каждой отрасли. Он ценил в своих помощниках опыт и ум, знание сложной науки планирования...

Теперь мне пришлось занять место Н. А. Вознесенского. Я убедился, что здесь его помнят, ценят и любят, что стиль и методы его работы сохранились и четко проводятся в жизнь. Это, конечно, радовало меня и облегчало мое «врастание» в коллектив: не нужно было перестраивать и перенастраивать людей, надо было только продолжать и совершенствовать прежние наработки...

Люди откровенно делились со мною своими воспоминаниями, имевшими для меня неоценимое практическое значение. И я старался, как когда-то при Вознесенском, проводить заседания Госплана так, чтобы были воедино увязаны вопросы практики и теории, не топить теорию в отвлеченностях, а практические вопросы – во второстепенных частных. Стратегия экономики – в «чувстве направления», нахождении и обосновании решающих течений в экономике и жизни.

¹ В официальных изданиях и во всех воспоминаниях о Н. А. Вознесенском, где говорится о времени, в течение которого он возглавлял Госплан, указывается одна и та же цифра – 11 лет. Так считал и автор этой книги, пока не появился справочник, упомянутый в сноске на первой странице настоящей главы. И тогда выяснилось, что с марта 1941 г. по декабрь 1942 г. Госпланом руководил М. З. Сабуров. Поразительно, но абсолютно все – и заместители Николая Алексеевича, и другие его сотрудники, и наркомы – такого перерыва даже не заметили. Единственный вывод, который напрашивается и подкрепляется множеством конкретных фактов, состоит в том, что и в этот отрезок времени он фактически продолжал непосредственно руководить Госпланом. Например, ему было поручено возглавить разработку планов на III квартал 1941 г., на IV квартал этого же года и на 1942 г.; тогда же он менял структуру Госплана в соответствии с задачами военного времени, назначал новых его сотрудников в центре и на местах; наркомы оборонных отраслей промышленности в 9 утра 22 июня прибыли к нему на совещание не в кремлевский кабинет первого заместителя Председателя СНК, а в Госплан; при создании ГКО Берия, добиваясь своих целей, предлагал Сталину: «Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане». Таким образом, упоминая о формальной стороне дела, привожу хотя бы некоторые факты, подтверждающие правильность представлений участников тогдашних событий об 11-летнем периоде его руководства Госпланом СССР.

Н. А. Вознесенский был непреклонно строг и последователен, требуя от работников дисциплины, ясной логики и гибкости мышления. Важна была не внешняя дисциплина, не столько она, сколько дисциплина как внутренняя организация ума и характера. И поэтому он добивался обязательно того, чтобы все его поручения выполнялись не по приказу, а по убеждению...

Стремясь освоить и сохранить стиль Вознесенского, я часто вспоминал встречи с Николаем Алексеевичем в годы войны. И передо мной вновь предстал спокойный, внутренне сосредоточенный человек с осунувшимся лицом и складками под глазами – требовательное время рождало и требовательных людей. Да, он был подчас резок в суждениях, решительно настаивал на своих требованиях, даже во время встреч со Сталиным. Он без личных амбиций, а строго ради дела мог возразить и Сталину, и Берии. Особенно резкие стычки были у него с Кагановичем. Это отсутствие дистанции, сосредоточенность на государственных интересах невольно вызывали уважение у тех, кто имел с ним дело...

Пусть он был резок и жесток (точнее – жёсток. – *Л. В.*) в своих оценках людей и поступков, но всегда оставался интеллигентным, душевным, отзывчивым человеком. Вознесенский умел терпеливо и тонко вникать в текущие вопросы планирования, не пренебрегая никакими мелочами, где одно упущение, даже, казалось бы, незначительное, способно нанести непоправимый ущерб. И никакие частности при этом не заслоняли ему масштабное видение экономических вопросов, он всегда мог сделать нужные выводы. Экономика – это корабль со сложным управлением, а он был его дальновидным капитаном».

Эти фрагменты из книги Николая Константиновича невольно заставили подумать о том, что именно война выковала целую когорту людей, для которых беззаветное служение Отчизне было внутренним долгом, помноженным, возведенным в степень их гигантской ответственностью за принимаемые, порой вынужденно молниеносные и часто неординарные решения, способных создавать условия для их выполнения, накопивших богатейший опыт управления, волевых, талантливых организаторов. Однако конечный результат, естественно, достигался не в кабинете руководителя, а в окопе, у станка, на колхозном поле, в лаборатории – многомиллионной массой солдат и работников тыла, своими руками творивших Победу. И все же на любом фронте нужны и штаб, и полководец. На экономическом фронте в годы войны ими были, как об этом прямо говорится в многочисленных публикациях, Госплан и его председатель Н. А. Вознесенский. «Госплан СССР, – по словам заместителя его председателя А. П. Ковалева, – превратился в оперативный штаб военной экономики. И не будет преувеличением, если скажем, что именно Вознесенский держал в эти годы всю экономику страны в своих руках. Он работал часто почти целыми сутками, забыв о личном, обо всем, что не относилось к делам фронта, к делам войны». Д. А. Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия», отмечая, что роль Н. А. Вознесенского в

войне пока, к сожалению, описана недостаточно, «еще по-настоящему не оценена», так и назвал его — подлинным полководцем экономики в годы Великой Отечественной войны.

В «Военной экономике...» есть небольшая глава «Перестройка народного хозяйства». В ней Николай Алексеевич дает поражающий воображение даже сейчас спрессованный перечень основных мероприятий, осуществленных в течение года после начала войны для мобилизации всех сил и средств страны на нужды фронта и тыла и тем заложивших основу будущей *экономической* победы СССР над фашистской Германией. Не повторяя сказанного там и опираясь не только на этот источник, назову здесь лишь малую часть из бесчисленных проблем, которыми занимались в годы войны он, его прекрасные подготовленные заместители, весь коллектив Госплана СССР.

Уже на следующий день после начала войны, 23 июня, был введен в действие разработанный при непосредственном участии Н. А. Вознесенского мобилизационный план по производству боеприпасов и вооружения. Через шесть дней был подготовлен мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал 1941 г., а в августе — военно-хозяйственный план на IV квартал этого года и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Вместе с заинтересованными министерствами готовились и отраслевые планы — форсированного строительства и ускоренного наращивания производственных мощностей на металлургических заводах в восточной части СССР, такой же план по добыче нефти, план восстановления угольных шахт Донбасса.

На протяжении всей войны разрабатывались не только годовые и квартальные, но и месячные планы. Вот уж когда план воистину был законом — независимо от его экономической природы и юридического статуса: для каждого коллектива предприятия и каждого человека он был законом прежде всего нравственным и безусловным. Добавим к этому жесткий оперативный контроль за состоянием материально-технического обеспечения производства и за выполнением плановых заданий как со стороны того же Госплана, куда поступали ежедневные сводки о выпуске военной продукции и выполнении распоряжений ГКО, так и со стороны местных партийных и советских органов — и тогда, может быть, мы даже сейчас ощутим роль во время войны государственного планирования в качестве исходного пункта и решающей силы в организации процесса создания материальной, в том числе технической базы разгрома врага. Все это, вместе взятое, привело к тому, что уже к концу 1942 г. выпуск боевой техники и вооружений в СССР по всем показателям превысил их производство в Германии и у ее сателлитов. (Любопытная деталь попутно: в своем докладе на XVIII Всесоюзной партконференции Николай Алексеевич, характеризуя особенности современной войны, очень точно отметил, в частности, что с технико-экономической точки зрения она является «войной моторов».)

Член Государственного Комитета Обороны, он, наряду с другими обязанностями, персонально отвечал – так сказано в ряде изданий – за производство вооружений и боеприпасов (в связи с этим вопросом, как и при создании ГКО, не обошлось без интриг Берии, что весьма выразительно описал А. И. Микоян в своих воспоминаниях)¹. В каждый момент ему было досконально известно положение дел в этом отношении, как, впрочем, и в производстве всего остального, в чем нуждались и фронт, и тыл. Маршал А. М. Василевский вспоминал, что, когда на Политбюро обсуждались запросы Генерального штаба в связи с подготовкой тех или иных военных операций, «самым авторитетным являлось слово члена ГКО, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского. Он нередко не соглашался с мнением И. В. Сталина, других членов Политбюро и точно называл количество материально-технических средств, которые может дать промышленность для рассматриваемой операции. Его мнение являлось решающим. Н. А. Вознесенский прекрасно знал народное хозяйство, имел точные сведения о его работе и в своих суждениях, оценках почти никогда не ошибался.

Я сохранил о Н. А. Вознесенском самые лучшие воспоминания». И в другом месте: «Во время войны, кто напрямую выступал против некоторых предложений Сталина, главным образом по планированию хозяйства, по вопросам промышленности, так это Вознесенский. Ну сплошь и рядом². Берия, Маленков его страшно ненавидели. А Сталин частенько к нему прислушивался. Очень умный был человек. А после войны им все-таки удалось Вознесенского погубить».

С этими словами перекликаются свидетельства и В. М. Молотова: «Берия боялся Вознесенского и очень был против него», и Н. С. Хрущева, который характеризовал Н. А. Вознесенского как человека «умного, резкого,

¹ С персональной ответственностью за производство вооружений и боеприпасов то ли в жизни, то ли в литературе, то ли в том и другом существует какой-то элемент неясности, и разобраться мне в нем до конца не удалось. Так, по воспоминаниям Микояна, при распределении в первые дни войны обязанностей между членами Политбюро за этот участок работы отвечал Николай Алексеевич. По другим источникам – Берия. По третьим – за Вознесенским было руководство базовыми промышленными комплексами – металлургическим, нефтяным и химическим. Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 г. о распределении обязанностей между членами Государственного Комитета Обороны на Н. А. Вознесенского был возложен контроль за выполнением решений этого органа по производству боеприпасов и по черной металлургии, а также «подготовка соответствующих вопросов». Возможно, такие разночтения просто относятся к различным периодам Великой Отечественной войны? Очевидно одно: практическая реализация любых достаточно крупных хозяйственных решений и в военных условиях не могла миновать Госплан СССР и его председателя.

² И именно его Ю. Жуков в книге «Тайны Кремля», построенной на обширном документальном материале, умудрился назвать незадачливым – поскольку он был объектом интриг внутри Политбюро, но в них совершенно не участвовал, что лишний раз видно из самой этой публикации, – и безропотным (?) проводником взглядов Сталина!

прямого и смелого. Именно смелость его и погубила, потому что он часто схватывался с Берией, когда составлялся очередной народно-хозяйственный план. Берия имел много подшефных наркоматов и требовал львиной доли средств для них, а Вознесенский как председатель Госплана хотел равномерного развития экономики страны».

Ну а так как в последнее время появилось слишком много литературы, лживо-апологетической по отношению к одним и столь же лживо-уничжительной к другим фигурам прошлого, приведу еще одно авторитетное свидетельство – маршала Жукова (с сохранением особенностей его правописания). На заседании Ставки Верховного Главнокомандования присутствовавшие полностью поддерживали предложения Сталина о развертывании наступательных действий на всех фронтах и Тимошенко о нанесении нашими войсками упреждающего удара на юге, «и лишь ВОЗНЕСЕНСКИЙ высказал свое сомнение в возможности материально-технического обеспечения широких наступательных операций...

БЕРИЯ бросил реплику: «Вы что-же, товарищ Вознесенский, сомневаетесь в расчетах и планах товарища СТАЛИНА?»

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ответил: «Нас здесь собрали для того, чтобы серьезно обсудить обстановку и наши мероприятия... а Ваша реплика мне непонятна».

СТАЛИН отошел от стола, не сказав ни одного слова. Но мне показалось, что он благосклонно отнесся к словам ВОЗНЕСЕНСКОГО, которого он в то тяжелое время высоко ценил как умного, расчетливого и способного организатора всех экономических мероприятий».

А писатель и тонкий наблюдатель К. М. Симонов, вспоминая, как проходило заседание по обсуждению работ, выдвинутых на Сталинские премии, где докладчиком по разделу науки и техники был Н. А. Вознесенский, оставил точное свидетельство: «Это было бы неправдой, если бы я сказал, что этот человек, которого я видел впервые, мне понравился, как говорится, лег на душу. Было другое: он запомнился мне не потому, что понравился, а потому, что чем-то удивил меня, видимо, тем, как резковато и вольно он говорил, с какой твердостью объяснял, отвечая на вопросы Сталина, разные изменения, по тем или иным причинам внесенные в первоначальные решения Комитета по премиям в области науки и техники, как несколько раз настаивал на своей точке зрения – решительно и резковато. Словом, в том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими, – и это мне запомнилось»...

Обязанности Николая Алексеевича выходили далеко за рамки Госплана. Так, в 1940 г. у него было пять государственных должностей: первого заместителя Председателя Совнаркома СССР, председателя Госплана, председателя Совета оборонной промышленности при СНК, заместителя председателя Комитета обороны при СНК, председателя Комиссии по текущим делам при Совнаркоме СССР.

В конце октября 1941 г., когда над Москвой нависла непосредственная угроза со стороны немцев, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, по которому часть Правительства должна была временно эвакуироваться в Куйбышев, а Николаю Алексеевичу было поручено представлять там «Совет Народных Комиссаров СССР, руководить работой эвакуируемых на Восток наркоматов и прежде всего наркоматов: Авиапром, Танкопром, Вооружения, Черной металлургии, Боеприпасов и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пущены в ход заводы, эвакуированные на Волгу, Урал и Сибирь». О напряженности ситуации говорит тот факт, что он должен был информировать Москву о ходе этих работ каждые пять-шесть дней. И, как известно, этот невероятной сложности план благодаря массовому и подлинному героизму людей был выполнен в фантастически короткие сроки.

В годы войны Советом Народных Комиссаров практически руководило его Бюро, в состав которого входил и Н. А. Вознесенский, а оперативным решением вопросов занималась образованная уже 23 июня 1941 г. Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам, и он был ее председателем. (Молотов и Хрущев рассказывали, что и после войны Николай Алексеевич вместо Сталина председательствовал на заседаниях Совета Министров СССР.) С 1943 г. он стал, выполняя все другие свои обязанности, и членом Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков¹.

Как написал о Н. А. Вознесенском в своих воспоминаниях министр финансов А. Г. Зверев, он «был очень сильным руководителем Госплана, мыслил масштабно и смело, глядел далеко вперед. Настоящий государственный деятель...».

Такая характеристика в полной мере относится и к деятельности Николая Алексеевича в послевоенное время. Молодым в то время людям памятно, что по разработанному под его руководством четвертому пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства

¹ Вынужден упомянуть о появлении в 2002 г. безграмотно названной (не каждый умудрится в четырех словах сделать две ошибки), убогой по содержанию и предельно лживой проталинистской агитки – книги Ю. Мухина «Убийство Сталина и Берия». Явно интеллектуально и морально ущербный, совершенно беспомощный в осмыслении истории советского периода автор переворачивает реальный ход событий с ног на голову и, пытаясь любой ценой возвеличить своих кумиров – Сталина и Берия, всячески клеветает на других членов тогдашнего руководства страны, особенно на Н. А. Вознесенского и площадно поносит его. Некоторые формулировки новоявленного «исследователя», в частности по организованным Сталиным кровавым спектаклям 30-х и 50-х гг., как и книга в целом (ответственность за что лежит и на издателях), явно подсудны по ряду статей Уголовного кодекса РФ. Выпущенная в свет под рубрикой «Реконструкция эпохи», эта насквозь грязная книга является самым, наверное, ярким примером современной *фальсификации* истории с глубоко антинаучных и псевдокоммунистических позиций. Издатели рекомендуют свою публикацию как уникальную, забыв добавить – по подлости и глупости, после ознакомления с которой приходится тщательно отмывать руки.

СССР на 1946–1950 гг. страна сумела в невиданно короткие сроки не только достичь довоенного уровня производства, но и значительно превзойти его.

Большой общественный резонанс получила вышедшая в 1947 г. неоднократно упоминавшаяся в этой главе книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Языком цифр и фактов, языком политико-экономического анализа рассказано в ней о беспримерном подвиге советского народа, спасшего свою Родину в самой ожесточенной битве в истории человечества. Этот труд Николая Алексеевича был отмечен Государственной – тогда она именовалась Сталинской – премией первой степени (которую, премию, как и все свое академическое содержание, он передал детским домам; к слову, гонорары за публикации еще с довоенных времен по его распоряжению перечислялись в фонд государства). И по сей день без богатейшего материала, собранного и обобщенного в нем, невозможно полноценное изучение истории Великой Отечественной войны. Вместе с тем это произведение оставило глубокий след и в истории нашей экономической науки, продвинуло вперед теоретический анализ закономерностей развития социалистической системы хозяйства.

Приведу отрывок из выступления секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёва на XXI съезде партии в 1961 г. Говоря о книге, он отметил, что «в ней были новые мысли и важные выводы... Книгу стали изучать, но затем ее вдруг изъяли как антимарксистскую и антинаучную. Жизнь автора закончилась трагически.

Что же случилось? А случилось то, что, к неудовольствию «теоретического бога», книга Н. А. Вознесенского стала популярной в кругах экономистов и студенчества. Некоторые экономисты даже усердно хвалили ее, находили в ней что-то новое, творческое. Этого было достаточно для того, чтобы книгу изъять и таким путем закончить «выяснение» теоретических истин в области советской экономики, создания политической экономии социализма.

Оставим в стороне странное противоречие между утверждением, что в книге «были новые мысли и важные выводы», с одной стороны, и скептически окрашенным заявлением: кто-то находил «в ней что-то новое, творческое», с другой. Поступим так хотя бы потому, что, как пишет Д. Т. Шепилов в своих «Воспоминаниях», Леонид Федорович «за всю жизнь сам лично не написал не только брошюрок, но даже газетной статьи – это делали для него подчиненные», а лишь озвучивал подготовленное ими. Но, надо полагать, он все же осознавал, *что* произносил с той или иной трибуны, и поэтому такую двойственность позиции я долго не понимал. Так было, пока не появилась упомянутая работа Дмитрия Трофимовича, из которой читатели узнали, в частности, что защитник права на свободную научную мысль Ильичёв за несколько лет до этого активно содействовал П. Н. Федосееву, писавшему «клеветнические, грязные доносы на члена Политбюро ЦК, академика Н. А. Вознесенского и на целую группу советских

ученых-экономистов». Эти люди знали, что «в те времена при патологической подозрительности Сталина, это могло стоить жизни ни в чем не повинным ученым, на которых они доносили. Но от них этого требовали, так это нужно было для осуществления замыслов Берии. Им посулили за это соответствующую оплату. И они со всем рвением играли порученные им роли»...

Назвав свою книгу «Военная экономика СССР...», Николай Алексеевич дал ей подзаголовок «Политическая экономия Отечественной войны». Сталин, однако, указание на теоретический характер работы убрал (хотя в первом абзаце текста эта формулировка сохранилась) и дал ей иное, не лучшее наименование – «Военная экономика... в период... войны», – под которым она и увидела свет. Почему? Не исключено, что один из возможных ответов содержится в тех же «Воспоминаниях» Д. Т. Шепилова: «Книга Вознесенского «Военная экономика...» была хорошо встречена партийными пропагандистами, научными работниками, преподавателями. Судя по тем рассказам, которые дошли до меня через несколько лет, опубликование книги и послужило для Берии и его сообщников сигналом для перехода к активным действиям. К этому времени давнишняя подозрительность Сталина приобрела ультрапатологические формы. Эта подозрительность сочеталась с гипертрофированным самомнением Сталина: *только он может выдвигать новые предложения, новые идеи* (курсив мой. – Л. В.), все остальные могут и должны эти идеи пропагандировать, популяризировать, аранжировать». Если это так, то уж следующая книга – «Политическая экономия коммунизма» – вызвала бы еще большее недовольство и «корифея всех наук», и его ближайшего окружения. Да, не во всякую эпоху и не в каждой стране можно ревностно служить Науке, тем более общественной, не рискуя свободой, а то и жизнью...

Многое, слишком многое здесь зависело не от действительной ценности конкретной работы или даже целого научного направления, а от уровня понимания Сталиным этой проблематики (зачастую достаточно примитивного – вспомним хотя бы судьбу генетики, демографии, социальной медицины и ряда других дисциплин) и его субъективного отношения к тому или иному ученому. Вдобавок рядом с ним всегда была группа холуистствующих соратников, ничего в науке не понимающих, но зато всегда державших наготове ведро с дегтем. Приведу в связи с этим небольшой фрагмент из книги Ю. Борева «Сталиниада» с рассказом М. Б. Храпченко, председателя Комитета по делам искусств, вспоминавшего о «Военной экономике...», ее авторе и полученной им Сталинской премии: «На правительственном банкете в честь новых лауреатов присутствовал Сталин и все члены Политбюро. В конце банкета его участники выстроились полукругом, чтобы сфотографироваться. В этот момент Берия подошел к Вознесенскому, обнял его за плечи и сказал: «Молодец, хорошую книгу написал. Смотрите, товарищ Сталин, какие у нас есть молодые члены правительства. Книги пишут. Хорошие книги, ум-

ные, ученые книги. Премии получают. Вот только на товарища Сталина мало ссылаются в своих ученых книгах». Все застыли. Сталин помрачнел, резко повернулся и на глазах у всех ушел в узкую потаенную дверь, скрытую в стене. Установившаяся тишина несколько минут держала всех в оцепенении, потом все стали тихо расходиться. Все ощутили обреченность Вознесенского. Через некоторое время он был арестован».

Нужно, однако, сказать, что в моральном плане Берия и подобные ему были действительно верными учениками вождя, успешно воспринимавшими его «нравственные» уроки. Вот еще один отрывок из «Воспоминаний» Д. Т. Шепилова, который можно было бы озаглавить «В театре одного актера»: как видели читатели, Сталин внимательно работал над рукописью Николая Алексеевича и дал ей путевку в жизнь, но вскоре занял «в отношении этой книги диаметрально противоположную позицию... Книга была изъята из библиотек как антимарксистская и вражеская. А на следующий год при рассмотрении вопроса о присуждении сталинских премий новым лауреатам Сталин заявил: «Здесь вносится предложение дать премию профессору Ляшенко за его «Историю народного хозяйства». Я согласен. Его книга куда богаче и интереснее, чем книга этого... как его... (Сталин несколько раз щелкнул большим и средним пальцами. Возгласы: «Вознесенского». – *Д. Ш.*). Да, да, Вознесенского...»

Превосходно задуманная и блестяще сыгранная сцена, отличный пример «работы с кадрами» – членами Политбюро и другими присутствовавшими лицами! Ее постановщик и исполнитель мог бы просто сказать: забудьте такого-то, вычеркните его имя из истории партии и страны. Но это было бы слишком примитивно и не дало бы желаемого политического и психологического резонанса. И он, обладатель, как утверждают многие мемуаристы, очень крепкой памяти, через полгода после данного им разрешения на арест соратника, с которым постоянно работал более десятка лет, которого сам назвал своим преемником (об этом – ниже), намертво «забыл» его, показав тем самым своей аудитории, а через нее и более широкому кругу партийной и прочей «элиты», что такого-то, тоже за полгода до его физического уничтожения, уже «нет», да и вообще вроде бы не было, что его книга не должна привлекать чье-либо внимание, а сам он ни к ней, ни к ее автору отношения не имел и не имеет. И, наткнувшись на этот маленький, но такой выразительный эпизод у Дмитрия Трофимовича, я вспомнил, как, умирая, Сталин в последнее мгновение поднял руку и пытался что-то сказать. Не получилось. Но, по-моему, он в тот момент мог бы повторить слова другого, древнего палача своего народа, тоже страдавшего неизлечимым стремлением к позерству, – римского императора Нерона, воскликнувшего перед смертью: «Какой великий артист погибает!»...

Моя тетушка Лидия Васильевна Судакова, вспоминая о Николае Алексеевиче, рассказывает: «...я приехала на Фонтанку (семьи Александра Алексеевича и его младшей сестры вместе с их матерью до вой-

ны жили в Ленинграде на этой набережной. – Л. В.) и застала в комнате двоих мужчин – тебя (мне было лет девять, видимо. – Л. В.) и его... Вы сидели на диване и увлеченно беседовали... Николай Алексеевич: «Если ты начал дело, то на половине не бросай, доводи его до конца». Ты: «А если начатое дело – плохое?» Он: «А плохое дело и начинать не надо».

Сам Н. А. Вознесенский всю жизнь следовал этим правилам. Не щадя себя, он, по словам его жены Марии Андреевны, одиннадцать лет не был в отпуске и выкраивал для отдыха всего 3 – 4 часа в сутки, а недостаток сна «восполнял» ледяным душем. Николай Алексеевич не только неустанно работал над проблемами экономической стратегии страны, но и с железной настойчивостью добивался выполнения принятых решений и планов как в мирное, так и в военное время.

В современной литературе наряду со множеством упоминаний о его внимательном и уважительном отношении к людям, помощи многим в решении трудных для них вопросов есть и замечания о фактах его грубости. Очевидно, было и это – хотя бы потому, что такая манера шла от Сталина, которому и во внешнем рисунке поведения (белую ворону тут же заклевали бы) подражало его ближайшее окружение. «Классиками» в этом отношении были Каганович и Берия, но и Маленков, вопреки благодным заверениям кого-то из авторов, и другие руководители высокого и прочих рангов широко использовали язык приказов и распоряжений, не пренебрегая при этом «ненормативной лексикой» как простейшим средством психологического давления на людей в условиях административно-командной, сугубо иерархической системы управления. К тому же для немалого числа тогдашних высокопоставленных руководителей, приобретших командный опыт в Гражданской войне, но не отягощенных специальными знаниями, это был главный из доступных им способов воздействия на подчиненных. Да и среди тех, кто был чуть помоложе, далеко не все получили мало-мальски приличное образование. Пожалуй, самый памятный в этом отношении пример – деятельность Берии по управлению атомным проектом. В воспоминаниях его участников нередко рассказывается о том, как, ничего не понимая в существе дела, он, наряду с использованием материальных и организационных факторов достижения успеха, не в последнюю очередь именно угрозами расправы над людьми добивался от них нужных результатов в кратчайшие сроки.

Было в основе такого поведения высших руководителей, по-моему, и ощущение себя как всемогущих творцов истории, ускоряющих ее ход и направляющих его в нужном обществу направлении. «Время, вперед!» назывался роман-хроника В. Катаева, «Течет вода Кубань-реки /Куда велят большевики!» – таков был один из рифмованных лозунгов эпохи. В этой ситуации крупные руководители, может быть, и чувствовали себя, как подметил П. Л. Капица, «сверхчеловеками», которым якобы подвластны не только люди, но и законы, и не только общества, но и природы.

Представление ложное, однако не совсем беспочвенное. И когда, например, у того же Сталина или его соратника возникало впечатление, что он лично вращает колесо истории, это зачастую влекло за собой практический вывод: нельзя, дескать, терять драгоценное время на всякие там психологические изыски, на интеллигентские сантименты, просто надо кратко отдать приказ и вовремя убедиться в его исполнении.

В случае с Николаем Алексеевичем есть и другой, более существенный момент. Однажды я спросил его:

– Говорят, ты бываешь жестким с людьми?.. (Читатель уже знает, что позднее я почти такой же вопрос задал и отцу.)

И тут же получил ответ настолько резкий, что он и поныне звучит в моей памяти:

– Не люблю дураков и лентяев! Ты знаешь, с каким напряжением я работаю, и все, кто хочет работать вместе со мной, должны делать свое дело так же.

Нужно сказать, однако, что Николай Алексеевич (в этом оба брата походили друг на друга) был очень отходчив, переживал даже за справедливо отчитанного им человека не меньше, наверное, чем тот сам, и во многих случаях находил возможным в той или иной форме загладить свою резкость, если она оказывалась явно чрезмерной.

И в заключение и этой темы, и главы еще два отрывка из воспоминаний тех, кто непосредственно сталкивался с Николаем Алексеевичем в деловой обстановке.

Вот что рассказал К. Ф. Виноградов, работавший в аппарате Бюро Совнаркома (затем Совмина) СССР по металлургии и химии, которым руководил, наряду с другими обязанностями, Н. А. Вознесенский (по книге В. И. Демидова и В. А. Кутузова «Ленинградское дело»):

«До моего назначения заместителем заведующего его секретариата (в этом Бюро. – Л. В.) я Николая Алексеевича ни разу не видел. А слышал разное. Говорили, что он был умнейшим человеком в Совете Министров СССР (и не только там), что суров до грубости и требователен до жесткости, что ему завидовали и его побаивались все другие заместители предсовмина, что он терпеть не мог болтунов, а уж вранья не переносил вовсе... В справедливости и того, и другого, и третьего я убедился в первые же дни работы с ним...»

«Да, он не был простым, спокойным, уравновешенным государственным деятелем», – вспоминал работавший с ним Управляющий делами Совета Министров СССР Я. Е. Чадаев (опубликовано в книге Г. А. Куманева «Рядом со Сталиным»). «Он часто «взрывался», мог сказать много резких, порой обидных слов. И все же Вознесенский обладал большой человечностью, высоко ценил в людях честность, аккуратность, исполнительность, помогал своим сотрудникам. Николай Алексеевич не признавал никаких компромиссов, и его слова никогда не расходились с делами. Это был человек с чистой душой, у которого отсутствовали иные интересы, кроме интересов нашей Родины, народа и партии».

И еще – специально для мухиноподобных, обойденных знаниями, логикой и порядочностью: «Н. А. Вознесенский брал на себя наиболее тяжелую работу, отдавался ей без остатка, трудился страстно, вдохновенно. В нем всегда горел огонь исканий. Нельзя было без восхищения наблюдать его работу во время Отечественной войны. Сознание ответственности перед страной, полное забвение всего личного, высокие требования к себе и другим и работа, работа напряженная и в то же время радостная, проникнутая идейностью и научным творчеством. Как много и какие разнообразные задачи приходилось решать в планах военных лет! Военная перестройка народного хозяйства, эвакуация промышленности на Восток, строительство военно-экономической базы на Урале, в Западной Сибири, Поволжье и Казахстане, создание прочного фундамента военной экономики путем развития металлургии, угольной промышленности, электроэнергетики и тяжелого машиностроения, восстановление хозяйства освобожденных районов – вот те вопросы, которыми занимались тогда Госплан и Государственный Комитет Обораны» (Г. М. Сорокин). «Образованнейший и талантливый марксист-ленинец, человек огромной работоспособности, предельной собранности, железной самодисциплины, высокой требовательности к себе, нередко граничащей во имя и на пользу дела с аскетизмом, – Н. А. Вознесенский только при этих своих качествах и недюжинных способностях мог успешно выполнять сложнейшую и многогранную работу, присущую государственному деятелю его масштаба» (Д. С. Бузин). Так пишут о своем непосредственном руководителе эти крупные работники Госплана СССР.

Работа, Дело – вот что действительно было главным в жизни Николая Алексеевича, этому подчинялось все остальное. И совершенно заслуженно в официальной биографической справке о нем, подготовленной для Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., сказано: «Внес большой вклад в организацию разгрома гитлеровской Германии, в обеспечение победы советского народа в Великой Отечественной войне, а затем в восстановление и развитие народного хозяйства страны.

Крупнейший ученый-экономист...»

В этом качестве его имя и вписано в летопись экономической науки и нашего государства.

* * *

1 декабря 2003 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Алексеевича. В этот день по инициативе директора Института экономики академика Л. И. Абалкина Российская академия наук, Министерство экономического развития и торговли РФ и Российский государственный архив экономики провели в Москве научно-практическую конференцию «Н. А. Вознесенский: его эпоха и современность». Архивом была под-

готовлена выставка материалов, посвященная его жизни и деятельности. В экономических журналах появились статьи и воспоминания о нем, Издательский дом «Экономика и жизнь» специально к этой дате выпустил книгу, в которой воссоздал в первоначальном виде «Военную экономику СССР в период Отечественной войны» и поместил статьи об ее авторе. Большие торжества прошли в Черни Тульской области, на родине Николая Алексеевича, там же вышел в свет сборник статей и воспоминаний о нем «Жизнь, созвучная эпохе».

Слушая докладчиков на конференции, читая новые публикации, просматривая главы этой книги с рассказом о родственниках, я с глубоким уважением и благодарностью думаю о том, как много успели сделать некоторые из них вместе с тысячами, миллионами таких же *первопроходцев* истории, с горечью и сожалением – о том, сколько пользы обществу они еще могли принести, если бы, как и многие другие, не погибли от рук Сталина, и невольно в памяти всплывают, пусть и слабым утешением, строки замечательного русского поэта Николая Степановича Гумилева:

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие – где?»

Для орлят, для новых поколений, которым предстоит адская работа по ликвидации последствий деяний современных *проходимцев* в истории, по возрождению некогда великого, а теперь обгрызенного, разрушенного, униженного, разграбленного и изнасилованного Отечества, написан этот рассказ. Как говорится, дай Бог им, молодым, сил, мужества, разума и душевного благородства, которыми обладали их предшественники.

Глава 5

«ЭТОТ ПОВАР БУДЕТ ГОТОВИТЬ ТОЛЬКО ОСТРЫЕ БЛЮДА»

*Почему возникло «ленинградское дело». –
Идеологическая подготовка новых
преступных акций Сталина. – Репрессии? Нет –
государственный террор! –
Технология и хронология фабрикации «дела». –
Что означали сталинские пометки на документах.*

В два часа ночи 1 октября 1950 г. в Ленинграде раздались выстрелы, оборвавшие жизнь шести известных в стране деятелей партии и государства, отправленных на смерть решением Сталина: Н. А. Вознесенского – о нем рассказано в предыдущей главе, А. А. Кузнецова – секретаря ЦК ВКП(б), бывшего ранее первым секретарем Ленинградских обкома и горкома партии, М. И. Родионова – председателя Совета Министров РСФСР, П. С. Попкова – сменившего А. А. Кузнецова на его ленинградских постах, Я. Ф. Капустина – второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б), П. Г. Лазутина – председателя исполкома Ленгорсовета. Все они были депутатами Верховного Совета СССР. И хотя прошло уже полвека, эхо тех выстрелов звучит и поныне, напоминая старым и новым поколениям об одном из самых циничных и грязных преступлений Сталина – о так называемом ленинградском деле.

В последние годы появилось немало публикаций в связи с ним, и все же для историков и широкого круга читателей остается слишком много неясного в том, почему оно возникло, как развивалось, к каким последствиям привело. Постараюсь в меру своих представлений о нем ответить на эти вопросы, ограничиваясь, правда (при полном уважении ко всем погибшим и оставшимся в живых, «просто» пострадавшим по «ленинградскому делу»), в силу характера моей книги фактами, связанными в основном с братьями Вознесенскими и их сестрой. Собственно, к этому меня обязывает и то, что я имел возможность ознакомиться не со всеми его материалами, а главным образом с относящимся именно к моим родственникам. Конечно, после публикации – а сейчас появилась надежда, что это произойдет в ближайшие годы, – какой-то части до сих пор закрытых материалов, прежде всего из архива Сталина, всем пишущим по проблемам послереволюционной отечественной истории удастся, наверное, внести те или иные коррективы в современные представления об этой эпохе, но пока приходится работать в рамках доступной информации...

Итак, в 1999 г. исполнилось 50 лет от формального начала «ленинградского дела», а в 2000-м – от первых расстрелов по нему. Оно тянулось примерно четыре года и прокатилось тяжелым катком по многим городам страны. Еще весной 1954 г. Генеральный прокурор СССР Руденко докладывал в ЦК, что по этому делу Военной коллегией и Особым совещанием *осуждено* свыше двухсот человек. Некоторые литературные источники утверждают, что около двухсот человек по нему *расстреляно*, а тысячи отправлены в тюрьмы, лагеря, подвергнуты другим репрессиям. Сейчас появились иные цифры, согласно которым по этому «делу» расстреляны «только» 26 арестованных и 11 погибли в тюрьмах и лагерях, а вот в целом его жертвами стали свыше 30 тысяч человек. В орбиту этих испытаний были втянуты представители самых разных слоев общества и профессий – партийные и комсомольские работники, государственные служащие и хозяйственники, военные и ученые... Например, в одной из публикаций прошла информация о том, что по этому «делу» были арестованы и осуждены более 2 тысяч офицеров Ленинградского военного округа. Как говорилось в одном из писем из Ленинграда в ЦК, только парткомиссии обкома и горкома, превращенные в мясорубки, за четыре года раскрошили хребты 12 с лишним тысячам коммунистов. «Чистка», обрушившаяся на партийные организации города и области в связи с «ленинградским делом», отмечалось в другом письме, превзошла все подобные мероприятия в прошлом. «Дело» перемолотило, исковеркало судьбы не только жителей Ленинграда и выходцев из него, но и тех, кто работал вместе с ними в других городах и районах страны, а также членов семей репрессированных – от стариков до младенцев.

Почему, ради чего это «дело» создавалось? Война была уже позади, шел четвертый год пятилетки восстановления и развития народного хозяйства СССР, воодушевленные Победой и верой в начало новой, лучшей жизни люди творили чудеса, возрождая, казалось бы, окончательно погубленное фашистским нашествием, режим был прочен, как никогда, но Сталин видел: это уже не те, что раньше, это *другие* люди. Да, они по-прежнему славят Вождя, слепо верят ему, но в них появилось нечто новое, потенциально опасное. Теперь не только он, но и они – *победители*, а это значит, что у миллионов людей укрепилось чувство гордости как за свою страну, так и за себя – воина, труженика, внесшего свой личный вклад в разгром смертельного врага. К тому же война, по самой своей природе ужесточившая дисциплину в обществе, требовавшая беспрекословного выполнения приказов и распоряжений, поступавших «свыше», вместе с тем приучила людей и к самостоятельным решениям, особенно на фронте, где в критических ситуациях недостатка ни у кого не было. Все это, вместе взятое, воспитывало в человеке ощущение определенной значимости своей личности, чувство собственного достоинства. Однако это явно диссонировало, по сути своей, с глубоко иерархическим построением тогдашнего общества, со ста-

линской концепцией человека-винтика в государственном механизме. (Кстати, обратите внимание на нелепость ее сочетания со всячески пропагандировавшейся тогда же формулой М. Горького «Человек – это звучит гордо!».)

Но все же подобные сдвиги в массовой психологии были лишь фоном, на котором проступали более неприемлемые, с точки зрения интересов верховной власти, явления. Мы победили врага не только на своей, но и на его территории, миллионы солдат и офицеров побывали в составе армии за рубежом, большинство – в нескольких странах, и они увидели много такого, о чем и думать не могли, стали сравнивать свою и чужую жизнь, и далеко не всегда эти наблюдения совпадали с тем, что им внушалось на Родине. Еще хуже (по этой логике, конечно) то, что сравнения обладают свойством порождать сомнения в правильности прежних представлений, сомнения, в свою очередь, ведут к поиску истины, а это предполагает – опять же! – самостоятельность в мыслях, за которыми, не дай бог, могут последовать и самостоятельные действия. Нет-нет, повторения феномена 1812 г., а с ним и движения каких-нибудь новоявленных декабристов, «нам» решительно не нужно! Эту гидру надо задушить в зародыше, пока она не обрела силу.

В глазах Сталина – и это подтверждается множеством фактов, рассыпанных в литературе, – самым страшным преступлением была именно *самостоятельность* в принятии решений и их исполнении. Инициатива «снизу», включая, конечно, и руководителей разного масштаба и уровня, быть могла, но она непременно должна была получить одобрение вышестоящего звена партийно-государственного управления, а самостоятельность в ее реализации имела вполне определенные рамки. Такая система пронизывала все общество снизу доверху, до той вершины власти, на которой находился «вождь». И чем дольше он на ней пребывал, тем больше концентрировал в своих руках принятие *всех* мало-мальски значимых решений во *всех* сферах жизни. Без его *согласия*, полученного непосредственно или через соответствующий аппарат, которое тут же выдавалось за очередное гениальное или, по меньшей мере, мудрое *указание*, не совершалось ничего существенного ни в центре, ни на местах. Это был режим *личной* абсолютной диктатуры, деспотического правления «вождя». Психологическую опору такого режима составляли три неразрывно связанных между собой, если их так можно назвать, принципа.

Первый – насильственно насаждаемое *Единомыслие*, ибо там, где есть разнообразие мнений, диктата быть не может. (Как сказал однажды Сталин с обезоруживающей откровенностью и явно не понятым им цинизмом: «У нас в партии личных взглядов и личных точек зрения нет, а есть взгляды партии», то есть его собственные.) Обеспечивалось это через всю систему образования и воспитания, через массированную пропаганду, целенаправленное формирование сознания человека и общества в целом.

Другим таким «принципом» являлся искусственно создававшийся и всячески раздувавшийся *Куль*т якобы непревзойденного и непогрешимого вождя, тщательно взращиваемая всенародная любовь к нему – отцу народов, благодетелю страны и всего человечества. Здесь огромная роль принадлежала процессу фальсификации истории, жестко направляемому на создание величественного образа современного Мессии.

И наконец, самой существенной составной частью психологической основы режима был тотальный, всеобъемлющий *Страх* перед *абсолютной* властью, полностью сосредоточенной в руках одного человека – Сталина и фактически не считающейся ни с какими законами. Тут вступала в дело охватившая всю страну практика исчезновения из «нормальной» жизни и даже из жизни вообще без всяких объяснений и доказательств невиновых родственников и друзей, коллег и знакомых, начальников и подчиненных...

Конечно, все это было круто замешано на святой вере миллионов людей в социализм как строй социальной справедливости, на их глубоком патриотизме, на гордости за свою могучую страну и других высоких идеалах, и все же эта триада – оскопляющее сознание и хотя бы внешне обязательное единомыслие, рабский, недостойный человека культ «вождя» и унижительный страх перед его ничем не ограниченным самовластьем – относилась к числу важнейших компонентов, определявших линию поведения огромных масс людей.

Такая система управления, обеспечивавшая безусловное, доведенное до автоматизма подчинение всех воле одного – Сталина, могла сложиться и существовать, только опираясь на *массовые репрессии*¹. К ним он и прибег, когда ему понадобилось привести общество к «порядку», одернуть размахивавшихся о новой жизни – свободной, а значит, действительно демократической, где каждый будет не безмолвным винтиком, а реальным *сохозяином*. Но Хозяином – его так и называли за глаза, – *единственным* Хозяином в стране, а точнее, страны был только он, и, когда ему показалось необходимым напомнить об этом, Сталин без колебаний использовал лучшее, по опыту всей его жизни наиболее убедительное и быстродействующее средство – уничтожение одних на страх другим. Так что «ленинградское дело», как и другие расстрельные акции нашего «корифея», являлось совершенно *естественной* частью сталинской системы управления страной, логическим продолжением линии на «оздо-

¹ Любопытны пометки, приписываемые молвой Джугашвили (выделенные здесь курсивом), на его экземпляре «Государя» Н. Макиавелли. Приведу один пример (выделения в цитате – Сталинские): *«Вообще должно* заметить, что при управлении людьми их необходимо *или ласкать, или угнетать; мстят* люди обыкновенно только за легкие обиды и оскорбления, *сильный же гнет* лишает их возможности мести; поэтому если уж приходится подданных угнетать, то делать это следует таким образом, чтобы отнимать у них всякую возможность отомщения». И вся эта фраза, как особенно важная, *трижды* подчеркнута на полях. Разве это не штрих к психологическому портрету нашего «корифея»?

ровление» послевоенного общественного сознания. И, забегая немного вперед, подчеркну: подобное «дело» состоялось бы в любом случае, и оно неизбежно «должно» было быть именно «ленинградским».

О том, что эта логика – не выдумка автора книги, говорит реальный ход событий. Но прежде чем напомнить его, давайте поразмыслим о термине, который уже не раз использован на предыдущих страницах и который мы все тысячекратно применяли на протяжении многих десятилетий, – о понятии «репрессии».

Всем непредубежденным людям (кроме, разумеется, оголтелых сталинистов) давным-давно известно, в том числе из опубликованных реабилитационных документов, о полной невиновности подавляющей части расстрелянных, забитых на допросах, отправленных в тюрьмы, лагеря, ссылку. Все они в правоохранительной и прочей государственной практике, как и в литературе, традиционно обозначаются одним словом – репрессированные. Эта формула удобна для тех, кто до сих пор страшится прямых определений: расстрелян, заточен в тюрьму и т. д. Поразительно, но даже в справедливо претендующих на открытость и честность публикациях последних лет (первый попавшийся пример – интереснейшее издание «Сталинское Политбюро 30-х годов») нередко информация о достоверно расстрелянных заканчивается обтекаемым «Репрессирован».

Вроде бы, с такой фарисейской практикой надо было покончить раз и навсегда – ан нет. Вольно или невольно подобные приемы и термины используются и поныне, способствуя формированию примиренческого отношения к преступлениям эпохи сталинщины даже у ныне живущих поколений, не говоря уже о будущих. А о них, право, стоит в этом плане подумать сейчас хотя бы потому, что, к сожалению, чем дальше в историю уходят та или иная эпоха и ее деятели, тем снисходительнее относятся к ним новые поколения. Принесенное зло подергивается дымкой времени, стоны замученных звучат все глуше, реки крови мелеют и обесцвечиваются. Так не будем же способствовать процессу исторического забвения и назовем вещи своими именами.

В любом толковом словаре говорится, что репрессия – это *карательная мера, наказание* со стороны государственных органов. Но сами понятия «карательная», «наказание» предполагают неременное пояснение – *за что* карают, *за какую вину* наказывают. Оказывается, и об этом говорят реабилитационные документы, *ни за что*, ибо преступлений *миллионы* «репрессированных» никаких не совершали! Значит, называть расстрелы и другие карательные акции за выдуманные, не существовавшие преступления репрессиями абсолютно неправомерно. Здесь требуются другие определения. Какие? Наверное, это, окончательно вырвавшись из плена сталинско-вышинских (помните, был такой прокурор СССР Вышинский?) традиций, должны были бы решить теоретики-правоведы. Я же могу предложить только одно: рассматривать происходившее как организованное Сталиным беспрецедентное *унич-*

тожжение разными путями и способами, вплоть до прямого убийства, миллионов без вины виноватых граждан своей страны, как *политический террор, государственный терроризм*, осуществлявшийся в наиболее откровенной, циничной форме.

Написал было еще и *геноцид*, следуя современному расширительному бытовому и политическому употреблению этого слова, но, порывшись в литературе, вынужден был обойтись без него: наука определяет геноцид как полное или частичное уничтожение какой-либо *группы* населения по расовым, национальным или религиозным признакам. Да, многие чудовищно преступные акции «товарища» Сталина, особенно внешне, были этническими «чистками», но по существу за ними стояли его, чаще всего ошибочные, как показала затем история, политические решения. Он и в этой области оставался по преимуществу «интернационалистом», поскольку организованные им массовые убийства и другие виды преследования его бесчисленных жертв не были связаны с цветом их кожи, формой носа или характером мировоззрения. Его «мероприятия», которые в какой-то мере можно отнести к геноциду в научном смысле этого слова, были частью *тотального* террора, прямо или косвенно направленного против *всего* населения страны (о его «международной деятельности» в этом плане речь здесь не идет). Так что применять этот термин в политике приходится с известной долей осторожности, дабы не попасть впросак с правовой точки зрения. Впрочем, может быть, юристы и филологи придут к иному, более широкому его толкованию?

Отказавшись от неправомерного использования в дальнейшем терминов «репрессии» и «геноцид», вернусь, почти перечислительно, к сталинским послевоенным акциям по «оздоровлению» общественного сознания и наведению «порядка» в стране. Началось все с мощного идеологического давления на общество. Как и всегда, главной жертвой этих акций стала интеллигенция, на судьбе которой «воспитывалось» все население. Перечислю некоторые из них: уже через год после окончания военных действий, в августе 1946 г. – постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»; в сентябре – «О кинофильме «Большая жизнь»; в феврале 1948 г. – «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели»; в июле – августе того же года состоялась крайне односторонняя, остро политизированная и по существу реакционная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, которая приняла постановление «О положении в биологической науке», направленное против «практически бесплодной» буржуазной генетики. А между появлением этих документов проходили кампании борьбы против так называемого низкопоклонства, раболепия, пресмыкательства перед Западом, против «безродных космополитов», против литературоведов, против экономистов... Пытались добаться – к счастью, безуспешно – до наших ведущих физиков и их школ: в 1949 г. уже было полностью

подготовлено для их разгрома совещание, аналогичное сессии ВАСХНИЛ, однако в последний момент «выяснилось», что атомную бомбу они проектируют, опираясь как раз на «реакционные буржуазные» концепции – на теорию относительности Эйнштейна и квантовую механику. Сейчас приходится только удивляться тому, каков же был уровень идеологической зашоренности и вытекающего из нее «научного» мракобесия. А тогда Сталину пришлось задуманное отменить – ради рождения атомной бомбы: он все-таки был прагматиком. Но взяли реванш на физико-химиках: в 1951 г. провели совещание, на котором «разгромили» теорию электронного резонанса, разработанную американским ученым, и квантовую химию в целом, что затормозило развитие таких важнейших направлений отечественной науки и хозяйственной практики, как органическая и особенно физическая химия.

Документы и кампании, порождавшие, естественно, крутые публичные «проработки» известных деятелей культуры и науки, различные формы их преследования, продолжали процесс подавления свободомыслия, происходивший с конца 20-х и еще более агрессивно в 30-е гг., перед войной и во время нее.

Не берусь утверждать, что в этих постановлениях и акциях абсолютно все было совершенно неправильно по *существу*. Но методы, формы такой идеологической обработки были настолько грубыми и примитивно-догматическими, что и поныне вызывают чувство глубокого протеста. Попытки возражать, переводить одностороннее осуждение людей и их творчества в русло какого-то *обсуждения*, научной дискуссии категорически пресекались, и даже нежелание участвовать в этих нечистоплотных действиях рассматривалось как политическая близорукость и прямое пособничество носителям якобы антисоветских, антисоциалистических, антинародных настроений. Добавьте к этому, что у людей нередко отнимали фактически право на творчество, составлявшее смысл их жизни, публично растаптывали их человеческое достоинство. Впрочем, какое достоинство могло быть, с точки зрения Сталина, у этих «винтиков» в государственной машине, даже если они были всемирно известными поэтами, писателями, композиторами, учеными? Наоборот – чем громче звучит имя морально казнимого, тем больше «славы» приобретает власть: для нее нет неприкасаемых, перед ее диктатом должен склониться любой!

Подавляющая часть населения в то время воспринимала происходящее как нечто естественное, само собой разумеющееся и даже в чем-то справедливое. Но вот лет уже сорок назад попались мне на глаза газеты первых послевоенных лет, и я до сих пор помню, что читал их просто с содроганием. Там не было официальных информации об арестах, пытках и расстрелах, там были сведения об успехах на всех участках жизни, и это не противоречило правде, но от передовых до подвальных статей сам директивный, непререкаемый тон, полнейшая бездоказательность и вместе с тем убийственные формулировки и пакостные ярлыки, наве-

шиваемые на критикуемых, а точнее, разносимых людей, невольно заставили подумать: какую же страшную эпоху тотального подавления личности мы пережили...

Нужно сказать, что все эти акции были в некотором смысле вполне результативными: люди разобшались и замыкались в себе, вверх поднимались бездарные демагоги и проходимцы, доносчики и записные «проработчики» (об одном из них, литературном критике, рассказывали, что на заборе его дачи в Переделкино висела табличка «Осторожно, злая собака!» с припиской, сделанной братьями-писателями: «И к тому же – беспринципная!»), в миллионы сердец снова, как до войны, вползал постоянный, непреходящий страх. Он становился все более душным, физически ощутимым по мере того, как к идейной обработке присоединялась просачивавшаяся информация о новых арестах и расстрелах. В обществе все отчетливее ощущалась абсолютная беспомощность любого человека перед слепой, глухой, но отлично смазанной гигантской машиной уничтожения тех, кто на фронте и в тылу вынес на своих плечах всю тяжесть войны, кто, не считаясь ни с чем, восстанавливал страну.

И немудрено: уже в начале 1946 г. – того же 46-го! – состреляли «дело авиаторов» – Главного маршала и Маршала авиации, генералов, министра авиационной промышленности, работников авиастроительных предприятий. Начали подбираться и к Г. К. Жукову, были арестованы его соратники-генералы, герои войны. Аресты прошли и в автомобильной промышленности («дело работников ЗИСа») и т. д. Люди прошли через допросы и пытки, некоторых без «лишней» огласки расстреляли, другим «повезло»: они выжили и оказались в тюрьмах. Но все же это не были *достаточно* крупные «дела», от которых могла бы вздрогнуть и вытянуться в струнку вся страна. И тогда, не позже первых месяцев 1949 г., родилась идея «вневедомственного», крупномасштабного, охватывающего многие районы страны «ленинградского дела», в которое должны были быть вовлечены люди, находившиеся, казалось бы, на недосягаемых для их ареста и уничтожения высотах власти.

Потребность в такой встряске общества обострялась в сознании Сталина развернувшейся ядерной гонкой, «холодной войной», начавшейся еще в том же 1946 г., и маячившей на горизонте новой мировой бойней.

В общем, по сумме своих внешне- и внутривластных послевоенных соображений Сталин, склонный к шаблонным решениям, решил повторить свой опыт насаждения всеобщего страха в тридцатых – начале сороковых годов, когда под предлогом ликвидации «пятой колонны» он уничтожил массу преданных социализму людей и тем убедил остальных в своем всемогуществе. Правда, на этот раз дело было поставлено, пожалуй, потоньше: началось все, как мы видели, с *идеологической* обработки общества, которая стала органичной составной частью и прелюдией обработки его страхом тюрьмы, лагеря, а то и физического унич-

тожения за любые попытки самостоятельно мыслить и самостоятельно действовать. А для этого нужен был грандиозный спектакль типа процессов 1937–1938 гг., спектакль с какими-нибудь чудовищными обвинениями и заранее предусмотренными *казнями*, причем обязательно *известных* в стране людей, т. к. без этих условий партийные, советские, военные и прочие руководители, а через них и все граждане не *прочувствуют*, а потому и не *осознают* своей, отведенной им «вождем», роли больших, средних и малых *винтиков*, абсолютно беззащитных перед его своеволием, будь ты разнорабочим или академиком, солдатом или генералом. Помнится, что, когда Николай Алексеевич стал членом Политбюро, мой отец воскликнул: «Наконец-то Николай может ничего не бояться!» Жизнь показала, что Александр Алексеевич в этом случае ошибся, но как характерна сама фраза для той эпохи!

Пойдем, однако, дальше. Каждый спектакль требует соответствующей его природе сценической площадки. Лучшей, чем Ленинград, в этом случае придумать было невозможно: в провинциальном городе трудно найти группу широко известных людей, процесс над которыми произвел бы шоковое впечатление на все общество, а сколачивать группу высокопоставленных «преступников» из одних москвичей значило бы поставить под сомнение прозорливость «вождя»: как же так – не сумел разглядеть врагов народа среди тех, с кем проработал бок о бок столько лет?! Другое дело – Ленинград! Все-таки вторая столица, во главе – известные всей стране люди, руководившие его обороной во время беспримерной блокады, город-вольнодумец: то революцию начинает, то оппозиция ему, Сталину, там вызревает, то непотребные (точнее говоря, не те, которые потребны) произведения печатают, да и вообще эти ленинградцы, особенно после войны, «слишком много о себе понимают». Недаром сообщают, что экспозиция Музея обороны Ленинграда рассказывает о чем угодно, кроме выдающейся роли Генералиссимуса в спасении города-героя (хотя, к слову, в октябре 1941 г. он допускал возможность его сдачи немцам и в связи с этим требовал принять меры по спасению войск «Ленфронта»: «Для нас армия важнее»). Василевский, передавая по прямому проводу генералу Хозину указания Верховного Главнокомандующего, откровенно говорил: «...речь идет не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении и выводе армии Ленфронта». А ведь тот не мог не знать, что Гитлер дал директиву стереть с лица земли нашу северную столицу – «колыбель большевизма»). К тому же, по ряду свидетельств, к городу этому Сталин относился с явной подозрительностью, а по другим – просто ненавидел его. «Он вообще считал, что Ленинград – заговорщический город», – заметил Н. С. Хрущев в своих «Воспоминаниях».

Для задуманной акции удобно было и то, что после войны многие из проявивших себя во время нее руководителей Ленинграда оказались на высоких постах в центре и других районах страны. И если их собрать по признаку того, что они есть или были ленинградцами, в одну группу

и вывести ее на процесс, то резонанс от него самым непосредственным образом будет ощутим во всем государстве, во всем обществе. Недаром Сталин еще в 1946 г., давая поручение Жданову, произнес: «В литературе заметен отход от классовых принципов в творчестве. Проверьте один-два журнала. *Лучше всего* (курсив мой. – Л. В.) в Ленинграде...». Так и теперь, через три года: лучше всего – в Ленинграде. Невольно подумаешь, что идеологическая проработка А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко, а с ними и некоторых партийных руководителей города (в частности, выговор получил второй секретарь горкома партии Я. Ф. Капустин), кроме ее общесоюзного, общенародного «воспитательного» значения стала еще и прелюдией к будущему «ленинградскому делу». Можно сказать: оно возникло *не потому, что было, а для того, чтобы не было* ничего «подозрительного» нигде и никогда.

Конечно, под флагом, под прикрытием этого «дела» решалась вполне утилитарная кадровая задача: заменить сотни ленинградцев, направленных после войны в центр и на места на руководящую работу Ждановым и Кузнецовым, теми, кто был бы обязан своим выдвижением их антиподам – Берии и Маленкову.

До недавнего времени я считал, что, напомнив обо всем этом, тем самым обозначил наиболее глубокие корни так называемого ленинградского дела. Но весной 2001 г. А. В. Пыжиков опубликовал в журнале «Свободная мысль» статью «Ленинградская группа: путь во власти (1946–1949)», содержащую новые соображения по этому поводу и построенную на практически неизвестных широкому читателю, в том числе и мне, архивных материалах. Правда, впервые, по-моему, обнародовал факт их существования Ю. С. Аксенов в двух статьях («Путь к коммунизму: утопии и реалии» и «Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти») в журнале «Вопросы истории КПСС» еще в 1990 г. Он рассказал, что уже в июле 1947 г. была подготовлена новая, третья Программа ВКП(б), которую должен был принять намечавшийся тогда XIX съезд партии, изложил вкратце историю создания и критически проанализировал степень реалистичности этого документа, а также отметил, что одновременно под руководством Н. А. Вознесенского шла разработка генерального хозяйственного плана СССР, рассчитанного на ближайшие 20 лет. Все это, писал автор, проходило по указанию и под контролем Сталина. Однако после смерти Жданова, а затем, добавлю, и ареста Вознесенского работу над этими материалами свернули, и они на долгие десятилетия были погружены в недоступные для исследователей архивные пучины. (Похоже, что они на время были извлечены оттуда Н. С. Хрущевым и использованы при подготовке новой Программы партии, принятой ее XXII съездом в 1961 г.) Автор высказал предположение, что в 1946–1948 гг. Жданов, Вознесенский, Кузнецов имели особое влияние на Сталина, и именно это обстоятельство могло послужить главной причиной фабрикации Берией и Маленковым так называемого ленинградского дела.

Теперь новые краски в трактовку этой проблемы внес А. В. Пыжиков. Прежде всего он обратил внимание на то, что в 1946–1949 гг. «ленинградской командой» предлагались решения крупных вопросов социально-экономического и идеологического характера, затрагивавших функционирование всего общественного организма и определявших пути модернизации страны».

Одним из коренных, подчеркивает автор, был в то время вопрос о соотношении производства средств производства и производства предметов потребления. «Главная роль здесь принадлежала заместителю Председателя правительства, председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому». Курс на развитие производства товаров народного потребления, на рост уровня жизни в стране имел после войны особую актуальность. Это обстоятельство, как и вообще задача послевоенного восстановления народного хозяйства в кратчайшие сроки (здесь я позволю себе несколько уточнить данную в статье формулировку), потребовали оздоровления всех товарно-денежных, экономических отношений в народном хозяйстве и их значительно более свободного и эффективного применения на практике. Автор указывает на широкий круг конкретных мер, осуществленных в 1946–1948 гг. и связанных с деньгами, ценами, кредитом, прибылью, премиями, товарооборотом и даже с конкуренцией в торговле, и все это относит к деятельности, как он ее традиционно неточно называет, «ленинградской группы» (немногим точнее применение к выходцам из Ленинграда и понятия «команда»).

Но особенное внимание интересующихся событиями первых послевоенных лет привлечет, конечно, следующая за изложенными соображениями автора его трактовка архивных материалов. Приведу все это по возможности в сжатом виде. «Другим масштабным делом ленинградской группы стала разработка проекта новой Программы ВКП(б). Ее подготовка... велась в рамках специальной комиссии,... где главенствующую роль играли Жданов и Вознесенский. Комиссия стремилась определить основные задачи развития страны на ближайшие 20–30 лет, и в выработанном ею проекте нашли отражение многие идеи, сформулированные лидерами ленинградской команды. Отличительной чертой готовившейся программы стала ее *социальная* (курсив мой. – Л. В.) ориентированность... Так, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью обеспечить каждому трудящемуся отдельную благоустроенную комнату, а каждой семье – отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытно и еще одна деталь: предлагалось уделить особенное внимание массовому производству автомобилей для населения, имея в виду предоставить каждому гражданину возможность пользоваться легковым автомобильным транспортом. Кроме того, в проекте звучали идеи бесплатного снабжения населения продуктами питания (хлебом, мясом и др.), а также подготовки к бес-

платному обслуживанию граждан первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями».

Еще интереснее, на мой взгляд, для истории вопроса то, что уже тогда, в условиях единовластного сталинского режима в проекте Программы была развернута фактически доктрина перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, глубокой демократизации советского общества. Не могу не привести в связи с этим еще один отрывок из статьи: «Выказывалась... идея о введении прямого народного законодательства, для чего считалось обязательным:

а) проводить всенародное голосование и принятие решений по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства;

б) широко развернуть законодательную инициативу снизу путем предоставления общественным организациям права вносить в Верховный Совет СССР предложения о новых законопроектах;

в) утвердить право граждан, общественных организаций непосредственно вносить запросы в Верховный Совет по важнейшим вопросам международной и внутренней политики.

Не был обойден вниманием и принцип выборности руководителей. В проекте Программы ВКП(б) ставилась задача по мере продвижения к коммунизму осуществлять принцип *выборности всех должностных лиц государственного аппарата* (курсив мой. – Л. В.)... Представлялось важным максимальное развитие самостоятельных добровольных организаций...

Однако все эти мысли... остались известны лишь узкому кругу правящей элиты».

Ну а затем автор статьи рассказывает, как постоянно и в негативном, конечно, ключе Берия и Маленков дискредитировали Ленинград, партийную организацию города и ее руководителей в глазах Сталина, подготавливая тем самым их будущий разгром и уничтожение. И А. В. Пыжиков приходит к выводу, что деятельность Жданова, Вознесенского, Косыгина была связана с *гражданской*, или, в трактовке автора, мирной жизнью общества, в то время как «у Сталина в послевоенный период были иные приоритеты. Он был одержим идеей мирового господства, поиском путей его достижения». Тандем же Берии – Маленкова «в 1948–1949 годах курировал и обеспечивал то, что более всего отвечало устремлениям и замыслам вождя. Тот, кто отвечал за ВПК, а фактически – за инструмент достижения амбициозных идей Сталина, был намного нужнее людей, готовивших съезды, конференции, программы. Именно это обстоятельство в конечном итоге и позволило группе Берии – Маленкова с успехом... разыграть карту «оппозиционности» Ленинграда по отношению к Центру, ненадежности его кадров». Так автор отвечает на поставленный им самим вопрос о том, «почему Сталин отрекся от ленинградской группы» и, добавлю от себя, принял активное личное уча-

стие в физическом уничтожении тех, кому доверял на протяжении многих, в том числе и самых суровых военных лет.

Знакомясь по статьям Ю. С. Аксенова и А. В. Пыжикова с содержанием проекта партийной Программы, читатель, конечно, задумается над тем, насколько реалистичны были ее идеи. Автор первой публикации дает однозначно отрицательный ответ, автор второй говорит о них вполне позитивно. Не вдаваясь здесь в рассмотрение этой многофакторной проблемы, приведу для желающих поразмыслить над нею лишь одно недавнее, тоже в 2001 г. опубликованное, высказывание В. Соколова в «Независимой газете»: «Холодная война (а значит, и обескровившая нашу экономику гонка вооружений. — Л. В.) не стала бы реальностью, если бы в руководстве СССР победили не сторонники двухполюсного мира (социалистический лагерь против империалистического лагеря во главе с США), а сторонники сохранения созданного в годы войны «большого альянса» (то есть единого полюса). К первым относились Маленков и Сталин, ко вторым — Жданов и Вознесенский. Победили первые».

Вот теперь, добросовестно изложив некоторые позиции каждого из трех авторов и практически не вступая в полемику ни по одному затронутому ими вопросу, считаю, что выполнил свой долг перед читателями, суммарно представив все известные мне точки зрения на причины создания «ленинградского дела». Это, так сказать, «теория» вопроса. Остается рассказать о практике создания самого «дела». Попытаюсь при этом собрать воедино и исторически последовательно изложить сведения из научных работ, воспоминаний и других источников, которые, естественно, приходится воспринимать на веру, надеясь на добросовестность авторов.

Хочу также предупредить читателей о том, что рассказ этот кому-то из них покажется, возможно, излишне подробным и слишком долгим. И все же я вынужден пойти на это, потому что в литературе, даже научной, связанной с «ленинградским делом», накопилось немало ошибочных утверждений, домыслов и даже нелепостей. Они не снижают значимости этих материалов как определенных этапов в продвижении к исторической правде в условиях уже упомянутой десятки лет существовавшей засекреченности документов, в немалой мере сохраняющейся и поныне. Поэтому, не претендуя на обладание истиной во всей ее полноте, я все же вижу свою задачу в том, чтобы и здесь, не вступая чаще всего в прямую полемику с авторами по каждой неточной детали, максимально тщательно выткать хронологическую канву так называемого ленинградского дела, которая помогла бы будущим историкам надежно ориентироваться в его хитросплетениях и объективно оценивать и анализировать новые документы, когда те окажутся в их распоряжении, как и роль каждого из действующих лиц этого трагического эпизода нашей истории.

События стали быстро и масштабно нарастать вскоре после естественной или «рукотворной» (по этому поводу до сих пор существуют

сомнения) смерти А. А. Жданова 31 августа 1948 г.¹ Она существенно изменила соотношение сил на вершине власти. Жданов был не только близок к Сталину, но и обладал большим влиянием в обществе как второе лицо в партии и ее, можно сказать, главный, после самого «вождя», идеолог. Н. А. Вознесенский тоже нес на себе некий отпечаток Ленинграда, хотя работал там только в 1935–1937 гг., а до и после этого его деятельность была связана с Москвой, где с 1938 г. он возглавлял Госплан СССР. Наконец, А. А. Кузнецову, в 1946 г. переведенному в Москву в качестве секретаря ЦК ВКП(б), Сталин доверил руководство всей кадровой политикой, что давало ему возможность в какой-то мере контролировать, в частности, МГБ, а также выдвигать, наряду с другими, проверенных испытаниями блокады Ленинграда работников на различные партийные и государственные посты. Они, как и еще один выходец из второй столицы А. Н. Косыгин, конечно же, никогда не составляли какой-либо организованной группы или команды в окружении Сталина, не устраивали сепаратных встреч и не договаривались о совместных акциях против третьих лиц, но можно сказать, что ленинградское родство душ порождало у них взаимную симпатию. А вот противостояли им действительно объединившиеся друг с другом Берия, Маленков, Каганович, а впоследствии и Булганин. И бесспорно, что между этими «сторонами» существовала, как минимум (постоянно подпитываемая кадровыми интригами Сталина, действовавшего по древнеримскому принципу «Разделяй и властвуй»), напряженность. Например, Берия постоянно требовал для курируемых им министерств особых условий материально-технического обеспечения (речь не идет об атомном проекте: на решение этой задачи бросались все ресурсы государства), что нарушало бы пропорциональность развития экономики, а Вознесенский, по словам Хрущева, противостоял этому, добиваясь сбалансированного ее развития. В общем, смерть Жданова, как уже сказано, нарушила сложившееся соотношение сил, и Берия с Маленковым перешли в открытое и массированное наступление на своих «противников».

По мнению А. В. Пыжикова, его начало «можно отнести к заседанию Оргбюро ЦК 20 ноября 1948 г., на котором председательствовал Маленков. На заседании обсуждался вопрос «Об улучшении преподавания биологических наук в школах и педагогических учебных заведениях». Разгромной критике было подвергнуто Министерство просвещения РСФСР, которое возглавлял родной брат Н. Вознесенского – А. Вознесенский. Министерство обвинили в неудовлетворительном преподавании биологических наук, в отрыве от передовой мичуринской матери-

¹ Явно по неведению А. А. Собчак в одной из своих публикаций написал о трагическом для А. А. Жданова последствии приезда Н. А. Вознесенского на Валдай, где Андрей Александрович находился на лечении и отдыхе. Между тем Н. А. Вознесенский и Г. М. Попов – первый секретарь МК и МГК, секретарь ЦК ВКП(б) прибыли туда по указанию Сталина уже *после* смерти А. А. Жданова и сопроводили его тело в Москву.

алистической биологии, в отсутствии учебных книг о Мичурине и Лысенко. А. Вознесенскому поручили устранить отмеченные недостатки, но времени для этого у него уже не оставалось». Если вспомнить, что возглавил он министерство лишь за полгода до этого, то претензии по поводу отсутствия учебников формально могли быть отнесены именно к министерству, а не к его руководителю. К тому же только в августе закончилась упомянутая выше сессия ВАСХНИЛ, в постановлении по ее итогам указавшая на необходимость создания новых учебников, книг, брошюр для популяризации системы взглядов, названных «мичуринским учением». Так что подобное заседание могло состояться и независимо от задачи свержения и уничтожения ленинградцев, но этот эпизод действительно очень хорошо укладывается в многоходовую цепь событий, инспирированных и организованных Берией и Маленковым, а затем активно поддержанных и «освященных» Сталиным. И нужно сказать, что оба интригана были достойнейшими учениками «вождя»: они очень умело плели сеть интриг против ленинградцев и мертвой хваткой вцеплялись в малейший повод, в каждый, даже случайный эпизод, позволявший им скомпрометировать тех в его глазах.

В конце декабря 1948 г. состоялась объединенная областная и городская ленинградская партконференция. Председатель счетной комиссии на выборах в партийные органы приписал четырем руководителям города по несколько голосов «за», чтобы они «прошли» единогласно. По этому поводу в ЦК вскоре после конференции поступило анонимное письмо, которое, однако, было использовано только позднее Комитетом партийного контроля и Министерством государственной безопасности при создании «ленинградского дела». Видимо, на этом этапе пускать его в ход смысла не имело, так как было установлено, что сами избранные к оказанной им медвежьей услуге отношения не имели. Впрочем, заданная программа и без этого факта выполнялась с нарастающими энергией и скоростью.

Уже 15 февраля 1949 г. – значит, разрабатывалось все это еще раньше – под грифом «Строго секретно» принимается постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». В этом документе, отредактированном Сталиным и Маленковым, была заложена вся «идеология» будущего «ленинградского дела» и обозначены его основные участники. Пока они еще «товарищеские», но их действия уже определены как *антипартийные, антигосударственные*, поскольку они-де *самовольно* (вот оно – главное, ключевое слово!) и незаконно организовали в Ленинграде в январе этого года Всесоюзную оптовую ярмарку. На самом деле Бюро Совета Министров СССР под председательством автора этого обвинения Маленкова осенью 1948 г. дважды принимало постановления о проведении оптовых ярмарок для распродажи товарных излишков и залежавшихся товаров, и

Министерство торговли СССР и Совет Министров РСФСР провели в Ленинграде *Всероссийскую* ярмарку с участием в ней торговых организаций союзных республик именно во исполнение этих постановлений. Но Маленков заявил, что «такого рода мероприятия должны проводиться с разрешения Совета Министров СССР», и в постановлении Политбюро организаторам ярмарки были предъявлены обвинения в том, что они «нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение *Всесоюзной* (курсив мой. – Л. В.) оптовой ярмарки». Опубликованные по этому поводу документы не очень логичны (в частности, в связи с характеристикой ярмарки), рыхлы, не объективны, но все это не мешало использовать их для той цели, ради которой они создавались.

Противогосударственные же действия, как сказано в постановлении Политбюро, «явились следствием того, что у тт. Кузнецова А. А., Родионова и Попкова (внимание! – переходим к сформулированным Сталиным и Маленковым обвинениям другого уровня: политическим, расстрельным. – Л. В.) имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской (партийной. – Л. В.) организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает Ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать *средостение* (курсив мой. Вот уж такое словечко никто другой, кроме бывшего семинариста, не мог бы ни припомнить, ни в политический текст внести. – Л. В.) между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)». Мало того, в набор обязательных обвинительных формулировок вошла и «антипартийная групповщина», этот смертный, по тогдашним установкам, грех, хотя такую «группу» МГБ еще предстояло создать – на бумаге, естественно, в ходе будущего «следствия», поскольку в жизни ее не было. И главное: «ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев... прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с Ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б)» и ее противопоставления партии и Центральному Комитету.

И вот тут, на фоне этой зловеще многообещающей формулировки, в постановлении возникает, пока еще как бы боковым касанием, имя Н. А. Вознесенского, которого Попков после смерти Жданова просил «шефствовать» над Ленинградом. Николай Алексеевич отклонил это предложение и даже указал его автору на неприемлемость такой идеи, но «тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении» первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии.

Так Сталиным при участии Маленкова были обозначены основные линии обвинений в будущем «ленинградском деле», намечены его главные «действующие лица» и предопределена их участь – смерть. А пока

Кузнецова, Родионова и Попкова сняли с их постов и объявили выговор каждому из них.

На следующий день, 15 февраля, а это значит, что заседание Политбюро состоялось накануне подписания Сталиным постановления, т. е. 14 февраля, Н. А. Вознесенский направил ему письмо, начинавшееся словами:

«Товарищ Сталин!

В связи с сомнением, которое Вы высказали по моему адресу на прошлом заседании Политбюро по вопросу о «шефстве», мне хочется еще раз сказать Вам, что вчера, как и раньше, я сказал Вам, конечно, чистую правду». Заканчивалось же оно так, как только и мог написать человек, искренне заявивший мне однажды: «Всему, что я умею, меня научил Сталин», а именно: «Моя партийная совесть перед ЦК и лично перед Вами абсолютно чиста. Доверие товарища Сталина и преданность товарищу Сталину для меня святая святых». На письме – резолюция адресата: «*Архив*» и дата: «15-II-49 г.».

Знакомясь в Архиве Президента России (бывшем Архиве Политбюро) с рядом подобных документов разных авторов, я невольно пришел к выводу о том, что такие письма-заявления, своеобразные декларации о своей невинности или об осознании «виновности» после того, как она была «установлена» Политбюро, или о размежевании с арестованными родственниками, сослуживцами и просто знакомыми, о верности партии и, главное, «вождю» были традиционной и, похоже, обязательной нормой поведения высокопоставленных ее членов. Даже Молотов, ближайший и вернейший его соратник, друг, можно сказать, вынужден был по приказу Сталина не только развестись с женой, но и направить ему покаянное письмо. Должен был исполнить неперенный ритуал и А. А. Кузнецов: в письме от 18 февраля он пишет, в частности:

«Товарищ Сталин! Искренне заявляю, что постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г., в котором мои действия квалифицируются как антипартийные, и снятие меня за это с поста секретаря ЦК ВКП(б) с объявлением выговора считаю правильным...

Прошу ЦК ВКП(б) дать мне возможность на любой работе искупить свою вину перед ЦК и Вами, товарищ Сталин».

Через несколько дней после принятия постановления Политбюро Сталин, как об этом рассказывал Волкогонов, заявил Маленкову:

– Накопилось слишком много опасных сигналов о деятельности ленинградского руководства, чтобы можно было и дальше не реагировать. Поезжайте, товарищ Маленков, и хорошенько разберитесь во всем. У товарища Берия (! – Л. В.) есть еще некоторые данные...

А теперь представьте себе ту эпоху и «товарища Маленкова», вернувшегося после такого напутствия и докладывающего: «Товарищ Сталин, материалы товарища Берии не подтвердились, другие сигналы – тоже. В Ленинграде во время войны сложилось крепкое партийное руководство. Оно хорошо знает нужды города, работает активно, пользу-

ется большим и заслуженным авторитетом у коммунистов и всего населения города. Четко исполняет указания ЦК и не забывает по любому поводу славить великого Сталина». Где на завтра был бы «товарищ Маленков»? – задаю этот вопрос тем уважаемым исследователям истории «ленинградского дела», которые пока еще думают, что наш «вождь и учитель» к его созданию отношения не имел. Конечно, это соображение не снимает ответственности с Маленкова за активное и откровенно подлое, как мы увидим далее, участие в «ленинградском деле», но все же он был не автором, а одним из основных соавторов его. Ну а приводимые ниже документы, надеюсь, вообще не оставят сомнений относительно роли Сталина в разгроме ленинградской партийной организации и убийстве ее руководителей и причисленных к ним лиц.

Итак, вооруженный «сигналами», «данными», постановлением Политбюро и отсутствием Сталина, Маленков уже 22 февраля провел объединенный Пленум Ленинградского обкома и горкома, на котором заявил, что в городе существует антипартийная группа. Фактов для такого утверждения не было и не могло быть никаких, но оно исходило от секретаря ЦК, да еще присланного со специальным заданием Сталиным, и под давлением угроз Маленкова и в соответствии с партийной этикой тех лет, согласно которой считалось, что «ЦК всегда прав», руководители ленинградской парторганизации и города стали каяться в не совершенных ими проступках. Те же, кого Маленков в мифическую антипартийную группу пока не включил, должны были предавать себя анафеме за то, что не заметили ее вражеской деятельности, вовремя не разоблачили ее «участников» и не сообщили о них в ЦК. В результате Маленкову удалось состряпать постановление объединенного Пленума, где Кузнецов, Родионов, Попков, Капустин фигурировали в качестве участников антипартийной группы.

Отмечу, что ревнитель партийной чистоты Маленков, который, по крайней мере с 1934 г., как тогда говорили, «сидел» на руководящих кадрах и с санкции которого их уничтожали, заявил, заманивая ленинградцев в ловушку, что антипартийная группа малочисленна и никто более из ленинградских работников к ответственности привлечен не будет. Цену этому обещанию и его автору мы чуть ниже увидим.

Судя по одной из информации, Маленков сформулировал тогда же и самое в буквальном смысле слова убийственное обвинение – в якобы существовавшем намерении ленинградских руководителей создать компартию России.

Здесь пора сделать небольшое пояснение: стремясь в максимально возможной – в соответствии с доступными мне документами и публикациями – мере приблизиться к исторической истине, я все же рискую быть в чем-то недостаточно точным из-за не всегда совпадающих по тем или иным деталям сведений в разных источниках. Особенно много разнобоя – по частным, правда, моментам – касается именно действий Маленкова в Ленинграде, т. к. он успел уничтожить наиболее ком-

прометирующие его материалы. В официальной справке по этому поводу сказано: «В фонде архива Маленкова имеются черновые записи во время его пребывания в Ленинграде на партконференции 21–22 февраля 1949 г. (6 листов из блокнота), остальной материал Маленковым изъят (33 л.)». Надеюсь, что новые поколения историков получают все же доступ к другим, закрытым до сих пор архивным источникам и смогут достоверно воспроизвести всю картину создания и хода «ленинградского дела». Я же продолжу рассказ, опираясь в дальнейшем по преимуществу на уже открытые или, точнее, приоткрытые материалы архивов и некоторые литературные источники...

В завершение этого этапа в организации «ленинградского дела» Маленков поставил на пост первого секретаря обкома и горкома партии привезенного из Москвы В. М. Андрианова, подкрепив его тоже привезенными и позднее присланными работниками, до того времени с Ленинградом не связанными. С этого момента и началось совместное «творчество» новых руководителей города и их московских дирижеров по разгрому ленинградской партийной организации и ее кадров.

Между тем в Москве Сталин и его ближайшие подручные Берия и Маленков тоже не медлили. Дело в том, что линия Сталина на укрепление режима его личной власти совпала с сугубо личными интересами Берии и Маленкова. Их главной целью было физическое уничтожение потенциального препятствия для сохранения власти в дальнейшем, после Сталина. Таким препятствием, и не без причин, они считали Н. А. Вознесенского («Основными жертвами дела были Вознесенский и его брат, казненные по приказу Сталина». – *Д. Вронская, В. Чугуев. «Кто есть кто в России и бывшем СССР»*. Перевод с английского) и А. А. Кузнецова. Началось все, по моим представлениям, с заявления «корифея», которое он, перенеся второй инсульт, осенью или зимой 1948 г., уже после смерти Жданова сделал своему окружению: «Вы все – слепые щенки и котят! Что будет со страной, когда я умру? Единственный человек, который понимает толк в управлении государством, – Вознесенский. Вот мой первый преемник». Вторым он назвал Ворошилова, что, правда, кажется несколько странным, так как в те годы он уже всячески третировал его, и третьим – Булганина. А. А. Кузнецова же, как несколько раз упоминал Н. С. Хрущев на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, Сталин выдвигал вместо Маленкова, а в официальном материале Комитета партийного контроля и Института марксизма-ленинизма «О так называемом «ленинградском деле» говорится несколько иначе, шире: Сталин высказывал предположения о том, что он видит А. А. Кузнецова в качестве своего преемника по партийной линии. Здесь же и в ряде других публикаций указывается, что «вождь» возвращался в узком кругу к подобным размышлениям не единожды.

В книге В. Логинова «Тени Сталина» в главе «За что был расстрелян Вознесенский» приведен рассказ Г. А. Эгнаташвили, бывшего свидетелем беседы присутствовавших у Сталина в день его рождения на ужине

в Волынском Н. М. Шверника – председателя Президиума Верховного Совета СССР и заместителя председателя Комиссии партийного контроля М. Ф. Шкирятова, вскоре ставшего активным участником организации гибели Николая Алексеевича.

«Берия пристегнул его к «ленинградскому делу», чтобы убрать с дороги, а основная причина состояла в том, что Сталин хотел сделать его своим преемником...

...в разгар застолья Сталин неожиданно заговорил о том, что он уже довольно старый человек и руководить государством ему осталось не так уж много времени. Поэтому надо бы сейчас выбрать человека, который бы сменил его на этом высоком посту, и начинать потихоньку готовить его к этой должности...

...надо выдвинуть такую личность, которая могла бы руководить государством, как минимум, лет двадцать – двадцать пять (великолепная деталь, говорящая о том, как «вождь» понимал демократию, не правда ли? – Л. В.)... Сталин... сказал: «...я предложу вам человека, который может и должен возглавить государство после меня. Имейте в виду, что этот человек должен быть из нашего круга, хорошо знающий нашу школу управления и которого не надо ничему учить заново. Он должен быть хорошо натаскан во всех государственных вопросах. И поэтому я считаю таким человеком Вознесенского... Экономист он блестящий, государственную экономику знает отлично и управление знает хорошо. Я считаю, что лучше его кандидатуры у нас нет».

В ответ, как я понял из разговора, было гробовое молчание (членов Политбюро. – Л. В.). Сталин оглядел всех присутствующих и неожиданно спросил: «Может, кто-то хочет сказать что-либо против? Или у кого-нибудь есть какие-то возражения?»

И опять никто не проронил ни слова...

...Николай Алексеевич был большим умницей, и под его руководством страна бы далеко шагнула вперед, по крайней мере в экономическом отношении. Уж его дела никак не шли бы в сравнение с тем, что наворотил Хрущев...

...могу утверждать однозначно: Вознесенского убрали Берия с Маленковым, расчищая себе дорогу к высшей власти в стране».

Интересно, что с совершенно других, теоретико-экономических позиций к подобному выводу приходит в своей книге «Ослепленные властью» и Д. В. Валовой, называя при этом, правда, свою комбинацию действовавших лиц: «...если бы Маленков с Хрущевым не стубили Н. А. Вознесенского и после смерти Сталина он стал у руля государства, развитие социалистической системы могло пойти совсем по-иному».

Сейчас в литературе бродит немало версий относительно того, когда, где, как и, главное, ради чего «вождь» счел нужным высказаться таким образом. Единодушие только в одном – в именах первых из назначенных преемников по государственной и партийной линии. А относительно причин подобного заявления некоторые авторы полагают, что это

была сознательная провокация Сталина, направленная на обострение соперничества между его ближайшими соратниками, – метод, который он постоянно использовал в своей практике управления. Впрочем, понятие «соперничество» здесь не очень подходит: оно предполагает некие действия со стороны *всех* его участников, а в этом случае, насколько мне известно, активной была одна сторона – Берия, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним» Булганин. Недаром Николай Алексеевич называл его Лисой Патрикеевной и говорил, что он в последнюю минуту всегда примыкает к тем, кто в тот момент сильнее. Что же касается самого Н. А. Вознесенского, то для него любое интриганство было исклечено по самой природе этого человека.

Как бы то ни было, такая цель, если Сталин ее действительно имел в виду, оказалась достигнутой: Берия, Маленков (именно тогда их альянс приобрел, можно сказать, демонстративный характер: они общались буквально ежедневно, в частности обедая поочередно дома друг у друга. В одном из своих чудовищно безграмотных писем из заключения Берия, обращаясь к Маленкову, сам говорит о длительных и тесных отношениях между ними: «...мы, чуть ли каждый день встречались в стечении десяти лет»), и их сподвижники объединились в противодействии назначенным Сталиным его «наследникам». Задача могла быть и была только одна: своевременное, пока не поздно, физическое уничтожение Вознесенского и Кузнецова как единственная надежная гарантия личного политического благополучия членов противостоявшей им группировки в дальнейшем. Но для выполнения задуманного сначала надо было развенчать будущие жертвы политически.

По информации тех лет, Берия и Маленков инициировали докладную записку заместителя председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнева (в награду за эту акцию он получил пост Управляющего делами Совета Министров СССР) о том, что Госплан, то есть Н. А. Вознесенский, снизил план промышленного производства в первом квартале 1949 г. Действительно, Николай Алексеевич, как уже рассказано об этом в предыдущей главе, дал указание, исходя из реальных условий хозяйствования, несколько уменьшить плановые задания по сравнению с директивами Правительства. На заседании Политбюро он попытался объяснить Сталину объективную необходимость в таком решении, но это не было принято во внимание, поскольку задача в тот момент состояла не в рассмотрении вопроса по существу, а лишь в поиске повода для дискредитации председателя Госплана. Этой цели и отвечало принятое 5 марта 1949 г. за подписью Сталина постановление Совета Министров СССР, где Н. А. Вознесенский был обвинен весьма общими фразами в антигосударственных и антипартийных поступках, в частности в том, что он «не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования», а также в том, что «в Госплане... имели место... преступные факты по подгону цифр». И хотя никаких таких, как и иных,

фактов в документе названо не было, а цифры, о чем тоже рассказано выше, оказались совершенно точными, последняя формулировка представляла собой еще один камень в фундамент будущего следствия, еще один ориентир для него, поскольку тут же приводились сказанные Сталиным то ли ранее, то ли по этому поводу слова о том, что «попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера».

Несколько иная версия этих событий содержится в воспоминаниях К. Ф. Виноградова (*В. И. Демидов, В. А. Кутузов. «Ленинградское дело»*). Ее автор сообщает, что Л. М. Каганович как председатель Госснаба СССР написал Сталину докладную о возникших по итогам работы промышленности в феврале 1949 г. затруднениях в обеспечении народного хозяйства черными и цветными металлами, а также химическими продуктами. В записке он утверждал, что это произошло из-за якобы занижения Н. А. Вознесенским плановых заданий министерствам, которые тот курировал. Подписать же это обвинение Каганович поручил своему заместителю Помазеву.

Может быть, обе версии в принципе и не противоречат, а дополняют друг друга, но как бы то ни происходило в действительности, авторы этой акции рассчитали точно: доверие всегда и во всем болезненно подозрительного Сталина к Н. А. Вознесенскому было по меньшей мере подорвано. Теперь их задача состояла в том, чтобы как можно больше и быстрее наращивать свой успех.

Для сбора компромата и «чистки» Госплана туда был направлен в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам некто Е. Е. Андреев, о котором даже солидные издания сообщают только то, что он был работником аппарата Центрального Комитета партии. Но в одной книге я в конце концов наткнулся на информацию о том, что до этого назначения он являлся заведующим Административным отделом ЦК. Разгром в Госплане ему удалось учинить основательный, однако об этом поговорим в дальнейшем, в соответствии с хронологией событий.

Чуть ли не единственной в своем роде, а может быть впервые примененной, оказалась и «технология» снятия Н. А. Вознесенского с занимаемых им постов. Вроде бы до и уж точно в более поздние времена решения подобного рода принимались Политбюро и затем оформлялись постановлениями Правительства, если речь шла о работниках органов исполнительной власти высокого ранга. Совет Министров самостоятельно освободить от работы члена Политбюро не мог. А тут ни в каком источнике такого «исходного» постановления мне обнаружить не удалось. Нашел, однако, любопытный пассаж в речи одного из участников июньского (1957 г.) Пленума ЦК: «...практика... была в прошлом, когда Совет Министров СССР своими решениями снимал секретарей обкомов, когда Совет Министров своим известным решением дал политическую оценку деятельности Вознесенского как члена Политбюро ЦК ВКП(б)». Из пояснения к этому высказыванию следует: лишь через два

дня, 7 марта, опросом (!) членов ЦК было принято постановление Пленума ЦК (т. е., другими словами, пленума-то не было) о том, что «*в связи с постановлением Совета Министров СССР* (курсив мой. – Л. В.) от 5 марта с. г. о Госплане СССР – вывести т. Вознесенского Н. А. из состава Политбюро ЦК ВКП(б)». Таким образом, партия первой скрипки в этом случае была формально передана от Политбюро, от Центрального Комитета Совету Министров. Но это так – истины ради и для особенно дотошных историков: ведь независимо от «технических» деталей процесс политического и физического уничтожения Н. А. Вознесенского фактически начался.

7-го же марта Николай Алексеевич передал для Сталина письмо, очень спокойное по тону, с объяснением причин, как он был теперь обязан считать, своих ошибочных решений в связи с планом на I квартал 1949 г. Напомню, они в основном сводились к тому, что надо было все-таки игнорировать неизбежный зимний спад производства в так называемых сезонных отраслях и меньшее, чем в предыдущем квартале, число рабочих дней. Теперь автор письма «осознал», что учет этих факторов «мешает двигаться вперед и оправдывает плохую работу», то есть позволяет наметить рост промышленности в целом в I квартале против IV квартала прошлого года на 4,4, а не на 5%, как было записано в директиве Правительства. Адресат, по-видимому, не очень стремился разобраться в сути письма, поскольку не сделал на нем никаких помет, кроме указания отправить его в архив.

Похоже, однако, что Сталин в это время еще не решил для себя окончательно, как в дальнейшем поступить с Николаем Алексеевичем. Вскоре после этих событий он пригласил его на «Ближнюю» дачу и за ужином в присутствии членов Политбюро произнес тост: «Сегодня мы прощаемся с нашим дорогим соратником и другом Николаем Алексеевичем Вознесенским. Он совершил ошибку, мимо которой мы пройти не можем. Но мы знаем его выдающиеся способности и качества руководителя, и я уверен, что скоро он вернется в наше руководящее ядро. За здоровье нашего друга и товарища Николая Алексеевича Вознесенского!». Все присутствовавшие, в том числе и спровоцировавшие его отстранение от дел организаторы уже запланированного его убийства, вынуждены были стоя поддержать тост Сталина. А за пределами тоста он добавил: «Вы еще очень молодой человек, у Вас все впереди».

Несколько иной вариант этой сцены и слов Сталина изложен в книгах Ю. Борева «Сталиниада» и А. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана»: «Я предлагаю тост за дорогого товарища Вознесенского, нашего ведущего экономиста. Он тот, кто способен прокладывать путь к светлому будущему, планировать дальнейшие победы. Такие люди составляют наш самый ценный капитал, такие люди, как Николай Алексеевич, нужны нашей партии. За здоровье товарища Вознесенского!» Весь эпизод в этих двух книгах отнесен с весны на осень, на вечер перед ночным арестом Николая Алексеевича. В действительности же тот вечер, по свиде-

тельству его старшей дочери, тогда студентки, он провел дома, а когда совсем стемнело, отправился с нею на обычную после потери им работы прогулку по традиционному маршруту – от улицы Грановского (там и сейчас сохранилась мемориальная доска с его именем), через Александровский сад и Красную площадь, где охранявшие ее и Кремль люди в милицмейской форме отдавали ему честь, хотя явно уже не обязаны были делать это, по набережной Москвы-реки и мимо Манежа снова домой. Так закончился день, которым завершилась его жизнь, как принято говорить, на свободе.

Не подтверждает его семья и слова Н. С. Хрущева о том, что на бедах у Сталина уже освобожденный от работы Н. А. Вознесенский присутствовал неоднократно. Да и прощальный мотив в известном семье варианте сталинского тоста не предполагал их встреч в ближайшее время.

Хотя еще одна, в другой обстановке, все же состоялась (их очередность, впрочем, не достоверна). Через месяц после освобождения Николая Алексеевича от всех постов, 7 апреля, он был приглашен к Сталину на какое-то заседание. В нем участвовали, судя по журналу посетителей его кабинета в Кремле, Молотов, Берия, Микоян, Косыгин, Каганович, Маленков, Булганин, Вознесенский, Зорин (в то время в «верхах» было два человека с такой фамилией, оба заместители министров – иностранных дел и внешней торговли СССР). Заседание продолжалось 35 минут, с 22.00 до 22.35. К сожалению, ни дата, ни время, ни состав присутствовавших не позволили мне достаточно определенно «вычислить» предмет разговора и, следовательно, причину приглашения Сталиным Н. А. Вознесенского. Правда, через день были произведены назначения на важные посты в Госплане, и, возможно, Сталин хотел посоветоваться по этому вопросу с человеком, который лучше всех знал еще недавно свои кадры. Надо полагать, это была последняя встреча Николая Алексеевича с «вождем». Тем не менее Сталин не раз (но, похоже, не настойчиво) предлагал Маленкову предоставить своему бывшему заместителю подходящую работу. Тот, однако, в сговоре с Берией всячески оттягивал такое решение, пока в начавшемся процессе фабрикации «ленинградского дела» из подследственных не были выбиты показания против Николая Алексеевича, которые эта «сладкая парочка» и не замедлила пустить в ход.

Вернемся, однако, к слегка нарушенной предыдущим рассказом примерной канве событий.

В какой-то момент после освобождения брата от всех его постов Мария Алексеевна – тогда, напомним, первый секретарь Куйбышевского райкома партии в Ленинграде – попросила Андрианова о встрече с ним. Тот принял ее и тепло поговорил с нею. Отвечая на вопросы Марии Алексеевны, он заявил, что Николай Алексеевич не связан с бывшими руководителями ленинградской партийной организации, а что касается его партийной принадлежности, то этот вопрос в ЦК вообще не обсуждался. Андрианов, по словам М. А. Вознесенской, снабдил ее положительной характеристикой, в которой наряду с похвалой указал, что за хоро-

шую работу в Свердловске она была награждена Правительством (орденом Трудового Красного Знамени).

Учитывая опыт Попкова, в вину которому в постановлении Политбюро было записано, что он «не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде», но и не только поэтому, конечно, Андрианов уже 14 марта 1949 г. направляет Сталину первое письмо-отчет. Он пишет о состоявшемся – *в соответствии с решением Политбюро!* – объединенном Пленуме Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), которым «полностью одобряется решение Политбюро ЦК ВКП(б) и осуждаются антипартийные действия (в письме они, еще не арестованные и не осужденные, уже не «товарищи». – Л. В.) Кузнецова, Родионова и Попкова, а также... Капустина.

В настоящее время проходит обсуждение в первичных партийных организациях.

...Коммунисты решительно осуждают антипартийные действия Кузнецова, Родионова, Попкова и Лазутина и выносят суровые осуждения за их антипартийные действия».

Как видите, круг будущих главных обвиняемых постепенно расширяется. Завершается письмо рядом просьб, в том числе о том, чтобы вместо Капустина назначить (! – должность-то, между прочим, выборная, но это, как всегда в таких случаях, оставалось проформой) А. Н. Николаева, а также поручить «Секретариату ЦК ВКП(б) помочь разобраться с журналом «Звезда» и некоторыми другими изданиями и подкрепить их редакции кадрами, так как имеются серьезные сигналы о неблагополучии на этом фронте». Видно, уж очень хотелось новому ленинградскому руководству приобщиться к погрому 1946 г. и продолжить его.

Эти пункты, как и десяток других мест, Сталиным подчеркнуты, отчеркнуты, помечены крестиками и другими знаками. О них придется рассказать специально, и сделаю я это со слов Управляющего делами Совета Министров СССР Михаила Сергеевича Смиртюкова, проработавшего в Правительстве шестьдесят лет.

Однажды, еще до войны, он, недавно приступивший к работе в Совете Министров и не успевший приобрести нужных навыков, должен был во время заседания Правительства заменить отсутствовавшего Управляющего делами. Его стол находился недалеко от председательского, и, когда ему принесли бумагу, которую надлежало срочно передать Сталину, Михаил Сергеевич положил ее перед ним. Вернувшись на свое место, он увидел, что тот внимательно читает документ. Через некоторое время Сталин жестом подозвал Смиртюкова и молча отдал бумагу ему. Михаил Сергеевич снова вернулся за свой стол, взглянул на нее и... растерялся: никакой резолюции на документе не было, но на первой странице Сталин поставил «птичку». Недоумение и растерянность на его лице были столь явными, что Сталин вновь подозвал его и сказал:

– Молодой человек, Вы, очевидно, пока не знаете, как реагировать на мои пометки? Так вот, если Вы видите какой-нибудь знак – крестик,

галочку, например, то знайте, что документ одобрен и по нему надо готовить постановление или распоряжение Совета Министров.

Надеюсь, что Михаил Сергеевич изложит в полном варианте своих воспоминаний (в сокращенном виде они опубликованы в 2000 г.) этот эпизод точнее и подробнее, чем удалось сделать мне, но я привожу его давний рассказ потому, что он дает ключ к сотням, наверное, пометок Сталина, которые я видел и с частью которых попытаюсь ознакомить читателей. На многих материалах остались горизонтальные подчеркивания, вертикальные отчеркивания на полях, полукруглые или прямоугольные скобки и т. п., что означало: Сталин обращает внимание подателя документа или исполнителя – зачастую эти понятия совпадали – на сюжет, требующий дальнейшего использования и развития, выражает согласие с внесенным предложением или поддержку просьбы. Значительно реже в документах, с которыми я работал, попадаются *словесные* реакции Сталина на них. Иногда их заменяют пометки его «правой руки» – А. Н. Поскребышева (перед кем заискивали даже многие члены Политбюро) вроде: «Товарищ Сталин согласен», а чаще всего – в виде отчеркивания таким же, как у «корифея всех наук», синим карандашом. Это означало, что Сталин выразил свое положительное отношение к документу или к выделенной его части в *устной* форме. Различать же пометки Сталина и Поскребышева просто: первый делал это от руки, более или менее неровно, а второй – строго по линейке. Психологически это очень характерно: Сталину не нужно было, да он и не мог позволить себе подчеркивания по линейке, а Поскребышев, напротив, не мог позволить себе на прочитанном «*Самм*» документе делать это от руки, от *своей* руки, лишь закрепляя таким своеобразным образом полученные указания.

После таких пояснений становится понятным смысл различных пометок Сталина. На письме Андрианова самые «усиленные» и разнообразные знаки оставлены по поводу журнала «Звезда» и некоторых других ленинградских изданий. Видно, пришлось основательно подумать над тем, что идеологические кампании прошлых лет недостаточно «оздоровили» общественное сознание, и поэтому явно требуются иные, более серьезные меры воздействия на него. Ну а поскольку он сам учил, что «кадры решают все», необходимо продолжить и ускорить процесс замены прежних руководителей новыми, способными более решительно проводить линию партии на искоренение всяческой «крамолы». Тут и очеренные кандидаты на изъятие названы в письме Андрианова: Капустин, Лазутин, а там и до других доберемся...

Осталось только нажать спусковую кнопку давно отлаженной системы управления кадрами. И 25 марта 1949 г. Секретариат ЦК за подписью Маленкова выносит решение о снятии Я. Ф. Капустина с должности второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) и замене его А. Н. Николаевым, а 29-го Политбюро утверждает эти решения. Кстати, немалую роль в организации «ленинградского дела» сыграл, как его ха-

рактизовали на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, «известный сподвижник Маленкова» А. Л. Дедов – заместитель заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, чьи записки Сталину, чаще всего с изложением «проступков» (в чем они состояли, на нескольких примерах увидим ниже) снимаемых с работы и предложениями по кадровым вопросам, служили исходным пунктом для решений Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б).

Далее, судя по документам, на поверхности, вроде бы, возникло некоторое двухмесячное затишье (его не нарушило оставшееся без ответа письмо Николая Алексеевича Сталину от 5 мая с очередной просьбой предоставить ему любую работу), но в действительности активная деятельность по накоплению «взрывчатых материалов» продолжалась и в Ленинграде, и в Москве. Может быть, несколько случайным выглядит в этом процессе письмо Сталину, переданное 3 июня В. В. Кузнецовым, в то время председателем ВЦСПС и Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР, по результатам его пребывания в Ленинграде. Автор документа отмечает, что рабочие благодарят партию и Правительство за заботу о них, а также сообщает (похоже, с подачи Андрианова), что среди некоторой части командного состава предприятий города имеются явно нездоровые настроения, и предлагает поручить Ленинградскому обкому партии развернуть борьбу с подобными настроениями. Был ли Василий Васильевич в Ленинграде по своим должностным делам или по специальному заданию, не знаю, но его письмо с весьма общими формулировками, без имен и другой обвинительной конкретики, все же оказалось в тот момент весьма кстати и попало в подборку документов Политбюро о жизни ленинградской партийной организации того времени. Откровенно говоря, это письмо, достаточно, что ли, безобидное по тем временам, меня все же огорчило: о В. В. Кузнецове, бывшем ранее заместителем председателя Госплана и после перехода на другую работу, как мне показалось во время встречи с ним на даче у Николая Алексеевича, остававшимся его искренним другом, у меня сохранилось самое светлое впечатление, и поэтому было особенно досадно видеть, что и таких людей, как Василий Васильевич, тогдашняя обстановка в обществе заставляла в той или иной мере принимать сложившиеся условия политического выживания, а то и существования вообще.

«Зато» полученное от В. Андрианова через два дня, 5 июня, письмо не могло не удовлетворить Сталина. Это видно по его многочисленным «соглашающимся» пометкам на документе. Балзамом на душу диктатора лились заявления Андрианова о том, что «за последние годы в Ленинграде была ослаблена бдительность и не уделялось внимания борьбе с троцкистами и зиновьевцами» (напомню, дело происходит в 1949 (!) г.). Виноват в этом, кроме партийных руководителей, и бывший начальник Ленинградского управления МГБ генерал-лейтенант П. Н. Кубаткин, не поддержавший предложения некоторых своих сотрудников «о создании

специального отделения в управлении по троцкистам (грамматика и стиль здесь и ниже – на совести автора письма. – *Л. В.*). Он им заявил – вы политически безграмотные люди, если выдвигаете вопросы, давно отошедшие в прошлое». Сталин выделяет это место: ведь он-то вместе с автором письма так не считает и поддерживает идею «восстановить и наладить как следует учет по троцкистам и зиновьевцам», «организовать как следует розыск, а если нужно, и объявить всесоюзный розыск как это требуется», поскольку «после специального указания о том, чтобы возвратившихся после войны троцкистов из ссылки выселить из Ленинграда – эта работа проводилась недобросовестно».

Что же представляли собой якобы «троцкисты», которые и после войны продолжали мерещиться Сталину на каждом углу, особенно – ленинградском? Об этом можно судить по приведенным Андриановым примерам: «В Ленинградском государственном университете до последнего времени деканом политико-экономического факультета работал Рейхард (на самом деле – Рейхардт. – *Л. В.*) В. В., который поддерживал близкую связь с руководителем троцкистско-зиновьевской оппозиции по университету (заметьте: такой, как и любой другой, там не было и быть не могло; тем не менее на «должность» руководителя оппозиции, которую еще предстояло создать на бумаге будущему следствию, пока безымянным намеком уже «назначен» бывший ректор университета А. А. Вознесенский, в то время продолжавший работать министром просвещения России. Сталин подчеркивает – а мы знаем, *что* это означает, – часть фразы о руководителе оппозиции в университете. – *Л. В.*) и состоял в родственных связях с главарями троцкистско-зиновьевской оппозиции, был женат на сестре зятя (! – *Л. В.*) Троцкого». Вывод – «эти факты вызывают беспокойство о том, что с бдительностью в Ленинграде было не благополучно и что бывшие руководители Ленинграда распустились, возомнили о себе и не занимались этим важным делом» – Сталин выделяет особо, двойным подчеркиванием, как и предложение Андрианова освободить от работы второго секретаря обкома Бадаева, «который повинен в этих делах».

От таких формулировок и «доказательств» за версту несет Маленковым. И действительно, 14 июня уже известный читателям его подручный Дедов направляет две записки Сталину. Одна – об освобождении от работы Г. Ф. Бадаева, оформленное решением Секретариата за подписью Маленкова от 15 июня и утвержденное Политбюро 17-го числа того же месяца. Вместо Бадаева в Ленинград направляется еще один Николай – Б. Ф. Вторая – об освобождении от работы названного в первом письме Андрианова председателя Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. Г. Лазутина, который-де, явно со слов Андрианова, «плохо работает и ведет себя неправильно по отношению к новому партийному руководству». Конечно же и это предложение утверждается Секретариатом за подписью Маленкова 16 июня и 17-го – Политбюро.

22 июня от должности секретаря райкома отстранена М. А. Вознесенская, 12 июля Сталин подписал постановление Политбюро об освобождении А. А. Вознесенского от обязанностей министра просвещения РСФСР, а 15 июля вышел соответствующий Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (о беседе Александра Алексеевича с Маленковым по этому поводу рассказано в главе 3). Еще через пять дней, 20 июля 1949 г. министр Государственной безопасности СССР В. Абакумов, говоря словами одной из его записок Сталину, представил в ЦК ВКП(б) «на Вознесенского А. А.» подробную справку. Вряд ли у кого-нибудь возникнут сомнения в том, какого характера она была.

Пожалуй, надо упомянуть и о том, что 13 июля 1949 г. вышло строго секретное решение Политбюро «О журнале «Большевик» (о нем ниже, в главе 8), где ряд работников журнала и ЦК партии подверглись критике и разного рода жестким взысканиям за представление читателям уже не книги, а книжки Н. А. Вознесенского «Военная экономика...» как учебника и глубокого научного исследования. Скорее всего, это и был тот переломный момент, когда Сталин внутренне отказался от своих слов о скором возвращении автора книги в «руководящее ядро» и окончательно «сдал» его на расправу Берии и Маленкову.

Примерно в это же время Николай Алексеевич на своем рабочем столе на даче обнаружил заботливо предложенный его вниманию... пистолет с одним патроном. По чьему указанию – остается только догадываться. Правильно «прочитав» столь прозрачный намек, он тут же сдал вместе с этим пистолетом все имевшееся в доме оружие. Но раз он пренебрег предоставленной ему возможностью «уйти от ответственности» за несовершенно совершенные преступления, его «доброжелателям» пришлось применить другие средства воздействия. В том же июле упомянутый выше Е. Е. Андреев представил Маленкову записку об утере в аппарате Госплана СССР некоторых секретных материалов, откровенно нацеленную против его бывшего председателя. Маленков предложил направить ее Сталину, а затем этот вопрос разбирался на заседании руководимого Маленковым же Бюро Совета Министров СССР и был передан в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б).

И именно в июле процесс «первоначального накопления» компрометирующих материалов и выработки обвинительных формулировок достиг такого уровня, когда стало возможным осуществить качественный скачок в организации «ленинградского дела» – получить соответствующие поручения от Сталина и Маленкова, перейти к арестам и начать сколачивать (точнее было бы сказать – выколачивать) из своих жертв очередную «преступную группу заговорщиков против партии и государства».

Между прочим, не задумывались ли Вы, уважаемые читатели, над тем, на каком юридическом основании на всех подобных процессах и без них, как говорится, без затей «судили» и – вот это слово уже без кавычек – уничтожали сотни и сотни тысяч людей за «преступления» против *партии*? Сейчас это кажется каким-то бредом, но в этом бреде

жили все – и жертвы, и палачи, и народ. Одни, ничтоже сумняшеся, сначала клялись в верности партии, ее Центральному Комитету и лично «товарищу Сталину», другие обвиняли, пытали, «судили» и расстреливали их за чаще всего якобы «непартийное» или «антипартийное» поведение, а третий горячо поддерживал этот, если использовать современную терминологию, правовой беспредел властей. Ведь ни Конституция, ни Уголовный кодекс, ни иные опубликованные законодательные акты, ни даже Устав самой ВКП(б) не предусматривали и не могли по логике вещей предусматривать таких преступлений против идейных и прочих основ *общественной* организации, каковой являлась по ее природе партия, взыскивать за которые могло или должно было *государство*. Оно должно было защищать себя, существовавший в стране строй, но не внутрипартийную, скажем, дисциплину, не догматическую «чистоту» мыслей коммуниста и т. п. Скажите, как бы отнесся современный наблюдатель к тому, чтобы государство обвинило группу людей и осудило бы их за несогласие с лидером какого-нибудь ныне существующего общественного движения или партии? Любопытно же сказал бы, что это нонсенс, что такого просто не может быть. А в сталинские времена высосанные из пальца «преступления» против *партии*, не предусмотренные никаким законом, на практике рассматривались как преступления *государственные* и влекли за собой наказания по Уголовному кодексу – высылку, заключение в лагерь, в тюрьму, расстрел. Мне представляется, что уже одно это свидетельствует о преступном характере власти Сталина. Интересно, как оценят такое извращение элементарных норм права юристы?

Впрочем, и все остальное «производство дел» строилось на полнейшем попрании этих норм. При этом использовалась отработанная, проверенная временем технология (привожу ее на примере материалов «ленинградского дела»):

министерство Государственной безопасности, точнее, Абакумов письменно запрашивает не у прокурора, а у Сталина разрешение на арест намеченной жертвы и тут же получает его в виде черты или иного знака на этом документе;

человека арестовывают под любым надуманным предлогом или даже без него;

пытками вырывают нужные показания против самого подследственного и других людей и передают первичный протокол руководству министерства;

так называемый обобщенный, то есть обработанный и доведенный до нужной кондиции в ближайшем окружении министра протокол допроса с устраивающими руководство формулировками «спускается» в кабинет следователя, где арестованного заставляют уговорами или (и) избиениями и пытками подписать этот документ;

он направляется Сталину в сопровождении списка лиц, «всплывших» в ходе допроса, с указанием их бывших или исполняемых пока должно-

стей и с перечнем предполагаемых или установленных прегрешений (например, скрыл от партии что-то о двоюродном брате), нередко с прямым запросом на новые аресты;

Генералиссимус ставит свои знаки на документе, или дает словесные указания Поскребышеву, или вызывает Абакумова – и маховик раскручивается, масштабы «дела» быстро увеличиваются до тех пор, пока число арестованных не достигает той «критической массы», которая требуется для фабрикации очередного «дела» об антипартийной, антисоветской, антигосударственной, заговорщической, террористической и прочее, и прочее *группе*, а то и *организации*;

далее следует закрытый или формально «открытый» процесс, а чаще всего вынесение внесудебными органами и исполнение приговоров в отношении «виновных»;

затем производится, можно сказать, зачистка – аресты и осуждения членов их семей, сослуживцев и знакомых, которым предстоит пройти примерно тот же путь;

наконец, вручаются правительственные награды и премии организаторам «дел», столь ценные работники получают повышение в должностях и званиях и... вновь начинается подготовка к разоблачению (читай – созданию) очередной вражеской группы: сталинский Левиафан – Государственная Безопасность – должен был оправдывать свое существование и размножение постоянным и обильным жертвоприношением.

Таковы главные технологические звенья цепочки изготовления подобных «острых блюд» под руководством и при личном, непосредственном участии в этом опытейшего шеф-повара – Сталина. Именно о нем вынесенную в заголовок главы фразу, по словам Троцкого, произнес Ленин. И эта его мысль очень скоро, слишком скоро стала получать все более весомые подтверждения, пик которых пришелся на середину – вторую половину третьего десятилетия века, особенно на 1937–1938 гг., когда кроме постыдных фальсифицированных «публичных» процессов проводились аресты и расстрелы людей «по спискам», и, что менее известно, просто в связи с их социальной или национальной принадлежностью, хотя в последних случаях это обычно как-то прикрывалось, повторю, политическими обвинениями. Вот об этих направлениях или, если угодно, формах массового уничтожения Сталиным ни в чем не повинных его сограждан расскажу в очередной главе, поскольку в ходе работы над книгой мне довелось прикоснуться к уже цитировавшимся в некоторых изданиях, но пока еще малоизвестным соответствующим источникам, а главное, эти материалы показывают неразрывную связь, преемственность послевоенного сталинского террора с массовым уничтожением людей в 30-х гг. Это позволит, в частности, яснее представить себе природу не только «ленинградского дела», но и людей, его организовавших. Так что вернемся к нему после небольшого экскурса в самые кровавые годы, ставшие синонимом и символом сталинщины.

Глава 6

«НАИВЫСШЕЕ НАСЛАЖДЕНИЕ ДЛЯ МУЖЧИНЫ»

*Психология Сталина.— Убийства по спискам, лимитам
и личным указаниям «возждя». —*

Талантливый режиссер-постановщик кровавых спектаклей. —

Как добывались «признания» обвиняемых. —

Кого и за что уничтожил «Хозяин». —

Сталинизм и сталинщина.

Сразу скажу: эта глава ни в малейшей мере не претендует на анализ *всех* факторов, породивших террор 30-х гг., и даже на достаточно полное описание этого несмываемого позора в истории нашей страны. Цель ее — ввести в оборот неизвестные или малоизвестные факты и привлечь еще раз внимание к некоторым уже опубликованным сведениям с тем, чтобы читатели получили дополнительный материал, прежде всего для *моральных* оценок ситуаций прошлого и действовавших в них лиц.

Известно, что, если тигр отведал человеческого мяса, он, пока его не убьют, будет продолжать охотиться на людей. Но людоеды или, по крайней мере, человеконенавистники рождаются не только в шкуре, а, увы, и в коже. Не хочу никого обидеть, но в какой-то мере, может быть, даже естественно, что относительно часто они встречаются среди тех, кого судьба чем-то обделила, кто страдает по той или иной причине комплексом неполноценности. Если к тому же и душа у человека не очень широка, то он, осознанно или неосознанно испытывающий этот комплекс, самоутверждается, унижая окружающих, непомерно переоценивая самого себя (например, в случае так называемого комплекса Наполеона). Наверное, многие замечали это на примерах своих «больших начальников», о которых говорили, что они в свою «Чайку» входили, не нагибая головы. Чванливость и хамство, грубость и самодурство, разговор с подчиненными чуть ли не шепотом, чтобы заставить их вслушиваться в каждое слово, — счастливец может считаться тот, кому повезло не встречаться с такими руководителями. Но все эти инстинктивные или обдуманные проявления упомянутого комплекса не стоили бы специального внимания, если бы не их вершина — патологическое стремление к безграничной власти над людьми. А в чем она может проявиться наиболее полно? В распоряжении их *жизнями*, в «праве» и реальной возможности одним движением руки послать их

на *смерть*. И оказывается, для кое-кого это ни с чем не сравнимое удовольствие¹.

Преувеличение, скажет кто-нибудь? В ответ обратимся к мыслям и опыту одного куда более близкого нам деятеля.

«На одной из вечеринок во второй половине 30-х годов Сталин задал тему для беседы: каково наивысшее наслаждение для мужчины?

Все высказывались: женщины, работа, польза отечеству и т. д. Сталин ответил весьма оригинально:

– Высшее наслаждение – найти (! – *Л. В.*) для себя (! – *Л. В.*) врага и раздавить (! – *Л. В.*) его, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина» (Ю. Боров. «Сталиниада»).

Я давно слышал этот рассказ с такой концовкой сталинской фразы: «...и пойти спать!» Думаю, что для психологов и психиатров выделенные в цитате восклицательными знаками слова – более чем достаточная база для профессиональных выводов об их авторе.

Еще один вариант живет в памяти людской. В нем после слова «врага» говорится: «следить за ним постоянно и, выждав удобный момент, раздавить его» и далее по предыдущему тексту.

Известно и высказывание Сталина, относящееся к более раннему времени, к 1923 г. Тогда в аналогичном по существу разговоре с Каменевым и Дзержинским он заявил: «Выбрать (! – *Л. В.*) своего врага, подготовить все детали удара (а мы-то, простаки, все гадали, о чем думает товарищ Сталин, сидя до утра в своем кремлевском кабинете! – *Л. В.*), утолить *жажду жестокой мести* (курсив мой. – *Л. В.*) и затем отправиться спать... Нет ничего слаще в мире!» Да, и в неизменности, и в низменности *таких* убеждений автору этих слов не откажешь.

И другая деталь для психологов, психиатров и вообще для желающих думать и чувствовать. Речь идет о подписях Сталина на списках людей, назначенных на расстрел. До наших дней сохранилось 383 «Списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда СССР». Собраны они в 11 томов, содержат имена 44 477 жертв, из которых 38 955 приговорены по I категории, т. е. к расстрелу, 5420 – по II, т. е. к тюремному заключению на срок от 8 до 25 лет, и только 102 – по III, т. е. к заключению до 8 лет или к ссылке. К сожалению, долгие недели просматривая в архиве эти списки, я все же не имел возможности скопировать подпись Сталина хотя бы на одном из них – например, от 19 марта 1937 г. по Свердловской области. Пришлось эту подпись только примерно воспроизвести в своей

¹ Такие в глубине души ущербные люди (любого роста, конечно) не перевелись и поныне. Один из них недавно, развалясь в гамаке на даче и поигрывая винтовкой с оптическим прицелом, заявил на всю страну: убивая птичку, «я чувствую, что я – сильнее птички, что я – человек!». Этот «деятель», в открытую превративший свое участие в политике в доходный бизнес, но тем не менее имеющий свой, хотя и тающий электорат, даже не понял, что одной этой фразой, не говоря уже о множестве компрометирующих его поступков, он выводит себя из числа элементарно порядочных, достойных уважения людей.

тетради. На первой странице он огромными буквами пишет «За» и, не отрывая карандаша от бумаги, делает через всю нее несколько размашистых зигзагов, заканчивающихся «И.», после чего, наконец, с небольшим интервалом следует «Ст.». Графологам бы это показать... Нормальный человек в нормальном состоянии, по-моему, расписаться подобным образом просто не может. Для этого нужно быть истинным энтузиастом своего палаческого дела. И Сталин им был.

Присмотримся же к тому, как вершилось это преступное по отношению не только к конкретным людям, но объективно и к стране, и к самой идее социализма дело. Каждый такой документ составлялся НКВД СССР и направлялся формально в ЦК ВКП(б), а по существу – Сталину. Он вообще часто пользовался дымовой завесой: все вопросы «согласовывать», т. е. решать, надо было как бы с ЦК, с Политбюро, а не с ним лично. Органы же государственной и прочей власти, не говоря уже о партийных структурах на местах, вносили «в ЦК ВКП(б)» предложения, а затем после одобрения их Сталиным (обычно – под «крышей» Политбюро) оформляли их своими постановлениями, организовывали исполнение и докладывали в ЦК же о результатах. Но в случае неудачных, ошибочных, а то и преступных решений, многие из которых к тому же были засекречены, «корифей» в глазах народа оставался светочем мудрости и благородства. К тому же он обладал еще одним выдающимся качеством: как только выявлялась ошибочность того или иного решения, Сталин, не допуская, по словам Д. Т. Шепилова, «и тени критики в свой адрес», даже если критиковала его сама жизнь, немедленно назначал виновных в этом, громил их идейно, а то и уничтожал физически. Так было – напомним только немногие из многих примеров – при перегибах в коллективизации, наших поражениях на фронтах Отечественной войны в первый ее период, а с особенными цинизмом и наглядностью – в связи с массовым уничтожением советских людей в 30-е гг. Созданная Сталиным жесткая система управления позволяла ему и непомерно выпячивать свою роль в целом, и маскировать ее, когда в этом возникала необходимость, и всегда иметь развязанные руки для новых маневров, прежде всего во внутренней политике и в обработке общественного мнения в нужном ему направлении.

Один из самых ярких примеров этих качеств Сталина – его поведение в связи с убийством С. М. Кирова, причем не только после, но и до этого события. По этому поводу существует (или существовали?) многочисленные свидетельства, собранные в так называемую «черную тетрадь». О ней рассказал мне собиравший эти документы и уже упоминавшийся А. И. Кузнецов. В тетради содержится и свидетельство моего товарища Е. П. Фролова (о нем чуть ниже), которого я направил с этой целью к Алексею Ильичу. Суть показаний Евгения Петровича, в 1934 г. бывшего в ЦК партии кем-то вроде заведующего Отделом (наверное, тогда это было небольшое подразделение) промышленности, состояла в том, что, по его личным наблюдениям, Сталин и Ежов сутки (!) просидели у

телефона прямой связи с Ленинградом и после звонка с сообщением об убийстве Кирова практически сразу же выехали туда.

Все свидетельства, собранные в этой «тетради», *косвенно* создавали убедительную картину *активной* роли Сталина в организации убийства Кирова, но ни одно из них, по словам Кузнецова, не содержало *прямых*, юридически значимых фактов, которые могли бы быть поставлены в вину «вождю». Тем не менее Н. С. Хрущев так дорожил «тетрадью» (наверное, это была все-таки какая-то папка), что, отправляясь в США, не решился оставить ее без своего присмотра и взял с собой в поездку. Насколько мне известно, эти документы до сих пор не обнаружены. Может быть, после отставки Хрущева «тетрадь» была уничтожена, хотя ссылку на показания Е. П. Фролова в литературе я встретил.

Об этой истории рассказываю главным образом для историков-архивистов, вдруг им когда-нибудь пригодится такая информация, даже если она в чем-то не точна. А вот о безусловно сверхактивной деятельности Сталина *после* убийства Кирова всем хорошо известно, причем не только в организации под этим предлогом в 30-х гг. политических процессов и массовых арестов и расстрелов ни в чем не повинных людей, но и в заметании любых действительных следов реальных преступников. Ведь для этого последовательно снимали, т. е. уничтожали, слой за слоем тех, кто имел хотя бы самое отдаленное отношение к расследованию убийства Кирова.

...Да, но вернемся к «Спискам...» – еще одному из бесчисленных примеров политического и человеческого лицемерия. В названиях этих документов упоминался якобы *предстоящий* суд Военной коллегии Верховного Суда СССР над внесенными в них людьми. Но при этом ни о каком подобном процессе речи просто быть не могло, так как НКВД *заранее* определял меру «наказания» арестованных, Сталин утверждал списки, после чего любым организациям не оставалось ничего иного, как проштамповать принятое диктатором решение и немедленно его исполнить. При этом само оно тоже было практически автоматическим, поскольку никаких обвинений и поясняющих характеристик обреченных, за малым исключением, там не содержалось. Как говорится, для ясности приведу выдержки из одного такого списка – не самого большого, надо сказать «всего» на 139 человек, и целиком другой, совсем уж короткий, «только» на 15 человек (орфография подлинников, сопроводительные записки – от руки).

С-секретно

Тов. Сталину

Посылаю список арестованных подлежащих суду Военной коллегии по первой категории.

Ежов

26/VII– 38 г.

МОСКВА – ЦЕНТР

СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

« » июля 1938 г.

СПРАВКА

	1-я категория	2-я категория	ВСЕГО
Москва-центр.....	139		139
		<u>1-я категория</u>	

2. АЛКСНИС Яков Иванович

14. БЕРЗИН Эдуард Петрович

15. БЕРЗИН Ян Карлович

...

20. БУБНОВ Андрей Сергеевич

...

26. ВАРЕЙКИС Иосиф Михайлович

...

44. ДЫБЕНКО Павел Ефимович

...

46. ЕГОРОВ Александр Михайлович (перед № Сталин поставил знак
X и жирно вычеркнул всю строку. – Л. В.).

...

51. КАДАЦКИЙ-РУДНЕВ Иван Никитич

...

54. КНОРИН Вильгельм Георгиевич

...

60. КОВТЮХ Епифан Иович

...

63. КРЫЛЕНКО Николай Васильевич

64. КУЙБЫШЕВ Николай Владимирович

65. КУТЯКОВ Иван Семенович

...

77. МАНЦЕВ Василий Николаевич

...

80. МЕЖЛАУК Валерий Иванович

...

104. РУДЗУТАК Ян Эрнестович

...

118. СТЕЦКИЙ Алексей Иванович

- ...
125. УНШЛИХТ Иосиф Станиславович
126. УРИЦКИЙ Семен Петрович
...
135. ЧУБАРЬ Трофим Яковлевич
...
139. ЯКОВЛЕВ Яков Аркадьевич

НАЧАЛЬНИК 1-го СПЕЦИАЛЬНОГО ОТДЕЛА НКВД
СССР СТАРШИЙ МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

(ШАПИРО)

Остальные из опущенных в этом списке-примере имена, как и воспроизведенные здесь, тоже принадлежали старым членам ВКП(б), активным участникам Октябрьской революции, героям Гражданской войны, известным в стране партийным и государственным деятелям. Вверху в левом углу расписались двое: «*За расстрел* (почему-то автор резолюции использовал одну латинскую букву. – Л. В.) *всех 139* (потом, вычеркнув № 46, – редкий случай! – переделал цифру 9 на 8. – Л. В.) *человек. И. Ст.*». Вслед за ним – «*В. Молотов*».

С.секретно

Тов. Сталину

Посылаю на утверждение четыре списка лиц подлежащих суду Военной коллегии.

- 1) Список № 1 (общий)
- 2) Список № 2 (быв. военные работники)
- 3) Список № 3 (быв. работники НКВД)
- 4) Список № 4 (жены врагов народа)

Прошу санкции осудить всех по первой категории.

20/VIII– 38 г.

Ежов

Умерить аппетиты свои и любимого наркома рука ни у Сталина, ни у Молотова не поднялась. А о том, каковы эти аппетиты были, можно судить по такому факту: лишь за один день 12 сентября 1938 г. они утвердили списки на 6010 (!) человек, из которых 4823 «представлялись» к расстрелу, а остальные 1187 – к тюремному заключению. Что уж тогда говорить о таком пустяке, как упомянутые только что четыре списка, в которых значилось всего-навсего 670 жизней? К тому же практически всех этих людей, в отличие от большинства включенных в «периферийные» списки, Сталин знал лично, и поэтому отправить их на смерть было

для него, очевидно, двойным удовольствием. Во всяком случае из 313 человек по первому списку расстреляны все 313, из 208 по второму – все 208, из 134 по третьему – все 134 и уж конечно из 15 по четвертому – все 15. Вот они, эти последние, особо опасные, надо полагать, преступники:

СПИСОК № 4

ЖЕН ВРАГОВ НАРОДА, ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР

от «20» августа 1938 года

1. АГРАНОВА
2. АРТУЗОВА
3. ГАЙ
4. ДЫБЕНКО-СЕДЯКИНА
5. ЕГОРОВА
6. ЗАКОВСКАЯ
7. КОРОЛЕВА
8. КОСИОР
9. ОРЛОВА
10. ПОСТОЛОВСКАЯ (Постышева. – Л. В.)
11. ПРАМНЭК
12. ТАИРОВА-ВАСИЛЬЕВА
13. ХАВИНА (СКРЫПНИК)
14. ЧУБАРЬ
15. ЭЙХЕ-РУБЦОВА

Оба главных кремлевских палача – Сталин и Молотов – без колебаний отправили на смерть женщин (а в этом списке – лишь малая часть подобных им жертв), виновных лишь в том, что оказались замужем за теми, кто стал неугоден диктатору. Более того, против последнего пункта в записке Ежова Сталин поставил свою «классическую» жирную птичку любимым цветным карандашом: ведь жены расстрелянных, по его логике и терминологии, – это готовые террористки, и тех из них, которых раньше отправили в тюрьмы и лагеря, в 1938 г. пришлось оттуда изъять, свезти в Москву и объявить им, что они создали «антисоветскую террористическую группу, состоявшую из жен репрессированных врагов народа. Террористическая группа... ставила задачи совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства». (Правда, для разнообразия, что ли, половину из них в приговорах обозначили просто шпионками.) Естественно, такую смертельную угрозу для партии и страны нужно было устранить самыми решительными методами, среди которых наиболее эффективными и излюб-

ленными в политической практике Сталина всегда оставались новые и новые расстрелы. Они и продолжались – в соответствии с его «учением»: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы». Так и эта конкретная «проблема» уже через несколько дней после того, как оба убийцы, наверняка лично знавшие этих женщин, подписали список, была раз и навсегда снята.

Истины ради упомяну, что в нескольких случаях Сталин или Молотов ставили около фамилий людей, назначенных на расстрел, смягчающие пометы: 25, 20, 15 и «даже» 10 и 8 лет. Но это были капли в море, тем более что «зато» около других, первоначально намеченных к тюремному заключению, появлялись зловещие буквы «Р» – расстрел или «ВМН» – высшая мера наказания.

Среди самых ярких подписантов был Каганович. По его требованию общие списки сопровождалась специально выделенными по железно-дорожному ведомству, которым тот руководил: «Оренбургская железная дорога», «Сталинградская железная дорога» и т. д. Ни одна не была обойдена его отеческим вниманием, арестовывали стрелочников, машинистов, кассиров, начальников служб и дорог, работников центрального аппарата, вплоть до всех заместителей наркома. Не гнушался он и тем, чтобы лично составить список подлежащих, по его мнению, аресту и уничтожению своих подчиненных, – о таком случае рассказал А. И. Микоян в своих воспоминаниях «Так было». Словом, с размахом работал и на этой ниве Лазарь Моисеевич, с душой, без которой, скажем, на списке, где только на трех дорогах предназначались смерти 144 человека, не напишешь с восторгом: «приветствую!». Вместе с ним ноздря в ноздрю идут Ворошилов и Жданов.

Увы, не избежал этой участи и А. И. Микоян. Его достоверная подпись стоит на восьми списках. Кроме того, им подписано решение, как он сам говорит в тех же своих воспоминаниях, об аресте (или об уничтожении?) 300 человек в Армении. Ведь в записке Комиссии Политбюро по реабилитации жертв политических репрессий сказано иначе: «Осенью 1937 года Микоян выезжал в Армению для проведения чистки партийных и государственных органов этой республики от «врагов народа». В результате этой кампании погибли сотни и тысячи кадров партийных, советских работников. Микояна в этой поездке сопровождал Маленков и группа работников НКВД. Результатом непосредственной деятельности Микояна и Маленкова был арест 1356 коммунистов. С его санкции были арестованы сотни работников системы Наркомпищепрома, Наркомвнешторга СССР». Сын Анастаса Ивановича в предисловии к его книге воспоминаний приводит слова отца: «Все мы *тогда* (курсив мой. – Л. В.) были мерзавцами». Честнее не скажешь, и это вызывает определенное уважение к автору таких слов, тем более что у его коллег аналогичной самооценки мне встретить не удалось. Но и при этом остается вопрос: можно ли, осознав себя мерзавцем, всю оставшуюся жизнь считать себя порядочным человеком?

Микоян не только давал санкции на арест, но и сам выступал инициатором арестов. Так, в письме на имя Ежова от 15 июля 1937 г. он предлагал осуществить репрессии в отношении ряда работников Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Наркомпищепрома СССР. Аналогичные представления делались Микояном и в отношении работников ряда организаций Внешторга СССР. «Микоян возглавлял комиссию по обвинению в контрреволюционной деятельности видных членов партии». И этим его участие в организованной Сталиным всесоюзной бойне не ограничилось, о чем рассказано в ряде современных изданий. В одной из следующих глав этой книги будут приведены малоизвестные факты о своеобразной миссии, которую не раз возлагал на него «вождь». Да и позднее, в 1962 г. Микоян вместе с Козловым и с санкции Хрущева принимал участие в расстрельных событиях в Новочеркасске. Не писал бы об этом подробно, если бы не забывчивость автора мемуаров или вписанное в них кем-то вранье, и делаю это с глубоким, искренним сожалением, потому что всегда относился – так с детства повелось – к Анастасу Ивановичу и тепло, и уважительно, но, как говорится, истина дороже.

Именно этот принцип заставляет меня упомянуть и о том, что на документе о расстреле 25 тысяч поляков в Катыни и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии четвертая подпись принадлежит А. И. Микояну. «Прочими» же являются подпись Сталина, поставившего ее вслед за своим убийственным «За», а затем – Ворошилова и Молотова. Рукой, по-видимому, Поскребышева написано также: «Калинин – за» и «Каганович – за».

Придется сказать здесь попутно и о роли Берии в организации массового убийства поляков. Это тем более необходимо, что в последнее время в печати и на телевидении набирает силу поток грязных и лживых публикаций, нацеленных на реабилитацию этого подонка. Например, в явно заказной, сплошь фальшивой и исторически малограмотной книге Н. Рубина «Лаврентий Берия. Миф и реальность», в заявлении С. Гегечкори в телевизионной программе «Большие родители» утверждается, что его отец выступил против решения Сталина расстрелять поляков. В связи с этим, ни в малейшей мере не вмешиваясь в до сих пор не затихающую полемику вокруг Катынской трагедии, привожу выдержки из *рассекреченного*, т. е. доступного при желании документа:

«сов. секретно
от 5 III-40 г.

Ц К В К П (6)
товарищу С Т А Л И Н У

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских

к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю. <...>

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД (! – Л. В.) СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков (то есть, *добровольно* оказавшихся в СССР. – Л. В.)

– рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения <...>

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР

(Л. БЕРИЯ)».

В тот же день, 5 марта 1940 г., это предложение Берии было поддержано Сталиным (не мстил ли тем самым он полякам за поражение Красной Армии под Варшавой в 1920 г., произошедшее в огромной мере по его вине?) и прочими упомянутыми деятелями и оформлено как решение Политбюро. А теперь скажите, можно после ознакомления с *таким* документом вообще верить хоть слову тех, кто пытается из всемирно известного сталинского лизоблюда и палача сделать прогрессиста и гуманиста?

Что же касается участия других первых лиц в массовой резне, организованной по всей стране, добавлю к уже существующей обширной информации лишь деталь, касающуюся Н. С. Хрущева: придя к верховной власти, он основательно «почистил» архивы от документов с компрометирующими его свидетельствами, хотя *вместе* со Сталиным *таких* списков он, полагаю, не подписывал уже по одному тому, что в 1937–1938 гг. еще не был членом Политбюро. Тем не менее, как стало известно из публикаций последних лет, в предвоенные годы, когда он руководил Москвой, а затем Украиной, там было арестовано соответственно около 56 и 168 тысяч человек.

Наверное, в будущем историки, получив, наконец, свободный доступ к документам, подробнее и точнее расскажут о роли каждого соратника нашего сатрапа в его кровавом пиршестве.

Сталин очень тщательно исполнял принятые на себя обязанности главного режиссера-постановщика кровавых спектаклей. Об этом говорят не только оставленные им подчеркивания и прочие знаки, но и словесные указания, дополняющие его неизменные «За»: «Отложить», «Подождать пока» (о А. С. Енукидзе), «Задержать», снова «Подождать» (о А. С. Бубнове и др.), «Рано» и т. д. Это и понятно: ведь только он знал, какие публичные процессы последуют за уже состоявшимися, кого и на какую роль, как говорят в театре, «введет» он в очередную свою постановку. Пометками и прямыми указаниями он не отменял заранее вынесенный приговор своим жертвам, а лишь откладывал его ненадолго: хороший хозяин и из «человеческого материала» выжмет максимальную пользу, особенно если он располагает ничем не ограниченными средствами и инструментами для его «обработки», и только после этого отправит ненужные остатки в костер или на свалку.

И еще об одной преподлейшей черте кремлевского изувера: по ряду свидетельств, он, скажем, вечером перед арестом успокаивал кого-либо из своих соратников, намеченных в жертву, уверяя его в своем благорасположении к нему, а ночью следовал арест. И за этим стояло не только удовлетворение садиста – здесь был и весьма тонкий психологический расчет: у арестованного оставалась иллюзия или хотя бы тень надежды на то, что «товарищ Сталин» просто не в курсе дела, что как только он узнает о случившемся, то непременно разберется, избавит от несправедливых обвинений, вырвет из лап пыточных дел мастеров и т. д. С таким заключенным легче «работать»: ведь тот, пытаясь сохранить свое лицо партийца, гражданина, человека, лояльного власти и преданного Сталину, в той или иной мере шел на сотрудничество со «следствием», нередко не понимая, поначалу по крайней мере, что каждый такой совместный шаг лишь вызывал новые, все более тяжкие обвинения и облегчал «законное» оформление его уже предопределенной гибели.

Сталинские расстрельные списки таят в себе много деталей и загадок, интересных для истории и ее исследователей. Например, не могу объяснить, каким образом человек, вычеркнутый Сталиным или даже не вычеркнутый из одного списка, т. е. уже расстрелянный вроде бы, через несколько месяцев иногда оказывался в другом. Так, в частности, случилось с известным в 20–30-е гг. философом Я. Э. Стэнном. Кое-что о его судьбе попутно расскажу благодаря дружбе с Е. П. Фроловым, членом партии с 1919 г., с которым мы работали в 60-е гг. в экономическом отделе редакции журнала «Коммунист».

Евгений Петрович еще по ИКП – знаменитому Институту красной профессуры – был знаком с Яном Эрнестовичем и говорил о нем как об очень талантливом человеке. Наверное, поэтому он был приглашен к Сталину, чтобы преподать ему, точно уже не помню, то ли основы, то ли более высокие премудрости философии (по одному из литературных

источников – учение Гегеля). Усвоение сложного материала слушателем шло не без трудностей, и Стэн имел неосторожность характеризовать теоретические возможности своего ученика не самым лучшим образом, что стало тому известно и, по его логике, обрекало лектора на исчезновение. Впрочем, если бы он и воскурял своему слушателю фимиам, судьба его была бы столь же трагична: ведь у «корифея всех наук», у «классика» марксизма-ленинизма учителями могли быть только его основоположники, как минимум вровень с которыми он себя полагал.

Старшее поколение помнит, что Сталин даже убрал профиль Энгельса со знаменитого барельефа, где тот находился между изображениями Маркса и Ленина, чтобы войти в земную «троицу», а не быть лишь четвертым.

Что же тогда говорить о Стэне? Как уже сказано, у «верного ученика Ленина» не могло и не должно было быть еще и учителя Стэна – его и не стало. Он был внесен в первый же расстрельный список, от 27 февраля 1937 г., и то ли для верности, то ли из-за бюрократической оплошности «продублирован» в июньском. Прошло три десятка лет, началась массовая реабилитация, из тюрем и лагерей стали возвращаться те, кому удалось там выжить, и к Е. П. Фролову пришла вдова Я. Э. Стэна с его, по видимому, последней научной работой в одной руке и томом первого издания Большой Советской Энциклопедии – в другой. Работа представляла собой типографский набор огромной статьи по истории философии и была подписана именем автора – Я. Э. Стэна. Вышедший же в свет том хотя и содержал эту статью, по словам Евгения Петровича, без единой поправки, но с другой подписью – М. Б. Митина. Сейчас та Энциклопедия уже мало где сохранилась, но мои друзья обнаружили в помеченном 1935 г. 22-м томе нечто похожее на то, что некогда я держал в руках. Это – 200 страниц статьи «Диалектический материализм» с вкраплением раздела «Ленинский этап в развитии диалектического материализма», подписанного Митиным, и указанием на то, что весь материал вышел под его редакцией. В книге А. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана» упомянуто, что это была статья «Философия». В. В. Суходеев же, работавший в 60-е гг. в ЦК КПСС и знавший эту историю, утверждает, что речь шла о *нескольких* статьях Стэна для *Малой* Советской Энциклопедии, что Митин лишь дополнил их в конце фразами о разгроме меньшевистствующего идеализма (термин придуман Сталиным) и что после XX съезда партии коммунисты Института философии исключили академика из КПСС, но райком не утвердил их решение. Как бы то ни было в действительности, обиде вдовы Стэна и возмущению Фролова не было предела. Увы, к этому времени Митин, не защитив никакой диссертации, уже давно являлся академиком, членом ЦК КПСС и прочее, и попытки Евгения Петровича что-то сделать для восстановления справедливости успеха не имели.

Между тем сам Марк Борисович, которого в философской среде с большим основанием называли Мрак Борисович, заслуживает короткого рассказа о нем. Он входил в круг тех молодых философов и истори-

ков, которые выполняли прямые поручения Сталина по идейному разгрому «враждебных» течений в общественных науках, преуспели в этом деле, были всячески обласканы «корифеем»: по его же словам, получили «от партии» высокие академические звания» (курсив мой. – Л. В.), а ряду из них, включая Митина, как рассказывал весьма осведомленный Евгений Петрович, были «высочайше присвоены» новые фамилии. И многие из них выросли не столько в научном, сколько в административно-партийном отношении. Тем не менее «славное» боевое прошлое, прошедшее в борьбе за торжество сталинской идеологии, во многом извратившей марксизм-ленинизм, за политическое уничтожение инакомыслящих, для некоторых из них переросшее и в физическое, оставалось для того же Митина безупречным даже через четверть века после XX съезда партии. Во всяком случае однажды, как и другие члены Ученого совета Академии МВД СССР, он и я оказались рядом около праздничного стола, накрытого по случаю очередного выпуска ее слушателей. Кто-то упомянул по ходу разговора о событиях 30-х гг., и Митин, в то время уже старый человек, оживившись, по-молодому опрокинул в себя полный фужер (!) водки и воскликнул с неподдельным воодушевлением и едва ли не с садистским наслаждением: «Да, я в то время проверял Военно-воздушную академию имени Жуковского, ну и погромил же я ее тогда!» Правильное слово он подобрал: это действительно был один из бесчисленных эпизодов всесоюзного погрома.

Завершу сюжет, связанный с Я. Э. Стэнном, не высказываясь ни «за», ни «против», поскольку не имею дополнительной информации, маленьким абзацем из книги Ю. Борева «Сталиниада». Здесь несколько по-иному рассказано о судьбе работы погибшего философа: «После ареста Стэна Сталин без указания автора включил конфискованную у него при обыске статью о диалектике в «Краткий курс» истории партии в качестве четвертой главы, обработав и огрубив первоначальный текст. Позже Сталин присвоил себе авторство этой исковерканной стэновской работы».

Так о списках все же. Последнее и, может быть, самое важное для понимания их преступного происхождения коренится в невиданном в мирное время кровопускании, которое устроил Сталин в стране: он установил для каждой республики и области, как будто речь шла, скажем, о поставках угля или мяса, – кстати, арестованных и перевозили в автофургонах с маскирующими надписями «Мясо», «Хлеб», «Продукты» и т. п. – *лимиты* (точнее сказать было бы – разнарядку, разверстку) на аресты и расстрелы! Оценка деятельности руководителей партийных и советских органов на местах прямо зависела от того, насколько быстро и полно эти лимиты использовались (опять же точнее – исполнялись). А раз так, то эти руководители, выполняя «волю партии», что на деле означало волю Сталина, а главное, безуспешно в подавляющем большинстве случаев пытаясь спасти свою жизнь, вскоре стали обращаться «в ЦК», т. е. опять же к Сталину, с просьбами увеличить спущенные им лимиты, поскольку круг разоблачаемых «врагов

народа» с каждым арестом, с каждым очередным обвинением новой жертвы в принадлежности к какой-нибудь – это определялось фантазией следователей – центральной или местной антипартийной, террористической, шпионской и т. п. группе стремительно расширялся. Естественно, что запросы тотчас удовлетворялись, в горловину сталинской мясорубки с возрастающей скоростью сбрасывались новые и новые порции человеческого «сырья», и такой ход событий укреплял нашего повара в необходимости продолжать готовить свои блюда из плоти, крови и самой жизни советских людей.

Вот бы издать, наконец, эти списки с комментарием к ним и с факсимильным воспроизведением подписей и надписей – поучительнейшее чтение было бы! И письменный памятник безвинным жертвам создали бы, и исторический кругозор многим раздвинули бы, и мозги кое-кому из современных и будущих политиков прочистили бы, и предостережение потомкам оставили бы. Надеюсь, что когда-нибудь руки у государства дойдут до этой задачи. И тогда, наверное, обществу станет понятнее, почему и как в XX в. могла возродиться практика Древнего Рима, где составлялись проскрипции – списки объявленных вне закона, бывшие орудием массового политического террора. Конечно, «гений» Сталина и здесь невероятно расширил и обогатил практику двухтысячелетней давности: такого размаха, изуверства и беспредельного цинизма в уничтожении правителем своего же народа история еще не знала. Да и по содержанию задачу перед собой «корифей» ставил куда более сложную, чем, скажем, римский император Калигула. Тот говорил: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись», а наш доморощенный вурдалак хотел намного большего: пусть боятся, но и... любят, восхищаются, преклоняются, боготворят. И как ни парадоксально, он добился не только первого благодаря массовым арестам и казням, но и второго – благодаря искусной массовой же пропаганде, построенной на формировании в сознании людей его полностью лживого образа как якобы единственного светоча, без которого погибнут и социализм, и страна, и принесенные революцией надежда и вера в возможность осуществления, наконец-то, вековой мечты народа о жизни в обществе социальной справедливости.

Для Сталина, с его макиавеллистским сознанием, не существовало не только никаких моральных, но и правовых границ. Их стерло фактическое *абсолютное* беззаконие, для истории заботливо прикрывавшееся сверху нормами Конституции, а «снизу» очень неумелым бумажным «оформлением»: протоколами допросов, «признаниями» пытаемых (с этой целью была даже возрождена средневековая «теория» о признании как царице доказательств!), приговорами «судов». На практике в стране полностью исчезли такие правовые нормы, как презумпция невиновности, защита обвиняемого, срок давности, и прочие принятые во всем мире, в том числе формально и в СССР, фундаментальные юридические установления. В том, что Сталин напрочь отметал их, решая свои уголовно-террористические задачи, можно лишний раз убедиться из

вышедших в свет уже шести томов «Книги памяти» его жертв, уничтоженных за 14 месяцев 1937–1938 гг. на расположенном в окрестностях тогдашней Москвы спецобъекте «Бутовский полигон» (см. также книгу «Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово», изданную в 2000 г.). Только за несколько месяцев и только в одном этом месте, в Бутово, по далеко не полным данным, в полукилометровые рвы было сброшено около 21 тысячи расстрелянных здесь людей. «Работа» была нелегкая: например, 28 февраля 1938 г. так называемым исполнителям довелось уничтожить 562 человека. Всего в Москве обнаружено 12 мест массовых захоронений. Под Ленинградом тоже на спецобъекте – Левашовской пустоши – в земле находится 40,5 тысячи расстрелянных по политическим обвинениям, причем на 1937–1938 гг. приходится 39,5 тысячи человек. Сейчас обнаружено свыше ста подобных могильников – мест массовых захоронений «репрессированных». А сколько еще таких затерянных «объектов» разбросано по всей шестой части суши планеты Земля, не знает до сих пор никто. Заместитель председателя Комитета партийного контроля О. Г. Шатуновская, основываясь на данных КГБ, утверждала, что лишь в 1934–1941 гг. было расстреляно около миллиона человек и свыше 18,5 миллиона находились в тюрьмах, лагерях, в ссылке, подверглись депортации.

Немало людей до сих пор думают, что уничтожали только руководителей, особенно из числа старых большевиков. И правда, «ленинскую гвардию» – членов ВКП(б) с дореволюционным стажем – Сталин держал на особом прицеле и не упускал случая спустить курок. На каждого из них, живших в Москве, например, тогдашний первый секретарь обкома и горкома партии Н. С. Хрущев подписал справки на арест. Уничтожались практически все, кто знал или мог знать действительное лицо Сталина, его дореволюционные деяния, роль в совершении Октябрьской революции, последовавшие затем ошибки и т. д. Ведь предстояло в очередной и, казалось, последний раз переписать в пресловутом «Кратком курсе» все прошлое партии и государства, чтобы, низвергнув прочих, вознестись на века над ними как якобы ближайшему соратнику и единственно законному наследнику Ленина, безальтернативному продолжателю его дела и толкователю его учения.

Вырублены, однако, были не только старые революционеры, но и многие из пришедших в партию после Октября, более молодая поросль коммунистов, как, впрочем, и беспартийных, ставших руководителями разного ранга. Их Сталин тоже «выкорчевывал» в первую очередь. И в этом смысле к ВКП(б) с полным правом можно отнести характеристику, данную позже Французской компартии, значительная часть которой, как главной силы антифашистского Сопротивления, была уничтожена Гитлером – «партия расстрелянных». (К слову, именно так и назвал свою книгу, которую я рекомендую заинтересованным в исторической правде читателям, В. З. Роговин.) Ведь как бы ни были огромны цифры убитых и отправленных в тюрьмы, лагеря и ссылки во время так называемой

«великой чистки» 1936–1938 гг., ясно, что они все же не достигли половины населения страны. А вот партия потеряла не менее половины своего состава, и это означало, что из партии Ленина она по духу своему превратилась в партию Сталина – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отмечу здесь только одно, но, может быть, решающее: из ее реальной практики напрочь исчез принцип «*демократического централизма*», фактически вытесненный жестким *централизмом*. Осуществилась мечта Сталина – партия превратилась в орден меченосцев. Выбрав для сравнения с ВКП(б) этот немецкий католический орден 13 в., нападавший и на русские земли, наш любитель истории забыл, что уже через 35 лет тот был разбит наголову и прекратил свое существование. Забыл – а зря... Соблазнило его, конечно, не только название, но прежде всего жестко централизованная структура этой организации. По этому принципу он и преобразовал партию – с единовластным Генсеком, его генералами и прочими начальствующими лицами и рядовыми членами, безусловно подчиняющимися всем, кто «выше» них. Именно такое равно обязательное, хотя официально и недекларируемое правило поведения любого члена партии, за исключением ее главы, стало нормой существования бывшего добровольного союза единомышленников.

В свете сказанного полной нелепостью выглядит требование новоявленных «демократов» о покаянии нынешних членов партии за роль ее предшественницы – партии, которую расстрелял ее вождь, партии, которая была лишь механизмом исполнения его воли и ничем иным в значительной мере уже до, а тем более после «великой чистки» быть и не могла. Это все равно что понуждать жертву приносить извинения за поступки своего палача. И уж если предъявлять «исторические претензии», то только и только тому, кто сумел превратить ее в один из инструментов осуществления своих преступных замыслов.

Однако вернемся в роковые 30-е. Так вот, Сталин действительно с особым удовлетворением вычеркивал из жизни тех, кого он знал лично, кто был ярок, талантлив, явно образованнее и умнее (но, увы, не хитрее) его, чьей популярности и заслуженному авторитету завидовал, кого боялся как потенциального соперника на политической арене, наконец, тех, кто входил в намеченные им к уничтожению категории партийной, государственной, военной, хозяйственной и прочей «номенклатуры» и «гнилой интеллигенции». Но это вовсе не означало, что он относился к другим группам населения с меньшей «отеческой заботой и вниманием».

Посмотрим же, как было на деле, *кого и якобы за что* уничтожали в порядке так называемых «массовых операций», кем являлись расстрелянные, например, в том же Бутово? Коммунистами и беспартийными; служащими, рабочими, крестьянами; учеными и неграмотными; подростками и глубокими стариками; полными сил людьми и инвалидами; так называемыми «церковниками» и атеистами; советскими и иностранными гражданами; бывшими кулаками (уже отбывшими ссылку!) и эсерами; харбинцами (работавшими на Китайско-Восточной железной доро-

ге до того, как СССР продал ее Китаю) и «толстовцами»; просто поляками, латышами и т. д. и т. п.

В чем их формально обвиняли, чтобы подвести под расстрел? В шпионаже в пользу той страны, где они родились или выходцами из которой являлись, в террористических намерениях, в принадлежности к созданной убогим воображением следователей и их руководителей какой-либо из бесчисленных «контрреволюционных фашистских террористических организаций» с часто добавлявшимся «национальным», «националистическим» или мировоззренческим колоритом: «эстонской», «религиозной», «анархической» и т. п. Читаешь справки на расстрелянных и диву даешься: сколько же, если поверить на секунду в правдивость обвинений, оказывается, в стране было фашистских (! – Л. В.) организаций, сколько *заподозренных* в «недовольстве (! – Л. В.) политикой партии и правительства», в «готовности (! – Л. В.) к совершению террористических актов против вождя ВКП(б)»! Создается впечатление, что народ состоял из... «врагов народа», которые только и ждали прихода гитлеровских «освободителей», а пока шпионили в пользу всех разведок мира, готовили теракты, а в свободное от этих занятий время пользовались любым случаем, чтобы «злобно клеветать» на политику партии и ее «вождя».

Насладитесь же, насладитесь так вдохновляющим вас ароматом сталинщины, вы, современные вольные или невольные ее апологеты, и вы, политические слепцы, цепляющиеся за имя своего идола ради нескольких процентов голосов избирателей и не умеющие просчитать, сколько их из-за этого от вас отворачиваются, – для вас привожу, с сохранением орфографии и стиля оригиналов, выдержки из справок о тех ныне *реабилитированных*, кому была «назначена» (вот именно: заранее *назначена!*) высшая мера наказания – *расстрел*. Люди, в большинстве своем малограмотные или со средним образованием и намного меньше – с высшим, получали пулю в затылок по *формальному* обвинению в (курсив мой. – Л. В.)

- «*недоносительстве*» (мастер комбината),
- «том, что *неодобрительно* высказывался о правительстве (преподаватель оздоровительной школы)»,
- «*высказывании враждебных мыслей* о проводимой в стране политике» (рабочий завода),
- «*готовности к борьбе* против советской власти» (землекоп),
- «*ненависти к советской власти*» (официант чайной),
- «террористических *настроениях* по отношению к вождю партии» (возчик-кустарь),
- «*намерении* проводить шпионскую работу в пользу Польши» (рабочий завода),
- «*посещении* Румынского посольства в Москве с целью выезда в Румынию» (пенсионер),
- «*высказывании мнения* о нецелесообразности создания кооперативной системы грабарей и *неодобрении* расстрела Тухачевского» (грабарь завода),

- «высказывании сожалений по адресу врагов народа Тухачевского и прочих» (заместитель начальника планового отдела автобазы),
- «том, что, будучи враждебно настроен против советской власти, высказывал сочувствие врагам народа» (главный конструктор завода),
- «контрреволюционной агитации, в выступлениях в защиту врагов народа» (кладовщик на заводе),
- «том, что на митинге высказывал антисоветские настроения» (кровельщик поселка) (все формулировки в скобках – тоже из документов. – Л. В.),
- «контрреволюционных пораженческих высказываниях» (кочегар НИИ),
- «контрреволюционной агитации среди соседей» (домоуправ домов),
- «контрреволюционной агитации среди жильцов дома и террористических намерениях против Сталина» (грузчик),
- «контрреволюционных настроениях и подозрении в шпионаже» (пенсионерка),
- «подозрении в шпионаже» (колхозник),
- «контрреволюционной агитации и подозрительном на шпионаж образе жизни (агент по снабжению столовой),
- «подрывной деятельности, направленной на срыв озеленения Ленинской ж. д.» (агроном по озеленению при службе пути железной дороги),
- «клевете на советскую власть» (возчик пряжи фабрики),
- «гнусной контрреволюционной клевете против политики партии и советской власти» (рабочий фабрики),
- «распространении гнусной контрреволюционной клеветы против советской власти» (сторож артели),
- «клеветнических высказываниях о советской власти и коммунистах» (токарь завода),
- «распространении среди знакомых контрреволюционных измышлений о положении в СССР» (начальник корпуса завода),
- «клевете о жизни рабочих в СССР» (пенсионер),
- «антисоветской агитации и клевете о якобы «тяжелом материальном положении крестьянства» (дворник фабрики),
- «антиколхозной агитации» (крестьянин-единоличник),
- «агитации против стахановского движения» (мастер завода),
- «пораженческих настроениях и выступлениях против сталинской конституции» (священник),
- «тесной связи с осужденными троцкистами» (наборщик),
- «клевете на СССР, восхвалении врага народа Троцкого» (старший контролер трамвайного депо),
- «том, что выступил с заявлением о массовых арестах лиц польской национальности» (научный сотрудник института),
- «том, что в прошлом был на стороне белополяков и на протяжении ряда лет был убежденным троцкистом» (мастер завода),

- «том, что поддерживал связь с врагами народа из польской эмиграции» (токарь комбината),
- «тесной связи с врагами народа, посещении польского консульства» (инженер завода),
- «принадлежности к польской националистической организации при Управлении милиции г. Москвы» (заместитель начальника отделения милиции),
- «принадлежности к контрреволюционной латышской организации, существовавшей при Московской милиции» (старший милиционер),
- «принадлежности к контрреволюционной организации латышских стрелков» (мастер инвалидной обувной артели),
- «проявлении террористических настроений против советской власти» (плотник стройкомбината),
- «контрреволюционной деятельности, направленной на свержение существующего строя» (рабочий завода),
- «шпионаже и связях с родственниками, проживавшими за границей» (конструктор завода),
- «распространении гнусной контрреволюционной клеветы против советской власти» (сторож артели),
- «том, что была связана с белоэмигрантами, часто встречалась с харбинцами» (инструктор пассажирской службы управления железной дороги),
- «принадлежности к организации меньшевиков» (мастер фабрики),
- «принадлежности к контрреволюционной эсеровско-меньшевистской организации в Московской городской коллегии защитников» (юрист),
- «враждебном *настроении* к советской власти, как бывш. офицеру белой армии» (экономист треста),
- «контрреволюционной агитации и службе в Белой армии» (старший экономист-бухгалтер),
- «том, что являлся бывшим генералом царской армии, вел контрреволюционную агитацию» (кассир букинистического магазина),
- «принадлежности к контрреволюционной фашистско-террористической организации, существующей среди альпинистов и туристов» (заведующий отделом туристско-экскурсионного управления),
- «принадлежности к шпионско-террористической организации эс-традников» (униформист цирка),
- «принадлежности к боевой террористической группе московских художников» (художник),
- «принадлежности к контрреволюционной группировке в составе общества филателистов» (доцент института),
- «распространении клеветнических слухов» (комендант жилсоюза),
- «активной антисоветской деятельности и *подозрительном* образе жизни» (медицинская сестра),

- «принадлежности к контрреволюционной фашистской организации и националистических идей (так в тексте. – Л. В.) в литературе» (редактор журнала),
- «связи с антисоветскими элементами, осужденными за шпионаж, антисоветских высказываниях *при аресте*» (безработный инженер-железнодорожник),
- «контрреволюционных *разговорах*» (продавец сельпо),
- «контрреволюционной агитации, восхвалении жизни при царе» (заведующий бензоскладом),
- «антисоветской агитации и восхвалении жизни в царской России и Англии» (заведующий столовой Райпищеторга),
- «письменной связи с врагами народа, *подозрительном* образе жизни» (студентка),
- «связях с врагами народа» (без определенных занятий),
- «участии в фашистской организации и организации толстовцев» (пчеловод-огородник в детском санатории),
- «контрреволюционной (религиозной) агитации» (чернорабочий стройтреста),
- «принадлежности к группе сектантов-евангелистов» (столяр завода),
- «принадлежности к контрреволюционной группировке сектантов-старообрядцев» (реставратор-блокаменщик музея),
- «контрреволюционной деятельности и руководстве сектой трезвенников-антивоенников» (чернорабочий элеватора),
- «принадлежности к контрреволюционной фашистской шпионской организации «Гитлер-Югенд» (шофер),
- «клеветнических измышлениях о партии и правительстве» (колхозник),
- «распространении контрреволюционной клеветы о скорой войне» (пожарник),
- «распространении слухов о начале войны» (без определенных занятий),
- «антисоветской агитации против политики советской власти и ВКП(б), и том, что бывш. эсер» (счетовод коммунального хозяйства),
- «распространении злостной клеветы на вождя народов и вредительской деятельности» (начальник станции железной дороги),
- «контрреволюционной агитации, дискредитации вождя народов тов. Сталина» (заведующий деревообрабатывающим участком канала),
- «контрреволюционной деятельности (наколке на левой ноге (надо полагать, чуть выше. – Л. В.) портрета т. Сталина, из хулиганских побуждений)» (шестнадцатилетний заключенный),
- «гнусном издевательстве над помещенным в журнале «Крокодил» портрете тов. Ежова» (печатник),
- «антисоветской агитации и клевете измышлениях (так в тексте. – Л. В.) по адресу советских карательных органов» (бухгалтер),

– «том, что среди граждан вел антисоветскую агитацию в пьяном виде» (счетовод),

– «контрреволюционной агитации в уборной Даниловского рынка» (возчик).

Ослиные уши заданности в заранее намеченном убийстве той или иной категории людей в подавляющем большинстве случаев совершенно очевидны, если сопоставить эти формулировки хотя бы с теми немногими данными, которые содержатся в кратких справках о казненных. Подлинные причины состояли в том, что они были обречены на смерть из-за своей национальности или даже места рождения (например, в Прибалтике) или сословной принадлежности в дореволюционном прошлом, из-за религиозных убеждений, хотя церковь, как известно, отделена от государства, пребывания некогда в составе какой-либо партии, кроме РСДРП, что, впрочем, тоже было стимулом для ареста, и т. п. Для расстрела годился любой повод, даже если он противоречил элементарной логике. Впрочем, что это я? – ведь логика и следствие в сталинские времена, говоря языком Пушкина, «две вещи несовместные». Поэтому малограмотные крестьяне обвинялись в шпионаже, евреи – в восхвалении фашизма и «посещении гестапо в Берлине», члены ВКП(б) с дореволюционным стажем – в предательской деятельности...

Перечень подобных приведенным выше формулировок бесконечен, но думаю, и этих достаточно, чтобы хоть немного задумались о своих гражданских позициях старые и новые сталинисты по убеждению или неразумию. Подарить бы каждому из них по любому тому «Бутовского полигона», чтобы читали они на ночь по одной странице из этого переворачивающего душу «собрания сочинений». Нет такого завода или фабрики в Москве и Подмосковье, нет такой мало-мальски значимой организации в столице и области, прах невольных «представителей» которых не смешался бы с землей Бутовского полигона и совхоза «Коммунарка». Маньяк, восседавший на вершине власти, периодически жаждал новой и новой крови, и созданная им машина исправно перемалывала души и тела миллионов его жертв и их близких.

Исполнение прямых указаний Москвы об арестах и расстрелах подкреплялось инициативой и активностью местных органов – партийных, советских, НКВД. Их руководители надеялись, как уже сказано, что чем выше будет уровень их палаческой деятельности на подчиненной им территории, тем больше окажется у них самих шансов уцелеть в набравшей обороты вакханалии убийств. Не знали они, к горю своему, законов сталинской логики: слой за слоем уничтожать тех, кто исполнял его же распоряжения и поэтому слишком много знал, да еще сваливать на них ответственность за якобы искажение спущенных сверху директив. Они и только они должны в определенное им время предстать перед народом с руками по локоть в крови, а он, диктатор, отправив на смерть этих преступников, погубивших честных советских людей, всегда будет оставаться в белых, незапятнанных одеждах.

О том, как на практике организовывали и стимулировали в органах НКВД массовый террор, убедительнее всего поведал в своей книге «Путешествие на край ночи» Д. А. Быстролетов, оказавшийся в одной камере Лефортовской тюрьмы с бывшим наркомом внутренних дел Белоруссии А. И. Наседкиным. Тот, уже обреченный на смерть, рассказал ему о своем предшественнике Б. Бермане. Считая эту информацию важной для понимания происходившего в те годы, привожу ее с небольшими сокращениями.

«В Минске это был суший дьявол, вырвавшийся из преисподней... (Берман. – Л. В.) расстрелял в Минске за неполный год работы больше восьмидесяти тысяч человек... Он убил всех лучших коммунистов республики. Обезглавил советский аппарат. Истребил цвет национальной белорусской интеллигенции. Тщательно выискивал, находил, выдергивал и уничтожал всех мало-мальски выделявшихся умом или преданностью людей из трудового народа – стахановцев на заводах, председателей в колхозах, лучших бригадиров, писателей, ученых, художников... Восемьдесят тысяч невинных жертв... Гора залитых кровью трупов до небес...

...как смог (Берман. – Л. В.) организовать такую бойню?.. По субботам он устраивал производственные совещания. Вызывали на сцену по заготовленному списку шесть человек из числа следователей – три лучших и три худших. (Берман. – Л. В.) начинал так: «Вот лучший из лучших наших работников, Иванов Иван Николаевич. Встаньте, товарищ Иванов, пусть остальные вас хорошо видят. За неделю товарищ Иванов закончил сто дел, из них сорок – на высшую меру, а шестьдесят – на общий срок в тысячу лет. Поздравляю, товарищ Иванов. Спасибо! Сталин о вас знает и помнит. Вы представляетесь к награде орденом, а сейчас получите денежную премию в сумме пяти тысяч рублей! Вот деньги. Садитесь!».

Потом Семенову выдавали ту же сумму, но без представления к ордену за окончание семидесяти пяти дел: с расстрелом тридцати человек и валовым сроком для остальных в семьсот лет. И Николаеву – две тысячи пятьсот за двадцать расстрелянных и пятьсот лет общего срока. Зал дрожал от аплодисментов, счастливики гордо расходились по своим местам. Наступала тишина. Лица у всех бледнели, вытягивались. Руки начинали дрожать. Вдруг в мертвом безмолвии (Берман. – Л. В.) громко называл фамилию: «Михайлов Александр Степанович, подойдите сюда, к столу».

Общее движение. Все головы поворачиваются. Один человек неверными шагами пробирается вперед. Лицо перекошено от ужаса, невидящие глаза широко раскрыты. «Вот Михайлов Александр Степанович! Смотрите на него, товарищи! За неделю он закончил три дела. Ни одного расстрела, предлагаются сроки в... пять и семь лет».

Гробовая тишина.

(Берман. – Л. В.) медленно поворачивается к несчастному. Смотрит на него в упор. Минуту. Еще минуту. «Я...» – начинает следователь. «Вах-

та! Забрать его!» Следователя уводят. Он идет меж солдат покорно и тихо. Только в дверях оборачивается: «Я...» Но его хватают за руки и вытаскивают из зала.

Выяснено (! – Л. В.), – громко чеканит (Берман. – Л. В.), глядя в пространство поверх голов, – выяснено, что этот человек завербован нашими врагами, поставившими себе целью сорвать работу органов, сорвать выполнение *личных заданий товарища Сталина* (курсив мой. – Л. В.). Изменник будет расстрелян!

Потом Петров и Сидоров получают строгие предупреждения за плохую работу – у них за неделю по человеку пошли на расстрел, а человек по десять – в заключение на большие сроки. «Все... Пусть это станет для каждого предупреждением. Когда враг не сдастся, его уничтожают!»

Таким способом он прежде всего терроризировал свой аппарат, запугивал его насмерть. А потом все остальное удавалось выполнить легче. Иногда представляли затруднения только технические вопросы, то есть устроить все так, чтобы население поменьше знало о происходящем (!! – Л. В.).

Теперь я расскажу об одном обстоятельстве, которое меня мучило больше всего, – о ежедневном утреннем звонке из Москвы. Каждый день в одиннадцать утра по прямому проводу я должен был сообщать цифру арестованных на утро этого дня, цифру законченных дел, число расстрелянных и число осужденных как общей цифрой, так и по группам. Москва всегда любила и любит точность во всем.

И все это происходило после того, как в республику приехал Маленков и раздул дело о массовом предательстве в ней. Прочие члены Политбюро также выезжали на места, чтобы обеспечить разгром тамошнего партийного и советского руководства и организовать массовые аресты и уничтожение кадров».

А теперь на секунду представим себе, что Сталин был прав, «прозорливо» усматривая по всей стране в каждом трудовом коллективе – от наркомата до колхоза, от Политбюро, ЦК и обкома до первичной парторганизации – гнезда шпионов, фашистских наймитов, контрреволюционеров, вредителей и его личных врагов. И ими, судя по документам, стали не только выдающиеся ученые, организаторы производства, военачальники, писатели и т. д., но и дворники и пастухи, инженеры и рабочие, учителя и врачи – представители, как уже говорилось, всех групп населения. И если это так, то возникает законный вопрос: а не была ли в таком случае политика Сталина антинародной? Хотя, пожалуй, это вопрос риторический: ведь иначе и не назовешь то, что совершил кремлевский тиран в отношении своего же народа.

История сыграла с ним злую шутку и наверняка с еще большей силой повторит ее, когда новые поколения исследователей получат возможность вскрыть до конца сущность сталинщины и страна вновь содрогнется от невыносимой боли за нечеловеческие страдания безвин-

ных людей и навеки проклянет само имя Джугашвили-Сталина. Гигантские горы архивных документов с пометкой «ХВ» – «Хранить вечно» – имели не только сиюминутное и утилитарное назначение, они предназначались и для будущего оправдания и возвеличения самой Историей содеянного Сталиным. Но уже через несколько лет те же документы стали играть роль, прямо противоположную им предназначенной: они составили гигантский, в сотни миллионов, не меньше, листов – ведь на каждого заводилось «дело», иногда в нескольких томах – неопровержимый обвинительный акт против их автора.

Быть может, кто-то вслед за Молотовым скажет: «...террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим», чтобы «обеспечить надежное положение во время войны и после (! – Л. В.) войны, длительный период». «Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после (! – Л. В.) войны». Опять же на секунду посмотрим на ситуацию глазами Молотова и спросим себя: *что* надежное положение хотел обеспечить Сталин – страны или свое собственное? В чем он видел эту надежность – в превращении страны в казарму или, хуже того, в концлагерь? И наконец, сколько же таких «лишних» голов было, кроме действительных шпионов и вредителей?

Цифры в любом варианте впечатляющи, хотя и очень противоречивы, что, кстати, во многом зависит (наряду с другими факторами, включая явно субъективные) от различных методик счета. Воспроизведу фрагментарно, вдобавок к сообщенным О. Г. Шатуновской, некоторые из позднее опубликованных данных. Так, по М. С. Земскову, только в 1937–1938 гг. за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления (что реально стояло за этими определениями, мы уже видели из приведенных выше примеров) осуждены свыше 1,3 миллиона человек, из них расстреляны более 680 тысяч, а примерно 630 тысяч отправлены в тюрьмы и лагеря, откуда многие, конечно, так и не вернулись. В «кулацкой ссылке» оказались 1,8, по другим источникам – 3,4 миллиона жителей села. Из-за политики «ножниц цен», проведенной Сталиным по формально отвергнутому им рецепту Троцкого и Преображенского, приведшей к ограблению деревни во имя действительно необходимой индустриализации страны, в 1933 г. только на Украине умерли от голода свыше 630 тысяч человек. Более 2-х, по другим источникам – 3,3 миллиона выселены в составе целых народов. Некоторые авторы полагают, что лишь с 36-го по 38-й г. было арестовано от 5 до 9 миллионов граждан нашей страны. В книге «Историческая логика сталинизма» Б. П. Курашвили, ссылаясь на часть воспроизведенных здесь и иных сведений, пишет: «В целом, по достоверным документальным данным, сталинские репрессии коснулись, в частности, и своим смертельным дыханием, 10–12 миллионов человек, то есть 7–8 процентов тогдашнего населения». Р. А. Медведев думает, что жертвами сталинского террора стали примерно 40 миллионов советских людей. Перекликают-

ся с этой цифрой и данные А. В. Антонова-Овсеенко в его книгах «Портрет тирана» и «Берия»: их автор насчитывает в 1938 г. 16 миллионов заключенных, причем только с 1935 г. до начала войны «через Лубянку и ее филиалы прошли 19 840 тысяч человек». «Под секиру политических репрессий 1942–1953 годов попало не менее 10 миллионов. Общее число жертв незаконных репрессий за годы 1923–1953 составляет более 40 миллионов» – и это без учета других, «во многом напрасных потерь». Западные советологи, ведущие счет с более раннего времени, с 1917 г., говорят о 50–60 миллионах физически истребленных советских людей. А. И. Солженицын же утверждает, что за все это время погибло 110 миллионов (?), включая и военные потери, – при том, что в 1939 г. население страны составляло 170 миллионов. Множество других, главным образом официальных, данных и их серьезный критический анализ содержится в книге В. З. Роговина «Партия расстрелянных». Один из его выводов таков: «*Масштабы государственного террора в годы великой чистки не имеют аналога в человеческой истории*» (курсив мой. – Л. В.). Д. А. Волкогонов на основании изученных материалов считает, что будто только в 1937–1939 гг. «подверглись репрессиям порядка 4,5–5,5 миллиона человек. Из них погибли в результате смертных приговоров 800–900 тысяч человек. Кроме того, это известно точно, очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах позже, даже не будучи приговоренными к смерти». А. Н. Яковлев, в течение ряда лет возглавлявший Комиссию Политбюро, а затем с 1993 г. Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации, в книгах «Горькая чаша» и «Крестосев» утверждает, что «число убитых по политическим мотивам и умерших в тюрьмах и лагерях за все годы советской власти в целом по СССР достигает 20–25 миллионов человек. К жертвам режима, безусловно, относятся и погибшие от голода: более 5,5 миллиона (так в последнем из этих изданий. – Л. В.) – в Гражданскую войну и более 5 миллионов человек – в 30-е годы». А в предисловии ко второму изданию «Черной книги коммунизма», выпущенной при содействии «Союза правых сил», он, включая в общий счет и потери в годы Великой Отечественной войны (30 миллионов), называет общую численность погибших – более 60 миллионов человек. Все эти цифры и формулировки привожу для сведения и оставляю без комментария, поскольку не считаю себя достаточно компетентным в этой очень запутанной и сложной проблеме. Вместе с тем полагаю, что даже сама такая разногласия, не говоря уже о задачах политический, говорит о давным-давно назревшей необходимости создать авторитетную, наделенную всеми необходимыми полномочиями государственно-общественную комиссию по этому вопросу, выводы которой о числе погибших и даже «просто» пострадавших от различных эскапад сталинского режима, даже в какой-то мере приблизительные, резко сократили бы возможности для вольных и невольных исторических и политических спекуляций. Это серьезная, сложная, во многих аспектах *научная* работа, без которой при

любых вариантах его дальнейшего развития обществу не обойтись, если оно заинтересовано хоть в какой-то консолидации.

В сложившейся сейчас обстановке глубокого и повсеместного разочарования в «социалистическом» прошлом и «капиталистическом» настоящем особенно остра потребность в их ясном и массовом критическом осознании. Задача эта не проста. В дебрях XX в., самого великого и самого трагического в истории нашей страны, легко заблудиться даже искушенному в логике анализа исследователю. Казалось бы, например, что приведенные выше цифры не могут не перевернуть душу и не отрезать любую забитую сталинской или просталинской демагогией голову. Тем не менее и сейчас выходят в свет апологетические по отношению к «вождю народов» и его преступным деяниям статьи и книги. Самая и, пожалуй, единственная по-настоящему талантливая в этом отношении работа – упомянутая выше книга «Историческая логика сталинизма». Ярko публицистическая, умная, со множеством прекрасных мыслей, она тем не менее построена на ложной посылке.

Рассматривая культ Сталина и сталинизм – а, по мнению Б. П. Курашвили, это есть «авторитарно-мобилизационный социализм с тоталитарными извращениями» – для нашей страны и той эпохи как исторически неизбежные и необходимые, а значит, и закономерные, – он осуждает их создателя только за «излишества» в организованном им общесоюзном государственном терроре (традиционно он называет это «репрессиями»). Однако при подобном внешне объективном, но по существу поверхностном подходе к реальной истории, скажем, и германский фашизм в его «огосударствленной» форме придется считать исторически неизбежным и необходимым, а Советский Союз и всю антигитлеровскую коалицию – реакционными, что ли, силами, боровшимися против объективных законов общественного развития, проявившихся на немецкой земле в такой политической форме, хотя с подобным выводом вряд ли бы согласился и сам ушедший, к сожалению, из жизни уважаемый автор книги.

Да, в нашей стране было немало благоприятных условий для возникновения «сталинизма», но он родился главным образом потому, что руководство ВКП(б) и СССР встало на такие рельсы в теории и политической практике, которые вели к антидемократизму на деле, к авторитаризму и культу вождя, к тоталитаризму во всех сферах жизни, к диктатуре сначала одной партии, далее – ее аппарата, а затем – ее фактически единоличного главы. Можно понять, как и почему этот субъективный фактор, состоящий из множества компонентов, вплоть до психологических особенностей Сталина, стал играть непомерную, а вскоре и *ключевую* роль в истории страны в послереволюционный период, но это никоим образом не доказывает ни неизбежность, ни объективную необходимость, ни непреодолимость тех тенденций в развитии общества, которые принесли с собой *сверх исторически обусловленных* неимоверные страдания нескольких поколений советских людей.

Б. П. Курашвили полагает, что «сталинизм» – это «комплекс характерных особенностей нашей истории, связанных с именем Сталина и несущих на себе печать его деятельности», включая «сталинщину». Формулировка более чем растяжимая: под нее можно подвести все, что угодно, и она не дает представления ни о природе этого понятия, ни о его границах. Конечно, это явление можно и нужно рассматривать и с исторической точки зрения, но оно «достойно» внимания и всех других обществоведческих, да и не только этих наук. *Сталинизм есть система взглядов* – политических, экономических и т. п., основанная на порочной в научном отношении *методологии* анализа окружающего мира. В теоретическом отношении сталинизм проявил себя как вульгаризация, примитивизация многих важных сторон и положений марксизма в исторически принципиально иных условиях в сравнении с теми, которые были предметом анализа его основоположниками – Марксом и Энгельсом. Особенно ярко это выразилось в трактовке Сталиным их априорных суждений о социализме, когда он или механически воспроизводил суждения классиков в совершенно другой исторической обстановке, или – обычно под видом развития марксистско-ленинского учения – всячески обрубал, обстругивал живые положения теории, если они не укладывались в прокрустово ложе его собственных текущих политических задач. *Сталинщина* же есть *крайнее* проявление сталинизма *на практике* во всех сферах жизни, крайняя форма диктатуры одного человека, доведение ее до *преступного* злоупотребления властью, массового преследования и истребления ни в чем не повинного населения страны. Она, сталинщина, *неотрывна* от сталинизма и представляет собой прямое, наиболее откровенное, а поэтому разоблачающее его природу и смысл естественное продолжение и выражение.

Иногда приходится слышать: сколько можно думать, говорить, писать, читать о преступлениях Сталина? Пора, дескать, поставить крест на этой теме. По-моему, это глубокое интеллектуальное и нравственное заблуждение, если выбирать самые «мягкие» слова для характеристики такой позиции. Эта тема умрет – и то не для истории – только тогда, когда общество станет *подлинно* и *необратимо* демократическим. А до этого предстоит пройти достаточно сложный путь создания и взаимопритирки таких институтов всех ветвей власти и, как принято сейчас говорить, гражданского общества, которые составят мощный костяк во многом новой системы государственного управления и общественного самоуправления, способной в процессе их непрерывного взаимодействия обеспечить все более полную реализацию идеалов и принципов социальной справедливости. На это уйдет немало времени, но еще больше потребуется его для того, чтобы мы все, уходящие и приходящие поколения, учились и становились демократами до мозга костей, чтобы, передавая эстафету жизни детям и внукам, видели, что Человек, его права и свободы последовательно и непоколебимо составляют сам смысл и оправдание существования и государства, и общества, и каждой отдель-

ной личности. А для того, чтобы в конце концов наша страна вышла на такой уровень экономического и политического, социального и культурного развития, необходимо знать и помнить о том, *что* довелось пережить советскому народу в эпоху сталинской диктатуры и ее затянувшихся рецидивов и последствий.

В этой книге нет детального разбора сталинского «учения» и его практики управления страной, нет и описания ее величайших достижений во многих сферах жизни всего за каких-то 74 года власти, которую мы называли Советской, хотя она, если быть точным, далеко не всегда и не во всем соответствовала такому высокому определению. Это – предмет других публикаций, да и любой элементарно порядочный и мыслящий человек хотя бы средних лет (головы молодежи обрабатываются ныне в противоположном направлении) знает, помнит и никогда не забудет то лучшее, что было присуще жизни в нашей стране за эти десятилетия. Сожалею, но моя задача иная: еще раз показать некоторые из трагических сторон пройденного страной пути, сплести свой голос со звуком поминального колокола, который должен постоянно призывать каждого, кто чувствует себя не только человеком, но и *гражданином*: срывай маски с потенциальных даже мини- и микросталиных, оружием слова и поступков вместе с другими на корню уничтожай авторитаризм и тоталитаризм, грудью защищай себя, потомков, народ свой от покушений на его и только его всевластие, на достоинство и свободу личности, на подлинную демократию. «Вползти» в диктатуру какой-либо партии, группы или одного маниакального властолюбца, как показала наша история, в том числе самых последних лет, намного проще, чем вырваться из оков тоталитаризма, тем более что массовое сознание созревает до понимания происходящего только после того, как одурманенное тотальной ложью о якобы прогрессивных преобразованиях общество не столько разумом, сколько шкурой своей начинает ощущать, что оно оказалось обманутым, избитым и разоренным.

О том, насколько равнодушно и до сих пор организационно беспомощно общественное сознание (как и общественное мнение), говорит вопиющий и действительно всемирно-исторического значения факт: полное безразличие десятков, если не сотен миллионов людей к наглому, циничному попранию их суверенной воли, выраженной на всесоюзном референдуме, сохранить обновленный Союз Советских Социалистических Республик. Никто, похоже, даже не осознал, что три «хорошо поддавшихся» подписанта в Беловежской Пуще и их подсказчики, совершив величайшее из всех возможных преступлений, тем самым плюнули в лицо народу. А если кто-то и осознал, то никто организованно и эффективно против этого не выступил. Между тем за попрание официально выраженной воли народа кем бы то ни было может быть только одна мера наказания – *высшая* (и я предлагаю ввести такую норму в Уголовный кодекс, а за фальсификацию результатов выборов в любые органы власти – пожизненное заключение). Однако вместо того чтобы

тут же с помощью юридических органов и весьма простого устройства – тогда наша страна еще не пыталась прихорошиться по европейским юридическим стандартам – немного приподнять поправивших народную волю к небу на площадях Москвы, Киева и Минска, дабы никому и никогда во веки веков не пришла даже в пьяную голову мысль поставить себя выше народа, тот даже не вышел на улицу, не провел всеобщую забастовку или кампанию гражданского неповиновения, а, напротив, в слепоте своей вознес и поставил их над собой. Что из этого вышло, известно всем. Как известен и ублюдочный мотив этого, повторю, величайшего из преступлений, превращающий гигантскую общенародную, национальную трагедию в постыдный фарс: «Чтобы надо *Мной* никого не было!» и «Ради *этого* стоило жить!» Не знаю, как кого, а меня до сих пор жжет стыд за то, что народ и я, его частица, позволили себе восемь лет жить под властью такого феноменального ничтожества, типичнейшего мещанина во дворянстве. Правда, несколько модернизированного и оставившего далеко позади своего мольеровского прототипа. Ведь господин Журден тешил свое тщеславие за свой счет и в кругу семьи, а другой «господин» – первый Президент России – за счет народа, исполняя свои шутовские репризы на глазах всего мира. И литературное, и реальное действующие лица – примитивные простаки, которыми вертели, как хотели, то проходимцы, то умники, причем во втором случае эти понятия почему-то слишком часто совпадали. Но тем не менее российскому «господину Журдену» удалось с лихвой осуществить мечту французского о знакомстве с вельможами (Мольер как в воду глядел): «Я бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родиться графом или же маркизом». Родиться не удалось, а все остальное получилось, даже знакомство с мировым «бомондом» состоялось. И многого для этого в конце XX в. не потребовалось, всего-то и надо было оказаться пешкой в чужих руках, закрыть глаза на преступления своего окружения и без зазрения совести врать людям (то бишь избирателям) на каждом шагу. Впрочем, ничего иного от одного из худших выкормышей прежней системы управления страной ожидать и не приходилось.

Однако вновь меня занесло во вчерашний день, а ведь глава посвящена куда более отдаленной эпохе и тогдашнему действительно опытнейшему кукловоду. Пишущие о Сталине отечественные и зарубежные историки и социологи, психологи и психиатры диагностируют маниакальную природу его сознания, политического и бытового поведения. Они отмечают, в частности, его поражавшее даже современников самомнение, нарциссизм, наличие у него маний величия (мегаломании), своей абсолютной непогрешимости, беспредельной подозрительности и его трусость, мстительность, террористические наклонности, садизм, беспринципность и другие проявления, прежде всего, комплекса неполноценности, особенно остро ощущавшегося им на фоне выдающихся по их способностям и образованию людей.

Понимаю, насколько трудно, особенно пожилому человеку, даже под влиянием неопровержимых фактов, сломать с детства впечатанный школой, армией, вузом, всей нашей пропагандой не только в его сознание, но и в душу стереотип в оценке Сталина. И все же это необходимо, если ты предан стране, в которой родился и жил (говорю в прошедшем времени, потому что имею в виду Советский Союз), и уважаешь пройденный ею во многом трагический, но и героический путь. Именно такая позиция и заставляет безоговорочно, под какими бы предложениями она ни городилась, отвергать любую ложь, связанную с историей Отечества, смывать фальшивые румяна с его облика и, обнаружив под ними коросту из крови и грязи, соскребать ее дочиста, даже если это вызывает нестерпимую боль. А для того чтобы сорвать шоры со своих глаз, надо, в частности, отрешиться от того факта, что столь неприглядные качества были присущи главе партии и государства, с именем которого до сих пор у части населения ассоциируются их достижения и победы, «приложить» хотя бы перечисленные выше свойства к любому другому человеку и ответить *себе* на вопрос: мог ли тот быть твоим другом и вообще считал ли бы ты возможным подать ему руку? Наверняка ответ большинства будет однозначным – нет.

Но тогда возникают новые вопросы: как же мы, жившие в то время и тем более многие из общавшихся со Сталиным и работавших непосредственно под его руководством, не видели этих ненормальностей? Почему некоторые из уничтоженных им даже перед расстрелом успевали выкрикнуть здравицу в его адрес, а кое-кто из ветеранов и сейчас продолжает говорить и писать о нем чуть ли не в духе «культ личности»? Причин тут много, назову лишь две из них, разного характера и калибра.

Одна состоит в том, что Сталин создал, как уже говорилось, «театр одного актера» и был в нем талантливым исполнителем любых ролей в любом жанре: он свободно переходил от драмы к фарсу, от буффонады к трагедии и т. п. Недаром он смотрел во МХАТе пьесу М. Булгакова «Дни Турбиных», по разным источникам, от 15 до 26 раз – не иначе, учился актерскому и режиссерскому мастерству. Но главная и самая любимая его роль – это *сверхчеловек*, все знающий, все понимающий, все предвидящий, всё могущий. Она была диаметрально противоположна психологической природе и интеллектуальным возможностям Иосифа Джугашвили, но именно поэтому такая роль магнетически и привлекала его. Всю жизнь он играл самого себя, чтобы выглядеть в своих и чужих глазах не тем, кем был в действительности, а тем, кем должен был быть, на его взгляд, – первым и неповторимым.

Не могу не ввести сюда маленький, но очень емкий фрагмент из уже упоминавшихся точных, с меткими наблюдениями воспоминаний М. С. Смиртюкова. Корреспондент журнала «Власть» спрашивает его о том, справедлива ли известная формула «Был культ, но была и личность»? И Михаил Сергеевич, видевший Сталина почти ежедневно на протяжении 23 лет, отвечает: «Человек он был, безусловно, умный и неординарный.

А все остальное – результат *саморекламы* (курсив мой. – Л. В.). Я видел, как Сталин постоянно и упорно демонстрирует окружающим, что он человек, который знает больше всех, видит дальше всех и понимает то, чего не могут понимать другие...

...возьмем, например, его проходы по коридорам Кремля. Это было одним из своеобразных ритуалов его культа. Идешь с бумагами, смотришь – сам, в окружении охраны. Впереди Сталина метрах в двадцати пяти – тридцати шел один охранник. А за ним примерно в двух метрах шло еще два человека. Полагалось стать к стене спиной, держать руки на виду (! – Л. В.) и ждать, когда он пройдет... Шел уверенно, размеренно, спокойно, причем смотрел не на того, кто с ним здоровался, а куда-то вдаль, впереди себя. Выражение лица было такое значительное, что я тогда думал: наверное, голова у него занята какими-то особыми мыслями, до которых нам, смертным, и не додуматься никогда...

...*Он готовил себе место в истории очень серьезно*» (курсив мой. – Л. В.).

Безумная жажда власти, редкая целеустремленность в ее достижениях, отсутствие каких-либо нравственных ограничений и незаурядный актерский талант, слитые воедино, привели к тому, что избранная им роль срослась с ее исполнителем, и миллионы людей, в том числе умных, проницательных, прожженных политиков, верили ему и принимали за того, кого он изображал. Он и сам уверился в своем неизмеримом превосходстве над остальными людьми и в своем праве повелевать ими. Но так было только до тех пор, пока он владел ситуацией. Ну а если ситуация владела им, тут уж никакое актерство не спасало нашего лицедея от... него самого, подлинного. Вот, например, что рассказывает А. И. Микоян в своих воспоминаниях «Так было» (кстати, в ряде мест весьма предвзятых по отношению к Н. А. Вознесенскому, похоже, из-за несколько мелковатой для опытного политика обиды на то, что уже весной 1939 г. 35-летний Николай Алексеевич был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. А может быть, и потому, что он не принял, как раз в то время, когда Сталин начал его выдвигать и поддерживать, ни одного предложения гостеприимного Анастаса Ивановича общаться домами?). Еще вечером 21 июня 1941 г. Сталин уверял членов Политбюро, что Гитлер не начнет войны в этом году, и, когда этой же ночью нападение германской армии совершилось, наш «провидец» оказался в глубоком шоке. Обеспокоенные положением дел, несколько членов Политбюро собралось в кабинете Молотова, который сказал: «Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем», – то есть в том смысле, что если Сталин будет так вести себя и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдем за ним... Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем при-

шли?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас создать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать». (На самом деле приехавшие предложили ему создать и возглавить Государственный Комитет Обороны.) Или еще: летом 1941 г. Сталин окольными путями и в обстановке строжайшей секретности пытался выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР, и был готов отдать Гитлеру захваченные им территории Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии. Как видите, в критической ситуации роль лидера со стальной волей ему явно не удавалась. Но наблюдали-то это лишь очень близкие к нему люди, а их всегда было крайне мало, да иногда о чем-то могли догадываться исполнители его поручений. Например, тогда об упомянутом эпизоде знали только пять человек (включая посла Болгарии в Москве, ответившего на такой зондаж словами, оказавшимися вещими: «Немцы все равно потерпят поражение, если даже дойдут до Волги, то все равно русские их разобьют»).

Другая и намного более важная причина бывшей ранее и у какой-то части общества поныне сохраняющейся слепоты в отношении Сталина и его деяний состоит в том, что он сумел в сознании народа и даже своего ближайшего окружения поставить знак равенства между собой и такими понятиями, как партия, государство, социализм. А все это было тогда свято для большинства нашего народа, осознавшего и действительно исполнявшего свою миссию первопроходца истории. В этом, по моему, главная причина живучести культа Сталина. И до сих пор одни люди помнят, а другие знают о беспримерных достижениях и победах страны, существовавшего в ней строя, который принимали за эталонный социализм, построенный под руководством «величайшего гения всех времен и народов», и это затмевает в глазах части общества кровь и муки миллионов, у которых тот ни за что ни про что отнял жизнь и честь. Но к вопросу о сталинском «социализме» вернемся в последней главе книги, а пока продолжим размышления о пережитом миллионами людей перед Отечественной войной.

Тема государственно-террористической «деятельности» Сталина, особенно в 30-е гг., практически неисчерпаема, и мне приходится жестко ограничивать себя в дальнейшем рассказе о ней и ее творце. Но все же без еще нескольких мотивов в связи с этим, пожалуй, не обойтись.

На фоне предыдущего рассказа рука не поднимается назвать Сталина безнравственным: ведь так говорится о человеке, который нарушил какие-то ее каноны, а у нашего «героя» нравственность просто отсутствовала, для нее не было места ни в его душе, ни в сознании. Конечно, не все, даже прочитавшие эту главу, придут к выводам об *античеловеческой* природе Сталина. Ну что же, это их право, как и мое – думать по-своему. И тут вспоминается один эпизод. Году, наверное, в 89-м или 90-м меня вместе с группой тогдашних ультрадемократов пригласили выступить перед советскими и иностранными корреспондентами. Они за-

сыпали нас вопросами, и мне пришлось, с одной стороны, поправлять моих соответчиков в их порой оторванных от реальности заявлениях по ряду фактов прошлого, а с другой – сказать, что, на мой взгляд, Сталин по критериям элементарной нравственности находится на уровне существа, у которого подобного понятия не может быть, как сказали бы философы, по определению. Что тут случилось! Мои сверхдемократы грудью бросились защищать «великого вождя», которого только что заслуженно поносили за его чудовищные преступления и гигантские, непоправимые и ничем не оправданные ошибки как внутри страны, так и на международной арене, во многом заложившие основы процессов, в итоге приведших к гибели СССР и трагической по своим последствиям дискредитации самой идеи социалистического переустройства нашей страны и всего мира. И мне невольно подумалось: сколько же вбитых с детства штампов, сколько рабского остается еще в сознании людей, сформировавшихся в условиях единовластного, тоталитарного режима и внутренне не освободившихся от его шор и цепей, даже если они получили возможность натянуть на себя тоги самостоятельно мыслящих личностей и пламенных борцов за свободу и демократию.

Очевидно, человечность, нравственность, совесть, стыд, в конце концов, с точки зрения Сталина, совершенно излишни и даже вредны для вождя партии, государства и народа. Недаром он восхищался Иваном Грозным, хотя и критиковал его за то, что он каялся за свои душегубства, когда у него время от времени просыпалась совесть, а также за одну из ошибок, которая «состояла в том, что он не дорезал (! – Л. В.) пять крупных феодальных семейств. Если бы он их уничтожил,.. не было бы Смутного времени... опричники – это прогрессивная армия». К сожалению, «товарищ» Сталин не продолжил свою подспудную аналогию и не оставил нам столь же положительной оценки Малюты Скуратова – этого исторического предшественника Лаврентия Берии.

Однако не только в истории черпал свое палаческое вдохновение наш «вождь и учитель». Он с большим интересом следил за опытом наиболее близких ему по духу современников, прежде всего Адольфа Гитлера. Сотрудники КГБ ездили в Германию, чтобы ознакомиться с достижениями гестапо, а сам «корифей» неоднократно превозносил Гитлера, в том числе за организованную им резню ставших неугодными соратников во главе с Ремом. А. И. Микоян рассказывает: «...я был поражен, когда Сталин, возвращаясь несколько раз к этому факту, восхищался смелостью, упорством Гитлера, который пошел на такую меру, *чтобы укрепить свою власть* (курсив мой. – Л. В.). «Вот молодец, вот здорово, – говорил Сталин. – Это надо уметь!» На меня это произвело ужасное впечатление. Это же бандитская шайка, которая по-бандитски друг с другом расправляется! Чем же она может вызвать восхищение?» (Жаль, не сопоставил Анастас Иванович то, что поразило его в словах «вождя», с тем, в чем он вместе с ним принимал участие у себя на родине.) В свою очередь Гитлер не раз превозносил Сталина.

Наш «вождь», бестрепетно уничтожавший разными способами чужие жизни и даже, как мы видели, наслаждавшийся этим, безумно боялся потерять свою, что в просторечии называется обыкновенной, а точнее – патологической трусостью. Приведу свидетельство А. Д. Ключевой.

Вскоре после его смерти на дачу в Волынском, где Сталин жил и умер, прибыла комиссия ЦК партии с заданием определить возможность создания там мемориального музея. Во главе нее был заведующий сектором Отдела агитации и пропаганды (кажется, в то время он так именовался) М. А. Морозов, а Анна Даниловна входила в состав этой группы, и ее рассказ я услышал меньше чем через год, когда вернулся из лагеря в Москву. Он не во всем совпадает с современными публикациями об этой даче и жизни Сталина на ней, но я приведу его в первоизданном виде, тем более что в течение десятков лет знал мою собеседницу как человека исключительной честности и принципиальности.

Что же обнаружила комиссия? Она увидела, что вся территория обнесена высоченным двойным глухим забором, причем полоса земли, разделявшая его наружный и внутренний периметры, распахана и разровнена, как на государственной границе. По верху забора пропущен ток высокого напряжения. Снаружи, перед забором – полоса минных заграждений (об этой детали я, возможно, слышал от кого-то другого). Охрана дачи – 800 человек. Располагались они на соседней территории, в зданиях, где в дальнейшем находилась больница ЦК. Стекла на окнах дачи – пуленепробиваемые. Занавески на них подрезаны, чтобы были видны ноги потенциального террориста. Каждую ночь Сталин менял, из тех же соображений безопасности, комнату для сна. И чтобы не возвращаться к этому рассказу, добавлю несколько штрихов из него, не относящихся к теме постоянного страха перед покушениями, прочно поселившегося в душе «отца народов». В доме имелся только один шкаф с книгами. В нем – собрание сочинений Ленина, толковый словарь русского языка и произведения лауреатов Сталинской премии¹. В другом шкафу – комплекты дефицитного тогда шелкового женского белья. Много патефонных пластинок с краткими и порой слишком выразительными для воспроизведения в печати их оценками. Ну а в ящике стола оказались... пули, извлеченные из голов особенно близких «Хозяину» его соратников, с надписями на бумажках, в которые были завернуты: «Бухарин», «Рыков», «Зиновьев» и т. д. (От себя скажу: вполне вероятно, что столь драгоценное наследство досталось ему от Ежова, у которого после его ареста были обнаружены те же или такие же «сувениры», греющие души организаторов этих убийств. К слову, хранил он и фотографии крупных деятелей, сделанные в момент или после их расстрела. Так, по крайней мере, утверждает в нескольких книгах.) В общем, по

¹ Д. Т. Шепилов упоминает, что он видел несколько книжных шкафов. Может быть, к моменту приезда комиссии библиотека была уже куда-то вывезена?

словам Анны Даниловны, мнение комиссии было единодушным: о создании музея речи быть просто не могло.

В 60–70-х гг. мне в составе различных творческих групп довелось неоднократно жить и работать на этой даче. Именно здесь, например, в течение нескольких месяцев писали мы Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». Конечно, кое-что вокруг к этому времени уже изменилось. Скажем, второй забор разобрали, повесили занавески нормальной длины, книги и пластинки вывезли и т. д. Но многое оставалось таким же, каким было при Сталине, и прежде всего сам дом с его мебелью, с небольшим лифтом, поднимавшимся на второй этаж и уходившим куда-то вниз. Говорили, что там – подземный переход в бомбоубежище, над которым в саду возвышались два мощных бетонных сооружения, похоже способных выдержать попадание любых бомб или снарядов.

Но первое, что поразило меня, едва машина въехала на территорию дачи, – это деревья, а точнее, то, как они были посажены. Вольнолюбивые березки, тогда еще достаточно тонкие и не очень развесистые (к тому же дело происходило ранней весной), стояли, подобно солдатам в строю, так строго по линейке, что вся территория с любой ее точки просматривалась насквозь, и у предполагаемого террориста не было никаких шансов скрыться за их стволами. Что же касается дома, то он сначала производил впечатление солидной, но чуть ли не деревянной постройки, однако стоило подняться на второй этаж и выйти на открытую веранду, как сразу стала очевидной сверхдобротность этого сооружения. Веранду ограждала глухая и широкая бетонная стена такой высоты, что снизу и даже с деревьев (а с этой, задней стороны дома стояли, если мне память не изменяет, сосны с весьма мощными стволами) было невозможно увидеть происходившее за нею, как и наоборот – стена позволяла наблюдать с веранды только их раскачивающиеся верхушки и небо над головой. Так что и здесь была обеспечена полная безопасность от любых злоумышленников. У меня осталось впечатление, что по существу эта дача представляла собой хорошо замаскированный дом-крепость.

Но все равно ее владелец не мог избавиться от патологического страха за свою жизнь. Вот что рассказывает достаточно хорошо знавший его Д. Т. Шепилов: «С годами подозрительность, страхи, маниакальные представления у Сталина явно прогрессировали. Поэтому (! – Л. В.), терзаемый страхами, Сталин обычно всю ночь проводил за работой... Ложился он спать, как правило, лишь с наступлением рассвета. Перед тем как лечь спать, Сталин нередко пристально всматривался через окна: нет ли на земле или на снегу следов человеческих ног, не подкрадывался ли кто к окнам. В последнее время он даже запрещал сгребать свежий снег под окнами – ведь на снегу скорее увидишь следы проникших к дому людей. Одержимый страхами, он часто ложился спать не раздеваясь, в своем кителе и даже в сапогах...

При выездах с дачи в Кремль и обратно Сталин сам назначал маршрут движения по улицам и постоянно менял его. Л. П. Берия и бериевцы, зная эти нарастающие патологические черты Сталина, умышленно сыпали ему соль на раны. Они изобретали для него всякие фантастические истории о готовящихся на него покушениях, об измене Родине и т. д.

...Как для тяжелого алкоголика водка, так для Сталина в последний период его жизни разоблачения «террористов», «отравителей», «заговорщиков» стали неодолимой потребностью, и бериевцы удовлетворяли эту потребность с садистским сладострастием.

Только в условиях этой тягчайшей душевной сталинской патологии и полной бесконтрольности и неподотчетности органов государственной безопасности могли быть сфабрикованы чудовищные по своей сущности «ленинградское дело», «дело врачей» и им подобные».

В литературе есть и немало других, не менее авторитетных свидетельств беспредельного страха за свою жизнь того, кто «бесстрашно» отправлял на смерть других людей, чем и создал о себе впечатление как об обладателе «железной» и даже «стальной» воли. Какой она была в действительности, повествуют его соратники – Микоян и Хрущев. Немало свидетельств в этом отношении содержится в рассказах о том, как он однажды выехал на фронт, а точнее, в сторону фронта. Вот что написано об этом в воспоминаниях Анастаса Ивановича: «Сталин был не очень-то храброго десятка. Ведь это невозможное дело: Верховный Главнокомандующий ни разу не выезжал на фронт!

Впрочем, один раз поехал... Зная, что это выглядит неприлично, однажды, когда немцы уже отступили от Москвы, поехал на машине, бронированном «Паккарде», по Минскому шоссе, поскольку оно использовалось нашими войсками и мин там уже не было. Хотел, видно, чтобы по армии прошел слух о том, что Сталин выезжал на фронт. Однако не доехал до фронта, может быть, около пятидесяти или семидесяти километров... Такой трус оказался, что опозорился на глазах у генералов, офицеров и солдат охраны»¹. Рассказ Микояна заканчивается словами: «На этом «знакомство с фронтом» было завершено, и он уехал обратно в Москву». Добавлю только, что это позорище не помешало ему позднее кокетливо врать в письмах Черчиллю и Рузвельту о своих якобы продолжающихся поездках в действующую армию.

Генералиссимус панически боялся летать самолетами, но все же раз в жизни решился на такой «подвиг», чтобы прибыть на Тегеранскую конференцию. О том, какого страха он натерпелся, рассказано в книге Волкогонова. А далее в ней следует еще один эпизод, который не могу не воспроизвести хотя бы в сжатом виде.

После пережитого при полете в Тегеран Сталин решил на Берлинскую конференцию поехать поездом. «Берия проработал специальный маршрут – севернее обычного. Спецпоезд с бронированными вагонами,

¹ Микоян А. И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 563.

особой охраной, особым сопровождением. К операции по доставке и жизнеобеспечению «вождя» были подключены десятки тысяч человек». Далее следует текст документа, подписанного Берией и адресованного Сталину и Молотову. Вот выдержки из этой докладной записки: «Наготове два специальных аэродрома. Для охраны доставлено (а ведь там была вся Центральная группа наших войск! – Л. В.) 7 полков войск НКВД и 1500 человек оперативного состава. Организована охрана в 3 кольца... Подготовлен специальный поезд. Маршрут длиной в 1923 километра... Обеспечивают безопасность пути 17 тысяч войск НКВД, 1515 человек оперативного состава. На каждом километре железнодорожного пути от 6 до 15 человек охраны. По линии следования будут курсировать 8 бронепоездов войск НКВД». И снова автор книги: «Трудно найти прецеденты таких мер безопасности. ...Чем больше росла слава Сталина и чем больше он старел, тем сильнее боялся за свою жизнь. До самого отправления Сталин осведомлялся у Берии, иногда по нескольку раз в день, то о скрытности отъезда, то о толщине бронированного листа вагона, то о графике движения по территории Польши... Вспоминал ли он, что этот же путь – от Москвы до Берлина – советский солдат прошел пешком, под огнем противника?» Ну а о роскоши, которой все это сопровождалось, говорится в сокращенной мной части записки.

Все эти и подобные им наблюдения (в упомянутых воспоминаниях М. С. Смиртюкова, в частности) могли бы стать вполне достаточным основанием для житейского вывода о том, что маниакальная жестокость есть непременная оборотная сторона патологической трусости, если бы это «открытие» не было сделано намного раньше. Так что наш Главнокомандующий, маршал, Генералиссимус, да еще и «*Сталин*» лишь подтвердил эту многовековую мудрость человечества. Добавьте к ней слова М. А. Шолохова, сказанные именно по поводу Сталина: «Жестокость – черта ограниченных людей», и основные контуры его психологического портрета будут очерчены.

Марксисты, ищущие в основе исторических подвижек и переломов прежде всего коренные интересы классов, народных масс, порой забывают, какую огромную роль в возникновении и ходе тех или иных крупнейших событий может играть специфика психологии возглавляющего их государственного деятеля, особенно в жестко централизованном тоталитарном обществе. Пренебрегать ими вслед и вкуче с экономическими и прочими фундаментальными процессами явно не следует. Вот, скажем, на примере той же трусости Сталина можно выстроить вполне доказанную нашей историей логику: такая черта «вождя» рождает в нем страх; страх толкает его к жестокости; жестокость властителя вызывает страх в народе; страх в народе возводит в новое качество страх у боящегося его гнева властителя; его возросший страх возбуждает в нем еще большую, нежели раньше, жестокость... Круг, порочный круг замыкается, а диаметр его увеличивается, – процесс продолжается по принципу расширенного воспроизводства. «Автор» же такого разви-

тия событий сам попадает в логическую ловушку: организованный им массовый террор ради насаждения страха перед «вождем» и безропотного послушания ему наделяет его маниями непреходящей подозрительности, преследования и заговоров.

Конечно, трезвые оценки Сталина (и созданного им режима) отечественными и зарубежными авторами существовали уже задолго до войны. Однако во многих случаях они не публиковались даже за пределами СССР. Почти все выдающиеся писатели Европы, которые по его приглашению приезжали в нашу страну, в той или иной форме и мере, а некоторые и без нее, публично хвалили нашего «вождя» и даже его деяния. И несмотря на все его ухищрения во время их визитов, а также вопреки мнению некоторых современных авторов, большинство из них не было ни куплено им, ни обмануто виденным. Дело было в том, что они оказались перед дилеммой: Гитлер или Сталин, фашизм или социализм. Последнее противопоставление не очень корректно в научном отношении, но оно было вполне реальным и для них к тому же глубоко трагичным. В ситуации, когда фашизм прямо-таки на глазах наливался агрессией и военной мощью, не подрывать авторитет того, кто, будучи сам зловещим диктатором, олицетворял единственную реальную силу, способную противостоять Гитлеру и его глобально-гегемонистским планам, стало для этих людей во многом вынужденной, но единственной морально и политически приемлемой позицией. Они сделали выбор в пользу Сталина. Поэтому мы и узнали о душевной боли и нравственных муках, например, «совести века» Романа Роллана, понимавшего преступный, античеловеческий характер сталинского террора, только через полвека, когда истек срок установленного автором моратория на публикацию своего дневника.

А уж советскому народу критические замечания о Сталине авторитетных в мире наблюдателей известны быть просто не могли: любое, даже в виде каких-то слухов, знакомство с ними, начиная со знаменитого ленинского «Письма к съезду», свирепо, вплоть до расстрела «виновных», преследовалось. Истина стала приоткрываться – и периодически снова захлопываться – только после XX съезда партии и закрытого доклада на нем Н. С. Хрущева. Например, в 1956 г. у нас был издан фундаментальный труд известного английского ученого и общественного деятеля Д. Бернала «Наука в истории общества». Автор писал в этой книге: Сталин «усилил весь аппарат власти таким образом, что это ослабило демократический по своей сущности характер советской системы. Это было *основной* (курсив мой. – Л. В.) слабостью Сталина, прикрывавшейся иллюзией силы... Сталину не хватало... мужества, скромности и любви к народу». Для того времени это была достаточно точная формулировка. Но факты, ставшие известными позднее, позволяют утверждать большее: клянясь именем народа, он *боялся, презирал и уничтожал* его. Так, в 1932 или 1933 г. Сталин мог позволить себе сказать о крестьянах, умиравших от голода: «Пустьдохнут». Или позднее, стоя

на трибуне Мавзолея, произнести после окончания военного парада: «А теперь быдло пойдет...»

Сталин цинично говорил: «Когда гибнет один человек – это трагедия. Когда гибнут тысячи – это статистика». Мы знаем, что и смерть «одного человека» (кроме, может быть, жены) для него не была трагедией, а уж страдания и гибель миллионов и впрямь оставались мертвой цифирью. А ведь за каждой из этих бесчисленных «цифр» стояла не только отнятая жизнь, но и отнятое, оклеветанное доброе имя человека. Тем, кого не затянула в свое чрево сталинская мясорубка, не говоря уже о тех, кто вообще не жил в то время, трудно или просто невозможно представить себе в полной мере те невыносимые душевные – не забудем и о жестоких физических пытках – страдания, выпавшие на долю каждого из невинно арестованных истинно *советских* людей, глубоко преданных своей стране, делу строительства социализма. Наверняка им было бы легче погибнуть от белогвардейской пули или топора фашистского палача, чем умереть оболганными и обесчещенными от имени государства, которое они создавали, защищали и укрепляли. Некоторым же из них выпало еще более тяжкое нравственное испытание. Расскажу об этом на примере Н. И. Бухарина – «любимца партии», что, кстати, и без прочих его качеств уже обрекало Николая Ивановича в глазах Сталина, более чем ревниво относившегося к чужой популярности, на уничтожение (из этого, конечно, не следует, что он не имел для такого решения других поводов).

Но сначала – маленький эпизод более чем тридцатилетней давности. В «Современнике», находившемся еще на площади Маяковского, шла пьеса М. Шатрова «Большевики». Цензура категорически запретила ее, и только Е. А. Фурцева, бывшая в то время министром культуры СССР, собственной властью осмелилась разрешить ее постановку. Правда, для этого пришлось убрать из текста фамилию Бухарина и заменить ее, помнится, фамилией Загорского. Но все в О. Табакове – от одежды до реплик и манеры держаться его героя – однозначно говорило о том, что на сцене Н. И. Бухарин, и никто иной. В этой пьесе руководители партии обсуждают после покушения на Ленина тяжелейшее для них, интеллигентных и совестливых, в ответ на белый террор решение об объявлении красного террора. Зрители слушали их споры друг с другом и каждого с самим собой с невероятным напряжением и вниманием, были взволнованы до глубины души и содержанием, и исполнением спектакля, к концу его у многих стоял комок в горле, а на глазах блестели слезы, и, когда артисты на сцене стали еле слышно, чтобы не разбудить раненого Ленина, петь Интернационал, весь зал стоя так же тихо подхватил его... Вот в таком взволнованном состоянии после спектакля за кулисы пришел пенсионер Н. С. Хрущев. Его окружила труппа, и Никита Сергеевич сказал им примерно так: «Спасибо вам! Какое большое дело вы делаете, возвращая народу светлое имя невинно погибшего Бухарина!» Тогда Табаков спросил его: «А что же Вы, Никита Сергеевич, сами его

не реабилитировали?» И Хрущев как-то очень искренне ответил: «Не успел, ребята, не успел...»

Эту историю по горячим следам рассказал мне О. Табаков, с которым у нас были дружеские отношения, поскольку в те годы (вплоть до постыдно-холуйской сцены, продемонстрированной им перед Ельциным в Бетховенском зале) я считал его порядочным человеком. Теперь он с экрана телевизора гаерничает, рассказывая об этом спектакле, а тогда был горд сыгранной им ролью, всей этой работой театра и своеобразной рецензией на нее: в расходившейся после спектакля толпе зрителей он нечаянно услышал слова одного из патлатых парней, сказанные им приятно: «Слушай, может, действительно надо быть в партии?»

Однако сейчас речь идет все же не о нем, а о человеке, которого он изобразил на сцене. Находясь в заключении немногим больше года, Бухарин кроме выполнения «обязанностей» подследственного написал четыре разнообразные работы, в которых изложил свои научные, политические и, если так можно сказать, просто человеческие взгляды. (В 1996 г. они опубликованы Ассоциацией исследователей российского общества XX в. и Фондом им. Н. И. Бухарина в двухтомнике «Николай Бухарин. Тюремные рукописи»). Кроме того, он отправил Сталину, как сообщил Э. Радзинский в своей известной книге, 43 безответных письма. Отрывки из последнего, от 10 декабря 1937 г., он в ней привел. Однако и мне придется, процитировав отчасти те же фрагменты этого письма, привести кроме них другие, поскольку они побуждают посмотреть на происходившее под несколько иным углом зрения, чем это сделал автор книги «Сталин», и с более широких позиций подойти к ответу на некоторые вопросы из тех, что до сих пор стоят перед ищущими историческую правду. Приведу эти фрагменты (сохраняя орфографию автора и его подчеркивания, – так, как это сделано в архивной машинописной копии).

Весьма секретно
Лично

Прошу никого другого без
разрешения И. В. Сталина
не читать.

И. В. Сталину

Иосиф Виссарионович!

Пишу это письмо, как, возможно, последнее предсмертное, свое письмо.

...не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, чтобы (так у автора. – *Л. В.*) сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу...

Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии...

Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать показания других и развивать их, ибо иначе выходило бы, что я «не разоружаюсь»...

Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и главная мука, и главный мучительный парадокс...

Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумаю, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

...мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой – ты знаешь мою природу: я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах...

Добавьте к этим выдержкам роман бывшего работника Коминтерна А. Кёстлера «Слепящая тьма» (другое название – «Тьма в полдень») – и после этого всяческие недоумения по поводу того, чем объясняется «соглашательское» поведение на инсценированных процессах даже старых революционеров, прошедших школу царских тюрем и каторги, отпадут сами собой. Не только невыносимые пытки, единственным избавлением от которых могла быть лишь смерть, не только обещания – ложные, конечно, – не уничтожить и не преследовать детей и жен были причиной «добровольных признаний» обвиняемых в приписываемых им преступлениях. Для многих, если можно использовать такое определение, сверхпорядочных людей главным мотивом при этом было, как им объясняли в застенках со ссылкой на ЦК и Сталина, исполнение революционного, партийного долга, принося в жертву ради этого не только доброе имя, но и свою жизнь. Именно эта «технология» обработки сознания коммунистов, действительно преданных своим идеалам, очень точно и убедительно передана в упомянутом романе, главным героем которого под другим именем является Н. И. Бухарин.

Вглядитесь еще раз в его слова из письма Сталину: Николай Иванович допускает, что тот, может быть, *сам* верит в им же сочиненную, но такую нужную (??) для дела партии, для революции (??) *ложь*. Теперь, в отличие от автора письма, на основе множества опубликованных данных можно сказать уже без всяких сомнений: Сталин, лично изобретавший всяческие враждебные «делу партии», «социалистическому строительству» заговоры и блоки, «назначавший» конкретных людей их руководителями и активными членами, придумывавший «преступные свя-

зи» между ними, диктовавший и редактировавший обвинительные заключения, сюжеты и протоколы допросов, требовавший применять пытки и получать от подсудимых нужные ему по намеченному сценарию «признания» любой ценой, – этот же Сталин, как автор написанной им пьесы и как хороший актер, не просто играющий, а живущий своей ролью, на каком-то этапе создания очередного «дела», по-моему, начинал искренне верить в то, что оно не родилось в его воспаленном воображении, а было юридически доказанной реальностью, что только присущая ему гениальная прозорливость спасла партию и страну от катастрофы, о которой даже не подозревали соратники. И он нередко приводил вполне убедительные для него самого и обезоруживающие сомневающимися аргументы: «По данным НКВД...», «Не может быть, чтобы и (там-то) не было замаскированных врагов» и – вот уж вершина его «логики» – «Они же признались!». Ему бы еще добавить: после того, как «признания» вырывали из арестованных буквально с мясом...

Несколько поколений советских людей строили и защищали, как они думали, лучшее общество на планете – общество социальной справедливости, но сами при этом были жертвами вопиющей, чудовищной несправедливости. Тот, под чьим руководством это происходило, оправдывал свои действия высшими интересами того самого народа, во имя которого ему лгал, держал под неусыпным надзором, лишал элементарных человеческих прав и главного из них – самой жизни. Власть вела против своего же народа перманентную гражданскую войну, а он все равно возглашал «вождю» аллилуйю и предавал анафеме тех, кого тот назначал его, народа, врагами.

Приступая к работе над этой главой, я намеревался написать ее в академическом духе, без каких-либо эпитетов в адрес Сталина. Но сам фактический материал настолько будоражил душу, что обойтись без них я не смог. Некоторые читатели наверняка подумают, что рукой автора водила ненависть к Сталину. Ошибаетесь: мной руководило чувство куда более сильное – *презрение* к нему, глубочайшее презрение к носителю самых низменных начал, которые соединились и сконцентрировались в нем. Теперь, когда это доказывает огромный материал, прямо или косвенно касающийся истории его жизни, его психологии и поведения, я могу дать ему в *нравственном* отношении только одно определение: человекообразная *Мразь*.

С горечью приходится признать, что почти три десятка лет партией и страной руководила не созданная мифами светлая, благородная и героическая Личность, а патологически злобное, мстительное, лживое, трусливое существо, называть которое Человеком у меня язык не поворачивается. Чем больше вникаешь в технологию сталинской власти, в его быт, интересы, психологию и поступки, тем мельче и мельче становится он как человек, а затем и вообще уходит за пределы этого понятия. И уж если продолжать применять довольно-таки неуклюжий термин «культ личности Сталина», введенный некогда в политический

и научный лексикон, то стоило бы иметь в виду, что личность-то бывает и убогой, и темной, и грязной, и с прочими не менее выразительными характеристиками. Вот некоторые из них, принадлежащие такому близкому к нему человеку, как А. И. Микоян: перечислив положительные, на его взгляд, черты Сталина, он отметил его «непомерную жестокость, грубость, черствость, коварство, лицемерие, цинизм... До предела подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный. О себе нередко говорил уже в третьем лице... Его упрямство... большая самоуверенность и большое самомнение очень дорого стоили стране, нашему народу». Мне представляется, что одна эта фраза, не говоря обо всем рассказанном выше, может подсказать тем, кто над этим не задумывался: личная нравственность или, как в случае со Сталиным, *личная абсолютная безнравственность* с безоговорочной неизбежностью воплощается и в политической, государственной деятельности ее носителя. А если он к тому же еще и диктатор, что само по себе есть одна из высших форм человеческой и политической безнравственности, она постепенно пронизывает всю структуру власти, разлагает само общество.

В донесенном историей до наших дней мнении их современников, помнится, три правителя получили прозвище «кровавых» – Нерон, Тьер и Николай II. Но ведь в этом отношении они не идут ни в какое сравнение с нашим «корифеем»! Приготовишки какие-то... Так что в будущей отечественной и мировой истории он более чем заслуженно может именоваться «Иосиф Кровавый».

Идя навстречу тем, кто все-таки хочет и сейчас оставаться пещерным идолопоклонником и по-прежнему возносить хвалы своему кумиру, предлагаю деликатно именовать его, например, Тираннозавром (писал бы с одним «н», но словарь требует с двумя). Очень подходит, потому что тот тоже был самым крупным из всех существовавших когда-либо на Земле, гигантским («великим») хищным (кровавым), с мощными кинжаловидными зубами (теперь есть еще более эффективное оружие – огнестрельное) динозавром, как следует из названия, тираном в тогдашнем мире. Так что и почитатели своего идола, до сих пор возлагающие цветы к его изображению, и те, кто понимает, что собой представлял Джугашвили (Сталин), сошлись бы, возможно, на предлагаемом вполне нейтральном его обозначении. Он взял себе очень обязывающий псевдоним, всю жизнь пытался его оправдать, но сумел сделать это только в одном отношении – обрекая на немислимые и ничем не оправданные страдания и смерть множество людей.

Впрочем, для нынешних ревнителей сталинизма и сталищины, как в свое время и для самого источника их вдохновения, они представляются не жившими и страдавшими по прихоти диктатора людьми из плоти и крови, а лишь сухими цифрами статистики. А цифры можно складывать и вычитать, делить и умножать, сравнивать между собой, ничего не чувствуя при этом.

Только не забыть бы здесь вообразить себе своего 12–16-летнего сына или дочь с револьвером у затылка за секунду до того, как пуля оборвет его или ее жизнь, потому, что они носят твое имя. Не забыть бы представить себе и свою красавицу жену с выбитыми зубами, с язвами на груди от горящих папирос, с вырванными клочьями ставших седыми волос и сине-желто-черными пятнами от побоев, еле держащуюся на ногах перед расстрелом и «виновную» только в том, что она отказалась подписать придуманную следствием клевету на тебя. А может быть, удастся, как наяву, увидеть и самого себя, когда у тебя уже нет ни одного не кричащего от неимоверной боли места, с вырванным глазом, с хватающим воздух ртом, куда мочится следователь под хохот других садистов, после чего тебя тоже поволокут, раз сам ты уже идти не сможешь, на расстрел, потому что диктатор внес твое имя в список или не вычеркнул его из списка очередной антисоветской, контрреволюционной, террористической группы, о существовании которой ты и прочие ее «участники» до ареста даже не подозревали.

Как не может нормальный человек *реально* представить себе бесконечность пространства и времени, так не может он в полной мере осознать и беспредельный ужас того, *что* творили с людьми Сталин и его приспешники, *что* пришлось пережить советскому человеку, пропускаемому через сконструированную «вождем» мясорубку. И если вы захотите и сможете примерить к себе и своим близким нечто хоть чуть похожее на то, что изложено выше (а за примерами этими стоят вполне конкретные имена и фамилии), и все же будете, обращаясь к статистике, настаивать на своем, то спросите себя, *кто* же вы после этого, товарищи и «господа». И ответьте на этот вопрос сами.

Глава 7

НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ

Генералиссимус лично разрабатывал не только стратегию, но и тактику фабрикации «ленинградского дела». – Аресты и допросы. – Следственная техника получения «признаний» в преступлениях, которых не было и быть не могло.

Несколько «обогатив», надеюсь, наши представления о практике Сталина в 1937–1938 гг., вернемся в 49–50-й, к так называемому ленинградскому делу, в котором она не только возродилась с новой силой, но и приобрела свежие, хотя и по-прежнему дурно пахнущие краски. Рассказ о нем был прерван (в главе 5) на событиях, подготавливавших аресты, «следствие», точнее, фабрикации «дела», судебный фарс и расстрел первых групп обвиняемых. Итак, продолжим хронологию этого очередного сталинского политического спектакля.

В литературе уже отмечался тот, можно сказать, знаменательный, обозначивший главную цель и основное направление «ленинградского дела» факт, что аресты начались именно с Вознесенской, Марии Алексеевны. Напомню, она была первым секретарем Куйбышевского райкома партии в Ленинграде, уже освобожденной к тому моменту от своего поста, слишком скромного для того, чтобы сделать ее ведущей фигурой в этом «деле». Но она – женщина (может быть, послабее мужчин окажется?) и совестливый, кристально честный коммунист, член ВКП(б) с 1919 г. Именно с такими людьми, играя на их обостренном чувстве партийного долга и человеческой порядочности, еще со времен довоенных «процессов» любили работать создатели липовых заговоров и прочих «государственных преступлений». Не в чем конкретно обвинить ее? А для начала и не надо: главное – арестовать под любым предлогом или даже без него, поскольку, как тогда говорилось, был бы человек, а уж «дело» на него всегда найдется.

«Забрали», как тогда говорили в быту, Марию Алексеевну «за проведение вражеской деятельности» 21 июля 1949 г. В ее «деле» имеются четыре ордера на арест: ленинградский, московский (ее сразу же отправили в столицу) и два – от 1 августа и 17 октября 1949 г., появившихся в ходе следствия. Видимо, их предъявляли ей зачем-то по мере появления новых, растущей тяжести обвинений. Вообще же, чтобы механизм создания «ленинградского дела» побыстрее набирал обороты, Абакумов и его приспешники арестовывали людей не только без каких-либо фактических оснований (их еще предстояло «создать» будущему «следствию»), но зачастую и без санкции прокурора и соблюдения других требуемых

законом формальностей. Поэтому в «делах» с правовой точки зрения так много нелепостей, что, думаю, здесь и оговаривать их не стоит.

В тот же день, 21 июля, Абакумов запиской испросил у Сталина разрешение арестовать Я. Ф. Капустина и П. Н. Кубаткина – бывшего начальника Ленинградского областного управления МГБ. Первого – якобы по *подозрению* в том, что он связан с английской разведкой, второго – что по его указанию материалы на Якова Федоровича «*хотели* (курсив мой. – Л. В.) уничтожить». 23 июля оба они были арестованы, и с ними стали «работать» следователи. Делали они это так интенсивно и с применением столь «убедительных» методов и «внушительных» аргументов, что уже в начале августа получили от бывшего второго секретаря Ленинградского горкома партии нужные им «признательные показания». И как только 4 августа они были оформлены в виде протокола его допроса, этот документ в тот же день лег на стол Сталина.

В сопроводительной записке на имя «заказчика» Абакумов указывает, что «МГБ СССР настойчиво (позднее было установлено, что еще как «настойчиво»! – Л. В.) допрашивает КАПУСТИНА в вражеских делах, совершенных им в период пребывания в 1935–1936 гг. в командировке в Англии, несмотря на то, что КАПУСТИН пока эти обвинения отрицает», но следствие ищет в разных архивах документы по этому поводу для использования в дальнейшем. И это – последнее упоминание о высосанном из пальца предлоге для его ареста. Все остальные документы, направлявшиеся Сталину, говорят только о событиях, а чаще – о якобы планах и настроениях Якова Федоровича, связанных с его работой в Ленинграде. Кроме того, Абакумов сообщает об аресте «проходящих по показаниям КАПУСТИНА» А. Я. Тихонова – бывшего заведующего отделом Ленинградского обкома ВКП(б), уже исключенного из партии и работавшего затем начальником цеха завода «Русский дизель», и Ф. Е. Михеева – бывшего управляющего делами Ленинградских обкома и горкома партии. «Товарищ Сталин» был полностью согласен с запиской Абакумова, что выражено проведенной Поскребышевым по линейке синей чертой вдоль всего текста.

Тогда же, 4 августа, Абакумов направил Сталину другую записку, где испросил разрешение арестовать В. П. Галкина – бывшего заместителя председателя Исполкома Ленгорсовета, который-де некогда «примыкал к зиновьевской оппозиции»; декана одного из вузов Ленинграда; профессора другого института, в прошлом финансового советника при национальном правительстве Китая, за его еще более давнее, дореволюционное эсеровское прошлое и за то, что тот, «несмотря на наличие у него многочисленных связей среди эсеров, от выполнения заданий по выявлению их преступной деятельности уклонялся». А еще одним кандидатом на арест был директор картонажной фабрики в Ленинграде – тоже за еще дореволюционную принадлежность к анархистам-коммунистам. В этом документе Генералиссимус лично подчеркнул наиболее «перспективные» для будущего следствия места, тем самым согласив-

шись, как читатель наверняка помнит, с предложенными арестами, и закрепил свою позицию соответствующими пометками против каждой фамилии.

С этого момента Сталин уже не довольствовался ролью инициатора и идеолога «ленинградского дела» – началась его личная постоянная и конкретная «работа» как автора, сценариста и режиссера всей этой «постановки». Из трех последних ипостасей в первых двух он был ничем не примечателен, а вот в третьей – безусловно выдающимся. Конечно, при плохом сценарии убедительного спектакля даже отличный режиссер не поставит, и мы лишний раз убедимся в этом, когда дойдем до рассказа о так называемом процессе по рассматриваемому «делу», а пока заглянем в уже упомянутый протокол допроса Я. Ф. Капустина. Это был «обобщенный» протокол, составленный через 15 пыточных дней и ночей, прошедших после ареста подследственного. Начало вполне стандартное – для видимости объективности оставлено его первое заявление: «Я не преступник и никаких преступлений не совершал». А далее через несколько строк «классическая» и тоже стандартная демонстрация мастерства следствия: «Я буду говорить правду. Мне надоело двурушничать и выгораживать не только себя, но и связанных со мной других лиц». (И так – в каждом из подобных «шедевров»: всем очень уж единодушно и удивительно быстро, судя по «обобщенным» протоколам, надоело защищать себя, вводить следствие в заблуждение и заниматься прочими безнадежными попытками – под пытками скрыть от него «правду», которую издавна на Руси очень точно называли подноготной.) «На протяжении многих лет, еще с довоенного времени, я вел преступную линию против ЦК ВКП(б) и всяческими способами обманывал партию и лично Сталина». Последнее слово вписано от руки, чтобы машинистки не узнали, кого именно обманывал Капустин так долго, а значит, и успешно. (Напомню, в цитатах из документов сохранены все их особенности, включая подчеркивания и выделения заглавными буквами; рукописные слова и фразы воспроизводятся в книге курсивом.)

Обратите внимание на вбитые в уста арестованного штампы-ярлыки, которыми ни один человек говорить о себе просто не может. Они принадлежат только следствию: ведь это не ответы допрашиваемого, а формулировки будущего обвинения. В такой обработке текста допроса, когда заключенный якобы сам дает себе и другим людям, своим и их поступкам сугубо обвинительные характеристики, и состояла одна из главных сторон «мастерства» следователей, а еще больше тех, кто перedelывал протоколы в нужном духе и направлении. И эти, казалось бы, чисто словесные упражнения постепенно создавали все более отталкивающий образ «преступника» и в конце концов подводили его к нарастающим по тяжести обвинениям, а с ними – и к гибели.

Ну а далее Якову Федоровичу подсказывали и в случаях «непонятливости» вырывали из него фамилии тех, кто пока еще не знал, что входил в группу, противостоявшую ЦК КПСС, т. е. Сталину: Кузнецова,

Попкова, Соловьева, Лазутина, сестру и братьев Вознесенских и т. д. Каждому от имени Капустина, но в редакции следствия дается однозначно отрицательная характеристика, в том числе и самому допрашиваемому. Так, оказывается, что в каком-то докладе он, «принижая роль партии и Верховного Главнокомандования (т. е. не превознося одного лишь Сталина.— Л. В.) в деле разгрома немцев под Ленинградом, говорил: «Велики заслуги в победе над врагом секретаря Ленинградского Горкома ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова (тоже вписано от руки: уготованная находящемуся пока на свободе бывшему секретарю ЦК партии участь — еще большой секрет. — Л. В.) и Петра Сергеевича ПОПКОВА», и во время войны они втроем плюс Соловьев и Лазутин представляли собой антипартийную группу, противопоставлявшую себя ЦК ВКП(б).

«ВОПРОС (допрашивавшего Капустина — помощника начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковника Г. Сорокина. — Л. В.): То есть вели борьбу против партии?

ОТВЕТ: Я это признаю».

Выходит, что пока наша страна ждала открытия второго фронта на Западе у руководителей обороны Ленинграда он уже был: они боролись и с гитлеровцами, и одновременно с «ЦК ВКП(б)», «с партией», в которой состояли не в последних рядах. И этот бред сумасшедших выдается следствием по указке его главного куратора за уголовно наказуемое деяние!

На протоколе Сталин начертал резолюцию, которую потом основательно замарал, — он всегда очень заботился о том, чтобы лишних следов *своих* преступлений в архивах не сохранять, — но при желании (а для понимания подлинной природы происходившего зачеркнутое может оказаться куда более важным, чем написанное позднее) ее, конечно, с помощью современных технических средств можно было бы без труда прочитать, а также оставил указание: «Членам ПБ и кандидатам, секретарям ЦК, Шкирятову, членам Бюро Ленинградского обкома и горкома. И. Ст.». Поскребышев и направляет протокол в эти адреса вместе с сопроводительной запиской: «По поручению тов. Сталина направляется Вам для ознакомления протокол допроса арестованного Капустина Я. Ф. от 4 августа 1949 года».

И вот тут я вынужден расширить перечень достоинств «вождя народов», добавив к уже сказанному в других главах талант воспитателя своего ближайшего окружения. Как тщательно, как ненавязчиво и как результативно формировал он психологию соратников! Казалось бы, простое дело — прочитай очередной протокол и верни Поскребышеву, в сопроводительных записках которого всегда подчеркивалось: «для ознакомления». Значит, никаких решений, никаких самостоятельных действий от тебя не требуется и, более того, они тебе противопоказаны. Но это означает, что ты становишься пока пассивным, а потом тебя заставят быть и активным участником расправы над людьми, которые хорошо тебе известны как честные и преданные делу работники. Кроме того, ты

видишь, по каким нелепым обвинениям их тянут на эшафот, и понимаешь, что и тебя в любую минуту могут поставить рядом с ними. И самое главное – ты, член Политбюро и прочее, со страхом вглядываешься в лежащие перед тобой страницы, где может оказаться и твое имя, ведь вы вместе, бок о бок работали с арестованными до, во время и после войны. И чем шире разбрасывает следствие свои тенета, тем больше и у тебя шансов оказаться в них. И действительно, из узника выбрали и твою фамилию! Остается только одно: схватить лист бумаги и дрожащей рукой написать Сталину о своей невинности и преданности ему. Так даже невольное и косвенное участие в уничтожении одних «воспитывало», через унижение и страх, других в духе раболепной преданности «вождю». Этот вывод подтверждается и словами Управляющего делами Совнаркома, а затем Совета Министров СССР в 1941–1949 гг. Я. Е. Чадаева, относившегося, кстати, к «вождю» с благоговением. Что ж, тем ценнее его свидетельство: «Всегда не исключаемая при Сталине вероятность такого печального исхода (трагически закончить свой жизненный путь. – Л. В.) превращала его соратников в послушных и преданных ему людей».

К протоколу – как и ко всем последующим – приложен еще один документ (привожу его в выдержках; курсив с подчеркиванием в этом и других материалах воспроизводит рукописные фрагменты в них):

Совершенно секретно

СПИСОК

лиц, проходящих по показаниям арестованного
КАПУСТИНА Я. Ф.

<u>Вознесенская</u> М. А., бывший секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) гор. Ленинграда.	Арестована МГБ СССР.
---	----------------------

ЗАКРЖЕВСКАЯ Т. В. ...	Арестована МГБ СССР.
-----------------------	----------------------

ТИХОНОВ А. Я. ...	Арестован МГБ СССР.
-------------------	---------------------

МИХЕЕВ Ф. Е. ...	Арестован МГБ СССР.
------------------	---------------------

ПОПКОВ П. С. –
бывший первый секретарь Ленинградского
областного и городского комитетов ВКП(б), ныне ...

СОЛОВЬЕВ Н. В. – ...

ЛАЗУТИН П. Г. – ...

ГОВОРОВ Л. А. –
заместитель министра Вооруженных Сил СССР.
(Здесь – компромат на него и его брата. – Л. В.).

ЗАЛЫЦМАН И. М. –
бывш. директор Кировского завода в Челябинске ...

Вознесенский А. А. – бывш. министр просвещения РСФСР
(подробная справка на Вознесенского представлена
в ЦК 20 июля с.г. № 5683/А).

В. Абакумов

«4» августа 1949 года

Сравнительно подробно рассказал я о некоторых деталях, связанных с первым из «обобщенных» протоколов, поступавших Сталину, потому, что точно такая же «технология» представления ему и ознакомления с подобными документами определенного им круга лиц применялась и по отношению к материалам допросов других арестованных. «Великий вождь» не гнушался при этом и черновой работы. Так, уже на следующий день, 5 августа, он получил протокол допроса В. В. Рейхардта, как сказано в преамбуле этого документа, русского, бывшего декана политико-экономического факультета Ленинградского государственного университета. Казалось бы, Председатель Совета Министров великой страны, глава партии – и «просто» декан, профессор... Но с известной всему миру чуткостью к «простым людям» Генералиссимус не проглядывает, а прорабатывает с карандашом в руках этот документ. В протоколе указывается, что Виктор Владимирович в «марте 49 г. после исключения в Ленинграде из рядов ВКП(б) выезжал в Москву для встречи с Вознесенским Александром Алексеевичем – посоветоваться и найти поддержку». Сам Рейхардт назван «матерым троцкистом» и отмечено, что А. А. Вознесенский, говоря языком следствия, имел с ним связь. Последнее верно: они были друзьями со студенческих лет, вместе работали в ряде вузов, и Александр Алексеевич неоднократно поддерживал Виктора Владимировича в трудные моменты его жизни.

Внимательный читатель «товарищ Сталин» оставляет свои пометки-указания против каждой фамилии, всплывающей в ходе допроса, – от Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова до ставших впервые известными ему профессоров, доцентов, преподавателей политико-экономического факультета ЛГУ (естественно, все они тут же были арестованы), отмечает отрицательные оценки написанных ими «вредных» книг.

Весьма характерным для той эпохи явился отраженный в этом и некоторых других протоколах эпизод с чуть ли не первым – в 1947 г. – анонимным социологическим опросом, проведенным среди студентов университета. С великим трудом и многими, мягко говоря, неприятнос-

тиями для их энтузиастов конкретные социальные исследования начали постепенно пробивать себе дорогу в нашей стране только в 60-х гг. А тогда, после войны, подобные исследования находились под фактическим запретом: ведь они могли дать совершенно другие и трудно оспариваемые результаты, нежели те, которые преподносились нам в виде общих и якобы безусловно истинных выводов. А тут еще кое-кто из опрошенных дал ответы, не укладывающиеся в прокрустово ложе обязательной официальной идеологии. Поэтому следствие сразу же охарактеризовало распространенную в университете анкету как провокационную. Сформулированный якобы Рейхардтом ответ на вопрос и, естественно, им подписанный выглядит так:

«Инициатива в выпуске такой анкеты принадлежала НЕКРАШ. Он ее предложил и разработал вопросы, отдельные из которых носили ничем не прикрытый провокационный характер, а я и *Вознесенский* отредактировали их, после чего поручили НЕКРАШ распространить анкету среди студентов». Ликарион Витольдович Некраш, известный специалист в своей области, профессор, заведующий кафедрой статистики, скончался в тюрьме.

Протокол же допроса В. В. Рейхардта завершался таким пассажем:

«Я правдиво показал о всех своих вражеских связях, не скрыв даже *Вознесенского*, которому я был многим обязан...

ВОПРОС: Вы активный враг советской власти и следствие вам не верит. О ваших вражеских связях и преступлениях вы будете еще допрашиваться».

Однако этим планам помощника начальника Следчасти по особо важным делам МГБ СССР подполковника Соколова и дирижировавших им осуществиться было не суждено: Виктор Владимирович не выдержал физических и моральных страданий и тоже умер в тюрьме – от инфаркта.

Ну а поскольку через год с небольшим был расстрелян и А. А. Вознесенский, то не остается ничего иного, кроме того, чтобы сказать: опасная для жизни эта штука была – конкретные социальные исследования (хотя, конечно, анкета послужила лишь одним из поводов для уничтожения всех троих ученых по другим, более «весомым» причинам).

Между тем «ленинградское дело» пухло, словно на дрожжах. Того же 5 августа Секретариат ЦК за подписью Маленкова снял с поста первого секретаря Крымского обкома партии Н. В. Соловьева «как не заслуживающего политического доверия ЦК ВКП(б)», а 6-го Политбюро подтвердило это решение. И правда, какое могло быть оказано доверие генерал-лейтенанту, во время войны и сразу после нее бывшему председателем Ленинградского облисполкома? Тем более что воевавший против Гитлера Николай Васильевич, судя по протоколу допроса Я. Ф. Капустина, вместе с другими ленинградскими руководителями умудрился одновременно бороться и «против партии».

Следствие активно поставляло своему главному режиссеру весьма богатый материал для его творческого воображения, но не менее ценными в этом отношении были письма ему нового первого секретаря ленинградского обкома и горкома партии В. Андрианова. Они подтверждали гениальное предвидение «вождя народов» о Ленинграде как источнике всяческой крамолы и гнезда заговорщиков. Например, из письма от 9 августа – тоже тщательно им размеченного – он узнал, среди прочего, о личной жизни арестованной Закржевской, о затратах на прием в Ленсовете, надо полагать, по случаю пятой годовщины снятия блокады, о подарке в виде настольной чугунной «модели памятника Петру I» одному из руководителей обороны города, о том, кто какого вождя больше любит, и о тому подобных столь же «важных» для главы партии и государства фактах. В одну кучу автор письма валил все, лишь бы продемонстрировать свое рвение в наведении «порядка» в городе, и каждой, даже сугубо бытовой детали старался придать «принципиальное», политическое, антипартийное звучание. И все это Сталин размечал как особо достойное внимания своего и следствия. Знакомись с этими текстами и пометками и невольно думаешь: сколь же ничтожны были те, кто выискивал подобный «криминал», доносил о нем и так тщательно изучал его! И уж конечно, не уставала рука главного потребителя этой информации отчеркивать те места, где говорилось о людях, имевших в прошлом хоть какое-то отношение, пусть только личное или служебное, к меньшевикам, троцкистам, правым или объявленным в свое время таковыми. Тут же информация о пресловутой анкете с примерами вопросов, как там сказано, «провокационного характера». Например, в анкете было предложено: «Назовите несколько имен крупнейших по вашему мнению исторических и современных политических деятелей», и в некоторых ответах оказались «имена Гитлера, Бонапарта, Черчилля и др., а через два вопроса спрашивалось – «Знакомы ли вы с биографиями наших вождей, товарища Ленина и Сталина?» Надеюсь, никому не требуются комментарии к процитированному?

А далее – огромный перечень, главным образом ученых, заведовавших кафедрами общественных дисциплин и преподававших их, снятых с работы за то, что когда-то они привлекались к ответственности за какие-либо, повторю, вплоть до родственных, связи с оппозицией, реальной и вымышленной. И хотя «в Управлении МГБ Ленинградской области каким-то образом пропала картотека на троцкистов и зиновьевцев», т. е. на тех, кому в свое время приклеивали этот ярлык, их имена вновь были извлечены на свет и «удостоились чести» быть отмеченными рукой «вождя» со всеми вытекавшими отсюда практическими последствиями.

Не прошел равнодушно «товарищ Сталин» и мимо такого холуйского доноса Андрианова: «Изданы две весьма объемистые книги – Ленинград в отечественной войне. Одна открывается речью Жданова, другая – Кузнецова, а речи тов. Сталина И. В. от 3 июля 1941 года и речи тов. Сталина И. В. 6 ноября 1941 года на торжественном собрании Московс-

кого Совета, которые предопределили исторические судьбы советского народа не помещены и места им в книжках не нашлось».

Завершалось письмо просьбами, полностью поддержанными Сталиным:

«а) помочь укрепить (вырубленные. – Л. В.) социально-экономические кафедры вузов и подкрепить свежими кадрами аппарат обкома и горкома;

б) открыть музей Революции и решить вопрос (то есть закрыть. – Л. В.) о музее Оборона Ленинграда;

в) укрепить (то есть еще раз разгромить. – Л. В.) редакцию журнала «Звезда»...

Мне думается, тов. Сталин, во многом повинны, прежде всего, бывшие руководители обкома и горкома ВКП(б), которые должны понести ответственность за свои дела перед партией», – заключил, стремясь идти в ногу с событиями или даже опережать их, свое письмо-донос Андрианов.

Тогда же, 9 августа, Сталин получил еще одно письмо Андрианова о проведенной горкомом партии проверке того, как в Ленинграде (именно там, из других городов таких откликов, вроде, не было) воспринималась и пропагандировалась изданная в конце 1947 г. книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика...». То было явное эхо от принятого недели три назад и уже упоминавшегося решения Политбюро о журнале «Большевик», полностью подтверждающее правильность и справедливость этого документа. Письмо обильно сдобрено излюбленным гарниром – ссылками на якобы троцкистско-зиновьевское прошлое лиц, участвовавших в обсуждении книги. Почти все пометки Сталина в этом многостраничном документе, тщаясь принизить теоретическое и политическое значение книги, относятся к тем цитатам из связанных с ней лекций, докладов, статей, где подчеркивалось научное значение затронутых в этой работе вопросов. Не постеснялся он отметить и особенно опасные для автора «Военной экономики...» места, подобные такому: в учебном плане семинара секретарей райкомов и горкомов «на изучение книги Н. Вознесенского... было отведено 8 часов, в то время, как на изучение темы «Развитие товарищем Сталиным теории марксизма-ленинизма (к выходу в свет Сочинений И. В. Сталина)» было отведено только 4 часа». По-моему, и отправитель писем, и их читатель были вполне достойны друг друга. По характеру отмеченных последним мест в письме отчетливо видно, что оно основательно подогрело его негативное отношение к книге и ее автору, невольно посягнувшему, можно сказать, на божественное право «вождя и учителя» быть единственным носителем научной истины.

Трудиться над созданием «дела» приходилось денно и нощно. Всего через три дня передышки, 12 августа, «корифей» ознакомился с очередным протоколом допроса – на этот раз Т. В. Закржевской – и расширившимся списком лиц, упомянутых в ее показаниях (как вы понимаете,

этот список постоянно пополнялся с каждым допросом все новых и новых лиц, втягиваемых в «дело»). В протоколе перечислены подсказанные следствием (это видно из самих формулировок) различные «вины» ленинградского руководства – вплоть до... посылки ими праздничных поздравлений друг другу.

13-го же августа выписываются ордера на арест А. А. Кузнецова и П. С. Попкова: к этому времени в показания тех, кто уже находился в заключении, следствием были внесены обвинения в адрес названных – и других, впрочем, – руководителей Ленинграда. Теперь можно было начать оформлять их «дела». Правда, постановления на арест, обыск и избрании меры пресечения, т. е. содержания в тюрьме Кузнецова и Попкова, подписаны только 18 августа, но разве можно считать с логикой или искать хоть какое-то подобие норм права, когда речь идет о людях, первый из которых «на протяжении ряда лет проводил преступную работу против ЦК ВКП(б)», а второй «проводил враждебную ВКП(б) и советской власти деятельность»? Тем более что следователи «на основании имеющихся (т. е. свежесостряпанных. – Л. В.) в МГБ СССР материалов» все это «нашли», как говорится в постановлениях на аресты, еще до встречи с будущими обвиняемыми. Вот уж поистине, говоря словами популярной тогда песни, «кто ищет, тот всегда найдет!», особенно если заранее знаешь, что и куда сам положил...

В те далекие годы коммунист был обязан сразу сообщать в свою парторганизацию, точнее, ее секретарю об аресте родственников и других событиях подобного рода. И Н. А. Вознесенский, 13 августа получив от меня известие об аресте Марии Алексеевны, как бывший член Политбюро и пока еще член ЦК партии, в тот же день передал через Поскребышева своему «парторгу» Сталину заявление с информацией об этом событии. А через несколько дней, 17 августа, он отправил еще один документ:

«В ЦК ВКП(б)

Товарищ Сталин!

Обращаюсь к Вам с великой просьбой – дать мне работу, какую найдете возможной, чтобы я мог вложить свою долю труда на пользу партии и Родины. Очень тяжело быть в стороне от работы партии и товарищей...

Прошу Вас оказать мне это доверие; на любой работе, которую поручите, отдам все свои силы и труд, чтобы его оправдать.

Преданный Вам Н. Вознесенский».

В машинописной копии Сталин подчеркнул окончание слова «Вам» и следующую за ним подпись автора письма, который не кривил душой:

в его сознании, как и у огромного числа других людей, Сталин и социализм давно стали синонимами. Более того, граждане нашей страны видели в Сталине не только его творца, но, говоря сегодняшним языком, гаранта того, что она и дальше будет развиваться именно по этому пути.

Что же касается работы, то никаких распоряжений так и не последовало. Помню, как однажды, еще задолго до создания «дела», в каком-то шутилом семейном разговоре вдруг выяснилось, что младшая дочь Николая Алексеевича, первоклашка, весьма гордилась не тем, какое положение в обществе занимал ее отец, а тем, что его брат был министром просвещения. Услышав о таком детском представлении о государственной иерархии, взрослые дружно расхохотались, а Николай Алексеевич, еще смеясь, сказал: «Ну, если снимут меня с Госплана, подамся в министры!» К сожалению, эта его «программа» не осуществилась. В разных книгах упоминается, что в то время возникали чьи-то идеи создать Среднеазиатское бюро ЦК и направить туда Н. А. Вознесенского в качестве его председателя, предложить ему пост ректора Новосибирского университета, директора Института Маркса – Энгельса – Ленина и т. п. Позднее, на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК между Хрущевым и Маленковым дважды возникал спор по поводу того, что Сталин несколько раз предлагал назначить Николая Алексеевича председателем Госбанка, а Берия и Маленков эту идею всячески саботировали и, по словам Никиты Сергеевича, «преподнесли дело так, что Вознесенский, Кузнецов, Попков и другие – это преступники». (Здесь и в последующих извлечениях из этого издания сохраняются все особенности оформления стенограммы Пленума. – Л. В.) Почему? В свое время Сталин заслуженно или незаслуженно выдвигал Кузнецова вместо Маленкова, а Вознесенского хотел сделать Председателем Совмина. За это у них головы полетели». И еще: «Когда Сталин стал выдвигать Вознесенского и заявил, что имеет в виду в последующем выдвижение Вознесенского на пост Председателя Совета Министров, Маленков совместно с Берия сделал все для уничтожения Вознесенского.

Хочу спросить у гг. Маленкова, Кагановича, Булганина, сколько раз И. В. Сталин поднимал вопрос в нашем присутствии, почему бы не назначить Вознесенского на работу в Госбанк. И это было уже после того, как Берия совместно с Маленковым состряпали дело против Вознесенского.

Булганин. Правильно.

Хрущев. И все же Вознесенского в Госбанк не назначили, материалы на него все закручивали и закручивали и довели дело до ареста, а потом и уничтожения Вознесенского».

Эти слова Хрущева, как и многие другие детали, говорят о том, что у Сталина в течение какого-то времени сохранялись колебания относительно судьбы Н. А. Вознесенского, но умелая и настойчивая обработка сознания «вождя» организаторами «ленинградского дела» перевесила чашу весов в их пользу. Вместе с тем такие колебания, если они не были тонким маневром самого «корифея», несомненно, подталкивали «наших»

провокаторов к максимально быстрому получению любых материалов, компрометирующих их жертвы и позволяющих успешно развивать затеянную интригу. Именно поэтому так насыщены арестами, допросами и прочими сопутствующими событиями первые месяцы (лета и осени 1949 г.) формирования «ленинградского дела».

За арестами А. А. Кузнецова и П. С. Попкова последовали «изъятия» П. Г. Лазутина и М. И. Родионова (ордера от 18 августа). В этот же день Сталин ознакомился с адресованным ему письмом Пономаренко (надо полагать, П. К., бывшем в то время секретарем ЦК партии) о Вербицком А. Д. как одном «из участников политически и морально разложившейся группы Кузнецова, Попкова, Капустина и др.». Обратите внимание: ее даже на бумаге еще нет, состав ее не определен, следствие только началось и идет в полной тайне, а автор письма уже «знает», что она существует, что члены ее разложились и что в ней участвует Вербицкий – секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), а затем заместитель министра морского флота СССР... За годы, прошедшие с тех пор, как я впервые прочитал подобные насквозь лживые документы, мне так и не удалось понять, на что рассчитывали их создатели: то ли на вечную засекреченность архивов, то ли на такую же беспросветную обреченность потомков питаться только тщательно отобранной, сквозь мелкое сито пропущенной и пережеванной для них информацией. А может быть, они просто спасали свою собственную жизнь и действовали в соответствии с лагерным принципом «умри ты сегодня, а я – завтра»?

Как бы то ни было, но механизм документального оформления заранее predeterminedных событий продолжал функционировать с нарастающей скоростью, тем более что главный потребитель и большой любитель такого жанра, грязных доносов, Генералиссимус не оставлял своим вниманием новые и новые «шедевры» творцов из МГБ. Так, в тот же день он ознакомился с протоколом допроса Ф. Е. Михеева, куда были внесены обвинения П. С. Попкова и его жены в злоупотреблениях. Вот уж поистине: с миру по нитке – голому рубашка, хотя в данном случае надо было бы сказать – саван.

Напомню еще раз о технологии создания коллективного «дела»: из каждого подследственного выжимались или ему навязывались показания против людей, еще находящихся на свободе, но уже намеченных в качестве будущих жертв, которые и подвергались затем аресту на основании этих фальшивок. Так были получены показания и против А. А. Вознесенского, который был арестован в санатории «Сочи», в той его части, которая находится на горе Ахун, 19 августа 1949 г. О том, что он не питал иллюзий относительно своей судьбы, говорят слова, сказанные им вполголоса доброй знакомой нашей семьи накануне его ареста: «Тамара Алексеевна, прошу Вас, не оставляйте Леву», – произнес он, проходя мимо нее...

В духе «лучших» традиций деятельности «органов» в те времена оба постановления – об аресте и обыске и об избрании меры пресечения

(заключения в тюрьму) – были подписаны министром Госбезопасности Абакумовым и заместителем Генерального прокурора СССР Афанасьевым только через 10 дней – 29 августа, а объявлены отцу лишь 1 сентября, а ордер на обыск квартиры – вообще 30 декабря. И уж конечно, не было даже намека, как и в других аналогичных случаях, на какое-то там разрешение Президиума Верховного Совета СССР арестовать своего депутата. (Поэтому, наверное, и пересылали на его домашний адрес в течение года с лишним, о чем упомянуто в одной из предыдущих глав, благодарные письма избирателей.) Эти детали лишь немногие из бесчисленных примеров не только фактического, но и, если так можно сказать, формального беззакония, о котором тоже говорилось выше.

Когда отец отправился в Сочи, я уехал в Ригу, и там меня застало известие о его аресте и обыске у нас дома в Москве. То ли на моем лице было написано, то ли в голосе прозвучало, то ли в словах оказалось нечто такое, что меня взяли в ближайший самолет, поставив в нем дополнительно обыкновенный стул. До сих пор вспоминаю о людях, сделавших это явно в нарушение летных правил, с глубокой благодарностью. Сразу же по приезде я через Марию Андреевну, жену Николая Алексеевича (после отставки мы с ним уже не виделись, что в той обстановке было вполне разумно с его стороны), сообщил ему об аресте отца, а он тут же, 21 августа, написал, как и после ареста Марии Алексеевны, соответствующее ритуальное заявление Сталину. Заканчивалось оно побольшевистски жестко, чего я поставить ему в вину не могу: широко известно, например, что ни Молотов, ни Калинин, ни Микоян, ни многие другие партийно-государственные деятели, не говоря уже об уважаемых в стране ученых и представителях других отрядов интеллигенции, как правило, не поднимали голос в защиту своих арестованных родственников, коллег и друзей. И Николай Алексеевич, в 1938 г. еще вытащивший Марию Алексеевну и ее семью из ссылки, теперь, даже находясь не у дел, оставался в рамках системы, диктовавшей входившим в нее совершенно определенный тип поведения, согласно которому партия (точнее, ЦК, еще точнее, Сталин) всегда права, арестовывают у нас в стране только виновных, и для коммуниста выше любых родственных являются отношения партийные. И это было, насколько можно судить по просмотренным мной архивам, его последнее письмо Сталину.

Ну а основные события, то бишь аресты, допросы, чтение записок из ЦК и МГБ, протоколов следствия Сталиным, его указания, новые аресты, шли своим чередом, и их «нормальный» ход только раз был нарушен, можно сказать, возмутительным поступком и вообще глубоко «антипартийным поведением» второго секретаря Ленинградского горкома партии Н. А. Николаева (в документах путаница с инициалами: в некоторых из них написано А. Н.). Вместо того чтобы отдать себя на растерзание палачам и позволить им оболгать свое имя, он, видите ли, в ночь с 25 на 26 августа 1949 г., как докладывал Сталину Абакумов, «покончил жизнь самоубийством путем отравления отопительным газом». Оказа-

лось, что, в отличие, например, от Андрианова, он был порядочным человеком и помогал без ведома того устроиться на работу некоторым из снятых со своих постов ленинградских руководителей и даже в одном случае «пытался повлиять на ход следствия». А ведь назначая его, неблагодарного, в конце марта на этот пост, от него ожидали совсем иного, прямо противоположного. И когда бюро Ленинградского горкома ВКП(б) обсудило вопрос о его «непартийном поведении», сняло с работы и вывело из состава местных руководящих партийных органов, Николаев, надо думать, четко представлявший себе дальнейший ход событий, спасая свое доброе имя и, может быть, судьбы своих близких, принял самостоятельное решение. Его предсмертная записка гласит: «Из жизни ухожу честным коммунистом. Нет моей вины никакой. Прощай дорогая жена и сын. НИКОЛАЕВ». 25.VIII.49 г.».

Переполюшилось, однако, не только МГБ. Андрианов 26 августа по «ВЧ» (высокочастотная правительственная связь) продиктовал две записки Сталину, из которых тот узнал, что «после разоблачения бывших руководителей Ленинградского обкома и горкома Николаев, который продолжительное время работал с ними, будучи секретарем райкома ВКП(б), оказался нечестным (так! – Л. В.) человеком перед партией и, чтобы уйти от ответственности, покончил жизнь самоубийством». Особенно возмутительно, конечно, было то, что он «Даже перед смертью... ни слова не сказал ни о партии, ни о ЦК ВКП(б)». Просто коробит от подлости, цинизма, трусости и глупости, которыми пропитана эта записка Андрианова. Сработал и центральный аппарат: уже известный читателям Дедов написал соответствующую записку Сталину, а Секретариат ЦК и Политбюро утвердили решение Ленинградского горкома о покойном к тому времени Николаеве.

С 30 августа начались интенсивные допросы А. А. Вознесенского. Приведу начало первого из них:

«ВОПРОС. Вы арестованы за проведение вражеской, антисоветской деятельности против партии и Советского государства.

Следствие предлагает Вам дать подробные показания о совершенных Вами преступлениях.

ОТВЕТ. Никаких преступлений против партии и Советского государства я не совершал.

ВОПРОС. Это неправда. Ведь Вы за преступления против партии и Советской власти арестованы и заключены под стражу.

ОТВЕТ. Я настаиваю на своей невиновности».

И эта, извините за такое выражение, сволочная «логика» не просто следователя и даже не «логика» тогдашнего МГБ – это распространявшаяся на людей «логика» эпохи Сталина: вы арестованы, значит, виновны. Фактов пока нет – неважно: вы сами себя, а заодно и других оговорите. Мы вам в этом поможем всеми доступными нам средствами.

Именно с «приглашения» оговорить себя начинались протоколы первых допросов тех, кого поглотило «ленинградское дело». Желавших с готовностью откликнуться на подобные приглашения, по моим наблюдениям, не было, и тогда использовались различные подходы к арестованным, чтобы сломить их волю к сопротивлению. Прежде всего, судя по протоколам, ставилась задача раздавить каждого как личность, отнять у него человеческое достоинство. И здесь все средства были «хороши»: не только невыносимые физически, но и унижительные пытки, хамская манера вопросов, оскорбительные оценки пройденного арестованным жизненного пути, его служения своему Отечеству, циничное передергивание фактов и омерзительная, грязная ложь, в которой топились все светлое и высокое, ради чего подследственный жил и работал. И вот ты – беспомощный сгусток разрывающихся от невыносимых моральных страданий нервов, кусок кричащего от чудовищной боли мяса, неодолимой силой влекомый в горловину бешено работающей машины неотвратимого уничтожения.

К таким выводам неизбежно приходишь при ознакомлении с протоколами допросов. Перечитывая их, я каждый раз невольно вспоминал жуткую новеллу Ф. Кафки, певца трагического бессилия человека перед абсурдным устройством окружающей среды, превращающего его и жизнь, и смерть в кошмар. Новелла эта прямо-таки символически называется «В исправительной колонии», и я, иногда возвращаясь к ней, не могу отделаться от ощущения, что она за полтора-два десятка лет предсказала появление сталинского единовластия и механизма садистского уничтожения людей. Там все было, как потом и у нас в стране: комендант, власть которого не ограничивалась ничем и никем, он же изобретатель и создатель машины уничтожения, «и солдат, и судья, и конструктор, и химик, и чертежник» (чем не «корифей» местного масштаба?); свое «правосудие», исходящее из правила «Виновность всегда несомненна» и не оставляющее осужденному какой-либо возможности защищаться; сам аппарат для варварского, соединенного с мучительной многочасовой пыткой уничтожения людей, которым сначала надо было управлять вручную, а затем он стал действовать уже совершенно самостоятельно, с единственным только недостатком – большой загрязняемостью кровью; и все это – ради просветления мысли, которое перед смертью наступает даже у самых тупых, во имя конечно же торжества... справедливости. Оборву на этом рассказ об аналогиях с нашим прошлым и процитирую лишь два фрагмента, напоминающих о настоящем и настоящими относительном будущего.

Тамошний старый комендант, как и наш «вождь», был создателем не только машины для уничтожения людей, но и самой структуры всей этой исправительной колонии. Она, структура, «настолько целостна, что его преемник, будь у него в голове хоть тысяча новых планов, никак не сможет изменить старый порядок по крайней мере в течение многих лет». И еще: «Существует предсказание, что через определенное число лет ко-

мендант воскреснет и поведет своих сторонников отвоевывать колонию...» Так вот, в могилы таких «комендантов» надо бы поглубже забивать осиновые колы и время от времени еще и проверять, не раскачал ли их кто-нибудь.

Пусть, однако, литературные параллели не отвлекут нас от намного менее художественных, но зато более убедительных текстов. С одним из них, откровениями подполковника Путинцева, следователя Марии Алексеевны Вознесенской и ряда других погибших с его помощью людей, явно озвучившего мысли куда более высокого руководства, спешу познакомить читателя: «Существуют... две категории преступников – это пойманные с поличным, которых легко осудить. Вторая категория – потенциальные преступники, люди, *способные* совершить преступления *в будущем* (курсив мой. – Л. В.). Задача органов МГБ раскрыть и осудить таких преступников. Для их осуждения нужны факты. Чтобы добыть эти факты нужно применить особые методы. Два метода используются в следственной практике работников МГБ: первое – применение мер физического воздействия с целью разрушить нервную систему и сломить волю обвиняемого к сопротивлению; второе – применение мер психического воздействия с целью заставить человека потерять веру в своих сограждан, друзей, в себя». Подобные признания, по моему, полезны для просветления умов даже без применения машины из новеллы Кафки.

Мне не удалось ознакомиться с до сих пор закрытыми материалами, которые, в частности, могли бы приоткрыть пыточную сторону так называемых следственных действий в 30-е и послевоенные годы. Но кое-что просматривается в более или менее доступных материалах и в историко-мемуарной литературе, посвященной этому периоду. Здесь и пребывание, до месяца и более, и даже многократное, раздетого до белья заключенного в каменном мешке – карцере, оборудованном к тому же холодильной установкой, о чем с ужасом говорил испытывший это на себе... Абакумов; и содержание без сна в течение многих дней и недель (невыносимое испытание); и «обработка» человека с заткнутым тряпкой ртом дубинками, плетью, сапогами по всему телу, включая подошвы и половые органы, их раздавливание; сверление здоровых зубов, их выбивание, ломка челюстей, ребер, позвоночника, повреждение внутренних органов; прижигание сигаретами самых чувствительных частей тела, вплоть до языка, использование каленого железа, электрических импульсов... И это лишь небольшое из арсенала методов воздействия на арестованных, на что я наткнулся не только в их признаниях, но и в показаниях самих заплочных дел мастеров, «работавших» и в следственных кабинетах, и в специально оборудованных для этого помещениях. В Лефортовской тюрьме это были 29-й и особенно страшный 65-й кабинеты, куда наиболее упорных приводили и откуда их чаще всего выносили... Сам применявший пытки к заключенным министр внутренних дел Меркулов, впоследствии расстрелянный по делу Берии, при-

знавался: «В Лефортовской тюрьме было жутко проходить, слыша крики избиваемых. Я не мог заснуть ночами, вспоминая эти картины. Избиение арестованных имело место и в кабинетах следователей в Наркомате».

Нельзя не содрогнуться даже от этого небольшого перечня того, что с арестованными проделывали следователи. И заметьте, как далеко в этом отношении ушло сталинское «правосудие» от средневекового «правосудия» инквизиции, ведь раньше не было ни резиновых дубинок, ни сигарет, ни электричества, ни холодильных установок, ни других достижений науки и техники, поставленных на службу следствию. Что ни говори, а технологии поиска истины стали куда совершеннее.

Но тут возникает вопрос: а что тогда, на протяжении всех сталинских десятилетий, понималось под *истиной*? Вот в этом отношении, приходится признать, заметного прогресса со времен средневековой инквизиции не произошло. И об этом хотелось бы сказать в полный голос, а в книге написать аршинными буквами, если бы такое технически было возможно. В абсолютном противоречии со всеми правовыми нормами, выработанными за последние столетия человечеством, «доказательством» вины миллионов жертв сталинского террора служили не вещественные улики, не имеющие юридическую ценность документы, а данные, как правило, под пытками и с помощью других методов давления *оговоры* одних граждан другими и их *самооговоры*!! Только так, изуродовав душу и тело невинного человека, можно было превратить его на бумаге, а затем и в глазах оставшейся пока на свободе общественности во «врага народа», в преступника и подвести его к роковой черте — расстрелу или к растянутой во времени смерти в тюрьме, лагере, ссылке. Семинарист, повторявший библейские, общечеловеческие заповеди, презрел и растоптал их, включая и ту, которая гласит: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего». Более того, он растоптал и изгадил души миллионы людей, построив адскую машину, заставившую их лжесвидетельствовать друг на друга. Так что же, будем оставаться апологетами сталинщины и ее создателя?

Строки эти я пишу ночью и днем именно 19 августа, ровно через 51 год после ареста отца. За полвека с лишним я тысячи раз представлял себе его белоснежную (с 1937 г.) голову за тюремной решеткой и думал о том, какие невыразимые страдания должен был испытывать он, оказавшись узником в *своей* стране, на благо которой он работал с полной отдачей. Мне всегда казалось, что и физические, и нравственные муки *советскому* человеку было бы легче перенести в фашистской, нежели в «родной» тюрьме. Там — открытый противник, которому не нужно лепить твой образ как врага своей страны, не нужно любыми средствами заставлять тебя опорочивать свою жизнь, осуждать и чернить свою деятельность, собственное творчество, будь то художественное, научное, военное и вообще любое другое. Здесь тебя вынуждают предать, морально уничтожить самого себя.

Конечно, к разным людям, кроме шаблонных приемов, нужен и индивидуальный подход. Из материалов «ленинградского дела» видно, что кого-то стремились морально сломать посредством раздутых или просто ложных обвинений в материальной нечистоплотности – личной или членов семьи. Кого-то – обвиняя в предательских мыслях(!) во время войны и т. д. Такие приемы к братьям и сестре Вознесенским даже при тогдашних методах следствия были неприменимы. И на первый план вышло обвинение в нечестности перед партией, перед ЦК, выразившееся в том, что они скрыли факт присвоения их отцу, по-видимому еще задолго до революции, звания «личный почетный гражданин». О том, за что он его получил, рассказано в главе 3, во фрагменте, посвященном Марии Алексеевне. Но это обстоятельство, малозначащее тогда для бедной семьи мелкого служащего в принадлежащем купцу лесничестве, в новых условиях, внесенное в анкеты, автоматически отбросило бы детей такого «гражданина» в разряд «социально чуждых» по происхождению, что закрывало бы им дорогу к высшему образованию и соответственно к работе в той сфере жизни, которая их всех интересовала больше всего. А сфера эта – общество, его история, настоящее и будущее, в создании которого они хотели принимать и принимали самое искреннее и активное участие. Недаром все они стали обществоведами – учеными и преподавателями. Николай к тому же на пятнадцатом году жизни организовал и возглавил уездный комитет комсомола и с 16 лет вместе с 18-летней Марией был уже членом РСДРП.

К слову, их (как и младшей сестры Валентины) активной и, так считалось долгие годы, столь полезной для страны деятельности не мешало то, что они были, можно сказать, трижды(!) «социально чуждыми». Вдобавок к пресловутому званию их отца следствие обнаружило еще два «криминала» в прошлом этой семьи. Один состоял в том, что деды братьев и сестер Вознесенских и по отцовской, и по материнской линии были низовыми церковнослужителями, дьячками. Другой казался еще страшнее. «Моя мать – ВОЗНЕСЕНСКАЯ Любовь Георгиевна, – записано в протоколе одного из допросов Марии Алексеевны, – рассказывала мне, что в гор. Ефремове проживала тетя моего отца», которая «содержала сапожную мастерскую. В этой сапожной мастерской некоторое время находился и мой отец, которого она имела намерение приучить к тому, чтобы он вел дела мастерской в последующем.

Из этого, однако, ничего не получилось, так как отец познакомился с купцом БОРИСОГЛЕБСКИМ и пошел к нему в приказчики». Текст этот был «творчески переработан» следствием, в результате чего скончавшийся еще до революции А. Д. Вознесенский через тридцать с лишним лет был перемещен из разряда эксплуатируемых в разряд эксплуататоров. Это явно считалось большим достижением следствия, поскольку в обвинительных документах каждого из сыновей и дочерей Алексея Дмитриевича было, вопреки фактам и логике, записано: «происходит из семьи владельца (?! – Л. В.) сапожной мастерской». Так в конце концов

были выявлены триединые исторические корни их многообразной – научной и преподавательской, государственной и общественной деятельности, в 1949–1950 гг. названной «преступной».

Здесь мне, пожалуй, придется частично пересмотреть свое первоначальное намерение и обещание пройти весь, буквально день за днем, «задокументированный» путь создания так называемого «ленинградского дела». Чувствую, что вести за собой читателя и далее, от ареста к аресту, от допроса к допросу, от заключенного к заключенному, значило бы подвергать его, читателя, терпение непомерному испытанию. Профессиональный исследователь в случае необходимости может обратиться к моему архивному фонду, где находится материал «Ленинградское дело. Хронология событий по документам Архива Президента РФ и Архива ФСБ». Правда, он охватывает только ту часть информации, с которой я имел возможность ознакомиться, но все же дает несколько более полное, сведенное воедино и последовательное представление о реальном ходе событий в рамках этого «дела». Однако даже при таком самоограничении о некоторых эпизодах здесь придется рассказать.

В литературе встречаются указания на то, что еще один бывший ленинградец, А. Н. Косыгин, чудом избежал ареста, «на волоске висел», говоря словами Хрущева. Учítывая, что в «обобщенные» протоколы допросов, посылавшихся Сталину, попадало только то, что было угодно тем, кто стоял за спиной следствия, упоминание в некоторых из них Косыгина как якобы соучастника «преступной группы» ставило его, конечно, в крайне тяжелое и опасное положение. (К тому же, как он признался много лет спустя Д. А. Гранину, говоря о Н. А. Вознесенском, «мы с ним дру́зья с ленинградских времен...».) Сталин, напомним, эти протоколы рассылал соратникам, в том числе и Алексею Николаевичу, и тот устно, на Политбюро, и трижды в письмах «вождю» вынужден был утверждать, что не имел с бывшими руководителями Ленинграда ничего общего. Сталин отправлял эти письма в архив, однако и после этого попытки «заинтересованных лиц» так или иначе затащить Косыгина в список будущих смертников не прекратились.

Небезынтересны также не только указания Сталина в виде различных пометок на документах по «ленинградскому делу», но и некоторые его словесные надписи на них. Например, рядом с грязной справкой-доносом на бывшего командующего Краснознаменным Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца удалось различить его «резолюцию» – «*натъ из Л-да*» (то ли «натъ», то ли «выгнать», то ли «изгнать»), но, конечно, это было все же лучше, чем какой-нибудь крестик – сигнал к аресту. Ну а, скажем, на предложении арестовать бывшего заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, председателя Госплана республики «корифей» не поленился размашисто написать «*Басова арестовать*» и даже размашисто подчеркнуть свою резолюцию. Чего она стоила Михаилу Васильевичу? Расстрела, конечно.

Любопытны редакторские «упражнения» Сталина на подготовленном Маленковым и Берией в октябре 1949 г. проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.». Там, где авторы этого опуса пишут, что «ленинградские руководители укрывали от разоблачений троцкистов и зиновьевцев, пристраивали отбывших (! – Л. В.) наказание троцкистов и зиновьевцев», Сталин, с его любовью к устоявшимся штампам, добавляет от руки *«меньшевиков и эсеров»*.

Две фамилии из числа бывших ленинградцев, выдвинутых на работу в другие районы страны, – Кедрова и Кузьмина – особенно привлекли его внимание, судя по резолюции *«Проверить их!»*. А мы знаем, что означали такие эвфемизмы на практике, и действительно, фамилии эти оказались под номерами 12 и 22 в итоговом списке арестованных и назначенных к осуждению. Но там, где авторы письма пытаются свести счеты заодно еще и с Молотовым, который-де в течение многих лет оказывал особую поддержку и большое доверие Вознесенскому и покровительствовал Кузнецову, Попкову и Родионову, был близок с ними и поэтому не может не нести ответственности за их действия, Сталин, сам «виновный» в том же, указывает своим ретивым подсказчикам границы их инициативы, вписав между «нести» и «ответственности» слово *«моральной»*. Вместе с тем он оставляет без поправок предложения «исключить Вознесенского Н. А. из рядов ВКП(б) за связи с антипартийной группой Кузнецова» (что так и не состоялось, к слову, хотя обнаружилось это только через десятки лет) «и вывести из состава членов Политбюро т. Косыгина А. Н.». И эта новая, как и другие, попытка Берии и Маленкова так или иначе убрать его не удалась. Тем не менее у Алексея Николаевича были все основания считать, «что они способны были на любую провокацию, если им нужно было уничтожить человека». Характеризуя ситуацию того времени, он говорил на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС: «В Политбюро до смерти Сталина, – в тот период я принимал в нем участие, – можно прямо сказать, *решающее слово в Политбюро было за Маленковым и Берией*. Это была *главная сила*. Маленков опирался на Берия, Берия опирался на Абакумова – на целую серию провокаторов. Эта система способствовала созданию целого ряда процессов, уничтожению наших людей и организации специальной тюрьмы при ЦК, через которую прошли многие товарищи, которые потом были уничтожены».

Завершим, однако, разговор о вставках Сталина в текст проекта «Письма...». Особенно привлекают внимание те из них, которыми он трижды вводит в него имя своего покойного друга и родственника А. А. Жданова. Согласно им, Кузнецов был переведен на работу в ЦК *«по рекомендации т. Жданова»*, Кузнецов злоупотреблял *«доверием тов. Жданова»*, кадровые *«назначения происходили при поддержке тов. Жданова, питавшего полное доверие к Кузнецову»*. Редактор-соавтор дважды

зачеркивал слово «полное», менял его на «безграничное» и в конце концов восстановил свой первоначальный вариант. Таким образом, вводя ссылки на Жданова, Сталин отгораживался ими от «ответственности» (моральной?) за назначения на высокие посты тех, кого он уже запланировал отправить на казнь, кем он, причем некоторыми непосредственно, руководил многие годы, кого он награждал и поддерживал. И эта правка для него имела принципиальное значение, ибо в значительной мере снимала неизбежный вопрос: как же он сам, такой «мудрый» и «прозорливый», столько лет не видел у себя под носом «матерых врагов партии и народа»? Он не мог не понимать, что такой вопрос в новых по сравнению с 30-ми гг. условиях при обнародовании обвинительных материалов возникнет в числе первых. И не было ли это одной из причин того, что «Закрытое письмо Политбюро» так и не рассылалось предполагаемым адресатам, что аресты, следствие и судебный фарс прошли по существу в глубокой тайне? На действительно открытый процесс Сталин не решился, и с точки зрения его интересов это было правильно, ибо бредовый характер такого судилища при любой степени обработки выведенных на него был бы слишком очевиден и для советской, и для мировой общественности.

И все же подготовленный по его заказу и «поправленный» им проект даром не пропал: его позиции, перепевающие и «развивающие» уже упоминавшееся постановление Политбюро от 15 февраля 1949 г., вошли в обвинительное заключение и приговор на проведенном в Ленинграде «суде», а затем были использованы и для внесудебной расправы с другими ленинградцами. Даже вычеркнутый было Сталиным абзац с обвинениями в намерении «виновных» овладеть руководящими постами в партии и государстве, создать РКП(б) и ее ЦК, а также перенести столицу РСФСР в Ленинград был затем утилизирован в материалах следствия и «суда».

Нередко сквозь пелену стиля этого и прочих официальных документов проглядывают живые детали, в какой-то степени дающие представление о том, что и как происходило в действительности. Например, в записке Абакумова Сталину от 25 октября 1949 г. в связи с передачей ему протокола допроса генерал-лейтенанта П. Н. Кубаткина, который «содержится в одиночной камере под усиленным надзором, на допросах ведет себя иногда странно, заговаривается, что его якобы (! – Л. В.) жгут; во время допросов вместо того, чтобы давать показания, порой заявляет, что он занят проблемой мировой революции; отказывается от подписи показаний, которые он давал; настоящий протокол подписан под нажимом». Представьте себе, *что* надо было выделять с человеком на протяжении трех месяцев после его ареста, если столь «деликатно» выраженная информация вошла в документ для Генералиссимуса. Кстати, тот выделил ее своей пометой, как и ряд других мест записки. В дальнейшем П. Н. Кубаткин, которого, говоря словами Абакумова, продолжали «усиленно (! – Л. В.) допрашивать», был расстрелян.

Снова оговорюсь: мне приходится постоянно одергивать себя, чтобы не утонуть в подобных деталях, потому что именно они позволяют хотя бы немного приподнять плотную завесу лжи над подобными документами. Так что пойдем дальше, ориентируясь теперь лишь на узловые моменты истории создания «дела» и по возможности не касаясь по уже отмеченным причинам того, что относится к другим арестованным, а сосредоточившись главным образом на судьбах членов нашей семьи, тем более что я еще не рассказал об аресте Николая Алексеевича Вознесенского.

Некоторые авторы уверяли своих читателей в том, что он погиб по так называемому «делу Госплана». В течение многих лет мне в разных архивах не удавалось найти каких-либо его следов, но в конце концов они все же обнаружили. Документы рассказывают, что упомянутый в одной из предыдущих глав Е. Е. Андреев, после снятия Н. А. Вознесенского с его постов направленный в Госплан в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам, свою миссию исполнил с размахом: из 12 заместителей председателя сохранились только трое, а всего с работы было изгнано 300 человек. Кроме кадровой «чистки» была проведена проверка хранения секретных материалов, в результате которой обнаружилась утрата с 1944 по 1948 г. более 200 из них (цифры эти в разных источниках не одинаковы). Записку Андреева от 24 августа 1949 г. по этому вопросу Маленков посоветовал ему направить Сталину, а тот дал указание Поскребышеву разослать документ руководству партии и ее «сморщенной совести» – заместителю председателя Комиссии (позднее – Комитета) партийного контроля М. Ф. Шкирятову. Эта «подпольная» кличка прилипла к нему не только и не столько из-за его внешнего облика, сколько из-за античеловеческого поведения на этом посту.

С 1 сентября по 17 октября 1949 г. Н. А. Вознесенский посылает Сталину четыре последних, видимо, в своей жизни письма, в которых пытается объяснить ситуацию, просит о более объективном ее рассмотрении и надеется найти какую-то поддержку с его стороны. Но к этому времени тот уже явно сдал его на расправу, и, можно сказать, все звенья партийно-государственной машины на полную мощность включились в этот процесс. 7 сентября Бюро КПК принимает постановление «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР», где обвиняет его, в частности, в том, что он не отдал виновных в таких пропажах под суд. Предложения КПК – исключить Н. А. Вознесенского из состава членов ЦК ВКП(б) и отдать под суд вместе с двумя заместителями председателя Госплана и двумя начальниками его отделов. 9 сентября Шкирятов информирует Сталина о том, что для объяснений по поводу утраты документов и засорения Госплана политически непригодными кадрами в КПК был вызван Н. А. Вознесенский, и как бы между прочим сообщает «вождю» о том, что по таким обвинениям можно осудить виновных только к заключению в лагерь на срок от 4 до 10 лет. В тот же день Секретариат ЦК за подписью Маленкова принимает пред-

ложения КПК, а 11-го Политбюро подтверждает их и постановляет вынести решение об исключении Н. А. Вознесенского из состава членов ЦК ВКП(б) на утверждение Пленума ЦК. Реально пленумы в то время давно не собирались, но опять-таки, как и весной, опросом 12 и 13 сентября членов ЦК, представленным в виде якобы состоявшегося его заседания, такое решение было принято, после чего началось оформление судебного «дела Госплана».

22 сентября Генеральный прокурор СССР Сафонов Г. Н. обращается к Сталину за разрешением арестовать Вознесенского, его первого заместителя и заместителя по Госплану. Здесь же прокурор, подобно Шкирятову, отмечает, что осудить их удастся только на несколько лет лишения свободы. Не знаю, какие команды были даны «независимому» прокурору в отношении заместителей Николая Алексеевича, но сам он пока остался на свободе, хотя следствие и подготовка суда продолжались ускоренными темпами. В результате уже 26–29 октября состоялось судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, отправившее четырех коллег Н. А. Вознесенского в места лишения свободы на срок от 2 до 6 лет. Но Николая Алексеевича в тот момент осудить не удалось, так как после первого же дня заседания Коллегии, в ночь на 27 октября он был арестован МГБ (постановление же на арест Абакумов и заместитель Генерального прокурора Афанасьев Н. П. подписали лишь 1 ноября). Это и понятно: кого же из организаторов всей этой истории могли устроить подобные приговоры, не дающие никакой гарантии того, что он не выживет и ни при каком повороте событий не вернется в политическую жизнь? Нужны были куда более весомые статьи обвинения, которые решали бы эту первую, главную задачу – «довести дело до казни Н. Вознесенского», как пишет Д. Т. Шепилов. Вместе с тем и накопленное добро у хорошего хозяина пропадать не должно. Поэтому его «дело» по Госплану в связи с арестом, т. е. после него (!), выделили в особое производство и влили в фундаментальное и перспективное, с заведомо смертоносными обвинениями «ленинградское дело», которое тот же Дмитрий Трофимович так и называет – «Дело Вознесенского».

Вот мы и вернулись к нему, к этому «делу», формирование которого ни на минуту не прерывалось, конечно, подготовкой «дела Госплана». Всего Сталину были представлены 18 «обобщенных» протоколов допросов ленинградцев. Последние два – Николай Алексеевича (9.12.49) и Александра Алексеевича (26.12.49) Вознесенских. Больше таких документов ему не присылали, поскольку основная задача этого этапа – сбор компромата на Н. А. Вознесенского и первичное документальное оформление добытого материала – была решена. Не все, однако, выглядело пока достаточно убедительным. Прибегну опять к свидетельству ранее представленного читателям Алексея Ильича Кузнецова, хотя и чувствую, что его информацию хотелось бы проверить и уточнить (опять-таки, когда станут более открытыми архивы) по некоторым деталям содер-

жания и по временным параметрам. Правда, наш (напомню, мы были у него вдвоем с братом) собеседник по ходу своего многочасового рассказа показывал соответствующие документы, в том числе и по сей день остающиеся закрытыми, например запись моего телефонного разговора, отчет наружного наблюдения за передвижением одного из членов семьи – «объекта Зарембы» – городским транспортом по Москве и т. п. Он подчеркивал при этом, что его сообщение и выводы строятся не только на документах МГБ и КПК, но и на проведенных им допросах Маленкова, Булганина и следователей, непосредственно пытавших арестованных и фабриковавших свои в буквальном смысле слова убийственные фальшивки.

Как уже было упомянуто в главе 3, А. И. Кузнецов заявил: «Братья и сестра Вознесенские больше года держались на следствии настолько упорно, что Сталин в конце концов послал в тюрьму комиссию в составе Маленкова, Берии и Булганина с заданием выяснить, почему они так долго не подписывают нужных ему показаний. И тогда к ним привели из карцера, в котором он в очередной раз находился, вашего отца. Кстати, вот папка, в которой подшиты квитанции (или корешки от них, сейчас уже не помню. – Л. В.) на вывод его из камеры. Их более 90! Подобные папки у всех других арестованных – в несколько раз тоньше. А ведь за каждой из этих 90 бумажек – допрос, избияния, пытки, карцер...

Да, так вот к тому времени, когда Александра Алексеевича привели на этот допрос, он от всего перенесенного почти ослеп (а зрение у него было отменное. – Л. В.), и в слабо освещенной одним торшером комнате разглядев только стоявшего за креслом Булганина в маршальском мундире, воскликнул:

– Какое счастье, что Вы пришли, товарищ Булганин! Наконец-то Сталин узнает правду!

– Тамбовский волк тебе товарищ! – ответил ему Булганин, а из затененных углов комнаты раздался дружный хохот сидевших в креслах Берии и Маленкова. Булганин же, выйдя из-за своего кресла, ударом ноги сбил Александра Алексеевича на пол и стал топтать его своими маршальскими сапогами. Затем троица допросила его. Он отверг и опроверг обвинения, но они все равно написали эту записку...»

И Кузнецов показал нам не очень аккуратную бумажку размером меньше половины обычного листа, на которой от руки было написано:

«Товарищ Сталин!

По Вашему указанию Вознесенского А. А. допросили и считаем, что он виновен.

*Маленков
Берия
Булганин».*

«На основании этой записки Александр Алексеевич и был расстрелян, – продолжал Алексей Ильич. – Изучая материалы так называемого «ленинградского дела», я допрашивал Маленкова и Булганина и спросил у этого Маршала Советского Союза:

– Как же Вы могли отправить на смерть честнейшего коммуниста, настоящего ленинца (тогда такая характеристика была высшей оценкой и никем сомнениям не подвергалась. – *Л. В.*), каким был Александр Алексеевич?

– Я не хотел, чтобы Берия и Маленков расстреляли меня вместе с ним, – «честно» ответил Булганин».

Наверное, в будущем этот рассказ А. И. Кузнецова в чем-то удастся уточнить по документам. Например, выяснить, *когда* именно была в тюрьме эта троица, *когда* она допрашивала Александра Алексеевича и Марию Алексеевну. Сопоставив эти сведения с датами и текстами допросов, вероятно, удастся лучше понять, скажем, почему в конце концов он согласился «признать» себя в чем-то виновным, а она подписала тексты протоколов, совершенно очевидно заготовленные самим следствием, поскольку они написаны ему и только ему присущим языком и содержат его формулировки, которые затем были просто вложены, втиснуты в уста арестованной. (Попутный пример. Генерал-лейтенант Н. С. Властик, многие годы бывший, может быть, самым доверенным, одним из ближайших сотрудников Сталина, начальником его охраны и Главного управления охраны МГБ СССР, отвечая на вопрос председательствующего в суде над ним в 1955 г., сказал в связи с протоколом его допроса, состоявшегося за несколько недель до смерти Сталина: «Я подписал на следствии эти показания, но в них нет ни одного моего слова. Все это – формулировка следователя».)

Давно написал я эту главу, опираясь на текстологический и логический анализ протоколов следствия и сопутствующих им материалов. И вдруг – чудеса, оказывается, бывают! – наткнулся там, где меньше всего этого ожидал, на прямое доказательство правильности своих выводов. Содержится оно в протоколе допроса, состоявшегося меньше чем через год после расстрела ленинградцев, одного из следователей Марии Алексеевны – Коровина Л. С. Он рассказывает, что заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, руководивший всей группой фальсификаторов «ленинградского дела» полковник В. И. Комаров, «вместе с Белоусовым (зам. начальника секретариата Министра) так откорректировали протокол допроса Вознесенской М. А. (арестованной по «ленинградскому делу»), что я и следователь т. Мотавкин свыше 8 часов подряд убеждали арестованную его подписать. Объяснялось это тем, что Комаров и Белоусов писали протокол, не видя арестованной и не допрашивая ее, а все вопросы выдумывали из головы, стремясь составить как можно более «изобличительный» протокол».

Уж *как*, какими методами «убеждали» они Марию Алексеевну, Коровина не спрашивали (происходило это еще при жизни Сталина, в свя-

зи с заведенным в 1951 г. «делом Абакумова»). Скорее всего, ответы на этот и некоторые другие вопросы пока таятся в недрах архива Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Однако процесс рассекречивания документов ЦК и КПК вот уже несколько лет как остановлен, и мне остается только надеяться, что задачу проверки степени достоверности устной информации А. И. Кузнецова о природе и ходе «ленинградского дела» и внесения коррективов, если они будут необходимы, в нынешние представления об этом выполняют другие исследователи, поскольку рано или поздно все материалы подобного рода станут доступными для научной и широкой общественности.

Пока же приходится довольствоваться отзвуками прошлого, проскакивающими в разных открытиях источников. Так, сам факт допроса А. А. Вознесенского троцей убийц подтверждается опубликованной лишь в 1998 г. (и уже упомянутой в этой главе) стенограммой июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Там многие выступавшие говорили о безусловно пакостной роли Маленкова в «ленинградском деле». Тот всячески отрекся от него – он, дескать, «никакого абсолютно отношения к организации этого дела не имел». А далее – путанные полупризнания о том, что он не помнит, *«когда выезжал в тюрьму по поручению тов. Сталина, в присутствии с товарищами, которые сидят здесь»* (так в правленной им стенограмме, а в выступлении он даже сказал несколько коряво, правда: «Я не помню, выезжал в тюрьму вместе с нами тов. Сталин»). Действительно, не чурался наш «отец родной» и такой черной работы, «в интересах партии», конечно, лично участвуя в допросах (правда, не по «ленинградскому делу»). И далее:

«Тов. Сталин поручал в присутствии членов Политбюро, находившихся у него. Я выезжал с Булганиным и Берия...»

Я говорил... с братом Вознесенского. Когда мы выезжали с тобой, *тов. Булганин*, по поручению тов. Сталина (сначала он сказал, что «был... еще кто-то, не помню». Как быстро «забыл» он своего закадычного друга Берия! – Л. В.) и тогда же доложили ему, что они (? – Л. В.) отрицают свои показания...» И еще: «Аресты производились по решению соответствующих инстанций, причем были соответствующие показания и доказывалось это». Что же касается организации «ленинградского дела», то «это все делалось по личному указанию тов. Сталина». Вот в этом Маленков был прав. Только он не сказал, кто же науськивал «вождя народов» на ленинградцев...

В том же 1998 г. (такое совпадение) было опубликовано еще одно подтверждение правильности, по крайней мере, основного содержания рассказа А. И. Кузнецова – в книге Р. Г. Пихои «Советский Союз: история власти. 1945–1991» есть такой сюжет, предложенный автором с конкретными ссылками на пока закрытые архивные документы:

«Арестованных Кузнецова, Капустина, братьев Вознесенских, Родионова, заместителя председателя Ленсовета Галкина жестоко пытали. (Внесу небольшое «подкрепление» в эту цитату: «КАПУСТИН, ВОЗ-

НЕСЕНСКИЙ и его брат, ... РОДИОНОВ, ... ГАЛКИН и другие... подверглись жестокому избиению с целью вымогательства от них ложных показаний», – свидетельствовал в 1953 г. ставший обвиняемым бывший следователь, к тому времени выбившийся в заместители министра внутренних дел СССР, Рюмин М. Д. – Л. В.) Непосредственное участие в процедуре допросов наряду со следователями МГБ принимали Маленков, Берия и Булганин. «Когда я завел Вознесенского А. А. (на допрос. – Авт.), – вспоминал один из следователей МГБ, – то в центральном кресле в роли основного допрашивающего сидел Маленков, в приставном кресле сидел Берия, облокотившись на спинку кресла, стоял Булганин». «После посещения ими тюрьмы с обвиняемыми по «ленинградскому делу» обстановка стала более жестокой, к каждому арестованному приставили 2-х следователей, а допросы стали длиться, как правило, до 4-х часов утра», – констатировали в КПК при ЦК ВКП(б).

Очевидно, что разночтение в информации А. И. Кузнецова и Р. Г. Пихои касается деталей, но не самого факта допроса. Добавлю к сказанному в книге, что следователем этим был полковник Сорокин, что вторые следователи, судя по протоколам допросов, появились у Марии Алексеевны и Николая Алексеевича в первых числах ноября, а у Александра Алексеевича – подполковник Адамов – с 14 ноября 1949 г. Сопоставляя это обстоятельство с последней фразой цитаты из книги Пихои, можно предположить, что визит трех политических преступников в тюрьму состоялся в конце октября – начале ноября. А о том, насколько «более жестокой» стала после их посещения тюрьмы обстановка в ходе следствия, можно судить по такой детали: еще под протоколом от 25 ноября подпись Александра Алексеевича была более или менее нормальной, а под следующим, через месяц, от 26 декабря, стояла подпись как бы совершенно другого человека, еле-еле удерживавшего перо в руках. Скорее, она была похожа на отдельные точки, с трудом образующие контуры той или иной буквы. Нет ни малейшего сомнения в том, что это был месяц пребывания в ледяном карцере, особенно интенсивных избиений и изощренных пыток, после которых отец был вынужден подписать заранее подготовленный протокол. О том, что это было действительно так, говорит и принципиально другой характер протокола в сравнении со всеми предыдущими. В нем уже не только в вопросах, а и в ответах Александра Алексеевича появляются пассажи, якобы произнесенные им, но безусловно принадлежащие следствию, причем в формулировках-штампах, одинаковых практически у всех допрашиваемых. И дело здесь, пожалуй, не столько в бедности фантазии следователей, сколько в том, что эти клише играли роль стержня, проходившего сквозь «признания» всех участников «антипартийной группы» и тем самым «доказывавшего» существование не существовавшего.

Появление второго следователя означало не просто интенсификацию допросов, а прежде всего, скажем деликатно, расширение диапазона методов воздействия на арестованного: один задает вопросы, а другой

выбивает нужные ответы на них. Потом, надо полагать, меняются местами. Несмотря на такую «научную организацию труда», следователи вырвали у Александра Алексеевича подпись под «признанием» его «вины» («В предъявленном обвинении... виновным себя признал») только 13 марта 1950 г., т. е. без малого через 7 (!) месяцев допросов, избиений, карцеров, пыток.

О визите к Н. А. Вознесенскому другой подобной комиссии Н. С. Хрущев откровенно рассказал Д. Т. Шепилову, изложившему этот эпизод в своих воспоминаниях: «...когда Вознесенский написал Сталину письмо, в котором клялся, что ни в чем не виноват, Сталин поручил Хрущеву, Булганину и Маленкову посетить Вознесенского и переговорить с ним. Но, видимо, он говорил им это таким тоном, что все поняли, что судьба Вознесенского предreshена. Кстати, сам Хрущев крайне неприязненно относился к Вознесенскому, потому что Сталин ценил Вознесенского, который позволял себе резкости даже в отношении Молотова. Однако Хрущев рассказывал мне не об этом, а о том, что когда они втроем вошли в камеру к Вознесенскому, то тот вскочил со стула и бросился к ним: «Товарищи, спасибо вам, что пришли. Наконец-то!». И тогда Булганин подошел к нему и со словами: «Мы тебе не товарищи!» – так сильно ударил его в ухо, что тот рухнул на пол. Вот о каких ужасных вещах рассказывал мне Хрущев».

Как бы мужественно ни держались те или иные арестованные в чудовищной ситуации «следствия», рано или поздно они вынуждены были подписывать какие-то «признания». У каждого для этого был, как говорится, свой резон: кто-то больше не мог выносить пыток, кого-то затягивали в сети добытых от (лучше бы сказать – выбитых из) других показаний, кому-то обещали (ложно, конечно) в обмен на них не трогать родных и близких... Но одно средство, один прием, смертельно опасная ловушка, расставлявшаяся следствием в его обработке особенно упрямых, была самой результативной. Она состояла в обращении к их партийному долгу, к чести коммуниста, *обязанного* верить в истинность предъявляемых ему следствием материалов, ибо оно есть лишь исполнительный орган ЦК ВКП(б) и его высшего руководства. Вы утверждаете, что были и остаетесь советским человеком, преданным партии коммунизмом? Так помогите Центральному Комитету разгромить это змеиное гнездо ее матерых врагов! Как, вы не знаете ни о каком гнезде? Пожалуйста, читайте показания Икса, Игрека и Зета, которые давно признались в своей вражеской деятельности и единодушно, кстати говоря, называют вас своим активным сообщником. Теперь-то вы понимаете, что антипартийная группа существовала, и вы вольно или невольно способствовали ее подрывной деятельности? И вот в показания подследственного – «советского человека» и «настоящего коммуниста» – добавляют новые краски и в без того глубоко отрицательный портрет его товарищей и друзей по многолетней совместной работе, уже признавших себя «врагами на-

рода». Конечно, в предлагаемом ему тексте он не жалеет и себя, так как не может быть неискренним с партией и ее ЦК и «должен раз и навсегда освободиться от налипшей на него грязи». Тем более что арестованному «объясняли»: «следствие – это орган ЦК», «это голос Центрального Комитета партии и, ведя борьбу со следствием», он ведет борьбу с ЦК. Так, будучи на всех этапах своего беззаветного служения партии и народу людьми чести, когда их стали превращать в кровавое месиво, большинство из них оказались ее невольниками.

Но здесь, уважаемые читатели, возникает вопрос: невольниками *какой* чести они стали, оказавшись в ситуации, когда их вынуждали клеветать и на себя, и на других людей? Партийной (политической) или человеческой? А может быть, и теперь, как было на протяжении всей их сознательной жизни, эти понятия все-таки совпадали в их сознании? Не помогут ли понять все это тюремные письма Бухарина Сталину, нравственные муки Николая Ивановича и других смертников, поставленных перед той же раздирающей душу проблемой в 30-е гг.? Не берусь ответить за погибших на такие трагические вопросы и оставляю их для обдумывания тем, чей разум и чувства они заденут.

Но какими бы ни были по этому поводу размышления каждого из арестованных, дальнейшее было, как говорится, делом следственной техники: *мысль* («очищаться», так до конца) возводится в ранг *поступка*, ему придается статус заговорщического, вражеского *проступка*, а тот квалифицируется как *преступление* перед партией, государством и народом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ловушка, сконструированная и успешно примененная еще в 30-е гг., захлопывается, после чего другие арестованные начинают под диктовку следствия подписывать, а то и сами произносить осуждающие их самих формулировки, тем самым невольно исполняя новые па в становящемся теперь уже общим для них танце смерти. Так созданная Сталиным машина уничтожения людей неумолимо втягивала намеченные жертвы в свое чрево, и попытки бороться с нею на почве права, истины, логики были заранее обречены на провал.

Эта зловещая «технология» особенно откровенно и цинично была использована при создании так называемого ленинградского дела, пожалуй, самой грязной стряпни из всех, когда-либо готовившихся на сталинской уголовно-политической кухне. Ведь то, что в прошлом более или менее воспринималось внутри страны и отчасти даже за рубежом, – шпионаж, вредительство, заговоры с целью реставрации капитализма, покушения на «вождя народов» и его окружение и т. п. обвинения – уже не лезло ни в какие ворота после войны, да еще в применении к тем, кто в массовом сознании был (и остался донныне) олицетворением беспримерного мужества ленинградцев во время блокады города или руководил экономикой страны в годы самых тяжких за всю ее историю испытаний, кто всегда находился в общем строю со своим народом. Пришлось поэтому прибегнуть к еще более нечистоплотным методам – ком-

прометировать этих людей на личном уровне, придать каким-то бытовым фактам политическое значение, а обычным деловым решениям приписать преступный характер, антипартийную и антигосударственную направленность и тем самым подвести арестованных под расстрельные статьи Уголовного кодекса.

Именно поэтому сами сотрудники современного ФСБ, знакомые как с «ленинградским», так и с другими сфабрикованными «делами» подобного рода, называют его не иначе, как грязным. Тем большее недоумение вызывает абзац в интервью начальника Центрального архива ФСБ Н. П. Михейкина газете «Труд». Уважаемый генерал в весьма неудачном контексте упоминает о том, что родные братьев Вознесенских (на самом деле так поступил лишь автор этой книги и только по отношению к «делам» своих родителей) «попросили без их разрешения никогда и никого с этими делами не знакомить». Оставляя в стороне конкретные замечания, возникающие при ознакомлении с этой частью текста, напомним читателям, включая и Николая Петровича, что личная жизнь человека, ее тайна оберегаются законом, о чем здесь же сказал он сам. Но, к сожалению, в своих размышлениях он упустил тот очевиднейший для каждого знакомого с «ленинградским делом» факт, что она-то, как и общественная, государственная деятельность, и была до предела вывернута наизнанку, искажена и оболгана в его материалах. И я не думаю, что, оказавшись автор интервью (к счастью, надо полагать, чаша сия миновала его) на моем месте, он поступил бы иначе и согласился бы на тиражирование заведомой лжи и грязи в адрес своих родных и близких. Это было бы еще одним, уже посмертным оскорблением людей, всю жизнь отдавших своей стране, государству и уничтоженных от его же имени. Сделано же это было тогдашним МГБ и его дирижерами для того, чтобы на фоне не выдерживающих никакой критики с логической, политической, правовой и прочих точек зрения обвинений хоть как-то усилить отрицательное эмоциональное впечатление об оклеветанных следствием людях. Поэтому-то, наверное, оно во всей литературе именуется *так называемым* «ленинградским делом» и, вопреки правилам грамматики, после выделенных мной слов берется в кавычки, ибо оно не было только ленинградским, и главное – по существу – не было и «делом».

Пишу обо всем этом потому, что нынешняя молодежь, а возможно, и будущие исследователи вряд ли поймут без подобных пояснений психологию людей, сформировавшихся в крайне неординарных и непривычных уже сегодня условиях сравнительно недавнего прошлого, когда в плоть и кровь сотен тысяч, если не миллионов защитников и строителей нового общества вошла партийная дисциплина в том ее понимании, которое сложилось в первые послереволюционные и особенно – в сталинские времена. Пожалуй, наиболее точно выразил ее главное содержание Николай Алексеевич, говоривший и после обрушившихся на него преследований: «ЦК всегда прав». Однако на практике это означало, как уже упоминалось, нечто иное – *Сталин* всегда прав. И если первая фор-

мула была по меньшей мере сомнительна, то уж ее реальная трансформация заставляет пытающихся разобраться в нашем прошлом содрогаться и поныне.

Не могу не сказать, однако, что порой приходится вздрагивать и от нынешних писаний. Так, был случай, когда И. Меттер посвятил в одном из журналов несколько абзацев «анализу» психологии моих родственников, умудрившись перевернуть реальные факты таким невероятным образом, что ошибок в этом весьма претенциозном «эссе» оказалось больше, чем строк. Пришлось написать по этому поводу письмо-протест «Можно ли измерить величину ... подлости?». Заканчивался материал таким пассажем: «Ныне стало возможным измерять ранее неизмеримое. Но для всякого измерения нужна, как известно, соответствующая единица. Явление, именуемое подлостью, теперь можно измерять единицей, которая с полным правом должна носить имя автора рассматриваемой статьи, – меттер». К чести редакции и этого человека в одном из следующих номеров было помещено его извинительное письмо. Но позднее, уже после смерти автора, получив доступ к архивным материалам, я увидел, что в одном он все-таки был прав: некоторые члены нашей семьи действительно исповедовали принцип, согласно которому, говоря несколько огрубляющими суть вопроса словами публикации, «родственных чувств у подлинного коммуниста не должно быть, ибо превыше всего – родство с партией, беззаветная вера в партию». Как это трактовать и оценивать вообще, а с нынешних позиций тем более – дело другое. Но сам такой факт отрицать невозможно, и я, пользуясь случаем, приношу, в свою очередь, извинения за то, что в своей отповеди автору не учел (по незнанию в то время) этого единственно правильного замечания в его нелепом по существу, но, уверен, невольном пасквиле.

Трагедия 1949–1952 гг., именуемая ленинградским делом, относится к числу самых наглядных примеров того, как в сталинские времена на пустом месте, из ничего создавалось нечто, приводившее к страданиям и гибели одних в поучение и на страх другим.

Глава 8

НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ

(Окончание)

Где и как стряпались «признания» арестованных. – Сталин лично отобрал главных кандидатов на расстрел и продиктовал обвинительное заключение по «ленинградскому делу». – Пьеса «Процесс» в театре абсурда. – Расстрелы в Москве. – Новые аресты и преследования в Ленинграде.

В официальной литературе давным-давно имеется информация о полной реабилитации погибших по так называемому «ленинградскому делу», приведены прямые свидетельства и выживших осужденных, и тех, кто его состряпал, показывающие, что обвинения по нему были насквозь сфальсифицированы, и даже раскрывающие технологию этой дымящейся кровью кухни. Кстати, в тамошнем, эмгэбэшном быту ее так и называли – «кухней Бровермана». Вот несколько моментов из пока не публиковавшихся, кажется, материалов, связанных с «ленинградским делом». Уже через три месяца после смерти Сталина идет допрос пресловутого Рюмина, упомянутого несколькими страницами выше.

«ВОПРОС: Что это за «кухня БРОВЕРМАНА»?

ОТВЕТ: Под таким названием нам, следователям,... была известна организованная АБАКУМОВЫМ техника преступной фальсификации следственных документов, осуществлявшаяся заместителем начальника секретариата АБАКУМОВА и особо доверенным его лицом – БРОВЕРМАНОМ. (Из других показаний видно, что еще одним таким «драматургом» был заместитель начальника Следственной части по особо важным делам Шварцман. – Л. В.)

Обычно уже в какой-то мере сфальсифицированные протоколы допроса арестованных по указанию АБАКУМОВА передавались БРОВЕРМАНУ, и он под видом корректировки искажал их до такой степени, что от действительных показаний арестованных почти ничего не оставалось. (Вот и попутный ответ на вопрос о «клише», о не свойственном подследственным и одинаковом для всех языке, на котором они якобы «говорят» в протоколах. – Л. В.)

После таких «корректировок» вина арестованных и проходивших по их показаниям лиц усугублялась, факты искажались и освещались в зависимости от требований АБАКУМОВА.

Эти «сочинения» БРОВЕРМАНА мы затем заставляли арестованных подписывать как якобы их показания...

Следует отметить, что они (арестованные. – Л. В.) высказывали искреннее изумление по поводу содержания этих «документов».

К арестованным широко и огульно применялись меры физического воздействия, причем заместители начальника Следственной части по особо важным делам ЛИХАЧЕВ и КОМАРОВ часто приезжали в Лефортовскую тюрьму, расхаживали по кабинетам и избивали находившихся на допросах арестованных, применяя садистские методы».

Предоставим слово и арестованному Комарову:

«Требовалось придумать такое начало допроса, которое в последующем нашло логическое, нарастающее развитие. Надо было показать «борьбу арестованного со следствием» и «умело» разоблачить арестованного...

По ряду протоколов допроса фальсификация начиналась с первой страницы. Арестованные, давшие показания в результате длительных допросов или физического принуждения, «разоблачались» в протоколе допроса как припертые к стене неопровержимыми доказательствами».

Подобных фактов – тьма, и в обвинительном заключении по делу банды Абакумова совершенно справедливо сказано, что он «искусственно фабриковал провокационные дела против честных советских граждан, имея целью создать таким образом впечатление бдительной и острой работы возглавляемого им чекистского аппарата».

Вместе с тем некоторые современные тенденции в исторической или, точнее, околоисторической литературе, пытающиеся обелить Берия и Абакумова, исходят, не в последнюю очередь, из утверждения о том, что между ними с какого-то времени существовали отчуждение и даже вражда, что второй из них был простым исполнителем воли Сталина, а первый вообще с 1946 г. отошел от руководства правоохранительными (хочется назвать их, вспоминая те времена, правонарушительными) органами. Эти ложные версии вынуждают меня напомнить их сторонникам и проповедникам, выступающим под флагом якобы исторической объективности, ряд фактов.

Прежде всего, не только Сталин использовал Абакумова, но и Абакумов использовал Сталина. Как? Традиционно-бюрократическим путем с провокаторской спецификой МГБ: подсовывая «вождю» ложную информацию, получал вполне предсказуемую его реакцию, после чего использовал ее как директиву, которую он обязан провести в жизнь. Самый простой пример именно такой технологии – арест Я. Ф. Капустина, с выбитых показаний которого началась фабрикация «ленинградского дела».

Реальные возможности Абакумова были несопоставимы с возможностями аналогичного чиновника в элементарно правовом государстве. По его прямым указаниям прокуратура вообще была исключена из следственного процесса, и, когда к нему, арестованному, пришел прокурор, он отказался верить в такой абсолютно «противоестественный» факт. Его бывшие подчиненные прямо говорили: «Считалось, что если Абакумов принял решение осудить того или иного арестованного, то никакой суд или прокурор, в каком бы состоянии ни находилось дело, изме-

нить принятое Министром решение не может» (Коровин Л. С.). «В бытность АБАКУМОВА министром, если человек попадал в тюрьму, то уже крышка: хоть он и не виновен, ему не выбраться на свободу, он будет обязательно осужден, судьба его решена» (Комаров В. И.).

Абакумов был выкормышем Берии, и именно он выдвинул его на пост министра. Об их реальных отношениях Абакумов писал из тюрьмы: «Дорогой Л. П. ... Вы мне самый близкий человек... Я вам еще крепко буду нужен... Всегда ваш – В. АБАКУМОВ». Заместитель начальника Контрольной инспекции при министре внутренних дел полковник А. Болховитин утверждал: «Абакумов и Леонов многое делали почему-то в контакте с Берия и для Берия», вплоть до отправки ему министром вторых экземпляров основных документов. «Почему-то»? Потому, что Берия никогда не выпускал из своих рук фактического контроля над правоохранительными органами. «Сталин не понимал по старости, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов докладывает ему обо всем уже после того, как доложит Берии и получит указания, как сообщить Сталину» – это свидетельство достаточно хорошо осведомленного в таких вопросах Н. С. Хрущева.

И еще несколько соображений и свидетельств «вокруг» Берии в связи с попытками обелить и даже восславить его. Близкие к нему люди характеризуют этого всемогущего царедворца как человека, неспособного к умственному труду из-за своего чрезвычайно низкого интеллекта и культурного уровня. Он не мог изложить или сформулировать (надо полагать, в письменной форме?), утверждают они, то или иное положение. Поэтому ему «пришлось» взять на себя двойную роль литературного вора и убийцы одновременно: приписав себе сфальсифицированную книгу «К истории большевистских организаций в Закавказье», восхвалявшую Сталина в качестве якобы основоположника соединения социализма с рабочим движением на юге России (точно так же, дескать, как Ленин на севере, в Петербурге), он уничтожил ведущего ее автора и, при руководящей роли «корифея» в этом процессе, тех, кто знал или мог знать о действительном развитии описываемых событий. Правда, героя «своего» творения он в узком кругу сам называл «великим фальсификатором». Может быть, в частности, потому, что тот личным вмешательством в создание этого «шедевра» возвел в степень содержащуюся историческую ложь в нем: «...решающую роль в создании данной книги сыграла личная помощь вождя партии, его руководящие и направляющие указания» – это из показаний одного из оставшихся в живых авторов книги.

Вскоре после ее выхода в свет именно у Берии в руках непосредственно оказалось оружие, которым не обладал никто другой, разве что кроме Сталина. «Стноим в лагере», «превратим в лагерную пыль», «мы вас арестуем», «мы тебя в порошок сотрем» – вот арсенал его «коронных» приемов управления людьми. Как рассказывал М. С. Смиртюкову Ф. Р. Козлов, бывший во время войны секретарем Ижевского горкома

ВКП(б), позвонивший ему Берия потребовал через неделю вдвое увеличить выпуск какого-то вида оборонной продукции и закончил разговор так: «Слушай, не сделаешь – руки-ноги переломаю!» Став руководителем работ по созданию атомного оружия, «лично он никогда не вникал в суть дела и не пытался этого сделать. Когда же мы встречали какие-либо трудности на пути и появлялась угроза невыполнения решений Правительства, Берия, не утруждая себя разбором дела по существу, применял оружие запугивания, угроз, издевательств над человеческим достоинством» – это уже свидетельство секретаря Специального комитета В. А. Махнева, отмечавшего в записке Маленкову: «Ценой огромных затрат средств нашего народа мы решили атомную проблему. Берия же был только эксплуататором (в буквальном смысле) всех этих средств и сил, а прибыль (успехи) приписывал себе, пользуясь этим для того, чтобы втереться в доверие т. Сталина». Положим, в доверие-то к нему он втерся давным-давно... Такова изнанка мифа о Берии как о талантливом руководителе, который поддерживал и Сталин: ведь ему всегда и во всем важен был результат, а цена, пути и средства его достижения нашего «вождя» никогда не интересовали.

Приведу во многих отношениях характернейший пример. Осенью 1943 г. Сталин присвоил Берии звание Героя Социалистического Труда за «особые заслуги в области *усиления* (курсив мой. – Л. В.) производства вооружения и боеприпасов в трудных условиях военного времени». Формулировка не очень грамотная («усиление производства»), но точная по смыслу. За эти вопросы в соответствии с их распределением между членами Государственного Комитета Обороны (ГКО) отвечал, наряду с другими его обязанностями, Н. А. Вознесенский. С самыми высокими оценками его роли в организации военной экономики, принадлежащими широкому кругу авторитетных свидетелей происходившего и современным ученым-историкам, читатели могли познакомиться еще в главе 4. Решал он эти многообразные задачи, исходя из тех конкретных условий, в которых находились и фронт, и тыл, потребностей армии и реальных возможностей их удовлетворения, в том числе путем маневров материальными ресурсами, и, конечно, с учетом такого фактора, как героическое, самоотверженное перенапряжение сил производственников и всего народа. И вот в 1943 г. с фронтов посыпались заявки на реактивные снаряды к «катюшам», а общий объем производства этих боеприпасов, хотя и увеличился только за один год почти вдвое, не мог покрыть резко возросшие потребности. Для того чтобы еще больше увеличить выпуск таких снарядов, пришлось бы уменьшить производство других, не менее важных видов боеприпасов. Именно так Н. А. Вознесенский и доложил на заседании ГКО. Сталин все же распорядился найти возможность удовлетворить заявки фронтов на реактивные снаряды, и Госплан должен был проработать этот вопрос и выполнить поручение. Тут-то Берия и решил не упустить шанс отличиться перед Председателем и попытаться в очередной раз скомпрометировать в его гла-

зах своего главного потенциального «соперника» – Николая Алексеевича. (До этого он уговорил Сталина, вопреки его предложению, не включать Вознесенского, а заодно и Микояна в первоначальный состав ГКО. «Корифей» довольно быстро разобрался в этой интриге и ее деловых последствиях и в феврале 1942 г. исправил свою оплошность.)

А теперь предоставляю слово Г. П. Косяченко, заместителю председателя Госплана, отвечавшему в нем за производство боеприпасов и рассказавшего нижеследующую историю упоминавшегося ранее Н. Л. Эрлиху.

После заседания ГКО Берия вызывает к себе на Лубянку Григория Петровича, сидит в расстегнутой рубашке, пьет чай со сладостями.

– Косяченко, сколько нам требуется ракетных мин для «катюш»?

– 7 тысяч в день.

– А сколько мы даем?

– 3,5 тысячи.

– А почему не 7?

– Тогда надо уменьшить производство других боеприпасов.

– Я тебе даю два дня. Если не организуешь 7 тысяч, я тебя расстреляю прямо в этом кабинете или запихну в подвал в 10 метров глубиной, где ты подохнешь сам. Ты понял? Иди! Через два дня придешь в это же время, в 4 часа.

Ни жив ни мертв Григорий Петрович отправился в Госплан, где вместе со своими сотрудниками и работниками соответствующих министерств за двое суток непрерывной работы изыскал возможности выпуска ежедневно 5 тысяч реактивных снарядов. Ровно в 4 часа он снова у Берии. Тот сидит, развалившись в кресле. Косяченко докладывает:

– Мы с 3,5 вышли на 5 тысяч.

– Косяченко, ты дурак? Я тебя сейчас расстреляю! Я тебе сказал – 7! Заявки с фронта ты получаешь?

– Получаю.

– Там 7! А ты мне принес 5! Ты у меня украл два дня! Ты что думал, я с тобой цацкаться буду? Я тебе даю еще сутки. Не принесешь 7, пеняй на себя!

На ватных ногах вышел от него Григорий Петрович. Добрался до работы, благо недалеко, взял с собой М. А. Калинина (будущего управляющего делами Госплана СССР, а кем он был тогда, выяснить мне не удалось) и вдвоем – к Вознесенскому. Как на грех, у того совещание. Но по лицу Косяченко он понял, что произошло что-то чрезвычайное, прервал совещание, и, когда его участники вышли из кабинета, узнал, что случилось. Вознесенский – руки за спину, ходит:

– То же самое товарищ Сталин мне сказал. Я ответил, что сейчас без снижения производства других боеприпасов это невозможно.

– Через сутки Берия меня снова вызывает, Николай Алексеевич. Он же действительно меня расстреляет!

– Это он может... Срочно вызывайте наркомов!

Сняли часть тоже нужной фронту продукции, «вышли» на 7 тысяч. Через сутки Косяченко опять у Берии. Тот, как и в прошлый раз, пьет чай, но теперь – хохочет:

– Дурак ты все-таки, Косяченко! Я все знаю: сам не мог, с помощью Вознесенского вопрос решил. А я-то хотел товарищу Сталину доложить, что это *мы с тобой* сделали. Хотел тебе дать возможность в люди выйти, а ты ее упустил. Ну ладно, садись, пей чай с конфетами... Иди, работай. Лично следи за этим вопросом и периодически мне докладывай!

Стремясь к максимальной достоверности и документальному подтверждению каждого, насколько это возможно, эпизода, я и этот рассказ попытался перепроверить по разным источникам, добыл и перевероршил немало книг и сделал множество расчетов по дневному выпуску реактивных снарядов и пороховых зарядов к ним во время войны. Вычисленные данные не совпали с приведенными в рассказе, чему могут быть разные причины, да и скачок в производстве реактивных снарядов произошел уже в 1942 г., после чего оно оставалось до конца войны не только высоким (около 11 тысяч в день), но и стабильным. Глубже разобраться в истории этой проблемы мне не удалось, однако при любых возможных уточнениях ясно, что Берия обошел, обогнал Госплан с помощью... Госплана, а точнее, Вознесенского, доложил Сталину о досрочном выполнении его поручения и получил, как мы уже знаем, высшую награду за «усиление производства боеприпасов».

Впрочем, это был лишь один эпизод из тактики Берии, нацеленной на укрепление своих позиций в руководстве, а главное, в глазах «вождей» и на оттеснение от него других членов Политбюро и ГКО. О том, как успешно он это делал, используя свои весьма специфические методы оперативного руководства, как умело выбирал моменты (накануне, например, созревшего перелома в выпуске военной техники тут же преподносил его Сталину в качестве своего личного достижения) для осуществления тщательно подготовленных интриг против Молотова, Вознесенского и Микояна, полнее и шире рассказано в мемуарах Анастаса Ивановича. Ну а о послевоенных комбинациях Берии против ряда крупных работников, в том числе о его «подкопах» под Н. А. Вознесенского, можно прочитать в книге Н. К. Байбакова «От Сталина до Ельцина».

Историями этими я ушел в сторону от собственно «ленинградского дела», но думаю, такие эпизоды не будут лишними как штрихи, характерные для той эпохи и действовавших в ней лиц. А теперь продолжим рассказ об этом «деле».

Казалось бы, факты о нем и выводы из них, пусть и на других примерах, чем приведенные в этой книге, в принципе известны и очевидны каждому читающему и думающему человеку. Ан нет, время от времени все равно сталкиваешься с творениями какого-нибудь лжеца, который позволяет себе вопреки не только фактам, но, главное, *решениям судебных органов о невиновности «ленинградцев»* писать о них как о преступниках. Да только за это такого мерзавца можно и нужно привлекать

к уголовной ответственности за клевету и поношение тех, кто уже не может сам дать им пощечину. Один из таких авторов – профессор (!) В. Жухрай, чью брошюру «Провокаторы» я недавно полистал у прилавка, но не нашел в ней, к своему удивлению, главы о самом ее авторе... Дело в том, что несколько лет тому назад он выпустил книгу, превозносящую Сталина, где в свободной от правды манере пишет, в частности, о «ленинградском деле». Он приводит отрывок из обвинительного заключения и сдобривает весь этот раздел таким количеством беспардонного вранья, особенно в связи с Н. А. Вознесенским, за которое тоже, как говорится, в приличном обществе бьют по морде. И все это варево он выдает за истину, поскольку «они же признались»! Железная логика верного ученика «товарища Сталина»: тот, всю жизнь панически дрожавший за свою шкуру, сначала давал указания пытаться людей так, чтобы любой ценой вырвать у них нужные ему признания в мифических преступлениях, а потом с удовлетворением говорил то же самое: они же признались! Хотел бы я посмотреть на таких сегодняшних «героев мысли», поставленных на сталинский конвейер пыток и смерти, и послушать, какими голосами, кому и какие гимны они запели бы. Впрочем, что это я «размечтался»: ведь всегда были, есть и будут люди и всегда были, есть и будут среди них вырождающиеся.

Так вот, как раз о последних. Один такой – Абакумов – посылает другому – Сталину – уникальный по своей почти наивной откровенности документ:

«Совершенно секретно»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

При этом представляю список арестованных по ленинградскому делу (похоже, в бумагах впервые появляется это название. – Л. В.).

Видимо целесообразно, по опыту прошлого (!! – Л. В.), осудить в *закрыв-том* (курсив мой. – Л. В.) заседании Выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде без участия сторон, т. е. обвинения и защиты, группу человек 9–10 основных обвиняемых.

Остальных обвиняемых осудить в общем порядке Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

Для составления обвинительного заключения и подготовки дела к рассмотрению в суде, *нам необходимо знать лиц, которых следует осудить в числе группы основных обвиняемых.*

Прошу Ваших указаний (курсив мой. – Л. В.).

В отношении состава Военной Коллегии Верховного Суда СССР доложу Вам дополнительно.

В. Абакумов
Абакумов.

№ 6370/А
«18» января 1950 года».

Адресат подчеркивает просьбу об указаниях, что, как мы помним, означает готовность дать их, а Поскребышев проводит по линейке черту на полях вдоль всего текста, кроме строк о составе Коллегии, что тоже означает: товарищ Сталин устно выразил в принципе согласие с внесенными предложениями.

Удивительный документ, не правда ли? Всего в нескольких его строчках – однозначная характеристика сталинского режима как антидемократического, антиправового, античеловеческого, а значит, исторически обреченного. Другое дело, что крот истории роет свои подземные ходы не так быстро, как хотелось бы нам, людям, чей век на земле, к сожалению, слишком краток...

К записке Абакумова приложен за его же подписью «Список арестованных по ленинградскому делу». В этом документе – 44 фамилии, начиная с Н. А. Вознесенского. Против фамилий – подробная справка о том, что следствию удалось приписать каждому из них.

Просимые указания были получены, хотя на этом этапе предложение Абакумова о 9–10 основных обвиняемых показалось Сталину недостаточным: со свойственным ему размахом, когда речь шла о человеческих жизнях, он предложил расширить состав участников будущего закрытого процесса до 33 человек, указав их персонально. Об этом говорят сохранившиеся документы: обвинительное заключение с именами всех намеченных для этой цели лиц и предваряющая его записка Абакумова:

«Совершенно секретно

Товарищу С Т А Л И Н У И. В.

При этом представляю Вам обвинительное заключение по делу привлекаемых к уголовной ответственности ВОЗНЕСЕНСКОГО, КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, РОДИОНОВА, КАПУСТИНА и других участников вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате в Ленинграде, в числе 33 человек.

Прошу Ваших указаний.

В. Абакумов
Абакумов.

№ 7065/А

«23» августа 1950 года».

Времени между двумя записками Абакумова – от 18 января и 23 августа – прошло немало, целых 7 месяцев. Нельзя сказать, что они не были напряженными для создателей «ленинградского дела»: продолжались многочисленные допросы, увязывались между собой «показания» арестованных, собранные материалы «обогащались» новыми фактами и обвинениями, оформлялись всякие текущие документы. Но главное – из всего этого стряпалось общее для будущих подсудимых обвинительное заключение, родившееся в конце концов в августе, подписанное

начальником следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майором Леоновым и утвержденное министром Абакумовым. Впрочем, их «живых» подписей на этом документе нет: что утверждать, если «Хозяин» своего мнения еще не высказал. Уже в этом, первом варианте обвинительного заключения просматривается явный прогресс по сравнению с подобными документами 30-х гг. Цель, правда, одна и та же – уничтожение людей, но вчитайтесь в его начало:

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ»

по делу привлекаемых к уголовной ответственности участников вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате: ВОЗНЕСЕНСКОГО Н. А., КУЗНЕЦОВА А. А., ПОПКОВА П. С. (далее – перечень еще 30 кандидатов в подсудимые, в том числе А. А. и М. А. Вознесенские. – Л. В.), всего в количестве 33-х человек).

Как видите, все-таки не шпионы, не диверсанты, не террористы, не вредители (и не «враги народа», и не «изменники Родины», как лихо пишут многие авторы, не знакомые с материалами «дела»), а «всего-навсего» какие-то «подрывники в аппарате».

На записке министра МГБ «вождь» начертал: «*Выз. Аб.*» (явно – «Вызвать Абакумова»), а на обвинительном заключении – развернутое указание: «*Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского*». Право, в данном случае Сталину не откажешь в определенной логике и даже тонкости мысли. Николая Алексеевича надо было убрать в тень, так как сохранять его в роли «коренника» на будущем процессе (хотя и числя его по всем документам следствия не как члена Политбюро и заместителя Председателя Совета Министров страны, а только как председателя Госплана СССР) значило сразу поставить под сомнение главное обвинение. О каком противопоставлении под его руководством ленинградской партийной организации ЦК ВКП(б), организации вражеской группы в Ленинграде и прочем в этом же духе можно было говорить в 1950 г., если он с 1937 г. работал в Москве и большинство привлеченных к «делу» людей даже в глаза не видал? Его можно было только «пристегнуть» к нему, отвести ему роль пособника тех, кто якобы организовал преступную группу в Ленинграде еще в 1938 г. Нельзя не восхититься столь точным выбором начала этого отсчета: сразу видна ее духовная связь с не выкорчеванными в то время до конца «врагами народа». Нет, тысячу раз был прав «вождь и учитель», говоря «вы все слепые щенки и котят», ничего без него толком сделать не умеют, во все приходится вмешиваться самому.

И действительно, «товарищ Сталин» сам занялся любимым делом – выделил из приложенного списка обвиняемых 9 человек для заглавного процесса, т. е. вернулся к первоначальной идее, и, используя свой опыт 30-х гг., лично переработал текст обвинительного заключения. Абаку-

мов на «своем» процессе постоянно, вплоть до последнего слова, утверждал, что не только все аресты совершались им по указаниям высшей инстанции, но и обвинительное заключение по «ленинградскому делу» было продиктовано «вождем». А тот не жалел себя ради спасения Родины от очередного заговора: в августе 1950 г. Абакумов, Леонов, Комаров и Шварцман выезжали на 10 дней «в служебную командировку в Сочи для составления и согласования одного важного документа (из показаний его подельников выясняется, что это было обвинительное заключение по «ленинградскому делу». — Л. В.) с Главой Советского правительства, который проводил свой отпуск на юге». Впрочем, почему «не жалел себя»? Ведь такая работа и была «наивысшим наслаждением для настоящего мужчины», за какого он выдавал себя.

В результате уже в сентябре такое переработанное, исправленное и дополненное заключение было официально представлено Сталину вместе с сопроводительной запиской Абакумова и Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции Вавилова (А. П.):

«СОВ. СЕКРЕТНО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом представляем обвинительное заключение по делу КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА, РОДИОНОВА, ТУРКО, ЗАКРЖЕВСКОЙ и МИХЕЕВА, всего в количестве девяти человек.

Считаем необходимым осудить всех их Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, причем основных обвиняемых КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА и РОДИОНОВА, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года, к смертной казни — расстрелу, без права помилования, с немедленным приведением приговора суда в исполнение. ТУРКО — к 15 годам тюрьмы, ЗАКРЖЕВСКУЮ и МИХЕЕВА — к 10 годам тюремного заключения каждого.

Состав суда определить: председательствующий — заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-майор юстиции МАТУЛЕВИЧ И. О., члены суда — генерал-майор юстиции ЗАРЯНОВ И. М. и генерал-майор юстиции ДЕТИСТОВ И. В.

Дело заслушать в Ленинграде без участия сторон (прокурора и адвокатов) в закрытом заседании, без опубликования в печати, но в присутствии 100–150 чел. из числа партийного актива ленинградской организации.

Слушание дела, с учетом необходимости тщательной подготовки судебного разбирательства, можно было бы, по нашему мнению, начать 25 сентября 1950 года.

Просим Ваших указаний.

« » сентября 1950 г.».

АБАКУМОВ
ВАВИЛОВ.

Документы эти были представлены 4 сентября. Теперь Сталин считал «дело» подготовленным к процессу, и оставалось лишь более или менее прикрыть завершающую стадию творившегося беззакония официальным соблюдением требующихся по нормам права действий и соответствующим документальным их оформлением. 27 сентября помечен «Протокол подготовительного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР», на котором было утверждено обвинительное заключение и вынесено «Определение». Дело было «назначено к слушанию на 29 сентября 1950 года в гор. Ленинграде в *открытом* (курсив мой. – Л. В.) судебном заседании Военной Коллегии, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей». И опять-таки правильно перерешил с точки зрения своих задач «тов. Сталин»: *по существу закрытое, но объявленное открытым* судебное заседание позволяло «пригласить» на него какой-то круг людей, через которых напоминающее, одергивающее, дисциплинирующее, подчиняющее воздействие процесса и завершающего акта его – приговора дойдет до сознания всех тех, кому он прежде всего и предназначен, т. е. до руководителей разного ранга и этой вечно фрондирующей гнилой интеллигенции.

28 сентября обреченным дали (по документам – в Москве) расписаться в том, что они ознакомились с обвинительным заключением, и перебросили их в Ленинград, где 29-го и 30-го и состоялось так называемое судебное заседание. Оно проходило в Ленинградском окружном доме офицеров на углу Кирочной улицы и Литейного проспекта.

Как рассказывал Н. Л. Эрлих, вручая ему «Пригласительный билет на судебное заседание», секретарь парткома Невского машиностроительного завода предупредил: «Это будет суд над злейшими врагами народа». Да и обставлено все было как крупная спецоперация: задействовали два батальона войск МГБ, здание охватили тремя кольцами охраны с тройной же проверкой документов, на каждом шагу внутри него находились вооруженные посты солдат и офицеров. Малый лекционный зал – человек на 200 – заполнили следователи «злейших врагов», верхушка МГБ, новое ленинградское руководство и получившие «пригласительные билеты».

Подсудимых разместили с правой стороны сцены, за наспех сколоченной загородкой. Н. А. Вознесенский сидел первым, с ближайшего к залу края, рядом с ним – А. А. Кузнецов. По свидетельствам нескольких очевидцев, выглядели они оба скверно даже на фоне остальных подсудимых, тоже не блиставших здоровьем, хотя за неделю до процесса им улучшили питание и вообще стали готовить к появлению на публике. О самом этом судебном спектакле ходили разные толки, достоверность которых без опоры на широкий круг архивных материалов, остающихся пока закрытыми, определить трудно. Ясно одно – это был действительно спектакль, тщательно подготовленный ассистентами главного его постановщика, многократно отрепетированный, с хорошо выученными всеми «актерами» текстами их ролей. Сообщали даже (проверить это не удалось),

что была и генеральная репетиция: подсудимых привели в зал и вроде бы начали процесс, в ходе которого кто-то из них стал отказываться от выбитых следствием показаний и опровергать обвинения. Это вызвало дружный хохот судей и присутствовавших в зале «специалистов в штатском». Подсудимым объяснили, что это была лишь проверка того, как они будут вести себя на процессе, а с правдолюбцем дополнительно «поработали» так плотно, что действительное заседание прошло без сучка и задоринки. Некоторые приглашенные на него в дальнейшем, естественно, встречались в разных ситуациях друг с другом и, обмениваясь воспоминаниями и впечатлениями о нем, были единодушны: это был не суд, а обычное... партийное собрание. Правда, со смертельным для шести из его участников исходом, но с соблюдением всей партийной атрибутики того времени: признанием безусловной мудрости и правильности решений ЦК, самообвинениями и самоуничижениями, восхвалениями Верховного Главнокомандования во время войны и его неоценимой помощи Ленинграду, с просьбами дать возможность искупить «преступления» на любой работе, которую доверит им Центральный Комитет...

И впрямь, перечитываешь протокол заседания и видишь только голословные обвинения и такие же покаяния бывших ленинградских руководителей «в том, что они проводили вредительско-подрывную работу в *партии*, и, *намереваясь*, подобно зиновьевцам, превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП(б) насаждали в ней недовольство в отношении ЦК ВКП(б), избивали и устраняли честных коммунистов из руководящего состава ленинградской организации и заменяли их политически и морально разложившимися людьми, расставляли *антипартийных* людей в других пунктах СССР и, опираясь на них, имея в руках ленинградскую организацию, ставили целью взорвать *партию* изнутри и узурпировать *партийную* власть...». В этой, первой части преамбулы «Обвинительного заключения по обвинению...», приводимого с сохранением орфографии авторов, я выделяю курсивом понятия, показывающие якобы *антипартийную* направленность якобы *намерений* руководителей города. Но в Уголовном Кодексе РСФСР (издания как раз того, 1950 г.), по статьям которого их «судили» и расстреляли, нет ни слова о *партии*, а значит, и о преступлениях перед ней! Это – тоже к вопросу о сталинской социалистической «законности».

Концовка же преамбулы обвинительного заключения по своему содержанию относится не только к руководителям Ленинграда, но и к Н. А. Вознесенскому и М. И. Родионову: они-де «вели подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы, дезорганизовывали распределение материальных фондов и снижали темпы развития народного хозяйства страны». В таком, перевернутом с ног на голову виде были, по существу, представлены невиданные в истории темпы и результаты восстановления и развития советской экономики в первые послевоенные годы и естественные для тех условий методы управления ею.

Поразительно и то, каким не только убогим по смыслу, но и просто бездарным с точки зрения соблюдения правовой формы был этот «процесс» – с ослиными ушами заданности и предопределенности, торчащими из каждого вопроса и каждого отрепетированного ответа, алогичный во всем, вплоть до выбора статей обвинения. Их было три: 58-1-«а», 58-7 и 58-11.

Так вот, по статье 58-1-«а» можно было расстрелять виновного в шпионаже, выдаче военной или государственной тайны, переходе на сторону врага, бегстве или перелете за границу. Но никому из подсудимых таких преступлений даже в то время приписать было невозможно, и подобных обвинений и не было.

По статье 58-7 можно было осудить к расстрелу виновных в экономических преступлениях, совершенных в контрреволюционных целях, а также «в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций». Но и такие обвинения не звучали и звучать не могли.

По статье 58-11 можно было бы расстрелять подсудимых, если доказать преступления по первым двум из этого перечня статьям. Но все ограничивалось чисто словесными обвинениями в самой общей форме, ни в малейшей степени не связанными с содержанием упомянутых статей, без единого действительно подходящего под них факта, без хотя бы нескольких цифр, подтверждающих обоснованность претензий к подсудимым.

Мало того. Обвиняемых судили по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», хотя они не «подходили» ни под одну из перечисленных в нем позиций. Этих обвинений не было даже в обвинительном заключении! И немудрено: думая, следствие понимало, что ни один из них *такое* обвинение не подписал бы даже под самыми чудовищными пытками. И наконец, приговаривать к высшей мере арестованных в период отмены смертной казни в стране по всем нормам советского права, не говоря уже о мировом, было невозможно. Впрочем, почему невозможно? – расстреляли же... Так что автором такой юридической подлости, за которую нашу страну во времена Хрущева чуть не исключили из просоветской тогда Международной ассоциации юристов-демократов, был не он, нарушивший этот принцип и незаконно расстрелявший валютчика Рокотова, а Сталин, применивший подобный прием еще в 1950 г. Тогда Ассоциация не protestовала, ведь, как уже сказано, названный открытым процесс по существу был закрытым, и не исключено, что, делая его таким, «жорифей» учитывал и возможность неблагоприятного международного резонанса.

Не могу не отметить попутно в связи с этим указом еще одну «очаровательную» деталь: он был принят, в частности, с учетом исключительной преданности «Советскому Правительству всего населения Советского Союза». Оказывается, в сталинском государстве не правитель-

ство преданно служило своему народу, а, наоборот, народ преданно служил правительству! Так оно и было, но зачем же столь не деликатно указывать населению на его действительные место и роль в родном Отечестве? Да, все-таки в подсознании правды порой содержится куда больше, чем в сознании, и время от времени она вырывается на поверхность.

Рассказываю об этих юридических и политических моментах, поскольку арестованным по «ленинградскому делу» внушали: за их согласие подписать («в интересах партии»!) выдвинутые против них обвинения, за точное следование подготовленному сценарию процесса, безусловное признание в несовершенных преступлениях и публичное осуждение самих себя и сотоварищей гарантируется жизнь, работа на благо страны и благополучие семей. Не исключено даже, что подсудимые вообще не имели представления о направленном прежде всего именно против них восстановлении смертной казни. Более того, все они получили заверения в том, что, каким бы ни был приговор, он станет всего лишь данью общественному мнению и не будет исполнен. Приемы, как рассказано в книге, для Сталина отнюдь не новые, многократно опробованные в пресловутые 30-е гг., но подсудимым ленинградцам вряд ли известные: информация о них, как правило, исчезала вместе с теми, к кому они адресовались, а нередко и с теми, кто их применял. К тому же утопающий хватается за соломинку... Да и «суфлеры» в часто устраиваемых перерывах корректировали ход выступлений подсудимых.

И тут уж я не могу не привести хотя бы часть по-своему замечательного свидетельства упоминавшегося чуть выше Коровина – для тех, кто еще думает, что процесс в Ленинграде не был инсценировкой. «В МГБ СССР была создана детально разработанная система так называемой подготовки к судебным процессам...

Смысл этой порочной системы подготовки судебных процессов заключался в том, что, отстранив прокуроров от наблюдения за следствием, лишив их возможности вместе с судьями тщательно изучать дела, Абакумов, Леонов (начальник следственной части по особо важным делам, генерал-майор) и заместители последнего перед судом переключали следователей на обработку арестованных осторожно с тем, чтобы они на суде подтвердили данные на следствии показания.

В процессе такой «подготовки» арестованных дело доходило до таких фактов.

Комаров готовил к судебному процессу арестованного (назову его N, поскольку это не Н. А. Вознесенский, а о других подсудимых считаю возможным говорить лишь в весьма узких рамках. – Л. В.). После суда Комаров в кругу следователей (я был в их числе) рассказал, что ему удалось настолько хорошо подготовить N к процессу, что тот на суде подтвердил такие обстоятельства, о которых он и не показывал совершенно на следствии.

По заявлению Комарова на суде произошел такой эпизод (орфография подлинная. – Л. В.): председательствующий, выслушав показания

Н, задал ему примерно такой вопрос: «Следовательно Вы ставили перед собою целью свержение существующего в СССР строя?» Н, хотя и не давал таких показаний на следствии, на вопрос председательствующего ответил утвердительно.

Когда в перерыве между судебными заседаниями Комаров зашел в камеру Н, последний сказал ему: *«Я Вам, Владимир Иванович, дал обещание, что буду вести себя на суде хорошо. Вы мне разъяснили, что это нужно сделать в интересах партии. Только поэтому на вопрос председателя суда я и ответил утвердительно, хотя целей свергать советскую власть у меня не было. Прошу предупредить председателя суда, чтобы он мне больше не задавал подобных вопросов»* (курсив мой. – Л. В.).

Комаров... сумел и тут убедить Н, что все это пустяки, что председательствующий излишне обобщил, а все для него – Н обойдется благополучно (курсив мой. – Л. В.).

Тут же Комаров сказал: вот, учитесь, как надо готовить судебные процессы.

Я не могу подобное поведение Комарова назвать ничем иным, как провокационным».

Чтобы задуманный спектакль состоялся, нужно было из «артистов», или, точнее, статистов, создать единый ансамбль, для чего такой же обработке необходимо было подвергнуть каждого и выдать им всем аналогичные обещания. Тем более неожиданным для шестерых из них был вынесенный смертный приговор. В какой-то мере их надежда на то, что они еще смогут работать и принести пользу своему народу, просматривается в последних словах подсудимых, когда они почти по трафарету обещают трудом искупить свою вину. Впрочем, не хочу преувеличивать значение этих, возможно, ритуальных в таком положении фраз. Несколько большее, мне представляется, значение для понимания скрытых пружин происходившего на процессе имеет эпизод, пересказанный мне Н. Л. Эрлихом. Он был только на одном заседании, а его друг, первый секретарь Московского райкома партии в Ленинграде А. Ф. Иванов присутствовал на всех заседаниях «суда». Александр Федорович, считал Николай Львович, являлся порядочнейшим человеком, словам которого можно было доверять абсолютно. И он рассказал, что как только председатель суда огласил приговор, Н. А. Вознесенский вышел из-за загородки, оттолкнул пытавшихся остановить его охранников и, подойдя к судейскому столу, сказал Матулевичу:

– Мне нужно позвонить товарищу Сталину!

– Сталин вам не товарищ! Вы хотели его убить! – ответил тот, хотя о таком обвинении речь в связи с «ленинградским делом» никогда не шла.

Видимо, тогда (это уже из других устных рассказов о процессе) Николай Алексеевич обратился к залу:

– Передайте Сталину, что я не виноват в тех преступлениях, которые здесь предъявляются, что все это – гнусная провокация Берии и Маленкова!

И тут – об этом говорится в книге А. Антонова-Овсеенко «Берия» со ссылкой на документы – на обреченных набросили белые саваны и в таком виде вытащили их из зала. А когда Абакумова спросили уже на его собственном процессе, зачем это сделали, он ответил:

– Для психологического воздействия на присутствующих. Все должны были видеть наше могущество, несокрушимую силу Органов.

Некоторое правдоподобие истории с мешками придадут свидетельства ряда людей о том, что в конце процесса произошла не только описанная выше сцена с Н. А. Вознесенским, но прозвучало и другое, тоже не предусмотренное сценарием МГБ, заявление А. А. Кузнецова. В официальном протоколе судебного заседания 29–30 сентября 1950 г. ни о том ни о другом событии не упоминается. А в литературных источниках приводится, опять же со ссылкой на устные свидетельства, фраза А. А. Кузнецова, произнесенная якобы в последнем слове (что совершенно не увязывается со смыслом зафиксированного в стенограмме – уж скорее она, такая фраза, могла прозвучать после объявления приговора), о том, что «история нас оправдает!». Нет в этом документе и более широкого заявления Н. А. Вознесенского в рамках его последнего слова, закончившегося вышеприведенной просьбой сообщить о его невиновности Сталину. Об этом поведал на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС секретарь Ленинградского горкома партии В. Н. Малин. И хотя его информация в каких-то деталях не полностью совпадает с другими рассказами, я склонен довериться его памяти, так как стилистика приведенного им высказывания характерна для образа мысли и строя речи Вознесенского, а главное потому, что он на протяжении всего «суда», включая и воспроизведенное Малиным заявление, признавал себя ответственным только за те участки работы, которыми руководил, но полностью отрицал свое участие в деятельности «вражеской группы», с которой тем не менее «состоял в преступной связи», поскольку всячески помогал Ленинграду, особенно в его послевоенном восстановлении. Сидевшие рядом с ним товарищи по несчастью, правда, его неоднократно «поправляли», утверждая, что «и он являлся участником нашей преступной группы», и «суд» в тексте приговора причесал их под одну гребенку, объявив всех равно ответственными по всем пунктам обвинения и за все время, начиная с 1938 г. Возможно, что не только неожиданный приговор, но и бредовый характер его мотивации стал причиной, подтолкнувшей Николая Алексеевича к попытке переговоров со Сталиным и последовавшего затем обращения к присутствовавшим в зале. Ну а разноречивые воспоминания очевидцев «процесса» и его протоколом скорее всего говорит о том, что и этот документ подвергся «чистке» прежде, чем был отправлен на вечное хранение в архив.

Не знаю, сообщил ли кто-нибудь и когда-нибудь Сталину об этих эпизодах, но вполне допускаю, что из-за страха перед ним такую информацию утаить не могли. Тем более что почти в каждом перерыве в заседании, а их делали часто, «Абакумов либо Матулевич докладывали

по телефону о ходе процесса лично Сталину» (В. И. Демидов, В. А. Кутузов. «Ленинградское дело»). Это и понятно: разве мог он, автор, сценарист, главный режиссер, вложивший так много своих усилий в создание этого «дела», оставить свое выношенное дитя без присмотра в момент его родов? Недаром Маленков на неоднократно цитированном июньском (1957 г.) Пленуме ЦК, говоря об организации «ленинградского дела», прямо заявил: «Это все делалось по личному указанию тов. Сталина».

Да, так фактом остается то, что «для вынесения приговора», давно уже назначенного, сформулированного и напечатанного, понадобилась 5-часовая пауза, с 19.45 до начала первого ночи. Возможно, это было время колебаний и раздумий Сталина. Кроме того, как мы уже знаем, он предпочитал свои единоличные, особенно – уязвимые с той или иной точки зрения решения оформлять для истории в виде единодушного коллективного мнения Политбюро. Во всяком случае, 30 сентября Сталин или не был в своем кремлевском кабинете, или не принимал там никого, но именно такой датой помечен протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б), которое, вроде бы, среди множества прочих рассмотрело в тот день и вопрос о судьбе ленинградцев. Трудно сказать, обсуждали ли его члены реально хотя бы обвинительное заключение, т. е. документ *досудебный*, не говоря уже о приговоре, который вообще должен был бы составляться по *итогам* судебного следствия, или просто проголосовали – не по телефону ли? – так, как предложил Генсек, кто с радостью, добившись давно желаемого, кто с облегчением, что на этот раз миновала его чаша сия, и со страхом в душе за свое непредсказуемое будущее, или же Сталин принял решение единолично, а оформлено оно было как якобы коллективное, но в этом документе зафиксировано:

«Решение от 30 сентября 1950 г.

135. – Вопрос МГБ.

Принять прилагаемые предложения в связи с обвинительным заключением по делу Кузнецова А. А. и др.

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)».

В качестве же приложения фигурировала уже известная читателям записка Абакумова и Вавилова.

Ну а получив через несколько часов «добро» из Москвы, Матулевич зачитал приговор, закончив эту процедуру в 0 часов 59 минут 1 октября, и тут же, как было весьма предусмотрительно указано в той записке, дал команду привести его в исполнение немедленно, что и произошло в 2 часа ночи, скорее всего – в Большом доме (Литейный проспект, 4), в здании Ленинградского управления МГБ. На каждого расстрелянного составлен соответствующий документ, например:

«С П Р А В К А»

Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 29–30 сентября 1950 года в отношении осужденного к ВМН расстрелу *Вознесенского Николая Алексеевича* 1903 года рождения, уроженца г. Чернь Тульской обл. приведен в исполнение «1» октября 1950 года.

НАЧАЛЬНИК 3 ОТД 1 СЕКТОРА ОТДЕЛА «А» МГБ СССР

подполковник
Воробьев /Воробьев/».

При всех сомнениях в достоверности многих официальных документов тех лет привожу этот потому, что в виде всякого рода слухов бродят самые разные версии гибели Николая Алексеевича, некритически перекочевавшие затем и в литературу – как историческую, так и художественную.

Не удержусь от подобного греха и я. Десятки лет тому назад дошел до меня рассказ со ссылкой на Хрущева о том, что, дав распоряжение расстрелять ленинградцев, Сталин еще добрый час ходил по кабинету в раздумье, а затем велел Поскребышеву соединить его с Берией, и между ними состоялся такой разговор:

– Я все-таки не верю в то, что Вознесенский мог предать. Сохраните ему жизнь.

– Они уже все расстреляны, – ответил тот.

Пауза...

– Детей не трогать, – буркнул Сталин.

Косвенно этот рассказ подтверждается тем, что из десяти детей, бывших в семьях Вознесенских, только обе дочери Николая Алексеевича не были арестованы. На их долю тоже выпало немало испытаний, но они, по крайней мере, остались в Москве и продолжали учиться. Неужели даже у абсолютных выродков хотя бы иногда прорывается на секунду что-то человеческое?

1 октября Андрианов отправил Сталину шифртелеграмму в связи с завершением судебного процесса, в которой отметил, что на нем присутствовало 120 человек партийного актива Ленинграда. Замечу, что большинство из них получили приглашение только на одно из четырех заседаний, что лишний раз показывает, кем в действительности был заполнен зал во время процесса. «Все подсудимые, за исключением Вознесенского Н. и Родионова, в пред’явленных им обвинениях признали себя полностью виновными. Вознесенский Н. и Родионов пытались всячески выкручиваться и отмежеваться от враждебной антипартийной группы Ленинграда. Но показаниями остальных подсудимых и судебным следствием изобличены и в последнем слове вынуждены были признать

себя участниками враждебной антипартийной группы и виновными в совершенных ими преступлениях против партии и советского народа». И даже здесь этот подлец Андрианов соврал: с самого начала и до последнего слова Николай Алексеевич отрицал участие во «вражеской группе» и признавал лишь «преступные связи» и «сообщничество» с нею, выражавшееся в помощи Ленинграду по просьбе не столько включенных, сколько вколотенных в эту группу руководителей города.

Поразительно, однако, как воспринимали эту ситуацию даже чекисты, находившиеся в зале. Вот свидетельство В. И. Бережкова в его книге «Питерские прокураторы»: «Я беседовал со многими ветеранами, которые присутствовали на суде в зале Ленинградского дома офицеров, и ни один из них не сказал дурного слова о поведении там Вознесенского. Наоборот, отмечали его спокойствие, твердость, порядочность и непризнание им своей вины».

На Левашовской пустоши, что под Ленинградом, в этом зловещем месте во рвах, следы которых остались до сих пор, – останки почти 40 с половиной тысяч человек, расстрелянных по политическим обвинениям с августа 1937 по 1954 г. Среди них – прах Н. А. Вознесенского и других погибших ночью 1 октября 1950 г. Его семья поставила там памятный знак – камень, на одной из сторон которого выбито: «ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич 1.12.1903 – 1.10.1950». И это – единственный зримый след его связи с городом, который он так любил и был так предан ему, что и погиб именно по обвинению в постоянной заботе и большой многолетней и разносторонней помощи Ленинграду. В эйфории и хаосе «демократических преобразований» и переименований исчезло и имя Николая Алексеевича, которое в свое время носил Ленинградский финансово-экономический институт, ставший затем Санкт-Петербургским государственным университетом экономики и финансов. Не знаю, как вам, читатели мои, и руководству города, а мне это кажется явно несправедливым: далеко не каждому – менее чем за 47 лет жизни – удастся сделать столько для науки, для людей, для страны и даже для Ленинграда, как Николаю Алексеевичу.

Ну а в Москве тоже сохранилась – пока, по крайней мере, – самая скромная из всех мемориальных досок на знаменитом в свое время доме № 3 по улице Грановского (теперь – Романов переулок) с надписью, обе даты на которой, к слову, ошибочны: «Здесь с 1947 года по 1950 год жил партийный и государственный деятель академик Николай Алексеевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ»...

Вернемся-ка и мы из второй столицы в первую, где банде Абакумова – Матулевича после успешного завершения спектакля в Ленинграде предстояло оформить намеченные расстрелы и прочие акции в Москве. Привожу очередной документ – на радость сталинистам и для горестных раздумий о нашем прошлом порядочным и не выжившим из ума людям:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

При этом представляю список на остальных арестованных по ленинградскому делу.

МГБ СССР считает необходимым осудить Военной Коллегией Верховного Суда СССР в обычном (именно так! – *Л. В.*) порядке, без участия сторон, в Лефортовской тюрьме, с рассмотрением дел на каждого обвиняемого в отдельности:

Первое. – Обвиняемых, перечисленных в прилагаемом списке с 1 по 19 номер включительно: СОЛОВЬЕВА, ВЕРБИЦКОГО, ЛЕВИНА, БАДАЕВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, КУБАТКИНА, ВОЗНЕСЕНСКУЮ, БОНДАРЕНКО, ХАРИТОНОВА, БУРИЛИНА, БАСОВА, НИКИТИНА, ТАЛЮШ, САФОНОВА, ГАЛКИНА, ИВАНОВА, БУБНОВА, ПЕТРОВСКОГО, ЧУРСИНА, – к смертной казни – расстрелу, без права обжалования, помилования и с приведением приговора суда в исполнение немедленно.

Второе. – С 20 по 32 номер списка включительно: ГРИГОРЬЕВА, КОЛОБАШКИНА, СИНЦОВА, БУМАГИНА, БОЯР, КЛЕМЕНЧУК, КУЗЬМЕНКО, ТАИРОВА, ШУМИЛОВА, НИКАНОРОВА, ХОВАНОВА, РАКОВА и БЕЛОПОЛЬСКОГО, – к 25 годам заключения в тюрьму каждого.

Третье. – С 33 по 38 номер списка: ТИХОНОВА, ПАВЛОВА, ЛИЗУНОВА, ПОДГОРСКОГО, ВЕДЕРНИКОВА и СКРИПЧЕНКО, – на 15 лет заключения в особый лагерь каждого.

Прошу Вашего разрешения.

В. Абакумов
АБАКУМОВ.

7220/А

«24» октября 1950 года».

Далее следовал «Список арестованных по ленинградскому делу» с распределением по разрядам наказаний и кратким изложением обвинений в адрес каждого – фактически уже приговоренного. Например, в адрес А. А. Вознесенского высокоученое, надо полагать, следствие записало, среди прочих обвинений, что он «составлял и издавал вредные работы, в которых извращал марксистско-ленинскую науку». Прочие обвинения, касающиеся его и других арестованных, были не менее «убедительными». После этого оставалось только набросить на очередные убийства и другие расправы легкий флёр юридической чистоты и палаческой невинности.

Убедившись в добротности, с его точки зрения в тот момент (!), этих документов, обер-палач написал было на первом из них: «*Тов. Абакумову*», но потом зачеркнул это указание и, очевидно, вызвав Поскребыше-

ва, поручил ему передать Абакумову свое решение. Оно и зафиксировано традиционными для того подчеркиваниями по линейке всего текста слева на полях и отдельно строки с просьбой разрешить намеченные убийства и прочие расправы. Но дело все-таки серьезное, мало ли как потом обернется, и Поскребышев пишет под зачеркнутым его шефом: «т. Сталин не возражает» и ниже – «Сообщено т. Абакумову».

«Башмак» из-под колеса смерти был выбит, и оно покатилося со страшной скоростью: уже 25-го (привожу примеры из наиболее мне близких) Марии Алексеевне и Александру Алексеевичу были предъявлены протоколы об окончании следствия, причем им обоим, для солидности, что ли, добавили к статьям, «приписанным» Николаю Алексеевичу, еще по одной – 58-10, ч. 1 и 58-10, ч. 2 соответственно. Правда, в Уголовном кодексе разделения такой статьи на части просто не было, но разве это кому-либо хоть сколько-нибудь мешало? 26-го им были предъявлены обвинительные заключения. В делах сохранилась довольно любопытная бумажка из тех, что передают колорит ситуации прошлого (курсив мой. – Л. В.):

«Справка:

1. ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А. арестован 19 августа 1949 и содержится под стражей в Лефортовской тюрьме МГБ СССР.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

3. Свидетелей, подлежащих вызову в суд, нет.

ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

МГБ СССР – полковник

(СОРОКИН)».

Надо полагать, подобные документы очень облегчили тяжелый труд Военной Коллегии Верховного суда СССР, в тот же день на своем подготовительном заседании принявшей так называемые определения, согласно которым обвинительные заключения были утверждены и дела приняты к ее производству. И в этот же день подсудимые – а их было, судя по датам расстрелов, не менее девяти – получили уведомления о предстоящих судебных заседаниях, которые в закрытом, конечно, порядке и состоялись 27 октября 1950 г.

Наверное, десятки раз за последние годы читал я протокол заседания, где игралась сцена «рассмотрения» обвинений в адрес А. А. Вознесенского, и скажу прямо, даже за этим текстом стоит в невероятных условиях сохранивший свое достоинство человек, духовно не сломленный, до конца борющийся не только за жизнь, но и за свое доброе имя, за справедливость. Удивительно, но и те же самые актеры-«судьи» вели себя, в отличие от «процесса» в Ленинграде, вполне корректно и даже как-то уважительно. Вероятно, потому, что там они должны были играть свою роль для публики и главного зрителя, точнее, читателя, Сталина, а здесь такой необходимости у них не было. В приговоре они даже

сослались – для истории, что ли, или по юридическому шаблону? – на статьи Уголовно-процессуального кодекса, говорящие, в частности, о том, что «оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности». Внутреннее убеждение у них было одно: соблюсти форму, не меняя predetermined содержания, и, когда Александр Алексеевич отрицал и опровергал то или иное обвинение, они просто переходили к следующему. Ведь приговор со всеми обвинениями, «собранными» следствием, уже лежал перед ними, и изменять заранее заготовленные тексты и тем более выводы никто из них не собирался, да и не мог, если бы и захотел: ведь «т. Сталин не возражает» против предложений МГБ...

Один раз в ходе «судебного заседания», когда Александр Алексеевич заявил, приведя соответствующие аргументы, что, вопреки заверениям следствия, он ни в 1917(!) г., ни в дальнейшем никакого отношения к народным социалистам не имел, Матулевич привел некую цитату из протокола допроса подсудимого. Ответ прозвучал так:

«Подсудимый: Это не моя формулировка. Я только подписал протокол допроса от 26-го декабря 1949 года. В действительности было так, как я уже доложил суду выше.

Председательствующий: Из материалов дела видно, что некоторые формулировки, с которыми вы были не согласны, вы оговаривали и собственноручно вносили исправления. Здесь же никаких исправлений вами сделано не было.

Подсудимый: Верно, что в некоторых протоколах допроса я вносил исправления, но только не в протокол моего допроса от 26-го декабря 1949 года. *О причинах подписания этого протокола я не хочу говорить суду Военной Коллегии* (курсив мой. Напомню, это было после месяца пыток и пребывания в чудовищных условиях карцера. По иронии судьбы, менее чем через год на «лефортовский конвейер» был поставлен... Абакумов. В письме Берии и Маленкову, описывая «зверские выходки» по отношению к нему, он рассказывает и о карцере: «...это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра... без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день)... Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз... впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел...» – Л. В.)...

Председательствующий: Кто вас выдвинул на должность министра прощения РСФСР?

Подсудимый: Я не знаю. О назначении меня на должность Министра прощения имел разговор с А. А. ЖДАНОВЫМ. В протоколе моего допроса по этому вопросу записано иначе. Следовательно сказал мне, что без секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам на такие должности не выдвигаются. Я согласился с ним, а *при подписании протокола был в таком состоянии, что не мог осмысливать формулировки*» (курсив мой. – Л. В.).

Виновным себя Александр Алексеевич признал только в том, что, «будучи ректором Ленинградского университета, санкционировал прием на профессорско-преподавательскую работу нескольких лиц без специальной проверки» и «поддерживал связь со своей бывшей женой» – матерью двух его сыновей, кстати. «Больше я ни в чем себя виновным не признаю». Думаю, любой читатель поймет: такие «преступления» ни под какую статью Уголовного кодекса, казалось бы, подвести невозможно. Но так думаем мы, но не профессиональные убийцы с дипломами и высокими званиями в мире юриспруденции.

Из последнего слова А. А. Вознесенского: «Никаких группировок я не поддерживал и к ним не примыкал. Вреда партии умышленно я никогда не приносил. Я 32 года честно и искренне служил коммунистической партии. В течение 25 лет я беспрерывно вел пропагандистскую работу. Я прочел более пяти тысяч лекций для студентов. Более тысячи для рабочих и служащих. Я все время вел большую воспитательно-политическую работу...

Прошу все это учесть при вынесении приговора».

«Суд» и «учел», объявив ему со всеми прежними обвинениями приговор, возможность которого он предвидел еще до ареста, – расстрел.

Такую же процедуру и, разумеется, с тем же результатом прошла в этот же день и Мария Алексеевна.

Тот же самый Матулевич, ставший к этому моменту «врио председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР», распорядился о немедленном приведении в исполнение приговоров в отношении А. А. и М. А. Вознесенских. Это и было осуществлено в то же самое время, как и четыре недели назад в Ленинграде (видно, оно было самым любимым у руководителей и исполнителей таких акций), и, видимо, брата и сестру расстреляли вместе, по общему для них «наряду»:

«Москва 28 октября 1950 г.

Сов. секретно

АКТ

Мы нижеподписавшиеся удостоверяем, что приговоры Военной Коллегии Верховсуда СССР от 27 октября 1950 г в отношении осужденных к ВМН – Расстрелу Вознесенского Александра Алексеевича 1898 года рождения и Вознесенской Марии Алексеевны 1901 года рожд. приведены в исполнение 28 октября 1950 года в 2 часа 00 мин.».

Фамилии исполнителей и присутствовавших при казни, очевидно, в Лефортовской тюрьме до сих пор хранятся в тайне. Возможно, что среди первых были комендант МГБ генерал-майор Блохин В. М. и его помощник Раков, на протяжении многих лет лично расстреливавшие осужденных. В 1954 г. Блохин был разжалован «как дискредитировавший себя за время работы в органах», но уволен по болезни, что естественно, ведь

работа у него, с точки зрения нормального человека, была очень нервной, и сохранил кучу самых высоких орденов, полученных за нее. А еще более высокую награду – свою жизнь – он получил из рук Сталина. В конце 30-х гг. Блохина собирались арестовать, но «вождь» поинтересовался, участвует ли он в исполнении приговоров, и, получив подтверждение, сказал, что таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу. И «корифей», как всегда в таких вопросах, был прав. Его «беловая» работа – отбор будущих «врагов народа», формирование из них шпионских и террористических групп, организация процессов, подготовка их сценариев, обвинительных заключений и приговоров или даже просто росписи на расстрельных списках – весь этот титанический труд пропал бы даром, если бы не было Блохина и его команды, которые выполняли после него «черновую» часть этой работы, ставили заключительную точку... пулей в голову обреченного. А уж о выполнении деликатных поручений Сталина и некоторых других высших руководителей о бесследной ликвидации потенциально опасных свидетелей и вообще неудобных людей в «особом порядке», т. е. сугубо тайно, без всякого обвинения и хотя бы фиктивного суда, и говорить не приходится: Блохин и его команда справлялись с этим блестяще и язык за зубами держать умели. В литературе уже отмечалось, что в «особом порядке» только в Москве уничтожили не менее 254 человек, в том числе жену маршала Кулика (Сталин не погнушался даже предложить *после* этого объявить ее во всесоюзный розыск), позднее тоже расстрелянного. Думаю, их «вина» состояла в том, что, как откровенно сказал «вождь» о другом человеке, они слишком много знали, скорее всего – о его деятельности в Царицыне во время Гражданской войны. Были получены указания Сталина (и даже началась подготовка к их реализации) о ликвидации П. Л. Капицы и М. М. Литвинова, но затем они были отменены, возможно, потому, что бесследно такие люди, как, например, и убитый по распоряжению Сталина же С. М. Михозлс, исчезнуть не могли. Сталин и Блохин, Блохин и Сталин – вот олицетворение начала и конца той, говоря современным языком, вертикали власти, которая была, в чем нас непрестанно уверяли, а некоторые и продолжают уверять, самой демократической, самой гуманной и справедливой в истории человечества.

По-видимому, надо назвать и членов спецгруппы, приводившей приговоры в исполнение. Это Борунов В., Дмитриев А. Д., Сименихин Д. Э., Шигалев В. И., Шигалев И. И., Фельдман И. И. Еще более важно то, что сохранение в публичной истории государства имен конкретных людей, совершавших массовые и заведомо преступные акции, перед которыми детскими шалостями выглядят деяния серийных убийц-маньяков и матерых уголовников, хоть немного уменьшит число охотников строить свое благополучие на страданиях и гибели других людей. Конечно, спецслужбы даже в самых демократических государствах не могут обойтись без определенной степени закрытости, без тайн, надолго остающихся неизвестными обществу. Но даже «органы» не могут и не долж-

ны во всем и всегда находиться вне контроля со стороны общества, ибо в этом случае они неизбежно становятся *над* ним. А к каким последствиям это ведет, отлично видно на примере сталинской вакханалии беззакония и террора. Ведь даже в нашей стране и в ту эпоху они могли осуществляться так долго и с таким размахом прежде всего именно потому, что оказались закрытыми от населения глухой завесой тайны, поверх которой еще была наброшена кисея, сотканная из всеобъемлющей лжи.

Простейший пример: «Приговоры по первой категории (то есть к расстрелу. — Л. В.) приводятся в исполнение... с обязательным *полным* (курсив мой. — Л. В.) сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение» — это из приказа Ежова от 30 июля 1937 г. Государственные тайны подобного рода, охранявшиеся никак не меньше, чем военные секреты, служили надежной гарантией безнаказанности и неприкосновенности вдохновителям, заказчикам и исполнителям кровавых преступлений. Творившие их мерзавцы могли быть сами поставлены на конвейер смерти только по воле вышестоящего руководства, что оно — и прежде всего именно Сталин — периодически и делало, но отнюдь не во имя торжества справедливости, а только для того, чтобы замести следы собственных преступлений и в очередной раз предстать перед обществом не в дымящемся от крови кожаном фартуке мясника, а в белоснежных одеждах.

Так может быть, пора сорвать эту двойную завесу из тайны и маскирующей ее лжи хотя бы с преступлений полувековой давности и начать публиковать списки не только уничтоженных невинных людей, но и тех, кто это делал, — провокаторов, доносчиков, творцов несуществующих заговоров, палачей? И каждую фамилию расшифровывать примерно так, как это принято в нынешних книгах памяти — мартирологах жертв сталинщины: где, когда и в качестве кого действовал, сколько человек погубил, чем завершил свой «трудовой», а теперь для большинства, наверное, и земной путь.

В рамках этой книги у меня нет возможности составить такой насыщенный конкретной информацией список, но все же в порядке почина приведу просто перечень только тех, чьи имена встретились мне в литературе и некоторых следственных документах в качестве активных соучастников преступной группировки, организовавшей и осуществившей так называемое «ленинградское дело»: Абакумов В. С., Адамов Н. Ф., Андреев Е. Е., Андрианов В. М., Артемов, Афанасьев Н. П., Белов А., Берия Л. П., Болховитин А. А., Борисов, Броверман Я. М., Булганин Н. А., Вавилов А. П., Власов С. С., Воробьев, Гаркуша, Гарманов, Герасимов, Герцовский А. Я., Гоглидзе С. А., Голикова, Гордеев Г. В., Дедов А. Л., Детистов И. В., Дуринов, Евсенин, Еломанов, Ермаков П. П., Журавлев, Зайцев, Зарянов И. М., Игнатьев С. Д., Ильин С. А., Каганович Л. М., Кобулов З. Б., Козлов Ф. Р., Комаров В. И., Копцов Н. Ф., Коровин Л. С., Королев, Лачин М. С., Леонов А. Г., Лихачев М. Т., Маленков Г. М., Мазур А. С., Матулевич И. О., Меркулов В. Н., Миронов, Мотавкин,

Николаев, Носов, Овсянкин, Огольцов С. И., Петровский, Питовранов Е. П., Помазнев М. Т., Путинцев А. В., Рассыпнинский А., Родин, Рюмин М. Д., Рябов, Самарин, Сафонов Г. Н., Селивановский, Сердюк А. Е., Соколов К. А., Сорокин Г., Сталин (Джугашвили) И. В., Степанов, Сухов, Федотов П. В., Хрущев Н. С., Чернов И. А., Шкирятов М. Ф., Яшин Н. М.

Да воздастся каждому по делам их. Впрочем, не только воздастся «там», но и воздастся «здесь»: до сих пор живы и получают свои пенсии, даже не снявшиеся выжившим в сталинско-бериевском тюремно-лагерном аду, некоторые из создателей и исполнителей, например, того же «ленинградского дела». Их интеллектуальные, нравственные и физические подвиги в свое время тоже высоко оценил «товарищ» Сталин. Например, следователям братьев Вознесенских полковникам Соколову и Сорокину он лично в столовой на своей даче в Волынском вручил без всякого опубликования по ордену Ленина. Когда же я много лет тому назад нашел этих полковников (одного в Инюрколлегии, другого в Московской городской коллегии адвокатов), выдававших себя за жертв культа личности, и попытался привлечь их к уголовной ответственности, то получил ответ из прокуратуры о том, что это невозможно по причине истечения срока давности. Между тем по решению Международного суда в Нюрнберге преступления против человечности срока давности не имеют. Немецкие фашисты и их пособники в нашей стране, как и в других, привлекались к уголовной ответственности за эти преступления, даже если им удавалось скрываться долгие годы. А вот доморощенные фашисты с билетами членов КПСС в кармане могли и могут доселе спать спокойно. Добился я тогда только исключения «своих» полковников из партии, за что теперь они, может быть, мне и благодарны, и кажется, снятия с работы. Но уголовной, а по существу и моральной ответственности за муки и гибель невинных людей они так и не понесли.

Тела А. А. и М. А. Вознесенских сожжены в Московском крематории, который находился (сейчас там восстановлен храм) на территории Донского монастыря, а прах сброшен в огромную яму на местном кладбище. На этой «могиле № 3 невостребованных прахов» в 1996 г. открыт мемориал жертвам политических репрессий первых послевоенных лет.

Более 40 лет родные и близкие уничтоженных ленинградцев не могли узнать, где и когда они захоронены. В середине 50-х гг. возвращавшимся из тюрем, лагерей, ссылок членам семей погибших выдавались справки с фальшивыми датами и причинами смерти. Так, я получил бумагу, согласно которой мой отец, «отбывая наказание, 30 ноября 1951 года умер от упадка сердечной деятельности». Не знаю, благими ли намерениями руководствовались «наверху», принимая такое решение, но государственная ложь, чем бы она ни была продиктована, во сто крат отвратительнее бытовой. И только 16 мая 1994 г. газета «Вечерняя Москва» на основании данных Центрального архива ФСК (бывшего КГБ)

опубликовала «Расстрельные списки», в которых оказались и погибшие по «ленинградскому делу» известные в свое время государственные и общественные деятели, уничтоженные в Москве. Газета указала, что их прах находится в общей могиле на кладбище Донского монастыря.

Узнав, наконец, об этом, немногие родственники погибших, живущие в Москве, бросились на кладбище, расположенное вокруг крематория на территории монастыря. Обнаруженная там могила представляла собой доверху засыпанную пятиметрового диаметра яму, поросшую сорными травой и кустами, между которыми хаотично размещались шесть качавшихся на зыбкой почве от самого легкого прикосновения к ним памятных плит с именами уничтоженных в Москве иностранных граждан. И был там еще небольшой, терявшийся на фоне этих плит, камешек-столбик как знак памяти о жертвах политических репрессий. Но не было на этой могиле ни одного имени русских, советских людей, хотя именно их останки, по существу, и заполняли ее.

В общем, родственники погибших по «ленинградскому делу», Санкт-Петербургские ассоциация жертв необоснованных репрессий, независимое добровольное общество «Справедливость», Московская ассоциация жертв незаконных репрессий осенью 1994 г. обратились к Ю. М. Лужкову и А. А. Собчаку с просьбой поддержать инициативу об увековечении памяти погибших в Москве ленинградцев. Совместным решением откликнувшихся на это предложение мэров Москвы и Санкт-Петербурга в начале 1995 г. было открыто в равных долях финансирование соответствующих работ.

Выполнение программы реконструкции могилы и строительства мемориала было поручено талантливому скульптору, лауреату Ленинской премии Фридриху Мкртичевичу Согояну, чьи произведения установлены в Москве, во многих республиках СССР, в США, и известному архитектору Александру Ивановичу Муромскому. При этом мой дорогой друг Ф. М. Согоян взял на себя и функции руководителя работ. Условия для их выполнения – политические, организационные, дипломатические, психологические, производственные, финансовые – были крайне сложными, и теперь, вспоминая этот период, мы, откровенно говоря, с легким содроганием думаем о том, как удалось в кратчайшие сроки преодолеть все эти препоны и уже 7 ноября – такое совпадение дат – 1995 г. закончить строительство мемориала. Официальное же его открытие состоялось в очередную годовщину прорыва блокады Ленинграда – 26 января 1996 г.

К сожалению, при сооружении мемориала мы понесли немалые художественные потери. Тогда в стране была очень высокая инфляция, и банки, через которые проходили выделенные по жестко рассчитанной нами смете деньги, самым бессовестным образом месяцами прокручивали их, и когда в конце концов под всякими нажимами у них вырвать эти средства все же удавалось, они оказывались в значительной мере обесцененными. Это не только тормозило работы, но и вынуждало нас

трижды пересматривать художественную сторону проекта. В то время мы могли получить и получили минимально необходимые средства от правительств двух городов *только* на памятник ленинградцам. Но и в этих финансовых рамках творческая бригада предполагала обнести мемориал стеной в виде нисходящих уступов, на которые можно было бы вынести имена *всех* жертв сталинского террора, чей прах находится в этой могиле. Однако в связи с фактическим резким усыханием финансовых возможностей пришлось в конце концов сохранить разнородные плиты с фамилиями иностранцев, добавить к ним плиты, посвященные ленинградцам, и создать технические условия для установки в дальнейшем на мемориале заинтересованными лицами и организациями новых знаков в память о находящихся здесь других жертвах сталинщины. На могиле проведены значительные инженерные работы. При этом обнаружилось, как рассказал мне один их участник, что основная часть массы, заполнившей яму, представляла собой какое-то подобие небольших лепешек из глины или чего-то похожего на нее. Видимо, этим «чем-то» был обмазан прах каждого кремированного, потому что на поверхности таких «изделий» просматривались какие-то знаки и цифры. Если это так, то, следовательно, где-то хранятся списки, по которым можно определить, чье имя скрывается за тем или иным обозначением.

По периметру мемориала выложен каменный бордюр, на котором и установлены имевшиеся ранее и «ленинградские» плиты. На двух средних, как бы в противовес пронизанному ложью «делу», по которому они погибли, выбита надпись: «Ленинградцы... Честь, Долг и Отчизна были для вас превыше всего. Время сохранит ваши имена...». А на двух, примыкающих к ним по бокам, — имена семнадцати ленинградцев, расстрелянных в Москве: Г. Ф. Бадаев, М. В. Басов, В. О. Белопольский, А. А. Бубнов, А. И. Бурилин, А. Д. Вербицкий, М. А. Вознесенская, А. А. Вознесенский, В. П. Галкин, В. Н. Иванов, П. Н. Кубаткин, П. И. Левин, М. Н. Никитин, М. И. Сафонов, Н. В. Соловьев, П. Т. Талюш, И. С. Харитонов. У каждого, конечно, разные даты рождения, но у всех слившиеся в одну череду — от 27 до 31 октября 1950 г. — даты гибели. В центре захоронения помещена выполненная Ф. М. Согояном бронзовая скульптура женщины, скорбно склоняющейся перед плитой с надписью «Памяти жертв политических репрессий 1945–1953 гг.». И теперь к этому скромному мемориалу возлагают цветы не только родственники погибших, иностранные официальные делегации и землячества граждан других стран, но порой, что особенно волнующе, и люди, которые проходят мимо мемориала к могилам близких, останавливаются около него и оставляют у памятной плиты часть своего букета, а значит, и частицу души.

А сколько ее, своей души, вложили в создание мемориала те, без кого он просто не мог бы появиться! Кроме скульптора и архитектора, мэров двух городов, это члены бригады, непосредственно возводившие мемориал, многие десятки руководителей и других работников предприятий, организаций, учреждений, в том числе посольств и генеральных

консульств зарубежных государств. Всегда с глубокой благодарностью думаю обо всех этих замечательных, искренних, решавших самые сложные проблемы людях. Назову хотя бы некоторых из них: Т. М. Антонова, Э. А. Бакиров, А. Н. Быстрицкий, Л. А. Вербицкая, В. Ф. Визнер, В. К. Виноградов, М. Журавски, О. Н. Иванова, Х. Койдзуми, С. Круляк, В. И. Кряжев, Т. Б. Кузнецова, С. А. Лебедева, О. Е. Мазохин, В. И. Малышков, Д. Нановски, Н. Н. Павлович, А. М. Прохоров, В. В. Селезнев, А. М. Согоян, В. А. Тиганов, Я. Цегледи...

Рука не поднимается для того, чтобы составить еще один, намного более краткий, к счастью, перечень имен, с противоположным, что ли, звучанием. Дело в том, что лиц и организаций, по-настоящему заинтересованных в увековечении памяти «своих» и затем реабилитированных жертв сталинщины, я так и не нашел. А ведь среди них – два маршала, не менее десяти боевых генералов и Героев Советского Союза, группа работников ЗИЛа и т. д. Там же – прах не имевших, по существу, никакого отношения к «ленинградскому делу», но погибших в связи с ним заместителя командующего Черноморским флотом и двух руководителей Крыма. К сожалению, о крымчанах (а это П. Т. Бондаренко, М. И. Петровский, П. А. Чурсин) я узнал слишком поздно, когда надписи на «ленинградских» плитах были уже выбиты. (К слову, в той же могиле, по-моему, может быть и прах шведского дипломата Рауля Валленберга, тело которого, как теперь установлено, кремировано в 1947 г., что могло произойти только там, на территории Донского монастыря, поскольку других подобных сооружений в то время в Москве не было. Не хотелось бы рядом с именем уважаемого человека упоминать Берию, но придется: судя по опубликованным в «Комсомольской правде» признаниям майора М. Хижняка-Гуревича, он лично сжег его труп в том же крематории и «через мощный вентилятор» прах развеял, из чего следует, что эта могила им не осквернена.)

И вот в течение всех лет, прошедших после открытия «первой очереди» мемориала, я неоднократно обращался к руководству как Министерства обороны России, так и Крыма, с предложением установить соответствующие памятные доски, отмечая, в частности, что теперь на это требуются грошовые затраты, поскольку инженерные и художественные работы на мемориале полностью выполнены. Засим каждый раз разворачивалась бумажно-почтово-телефонная деятельность с одним и тем же ее завершением – благодарностью за инициативу и сообщением об отсутствии у Министерства обороны Российской Федерации и у правительства Крыма этих микроденег для увековечения памяти о загубленных невинных людях. Может быть, пора правящим кругам и в России, и на Украине думать о создании условий, при которых будет обеспечено не только элементарное существование их граждан, но и сохранение, а в чем-то и возрождение совести народной, которая не в последнюю очередь включает в себя и благодарную память потомков об их предках?

Впрочем, это широкая и крайне болезненная сегодня проблема, далеко не единственным, но исходным пунктом решения которой, возможно, является серьезный и достаточно жесткий пересмотр историко-образовательных программ и учебников для всех звеньев и уровней обучения и воспитания новых поколений. Не считаю своей задачей «разжевывать» здесь тяжелейшие для общества последствия государственного попустительства в этих вопросах, тем более что они становятся самоочевидными уже сейчас. Скажу лишь, что в этой сфере упустить время – значит неизбежно потерять миллионы людей как сознательных граждан и уже хотя бы по этой причине заведомо обречь страну на прозябание.

Однако эти размышления вышли за относительно узкие рамки темы главы – «ленинградского дела». А оно между тем не закончилось расстрелами в двух столицах. Похоже, тут особенно хлопотал Андрианов. Так, 6 января 1951 г. он просит у Сталина поддержки, чтобы выселить из Ленинграда 1500 семей всяческих «антисоветских элементов», а сверх того «менее социально опасных, особенно из высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов следовало бы через соответствующие министерства и ведомства перевести на работу в другие глубинные области». Ну и еще около 1000 человек, отбывших наказания за контрреволюционные преступления, отселить из Ленинградской области.

Двухлетие своего пребывания на посту первого секретаря Ленинградских обкома и горкома партии Андрианов ознаменовал большим письмом-отчетом Сталину. Тот очень тщательно его проработал, выделяя наиболее существенные, по его представлениям, места – относительно умаления уничтоженными руководителями города роли ЦК ВКП(б) «во всем», серьезного засорения «враждебными людьми» руководящих постов и важных участков идеологического фронта. Особенно отметил наш бдительный «вождь» фразу о том, что «главари антипартийной группы кое-кому втерлись в доверие». Судя по акценту в пометках, понятие «кое-кто» в дальнейшем должно было быть наполнено конкретными фамилиями. Явно серьезное внимание адресата привлекло и повторенное снова «предложение рассмотреть вопрос о засоренности Ленинграда враждебными людьми». Все это густо сдобрено также добросовестно проработанной им порцией бытовых сплетен и грязи в адрес бывших городских руководителей разного ранга. Ну а уж потом шло описание хозяйственных забот и проблем.

Зато в следующем «рапорте» Андрианова, от 8 сентября того же года, зазвучали победные фанфары: партийная организация окончательно «выздоровела» от скверны сепаратистских тенденций, хотя город еще нужно чистить от нежелательных элементов, а также освобождать различные организации от недостаточно устойчивых людей. «Пристально приходится наблюдать за работой физиологических и филологических учреждений, особенно тех, в которых работают Орбели и Мещанинов»

(выдающиеся ученые, академики. – Л. В.). Но плохо то, что МГБ СССР, отмечает Андрианов, понадобился целый год для того, чтобы по сделанному им предложению сразу после расстрела в 1950 г. руководителей города выселить из него их семьи. Кстати, Абакумов уже на «своем» процессе, проходившем в том же Ленинградском доме офицеров и с аналогичным результатом, утверждал, что членов семей ленинградских руководителей арестовывали и наказывали (!) по предложению Андрианова.

В его письме от 1 марта 1952 г. Сталин снова подчеркивает особенно важную информацию о том, что в один (!) почтовый ящик кто-то вбросил «5 листовок антисоветского содержания, написанных от руки», опять и опять о том, что надо выселить из города до 1000 человек, примыкавших в свое время «к троцкистско-зиновьевской оппозиции, и несколько десятков человек, приближенных антипартийной группы», а также «переселить финское население из Ленинградской области в Карело-Финскую республику».

И наконец, 15 июля 1952 г. Андрианов, обращаясь к «корифею», заявляет, что «партийные организации сплочены вокруг ЦК ВКП(б), своего великого вождя и учителя товарища Сталина». И все же есть огорчительные моменты. Например, «в некоторых организациях были вскрыты нездоровые, антипартийные проявления. В первичной партийной организации завода имени Марти при проведении семинара секретарю райкома ВКП(б) задавали явно провокационные (! – Л. В.) вопросы: «Почему не собирается съезд партии, когда уже давно кончились полномочия ЦК ВКП(б)». И некоторые другие антипартийные (! – Л. В.) вопросы. Когда начали подробно разбираться (! – Л. В.), откуда происходят такие вопросы, то выяснилось, что возникли они под влиянием законспирированных троцкистов и приближенных людей разоблаченной антипартийной группы». Ну и конечно, рефрен: «необходимо... очистить город от лиц, примыкавших к руководящей верхушке антипартийной группы и исключенных из партии, которых насчитывается несколько десятков человек».

Особенно вдумчивые читатели могут подумать, что все только так и делалось, сверху и топорно. Ничего подобного, и низы тоже подключали к процессу очищения сознания людей от вредоносного влияния враждебных идей. Мой одноклассник по 181-й школе в Ленинграде, впоследствии кандидат исторических наук, передал мне небольшую записку об одной акции, в которой ему пришлось участвовать. В конце 1950-го или в начале 1951 г. он, направленный после окончания университета на работу в книжный отдел Лениoblгорлита, попросту – цензуры, по распоряжению своего начальства сделал доклад о «ленинградском авангардизме» (не подумайте, что речь идет о какой-либо сфере искусства) в связи с пережитой городом блокадой. Под этим изящным термином скрывалось политическое обвинение в том, что ленинградские руководители, гордясь невиданным в истории массовым подвигом и самопожерт-

вовани­ем жи­те­лей го­ро­да во вре­мя вой­ны, «прес­ту­пно за­мал­чи­ва­ли» роль Ста­ли­на в ор­га­ни­за­ции его обо­ро­ны. По­э­то­му «свер­ху» (ав­тор рас­ска­за по­ла­га­ет – из Мос­квы) бы­ло «спу­ще­но» ука­за­ние о том, что «сни­зу», от ря­до­вых ра­бот­ни­ков, воз­му­щен­ных та­ки­ми ан­ти­пар­тий­ны­ми, вра­жес­ки­ми дей­ст­ви­я­ми разобла­чен­ных «под­ры­вни­ков» (тер­мин явно ста­лин­ско­го про­ис­хо­жде­ния, при­шед­ший на смену в то вре­мя уже по­те­ряв­ше­му ак­ту­аль­ность «вре­дит­ели»), дол­жно про­звучать тре­бо­ва­ние на­вес­ти по­ря­док в ли­те­ра­ту­ре о бло­ка­де Ле­нин­гра­да. Та­кой за­про­грам­ми­ро­ван­ный слу­жеб­ный до­клад, со­гласно ко­то­ро­му не Жданов, Кузнецов, Попков и дру­гие из­вест­ные ле­нин­град­цам ли­ца ру­ко­во­ди­ли обо­ро­ной го­ро­да, а осу­ществ­ля­лась она толь­ко по ука­за­ни­ям лич­но Ста­ли­на, един­ствен­но­го и под­лин­но­го ее ор­га­ни­за­то­ра, был испол­нен, еди­но­душно под­дер­жан ко­лек­ти­вом цен­зоров, и это их об­щее м­не­ние ушло в Мос­кву, в Глав­лит. Вскоре от­туда по­сле­до­ва­ло ука­за­ние всем би­блио­те­кам из­ять «по­роч­ную» ли­те­ра­ту­ру о бло­ка­де Ле­нин­гра­да.

Не дре­ма­ли в этом от­но­ше­нии и са­ми пар­тий­ные и про­чие го­род­ские ор­га­ны. По их и­ни­ци­а­ти­ве уни­что­жа­лись «пу­тем сжи­га­ния» кни­ги и га­зе­ты, ки­но­филь­мы и до­ку­мен­ты, жи­во­пис­ные про­из­ве­де­ния и науч­ные ра­боты, ес­ли в них по­яв­ля­лись или упо­ми­на­лись став­шие «не­до­стой­ны­ми» ли­ца и при­во­ди­лись «по­роч­ные в и­дей­ном от­но­ше­нии» фак­ты. Впро­чем, в Мос­кве к жи­во­пи­си от­не­слись бо­лее изоб­ре­та­тель­но. В Третьяков­ской га­ле­рее по­сле вой­ны почет­ное ме­сто за­ни­ма­ла огром­ная кар­тина Д. А. Нал­бан­дя­на с изоб­ра­же­нием Ста­ли­на, спу­ска­юще­го­ся по широ­кой па­рад­ной лес­т­ни­це Боль­шо­го Крем­лев­ско­го двор­ца в со­про­во­жде­нии членов пар­тий­но-го­су­дар­ст­вен­но­го ру­ко­во­дства и во­еначаль­ни­ков. По­сле необ­ъяв­лен­но­го, ко­неч­но, ар­еста Н. А. Воз­не­сен­ско­го я за­шел в Третьяков­ку спе­ци­аль­но по­смот­реть, что ста­ло с этой кар­ти­ной. Она ока­за­лась на ме­сте, толь­ко на ме­сте уже не было Ни­ко­лая Алек­сее­ви­ча: фи­гу­ра оста­ва­лась пре­жней, а вот ли­цо при­об­ре­ло, мож­но ска­зать, сред­не­ази­ат­ские чер­ты, хотя та­кой че­ло­век в со­став По­лит­бюро то­гда не во­хо­дил. Нель­зя бы­ло не вос­хи­тить­ся опе­ра­тив­но­стью и де­ли­кат­но­стью ор­ганов управ­ле­ния изоб­ра­зи­тель­ным ис­кус­ством и ор­ганов управ­ле­ния э­ти­ми ор­га­на­ми... Шла глу­бо­кая рас­чи­стка ис­то­ри­че­ско­го по­ля с тем, что­бы на нем мо­гли рас­цве­сти но­вые ма­хровые пу­нцовые – к со­жа­ле­нию, не от сты­да – цве­ты куль­та Ста­ли­на.

Жерт­вой это­го по­стыд­но­го яв­ле­ния стал и за­ме­ча­тель­ный, уни­каль­ный Му­зей обо­ро­ны Ле­нин­гра­да. Он был лик­ви­ди­ро­ван под­ле­ца­ми во вла­сти, не пере­жив­ши­ми ни ча­са из 900 дней бло­ка­ды и пы­тав­ши­ми­ся вы­ма­рять из ис­то­рии па­мять о бес­пре­мер­ном под­ви­ге ле­нин­град­цев. Про­дол­жа­лись и ар­есты не­угод­ных. По­след­ние из про­ве­ден­ных по «ле­нин­град­ско­му де­лу» про­хо­ди­ли аж до 15 ав­гу­ста 1952 г., ко­гда сразу бы­ли ар­ес­то­ва­ны бо­лее 50 се­кре­та­рей рай­комов и пре­се­да­те­лей рай­испол­комов во­ен­но­го и по­сле­во­ен­но­го вре­мени. Об­щее же при­бли­зи­тель­ное чис­ло жертв, втя­ну­тых в убий­ст­вен­ную кару­сель это­го «де­ла», как чи­та­тель по­мнит, при­ве­де­но в на­ча­ле 5-й гла­вы.

Многое в связи с этим можно было поручить исполнителям. Да и сами они, как мы видели на примере Андрианова, не упускали возможности проявить инициативу и завидную энергию в запущенном «сверху» разгроме «заснавшихся» ленинградцев и восстановлении исторической правды о решающей роли «товарища Сталина» в организации обороны Ленинграда и в снятии блокады с города. Была, однако, сфера, именуемая наукой, где он сам, лично, был незаменим, поскольку давно установил такой порядок, при котором первое и последнее слова, по крайней мере в обществоведческих дисциплинах, принадлежали ему и только ему, а все остальные могли и должны были работать в очерченных таким образом границах. И здесь я позволю себе реконструировать некоторые мысли «корифея всех наук», исходя из его высказываний, заметок и реальных фактов, игнорируя при этом не доказанную – пока? – информацию о присвоении им идей из уничтоженной рукописи книги Н. А. Вознесенского «Политическая экономия коммунизма». Итак, вот эта реконструкция...

Судя по докладам Андрианова, выкорчевывание остатков антипартийной группы в Ленинграде и вообще наведение там порядка идет достаточно успешно, хотя, конечно, помогать ему чистить город и дальше мы будем. МГБ уже дано указание поддержать его предложения о выселении враждебных элементов. Письмо ЦК КПСС с обвинениями Ленинградской парторганизации в притуплении политической бдительности, ротозействе и других ошибках, поездка туда Маленкова и Хрущева для принятия организационных мер и разъяснения жесткой позиции ЦК в отношении всяческого своеволия и сепаратизма тоже дали хорошие результаты. Но все же есть вопрос, в котором без личного вмешательства товарища Сталина никак не обойтись, поскольку никто другой за такое дело не возьмется, да и толком не разберется: необходимо *научно* развенчать книгу этого, как его, Вознесенского «Военная экономика...». Из библиотек мы ее изъяли, но на руках у многих она наверняка осталась. В свое время, уже летом, помнится, 1949 г. в связи с нею мы приняли постановление Политбюро «О журнале «Большевик». Полезное постановление, принципиальное: сняли Федосеева с поста главного редактора, выговор ему вкатили, разогнали редколлегия и убрали кое-кого из работников редакции за публикацию положительных статей об этой книге. Шепилову как заведующему Агитпропом ЦК указали, что, рекомендуя использовать ее в партийной учебе и пропаганде, он совершил грубую ошибку. Сейчас, однако, придется к этой книге вернуться. Ведь практически в нынешнем, 1952 г. вся идеологическая работа партии идет вокруг, как пишут повсеместно, «классического труда товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Пишут, конечно, правильно: сегодня, и надо думать надолго, это действительно высшее достижение марксистской экономической мысли. Между тем еще недавно в газетах и журналах было опубликовано немало статей извест-

ных ученых, превозносивших почти в тех же выражениях книжку Вознесенского. Да и наверняка «умники»-буквоеды найдутся, будут искать в этих работах какие-то совпадения или размышлять над разночтениями. Ни в том ни в другом пользы нет, а вред определенный может быть. В «Экономических проблемах...», правда, совершенно отчетливо указывается на ошибочность взглядов «некоторых товарищей». И хотя сделано это безымянно, но все, кому надо, понимают, что речь идет об авторе «Военной экономики...» и его апологетах. Казалось бы, такой верный, надежный человек был, а так и не понял, что наперед батьки в пекло, научное, теоретическое пекло лезть не полагается. Такие вещи в партии и обществе, построенных на принципе демократического, но *централизма*, не прощаются.

Да, нужно расчищать почву и здесь. Так что пусть его притихшие «последователи» напишут статьи с прямой критикой и самокритикой их политически вредных и теоретически несостоятельных взглядов, которые они выдавали за глубоко научные. Вот тот же Федосеев: опубликовал в центральных газетах две статьи об «Экономических проблемах социализма в СССР», но при этом обошел полным молчанием свои ошибки. Почему он не использовал столь подходящее обстоятельство для самокритики? Замазывает свои ошибки, а это недопустимо для коммуниста. А ведь он немало напутал и по существу стоял на антимарксистских позициях по важнейшим вопросам политической экономии социализма. Если же он не критикует свои ошибки, то читатель вправе задать вопрос: а не хитрит ли автор? Так что напишем-ка статью для «Правды» в этом духе, приведем там полный текст постановления ЦК от 13 июля 1949 г. «О журнале «Большевик», где дается принципиальная партийная оценка действий редколлегии журнала и руководства Агитпропа, допустивших и способствовавших восхвалению книжки Вознесенского. Но теперь надо идти дальше, и поэтому напишем, что она запутывала разработку проблем политической экономии социализма, представляла собой мешанину волонтаристских взглядов на роль плана и государства в советском обществе и фетишизацию закона стоимости, являющегося якобы регулятором труда между отраслями народного хозяйства СССР. Ну а подписать этот материал дадим нашему «главному идеологу» Суслову. Тогда и посмотрим, будут ли и впредь хитрить с партией Федосеев и иже с ним...

Расчет оказался правильным: Федосеев тут же опубликовал в «Правде» покаянное письмо, критическое изложение вслед за Сталиным, выступившим под псевдонимом Суслов, передернутые, обогланные и приписанные Н. А. Вознесенскому взгляды. Так «корифей» после почти четырехлетнего глухого умолчания о нем ненадолго вернул имя Николая Алексеевича в печать, но на этот раз с жирным знаком минус. Впрочем, это произошло всего за три месяца до смерти «величайшего ученого», а по совместительству – диктатора и палача, и менее чем за полтора года до полной реабилитации уничтоженных им ленинградцев.

У внимательного читателя может возникнуть вопрос: что же, Сталин искренне забыл, что сам отредактировал эту книгу, внес в нее около двухсот умных и не очень, крупных и небольших поправок, солидаризировался с позициями автора и наградил его высшей премией имени самого себя за эту работу? Как известно, он не раз демонстрировал редкостную, хотелось бы надеяться, способность «забывать» свои собственные взгляды и поступки, не моргнув глазом тут же находить виновных в них, а самому столь же безапелляционно говорить и действовать прямо противоположным первоначальному образом. Может быть, в этом и состоит один из «секретов» эффективного руководства? Но в случае с книгой Николая Алексеевича, его добрым именем и судьбой действовала не только эта привычка Сталина. Решающую роль здесь сыграла так называемая «политическая целесообразность», как ее понимал и чаще всего единолично определял наш «вождь». Именно она была для него и большинства его соратников психологическим щитом, позволявшим спокойно-равнодушно принимать самые лживые, грязные с точки зрения элементарной морали, даже изуверские решения. «Политически целесообразно» – и немецкие коммунисты, оказавшиеся в СССР после прихода Гитлера к власти, передаются в руки гестапо. «Политически целесообразно» – и из жизни общества изымаются и уничтожаются целые пласты его истории, культуры, духовной жизни. «Политически целесообразно» – и миллионы невинных людей объявляются врагами (остального?) народа и обрекаются на мучительную гибель. Таким «принципом» можно было «оправдать» любую личную подлость и любое беззаконие, творившееся в стране.

Одно из их проявлений – «ленинградское дело» накрепко засело во все более темнеющем и отягощенном штампами прошлого сознании «вождя». Его не покидало чувство досады: ведь из этого «дела» можно было выжать значительно больше, чтобы в дальнейшем оно стало первым звеном в цепи, как было в 30-х гг., взаимосвязанных процессов. Чем быстрее приближался он к своему земному концу, тем острее ощущал неутолимую жажду крови, и уже начинались и вызревали очередные судебно-политические спектакли, грандиозные по масштабам и последствиям, намечались главные действующие лица в них из числа его ближайших соратников (против Молотова, Микояна и Ворошилова он уже выдвинул обвинения на Пленуме Центрального Комитета, отводя их кандидатуры при «выборах» Бюро Президиума ЦК после XIX съезда партии) и их соратников, общественное мнение готовилось к восприятию кошмарных заговоров террористов и шпионов, давным-давно продавшихся международным сионистским и империалистическим разведкам и до сих пор тщательно скрывавших свои преступные связи и намерения. И не было, не было при этом, как у любого истинного творца, удовлетворения тем, что удавалось сделать до сих пор.

Скажем, «ленинградское дело»: он вложил в него так много ума и усилий, а душа (или то, что у него ее заменяло) до сих пор не спокойна.

Ведь накопленный десятилетиями опыт государственного управления путем уничтожения людей и идей показал, что он особенно эффективен, когда перед судом народа предстают те, кто, находясь на вершине власти или около нее, тем не менее становятся шпионами и диверсантами, предают и продают Родину и социализм и для этого готовятся совершить террористические акты против него, товарища Сталина, вождя мирового пролетариата и всего прогрессивного человечества. А почему же такие обвинения не были предъявлены и «доказаны» личными «признаниями» на процессе ленинградцев? И это – несмотря на его неоднократные указания Абакумову «вскрыть шпионскую связь врага народа Кузнецова и участников его изменнической группы с иностранной разведкой». Продолжим, однако, внутренний монолог «вождя»...

Вот тут прислал Игнатьев, новый министр Госбезопасности, протокол допроса Абакумова. Так видите ли, тот «заявил (своим сотрудникам. – *Л. В.*), что начини допрашивать арестованного ВОЗНЕСЕНСКОГО – бывшего председателя Госплана СССР – о связи с иностранной разведкой, в ЦК будут смеяться и, мол, отрицательно отнесутся к нашим действиям, так как в ЦК хорошо известно, что ВОЗНЕСЕНСКИЙ был очень осторожным человеком в отношении своих связей и даже был случай, когда ВОЗНЕСЕНСКИЙ, узнав о предполагаемом назначении его брата ВОЗНЕСЕНСКОГО на должность, связанную с Министерством иностранных дел, что влекло за собой неизбежное общение с иностранцами, воспротивился этому, и просил ЦК не назначать его брата на эту должность, так как это может скомпрометировать ВОЗНЕСЕНСКОГО самого». И правильно написано в обвинительном заключении, что этот Абакумов «в преступных целях... ориентировал следователей на то, чтобы рассматривать дело КУЗНЕЦОВА и его единомышленников в виде локальной обособленной группы, не имеющей связи с границей». Тоже мне, «политик» нашелся, умнее товарища Сталина хотел быть. И правильно мы (он любил, напомним, говорить о себе как бы отстраненно, в третьем лице и даже множественном числе. – *Л. В.*) его арестовали. Не надежный человек все-таки оказался, подрывник и предатель. Но ничего: мы еще получим от него нужные показания и используем их в предстоящих процессах...

Допущенные ошибки (не им, а как всегда, конечно, другими! – *Л. В.*) надо исправлять. Во-первых, в деле вражеской группы врачей непременно выявить их связи с иностранными разведками – дать указание Игнатьеву. Во-вторых, хотя бы и задним числом, расследовать шпионскую деятельность изменнической группы Кузнецова, ее участие в убийстве товарища Жданова, связать расстрелянных ленинградцев с арестованными врачами – это тоже даст выход на иностранные разведки. В-третьих, готовить еще более массовое, чем ленинградское, московское дело, тем более что еще на XIX съезде партии некоторые кандидаты на включение в него уже были названы. В-четвертых, не забывать и о реги-

ональных «делах» типа мингрельского – проверить, кстати, как оно продвигается. И главное, все это надо свести в единую *систему*, показать взаимосвязь вражеских группировок между собой и с зарубежными антисоветскими центрами, чтобы народ не расслаблялся и не забывал истину: каждый наш успех в строительстве социализма вызывает новую волну контрреволюционной деятельности его внутренних и внешних врагов! Как это я в 1938 г. сказал Косареву: «Везде есть враги народа, а у Косарева в комсомоле – нет?! Уклоняется от борьбы товарищ Косарев!» Пришлось самому вмешаться в дела комсомола, порядок там навести. Расстреляли, конечно, и Косарева. А как прикажете поступить с человеком, который заявляет, что врагов народа в комсомоле не видит, и даже распространяет мнение, что их там нет? Или возьмем Постышева – и тот политической куриной слепотой страдал. Пришлось и ему помочь прозреть. Так он сразу у себя в области столько врагов народа нашел, что нам с Кагановичем пришлось его потом на Пленуме ЦК покритиковать. А критика должна быть не только словом, но и делом. И мы его через некоторое время тоже немножко арестовали и расстреляли. И жену, помнится... Лес рубят – щепки летят. А что делать? Страну к войне, как и сейчас, надо готовить было...

Да, сколько еще предстоит сделать, а сил, приходится признать, все меньше. Вот и в Кремле уж сколько месяцев не был, никого там не принимал, никого туда не вызывал. Но ничего, руки товарища Сталина и отсюда, с «Ближней», через партийно-государственный аппарат дотянутся до всех, кто вздумает своевольничать. Недаром, недаром столько лет и сил потрачено на его создание...

И все-таки мелковаты, мелковаты многие наши кадры. Не умеют мыслить политически, на перспективу, масштабно. Казалось бы, опытный партийный работник Игнатьев. А прислал обвинительное заключение по делу Абакумова – Шварцмана, правильно хочет судить Военной Коллегией, но не понимает, что это должен быть *«закрытый суд»*. Так ему тут и запишем. Предлагает расстрелять. Дело хорошее, надо поддержать. Но всего 10 человек! Что у них там – больше арестовывать некого? Пусть подумают: *«Не мало?»* А какие беззубые формулировки! Что ни абзац – *«не то»*, *«НеТо»*. Особенно когда речь идет о «ленинградском деле», о вражеской группе Кузнецова. Придется снова напомнить, да нет, проще самому вписать, что не расследовалось *«их участие в убийстве т. Жданова»*, что Абакумов *«спрятал от следственных властей неоднократно указанные ЦК КПСС о (слово «расследовании») вычеркнем: и так ясно, что это – факт»* связи с иностранной разведкой врага народа (в 50-м г. так никого из них не называли – будем исправлять упущенное) КУЗНЕЦОВА и участников его изменнической группы». Опять приходится делать все самому. Как вы будете жить без товарища Сталина?..

И все это, уважаемые читатели, не моя или чья-то больная фантазия, а подтверждаемые документами факты. Заметьте поразительную

деталь, выскочившую из подсознания автора замечаний по документу МГБ: «*следственные власти*». Есть ли еще хоть одна страна, где следствие возведено в ранг власти? Видно, прав был следователь, ответивший арестованному генералу: «Мы – Центральный Комитет, мы – Правительство. У нас министры между ног болтаются». (А другой заявил своей подследственной: «Партия – это мы», но потом «поправился»: «...мы передовой отряд партии».) И сколько бы еще крови пролил диктатор, в какую историческую пропасть столкнул бы Советский Союз, проживи он дольше. Невольно подумаешь, что смерть единовластного властителя может стать при благоприятных условиях мощным толчком для действительного прогресса общества. Не очень широкие, но определенные условия для этого у нас были, и сдвиги к лучшему постепенно происходили. Однако они могли и должны были быть намного более глубокими и в этом случае привели бы к *кардинальному* изменению жизни страны. Не хватало, не хватило совсем немногого: хотеть и уметь всерьез, на деле извлекать уроки из собственной, да и мировой истории.

Глава 9

«СОЦИАЛИЗМ НЕВОЗМОЖЕН БЕЗ ДЕМОКРАТИИ»¹

Предложения о коренном изменении всей советской системы. –

Политическая цель и средства ее достижения. –

Общационациональный лидер и общационациональная идея.

20 июня 1968 г. ко мне, тогда лектору Отдела пропаганды ЦК КПСС, подошел «Аэн» – так сокращенно, но в те времена вполне уважительно и даже искренне тепло мы, сотрудники отдела, называли между собой его руководителя А. Н. Яковлева (формально он в течение нескольких лет был первым заместителем несуществовавшего заведующего этим подразделением) – и сказал:

– Я только что с заседания Политбюро, где меня назначили руководителем рабочей группы по подготовке проекта новой Конституции. У тебя есть соображения насчет того, что надо было бы изменить в нынешнем Основном Законе?

– Есть, конечно.

– А когда мы сможем поговорить по этому вопросу?

– Дня три, наверное, на подготовку надо.

– Хорошо. Приходи, поговорим. Только это – секретно.

Действительно, в Архиве Президента Российской Федерации я прочитал выписку из протокола заседания Политбюро ЦК, проходившего именно в тот день, когда состоялся наш краткий диалог:

«Строго секретно»

III. К вопросу о работе над проектом новой Конституции СССР.

Принять представленные предложения об организации дальнейшей работы над проектом новой Конституции СССР с учетом замечаний и поправок, высказанных на заседании Политбюро ЦК КПСС.

СПИСОК рабочей группы

1. Яковлев А.Н. (руководитель группы) – зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС».

Текст этот говорит о том, да и Яковлев сказал мне при случае, что работа над новой Конституцией шла и раньше, но была приостановлена. Теперь, когда я делаю эту вставку в давно написанную главу, мне из

¹ Глава в основном написана в 1997 г.

двух работ, изданных в 1997 г., в какой-то мере стала известна история вопроса. Ее затронул в своем двухтомнике «Глоток свободы» Ф. М. Бурацкий, припомнивший, что в начале 1964 г. он вместе с Г. Л. Смирновым готовил записку для Н. С. Хрущева и других членов Президиума ЦК об основных принципах новой Конституции СССР. Несколько подробнее поведal о том же в своей книге «Уроки минувшего» Георгий Лукич. По его словам, подготовка проекта новой Конституции началась еще в 1961 г. по инициативе Н. С. Хрущева и была прервана его отставкой в 1964-м. За это время «бригада», выполнявшая такое поручение, разработала ряд материалов, содержавших немало прогрессивных для того времени идей (оба автора о них рассказывают).

К сожалению, эти соображения остались неизвестными широкой публике, в том числе и мне. Так что выполнять полученное задание пришлось буквально с чистого листа. Но в этом было и что-то положительное: ничего не зная о чужих наработках, я не был скован ими и имел возможность думать, мне кажется, несколько свободнее и идти по ряду позиций дальше, а главное – конкретнее, чем это могли позволить себе мои уважаемые предшественники.

Итак, я привел свои идеи в некую систему и дня через два-три, встретив Яковлева в коридоре, сказал, что к разговору готов. И тут произошла незабываемая для меня сцена. «Аэн» вдруг принял какую-то дотоле, вроде бы, не свойственную ему, почти ленинскую позу, склонил голову набок и, буравя меня взглядом, спросил:

– А ты можешь изложить свои соображения в *письменной* форме?

В считанные секунды у меня пронеслась целая гамма мыслей и чувств, суть которых состояла в том, что смягчать свои позиции и тем более врать я не стану; значит, текст окажется политически острым, в тогдашней обстановке – опасным для автора; но не влиять же ради чего бы то ни было, даже ради интересной работы в ЦК; ну, исключат из партии, выгонят со службы, а то и посадят – так ведь я уже опытный заключенный, выживу; совесть своя дороже... И я ответил:

– Могу. Через неделю, примерно.

Яковлев согласился, и я стал размышлять над тем, с каких позиций подойти к будущему документу. Их было пять.

Во-первых, обогатить свои представления о предмете мнением других людей, специалистов в тех или иных вопросах.

Во-вторых, чтобы в случае чего не навредить своим друзьям (одним из них был собиравшийся защищать докторскую диссертацию юрист А. Р. Ратинов, основательно «подковавший» меня по этой части), да и не имея права говорить о назначении наших бесед, провести их как бы безотносительно к стоявшей передо мной задаче.

В-третьих, в документе идти встречающимися курсами: от практики жизни к идее и от идеи к практике жизни. Ведь серьезные и энергичные сдвиги в ней, если они будут происходить, неизбежно отразятся в праве, включая Основной Закон или даже начиная с него.

В-четвертых, заранее защитить свои «крамольные» по тем временам мысли и придать им больший вес неопровержимым тогда авторитетом В. И. Ленина, его идеями. А так как генеральной линией документа была – теоретически и политически она и не могла быть иной – глубокая демократизация всех сторон жизни общества, я вынес две важные в этом отношении ленинские мысли перед началом текста, в виде эпиграфа и в самом материале решил почаще ссылаться на Владимира Ильича. (Щит этот доказал свою прочность, когда документ оказался сначала в руках Яковлева, а потом и многих руководителей самого высокого ранга.)

И в-пятых, для ясности и краткости не придавать тексту какого-либо литературного характера, а изложить его в более или менее тезисной форме. Если же сами идеи будут признаны достойными внимания, их всегда можно детализировать и подкрепить соответствующей аргументацией.

Здесь требуется еще один исторический мини-экскурс. Работая над этой главой, я заглянул в вышедший в 1990 г. сборник работ А. Д. Сахарова и узнал, что его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» осенью или зимой того же 1968 г. появились в «самиздате». Ознакомиться же с ними мне удалось лишь через несколько лет, в 70-х гг., и я убедился в том, что при всей значимости этого выступления ученого-правозащитника оно имело глобальный, как сказали бы теперь, и сравнительно общий характер. Вместе с тем такая близость во времени представляется весьма знаменательной как лишнее свидетельство того, что жажда демократического обновления все более остро мучила общество и охватывала новые и новые его слои.

Не знаю, заинтересуют ли «Тезисы для Конституционной комиссии» сегодняшних читателей, но надеюсь, в любом случае они учтут, что это был, насколько мне известно, первый *комплексный* и вполне *конкретный* документ, нацеленный на *коренное* преобразование общества и предлагавший соображения не только относительно того, от чего надо уйти и к чему прийти, но и *как* это сделать. Смею полагать, что последнее – важнее всего.

Впрочем, одного очень заинтересованного читателя тогдашней моей работы я обнаружил в начале 2000 г., в связи с чем опять-таки был вынужден вернуться к готовой главе и сделать в нее эту вставку. Таким читателем и даже переписчиком оказался А. Н. Яковлев. Мне довелось пролистать выпущенную за шесть лет до того его книгу «Горькая чаша», где в глаза бросился следующий текст: «...В самом конце 1985 года я написал М. С. Горбачеву записку... Приведу основные положения этой многостраничной записки, озаглавленной «Императивы политического развития». Повторяю, это не воспоминания 1994 года, а выдержки из письма 1985 года». Подчеркивая это обстоятельство, автор в очередной раз говорит о своей роли пионера в разработке идей перестройки, ее

застрельщика. Но если бы он хотел быть точным, ему следовало бы сказать, что эти «основные положения», изложенные в его книге курсивом на шести убогих страницах, скрупулезно, слово в слово, за исключением некоторых изъятий, переписаны из упомянутых выше «Тезисов для Конституционной комиссии», подготовленных за 32 года до публикации его работы, т. е. за 17 лет до «пришествия» Горбачева в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. Не сомневаюсь, что в 1985 г. поданный ему текст изъятий не имел, а вот в 1994 г. они были произведены, поскольку ссылки на позиции *Ленина* по рассматриваемым вопросам и указания на истинно *социалистический* характер предлагаемых преобразований уже не соответствовали новому мировоззрению автора «Чаши» и изменившейся политической обстановке.

Как и в одной из предыдущих глав, мне придется теперь отослать наиболее любознательных читателей к Приложениям, где они найдут этот документ без каких-либо поправок и изъятий – истины ради. Хотя сегодня, естественно, я кое-что изменил бы в нем или даже вычеркнул: ведь он, содержащий по существу все основные идеи перестройки (кроме, пожалуй, появившейся на ее закате *многопартийности*), был написан почти за два десятилетия до официального провозглашения этого нового курса. Убедиться в том, что такая малоприличная история из биографии то ли «архитектора», то ли «прораба перестройки», как его именovali на протяжении многих лет, увы, не досужая выдумка, можно, обратившись к первичным и конечным материалам, уже несколько лет хранящимся в моем фонде в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Надеюсь, читатели не воспримут этот пассаж как желание автора увидеть свое имя в очередной книге Яковлева, тем более что при нынешнем отношении к нему в обществе это могло бы меня скорее всего только скомпрометировать в глазах большей и лучшей его части. Просто мне представляется, что элементарная порядочность требовала бы всего-навсего сослаться на брожение умов в 60-х гг., на разнообразные проявления этого процесса, в том числе в виде аналитических записок, одну из которых автор «Чаши» неоднократно использовал в разных формах. Яковлев воспроизвел этот текст, несколько сократив его, и в новой работе – «Омут памяти», изданной в 2000 г.¹ Кстати, именно в это время он был вынужден принести извинения в «Аргументах и фактах» другому автору за такой же плагиат, сославшись на некую случайность и пообещав, что в мемуарах «все будет на месте». Как видим, и на месте в них оказалось далеко не все, и случайность давно переросла в законо-

¹ Сейчас, в ходе подготовки к печати этой моей работы, т. е. в 2003 г., обнаружилось, что в очередной своей книге – «Сумерки» (не сознания ли, судя по логике во многих ее местах?) – А. Н. Яковлев снова и снова воспроизводит, правда все более «ужимая» их, фрагменты того документа. Невольно задумаешься над такой настойчивостью: похоже, именно его он, академик, считает своим высшим научным и политическим достижением...

мерность, в привычный «творческий метод» специалиста по присвоению чужих материалов. Думаю, что для подобной ремарки ему не понадобилось бы испытывать слишком большие литературные муки, хотя некоторые трудности возникли бы при замене формулировок «я написал», «я отмечал», «я предлагал», «я затронул», которыми пестрит эта часть книги Яковлева, на более гибкие, что ли.

В нынешнем же виде эта «мелочь» заставляет меня лишний раз задуматься над вопросом, а есть ли моральное право именно у этого автора претендовать на роль гуру – учителя, воспитателя и поводыря народного? Конечно, и раньше, и сейчас в его деятельности были и есть положительные моменты и стороны, которые заслуживают уважения и признательности. Например, руководство им Комиссией Политбюро ЦК КПСС, а затем аналогичной Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации, публикация «намертво» закрытых ранее от общества архивных документов, разоблачение чудовищных сталинских преступлений и неприглядных фактов последующих десятилетий и т. д. Но при всем этом человек, устно и письменно непрестанно и чохом поносящий наше советское прошлое, в котором он сам играл далеко не последнюю роль, а теперь требующий от людей покаяния за события, к которым те не имели и не могли иметь какого-либо отношения, «демократ», призывающий к преследованию нынешним государством инакомыслящих и инакодействующих, просто обязан являть собой личный нравственный пример. И уж, кляня за прошлые деяния других, надо было бы не скрывать за дымовой завесой весьма общей самокритики конкретные свои поступки и проступки, не соответствующие его «новому» мировоззрению, а, обвиняя в непорядочности политических противников, быть безупречным самому не только в большом, но и в малом. Таково, по-моему, императивное (используя любимый термин автора «Чаши») требование, которое общество, погруженное в атмосферу тотальной и цинично откровенной политической и бытовой лжи, все более отчетливо, хотя и безуспешно, предъявляет носителям власти и их приспешникам.

Знакомясь с некоторыми фрагментами книг А. Н. Яковлева, выпущенных в последние годы и посвященных оправданию личной политической эволюции автора во время ревностного служения всем режимам – от сталинского до ельцинского, я «восхищался» его невероятной нравственной и психологической... пластичностью и думал о том, чем же он вызвал массовое отторжение в современном обществе. Ведь никто ни у кого не может отнять право, тем более под давлением ранее неизвестных фактов, сегодня думать иначе, чем вчера. Ответ (для себя, по крайней мере) я нашел в том, что в своем справедливом неприятии сталинщины он не отделил ее от социализма как идеала, общества социальной справедливости, от Октябрьской революции, впервые открывшей *возможность* движения к нему. Смешав все это в кучу, что естественно для мелкотравчатых «либеральных» политиканчиков, но не делает чес-

ти ученому-историку, он по существу зачеркивает как якобы бесплодную, несостоявшуюся жизнь советских людей, высокие цели, к которым они стремились, принесенные ради их достижения великий труд и огромные жертвы. Новым же поколениям «наш» автор навязывает отказ от надежды избавиться от грязной, античеловеческой власти переплетенных друг с другом каст продажного чиновничества и зажавшихся владельцев присвоенного ими национального богатства и преступно нажитого крупного капитала, а значит, и от перспективы построить жизнь на подлинно социалистических, гуманистических началах. Все это и воспринимается людьми не как возможная смена мировоззрения, а как непростительное *предательство идеалов*, которые жили и остаются в душах большой, если не большей, части населения страны. И если это так, то в обществе для деятельности любого социалистически ориентированного политического движения сохраняется еще не иссохшая почва. Дело за тем, чтобы изучить и постоянно изучать, прежде всего с помощью объективных социологических исследований, ее реальное состояние, облагораживать внесением в нее социалистических идеалов, засеивать новыми, современными идеями и бережно выращивать их носителей. Но пока мне не удастся разглядеть в ворохе политических объединений ни одного, способного взяться за этот кропотливый и тяжкий труд и довести его до логического завершения.

Вернусь, однако, к основной теме главы.

Что же содержалось в «Тезисах...»? Их лейтмотив был выражен двумя высказываниями В. И. Ленина, согласно которым социализм и демократия неотделимы друг от друга. Я считал, что «социализм и демократия в известном смысле тождественны, что именно при социализме демократия в широком значении этого слова – *средство и цель* движения одновременно». На первое место во вступительном разделе – «Цели» – выдвинута проблема *консолидации* общества, поскольку «в стране развивается в перспективе опасный процесс социальной неудовлетворенности». Уже в то время, в 1968 г., для меня, как, наверное, и для многих других «наблюдателей», было очевидно, что «жизнь втягивает советское общество в эпоху неизбежных социальных перемен», в ходе которых должно быть достигнуто «сближение практики социализма с его идеалом, уничтожение разрыва между словом и делом». Далее были обозначены задачи повышения динамичности советского общества и роста его конкурентоспособности в борьбе двух систем, когда на *переднем* плане оказывается «проблема *положения и роли личности в обществе*», их взаимоотношений.

В «Тезисах...» прямо говорится о *правах человека*, о реальных гарантиях осуществления прав личности, причем не в виде общих призывов, а в предложениях вполне конкретных и, на мой взгляд, охватывающих практически все основные сферы жизни. Однако эти права рассматривались в документе не сами по себе, а как часть более широкого поня-

тия – *социальной справедливости*, всестороннее развитие которой предполагает соответствующее коренное переустройство государственного и общественного организмов в целом, прежде всего на путях подлинной демократии.

Исходным моментом процесса глубокой и всесторонней демократизации должно было стать изменение методов руководства обществом, роли партии, ее функций, многие из которых предлагалось передать государству, Советам всех уровней. В документе намечалось использовать опыт развития буржуазных демократических институтов, в том числе изменить соотношение между законодательной и исполнительной властью, поскольку первая задавлена второй, создать *рабочий* парламент, который реально занимался бы повседневной жизнью страны. Одна из важнейших проблем – всесторонняя *гласность*, обеспечение возможности действительно демократических, свободных выборов, превращение прежде всего *местных* Советов в настоящие, не декоративные органы власти.

Далее речь шла о реальной независимости судебной власти от всех других ее видов, о суде присяжных, равенстве каждого, в том числе чиновника, перед лицом закона. Среди надежных гарантий прав личности – ее широчайшая судебная защита по любому вопросу, вплоть до обжалования действий милиции и других государственных органов. «Уничтожить страх ареста. Политическая деятельность, если она не связана со стремлением к насильственным формам, не подсудна». Там же – предложения ограничить рамки цензуры охраной государственной тайны и общественной нравственности, конституционно закрепить *обязанности государства по отношению к гражданину*. В документе прямо сказано, что великие гражданские обязанности могут быть «лишь в том случае, если будут великие гражданские права».

Идея глубокой демократизации проходит и через раздел, посвященный сфере экономики. Возможность создания «рабочих советов» или существенное повышение роли профсоюзов, право на хозяйственную инициативу не только у коллективов, но и у личности, ликвидация финансового произвола (ввести фиксированные нормы платежей и отчислений от прибыли предприятий) – лишь некоторые из позиций этого раздела. Последовательное проведение в жизнь экономической реформы рассматривалось в качестве одного из решающих условий раскрытия и использования потенций социализма. Наметившиеся к тому времени ослабление внимания к ней, недооценка ее возможностей и значимости характеризовались как крупная ошибка.

До сих пор с горечью перечитываю большой раздел «Государственное устройство», ибо там (еще раз, извините, напомним – в 1968 г.!) черным по белому написано: «Страну все больше разъедает ржавчина национализма вплоть до прорывающихся то здесь то там требований или по крайней мере мечтаний об отделении и т. д.». Были предложены пути решения этой проблемы – или резкое расширение прав союзных рес-

публик, или постепенная ликвидация национальных границ внутри страны («Может быть, славянские республики покажут в будущем пример добровольного слияния?») – и отмечено, что существующее положение вещей нельзя оставлять в неприкосновенности, что начинать постепенную, осторожную и длительную работу в этой сфере нужно уже теперь. «При этом все должно быть продумано так, чтобы ни одна нация не чувствовала себя ущемленной». Увы, и этот призыв остался гласом вопиющего в пустыне...

В те годы я всячески – и в открытых изданиях, и в закрытых документах, подобных «Тезисам...», и в публичных лекциях – пытался привлечь внимание общественности и руководства страны к принципиально важной, на мой взгляд, мысли Ленина: «Мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, .. какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества. Наше дело состоит *только* в том, чтобы *расчистить дорогу* всем этим силам» (курсив мой. – Л. В.). Но такая историческая по масштабам и значимости задача, решение которой превратило бы нашу страну в действительно социалистическую, ускорило бы ее развитие именно в этом направлении, сделало бы ее моральным и политическим лидером мира, оказалась не по плечу сменявшим друг друга руководителям партии и государства. Они явно не хотели никаких *кардинальных* изменений и даже не осознавали их неизбежности, а тем более глубокой реакционности своей инертности. Политически недалекovidные, догматически зашоренные люди, они не понимали толком, что лелеемая ими *стабильность* не равнозначна их пожизненному пребыванию на вершине власти, что стабильность общества может быть достигнута и сохранена лишь при его высоком и устойчивом *динамизме*, энергичном развитии не только в количественном, но и в качественном отношении. В политике как нигде, да еще в наше быстротекущее время, всякое промедление ведет к консерватизму, а консерватизм неизбежно перерастает в реакционность, которая, в свою очередь, рано или поздно вызывает социальный взрыв. Так что счет за произошедшее и происходящее в стране надо предъявлять не только нынешним, но и предшествовавшим вершителям ее судеб.

Ну а тридцать лет назад я еще надеялся достучаться до сознания и совести власть имущих и, набросав свои «Тезисы...», отдал их Яковлеву, который, к его чести, головы мне в тот момент не снес. Убрать меня из отдела, к слову, он попытался через несколько лет – кажется, незадолго перед тем, как его отправили послом в Канаду. Однако тогдашний секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев сказал ему: «Этого парня не трогать!» (Какое-то удивительное созвучие с демаршем А. Ф. Савченко перед бандеровцами.) Факт этот мне стал известен из рассказа А. И. Кузнецова, упомянутого в предыдущей главе. А другой мой весьма осведомленный товарищ утверждает, что Петру Ниловичу такое решение почему-то подсказал А. И. Микоян, с которым я никогда не встре-

чался и ни о чем его не просил. Но если это так, спасибо ему большое: моя работа тогда еще была мне по душе.

Как известно, именно в Канаде Яковлев впервые встретился с Горбачевым, рассказал ему об идеях коренной перестройки общества и сошелся с ним на этой почве – ведь им обоим нужна была мощная и свежая политическая платформа для вожаемого взлета на партийно-государственный Олимп. Правда, к обоюдному удовлетворению, поделить лавры они не смогли. Это видно хотя бы из двух эпизодов, описанных Анатолием Сергеевичем Черняевым в его книге «Шесть лет с Горбачевым», чьим помощником по международным делам он был:

«Александр Николаевич часто мне жаловался, говорил о своих обидах. И вот... примерно в конце октября 1988 года... он опять зашел ко мне. С горечью говорил, что за пять лет совместной работы не слышал от Горбачева ни одного «спасибо». Даже, говорит, не почувствовал в нем признательности за то, что именно в разговорах со мной еще в Канаде, когда я был послом, впервые (?! – Л. В.) родилась идея перестройки. Дружеское расположение, доверие, иногда игра в доверие – этого вдоволь, продолжал А. Н. Но так, чтобы отличить и воздать прилюдно, – ни-ни... Вот и сейчас... за время перестройки все члены Политбюро выступили с докладами к годовщине Октябрьской революции или ко дню рождения Ленина. А меня все обходит».

«Утром 29-го (марта 1991 г. – Л. В.) зашел ко мне Яковлев. Начал с того, что жалеет, что «своевременно» не поступил так, как Шеварднадзе. Он, Яковлев, – идейный автор перестройки, а его теперь – в простые советники, на зарплату в 400 рублей. И «мальчиков» (охрану) убрали из приемной и из машины... Но, мол, не в этом дело. Ходил он вчера по улицам и стыдно стало: опять все знакомое! Все напрасно, а старались ведь...»

Тем не менее, хотя приемлемый для обоих дележ славы между «подельниками» и не состоялся, это обстоятельство не помешало им решить одну и ту же личную задачу – выйти на самые высокие политические и государственные орбиты. Беда состояла в том, что сами-то они взлетели, а вот народ, страну и социализм (или строй, который мы считали таковым) предали и сбросили в бездонную пропасть. Процесс, который с огромным опозданием был провозглашен в нашей стране как «Перестройка», вроде бы начался на деле, но был бездарно, с катастрофическими последствиями провален и предан теми, кто его возглавил. В результате страна заплатила и продолжает платить за такое историческое опоздание и за ничтожество и подлость своих лидеров чудовищную, ничем не оправданную цену.

Проблема соотношения цели и средств ее достижения в реальной политике, а точнее, цены, фактически заплаченной обществом, объективная историческая характеристика этого соотношения, на мой взгляд, одна из самых трудных для исследователя, если он хочет оставаться на почве научной истины и в рамках человеческой порядочности. И без

того весьма субъективные критерии, неизбежно окрашенные личными симпатиями и антипатиями, которыми вольно или невольно в какой-то мере руководствуется пишущий на исторические темы, становятся еще более зыбкими по мере того, как изменяется жизнь общества, включая и его сознание, а прошлое все глубже погружается в пучину времени. Нечислимые страдания, выпавшие на долю отдельных людей и целых народов, в глазах отдаленных, а нередко уже и ближайших поколений теряют свою остроту, свой характер человеческой трагедии. И не в том ли состоит одна из величайших и благороднейших задач искусства, лучшие произведения которого способны через десятки, сотни и тысячи лет заставить людей не просто холодным разумом оценить, а и горячим сердцем прочувствовать и сопережить своим далеким предшественникам, без которых не было бы ни нас, их потомков, ни современной цивилизации вообще...

Так как же при всех этих оговорках подойти к оценке личностей, оставивших свой след в истории? Можно ли их «судить» только по намерениям и декларациям, чаще всего благопристойным, а нередко даже и прогрессивным? Но чего стоит лидер, наговоривший с три короба речей, за которыми не оказалось практических дел? Он не останется в памяти народной или в лучшем случае останется в ней как политический пустомеля, пустобрех. А если положить в основу оценок политика *процесс* воплощения обещаний и лозунгов, под которыми он шел к власти или просто захватил ее? Но, опять же, чего стоит лидер, не сумевший преодолеть трудности и не воплотивший свои планы в жизнь? Он не останется в памяти народной или в лучшем случае останется в ней как слабосильный неудачник, политический импотент. Значит, критерием для справедливой оценки исторических деятелей является реальный *результат* их намерений и усилий? Однако даже в том случае, если такой результат можно считать положительным, его нужно сопоставить с ценой, которой он достигнут. Победа ведь может быть и пирровой...¹

Но и это не все. Самые объективные исследователи не могут избежать той или иной доли субъективизма в оценке лидеров и их личностных особенностей. Дело в том, во-первых, что по законам человеческой памяти, индивидуальной и общественной, через годы, а уж тем более через столетия, уходят в тень способы и средства достижения тех или иных результатов, особенно если они были велики и исторически значимы. По прошествии даже немногих веков новые поколения все реже и реже замечают на весах истории тяготы, страдания, жертвы своих предшественников. Во-вторых, порой меняются и критерии оценок: то, что

¹ Не ввожу сюда, чтобы не усложнять эти размышления, факторы времени и взаимосвязей общественных явлений и процессов, при учете которых возникли бы, например, вопросы о последствиях полученного результата в ближайшей и отдаленной перспективе, о том, как скажется он на других сферах жизни, непосредственно или через ряд промежуточных звеньев, сопряженных с ним.

раньше было нормой жизни, с современных нравственных позиций выглядит вопиющей несправедливостью, а осуждавшееся в прошлом выглядит ныне сугубо положительным явлением. И в-третьих, на оценки и характеристики событий и их участников влияют, нередко кардинально, злоба дня текущей эпохи и гражданская позиция аналитика или просто бытописателя. Так что стоит ли удивляться избирательности подходов к историческим героям и антигероям, даже если оставить в стороне зачистую сиюминутные, а то и низменные интересы пишущих? Скажем, немало авторов уже (или еще?) характеризуют Сталина только как «вдохновителя и организатора всех наших побед», игнорируя тот неопровержимый факт, что он был патологическим изувером и величайшим палачом своего народа, что равного ему по масштабам и характеру злодеяний в отношении него не было в отечественной истории. Или другой пример: яркие, высокоталантливые сотрудники Горбачева с упоением пишут о его намерениях и попытках сотворить благо для страны и мира, но при этом «забывают», что своей неумелой и просто бездарной политикой он вплотную подвел государство к уничтожению и невиданному национальному унижению.

Скажу откровенно: мне никогда не хотелось скрупулезно взвешивать достоинства и недостатки тех или иных людей. Мое отношение к человеку определялось главным образом одной чертой: порядочен он или нет – с моей точки зрения, конечно. Если нет – я старался не поддерживать с ним контакты сверх неизбежных, если да – все остальное имело для меня второстепенное, а то и десятистепенное значение. И все же одну характеристику двум лицам, хотя бы самую обобщенную, придется дать: и Горбачев, и Яковлев оказались на голову (каждый – на свою) и на душу (если к тому времени каждый из них ее еще не продал) ниже тех задач, которые они провозгласили. На душу – потому что во главу угла поставили не интересы народа, страны, общества, а свои жалкие, ничтожные, сугубо личные стремления удержаться на вершине власти *любой* ценой, которые и привели их в конце концов к моральному и политическому падению. На голову – потому что не смогли осознать *комплексный* (т. е. системный, взаимосвязанный во всех его звеньях и протекающий одновременно во всех сферах жизни), подлинно революционный, коренной характер процесса, который по прихоти истории они получили возможность возглавить, но по существу не сумели сделать этого, растерялись перед грандиозностью, сложностью и деликатностью работы по управлению ходом «революции сверху в форме эволюции», как я ее характеризовал в то время. Эту формулу Горбачев даже взял было на вооружение, но через некоторое время отказался от нее. И напрасно: ведь она предполагает лишь *инициирование* сверху процесса всестороннего и коренного преобразования общества и, естественно, *управление* движением, которое могло дать задуманные результаты только при активном вовлечении в него самого народа, основной его массы.

Горбачев же и Яковлев, чувствуя свою неспособность управлять процессом перестройки и эффективно воздействовать на новые общественные течения и силы, возникшие в ходе нее, для оправдания своей беспомощности выдвинули доморощенную «теорию хвостизма». Горбачев стал заявлять: этот процесс столь сложен и многогранен, что им нельзя управлять, что можно лишь наблюдать за ним и слегка корректировать его ход. Жалкий лепет в устах политического деятеля такого высокого ранга! Человек сунулся в воду, не зная толком, куда плыть, и не научившись делать это! Постыдный результат известен: покрыл позором себя самого и сделал все возможное и даже сверх того для гибели партии, страны и общественного строя. (Кстати, не пытаясь быть пророком, скажу: при таком лидере, по-моему, и созданная им социал-демократическая партия не может иметь сколько-нибудь серьезных перспектив в российском обществе. Пока она годится разве что в качестве еще одного бубенца во время его зарубежных гастролей.)

Эти размышления исходят из гуманной предпосылки, что причины наших бед – субъективные, по крайней мере, – кроются в интеллектуальной ограниченности, недостаточной теоретической подготовленности, управленческой слабости и нравственной неустойчивости «архитектора» и «прораба перестройки». Надеюсь быть правильно понятым: умственные возможности каждого человека имеют свои границы, как и прочие способности и качества любого из нас, и, говоря об этих двух конкретных людях, я лишь сравниваю их личный потенциал с масштабом тех задач, за решение которых они самонадеянно взялись. Гуманна же подобная предпосылка потому, что глупость и слабость, даже вселенские по их последствиям, можно понять и в какой-то мере простить. А вот подлость и предательство никогда и нигде в мире забвению и прощению не подлежат.

Находятся, однако, люди (к счастью для России, их ничтожно мало, что показали, в частности, президентские выборы 1996 г.), которые вопреки вопиющей очевидности до сих пор продолжают возвеличивать Горбачева за его деятельность как на международной арене, так и внутри страны. Они забывают об элементарной истине: есть преступления, перечеркивающие любые достижения, если они в чем-то имели место, – что в данном случае далеко не бесспорно. Еще с мальчишеских довоенных лет мне врезался в память эпизод из романа В. Гюго «Девяносто третий год», где роялист маркиз де Лантенак при сильном волнении на море переправляется на корвете во Францию, чтобы поднять Вандею против революционного Парижа. Огромная пушка срывается со своих креплений и мечется, как бешеный зверь, по раскачивающейся палубе, убивая людей и круша все вокруг. Корабль на грани гибели. И тогда канонир, небрежно закрепивший орудие, вступает в смертельный поединок с этим ожившим чудовищем и, рискуя быть раздавленным им, останавливает его. Де Лантенак, сняв крест Святого Людовика с мундира капитана корвета, прикрепляет награду к куртке виновного в произошедшем героя-

канонира и тут же отдает команду: «А теперь расстрелять его»... Мне и сейчас, лет через шестьдесят пять после того, как я прочитал роман, такое решение представляется справедливым.

Наш же опереточный «герой», волею судьбы призванный сыграть главную роль в поистине шекспировской драме, сумел лишь превратить ее в народную трагедию: на большее ни силенок, ни таланта не хватило. Впрочем, я, пожалуй, соглашусь с теми, кто утверждает, что Горбачев все-таки талантлив: действительно, далеко не каждый оказавшийся на вершине власти смог бы в течение всего нескольких лет пройти путь от клятв в верности социализму и призывов к совершенствованию этого строя до его уничтожения вместе с самим государством, от почти всеобщего восхищения (фон, как многие еще помнят, был предельно благоприятным) до повального презрения в собственной стране. Да, без специфического «таланта» совершить все это было бы просто невозможно. Тем не менее и сейчас Горбачев, давно перестав быть хоть в какой-то мере реальной политической фигурой, выставляет себя на посмешище и продолжает играть бессодержательную и по существу жалкую роль, живо напоминающую крыловскую лягушку, пыжившуюся на лугу. К тому же, пытаясь задним числом представить себя политиком-провидцем, сознательно подготовившим ультрареакционный переворот в собственной стране, изменившим соотношение сил на международной арене и сам ход мировой истории, он неоднократно заявлял о том, что еще до прихода к власти задумал уничтожение строя, существовавшего в стране, но не мог-де в открытую провозгласить курс на это и предложил – надо полагать, при такой логике, в качестве дымовой завесы? – идею перестройки, сопровождая ее на протяжении всех лет своего правления клятвами верности «социалистическому выбору». Ну что ж, никто ведь не тянул за язык доносить на самого себя для суда человеческого (уголовного) и божеского (исторического). Как говорится, если человек недостаточно... дальновиден, то это надолго.

А если он еще и жалкий подкаблучник у собственной жены, то такого «деятеля» на пушечный выстрел нельзя допускать до мало-мальски серьезных рычагов управления. Свой домашний комплекс неполноценности он непременно, только с противоположным знаком, перенесет в рабочую обстановку, будет самовлюбленным, нетерпимым к чужому мнению, к своим сотрудникам, станет раздуваться как мыльный пузырь и как мыльный пузырь же лопнет. Мужское, лидерское начало в нем увядает и глхнет, и он незаметно для себя превращается в политического импотента. В этом отношении Горбачев просто классическая находка для психологов и психиатров, учебно-показательный пример потери, а может быть, и вообще ненахождения самого себя как *самостоятельной*, самодостаточной личности.

Помню, в кабинете А. И. Лукьянова, в тот момент заведующего Общим отделом ЦК КПСС, в довольно позднем вечернем разговоре я упомянул о резко негативном отношении огромного количества людей (судя

по письмам, поступавшим в мой адрес на Центральное телевидение со всех концов страны) к трагикомическому, а часто просто анекдотическому стремлению жены Горбачева играть роль публичного политика. Трагикомическому и даже анекдотическому потому, что ее интеллектуальный и культурный уровень плюс особенности психологии (а телевизионный экран, как известно, безжалостно «раздевает» появляющегося на нем, порой – догола, на глазах у десятков миллионов зрителей, показывает истинный масштаб личности выступающего) находились в чудовищном несоответствии с такой ролью. И если я вынужден (мир праху ее как человека, но не как «политика») упомянуть здесь о Горбачевой, то только потому, что прежде всего именно тряпичный характер ее мужа позволил ей задолго до того, как он стал так успешно делать это сам, постоянно компрометировать его уже тогда, когда ореол народных надежд вокруг нового Генсека еще только разгорался...

– Пойдем, – сказал Анатолий Иванович и подвел меня к своему рабочему столу, в центре которого лежала внушительная пачка документов. – Вот это приготовлено к моему утреннему докладу Горбачеву. Посмотри первый материал.

Я взял его и стал читать. Это было письмо рабочего, если не ошибаюсь, откуда-то с Дальнего Востока, где побывали Горбачев с женой. Никакими словами не могу передать тот вопль души, те ярость и презрение, которые вызвали у автора и других людей, чье мнение он выражал, ее предельно беспомощные попытки предстать перед ними в качестве какого-то лидера. Письмо, невероятно острое по форме, было написано с глубокой тревогой за быстро нараставший в то время авторитет Горбачева и за дело, которое он олицетворял. По-моему, любой нормальный мужик, получивший такое послание, тут же от стыда сгорел бы дотла.

– Неужели ты дашь ему такое письмо? Его даже постороннему читать без содрогания невозможно.

– Обязательно и в первую очередь. Видишь, оно лежит сверху. Ведь к нам тоже поступает множество подобных писем, и я считаю, что Генеральный должен знать о реакции народа на его поездки и выступления, на все, с этим связанное.

– Да, но ты рискуешь собой. И оправдан ли этот риск: разве что-нибудь изменится в его психологии и поведении под влиянием таких писем?

– Ни-че-го! Он в абсолютной зависимости от нее и полностью отвергает какую-либо критику в этом отношении. Ну а угроза навредить себе, знакомя его с такими острыми материалами, конечно, вполне реальна, но ведь и у меня существует чувство долга перед партией и страной, да и перед самим собой, в конце концов...

Добавлю к этой сцене и свои наблюдения. Прошло какое-то время, и совместные поездки Горбачевых стали сущим бедствием для Центрального телевидения: жене Генерального составлялась особая программа,

на ее «освещение» выделялось огромное количество лучшей телевизионной техники и направлялись наиболее квалифицированные журналисты, главным образом опытные политические обозреватели-международники. Все это хоть как-то можно было бы оправдать, если бы от всех этих затрат была пусть микроскопическая, но все же положительная отдача. Увы, отдача – и немалая – была, только сугубо отрицательная. Всё повидавшие на белом свете мои коллеги по работе на телевидении постоянно проклинали свою участь людей, обязанных сопровождать тогдашнюю «первую леди». Никогда не слышал я от них ни единого теплого или хотя бы уважительного слова о «подопечной», но многократно слышал рассказы о том, как из претенциозно-поучительных и вместе с тем бессодержательных и попросту бессвязных ее «речей» они с величайшим трудом, по отдельным словам монтировали хоть какую-нибудь мало-мальски приемлемую плоскую фразу, которую можно было бы пропустить в эфир. Стало понятно, от кого набрался этого «стиля» Горбачев, так и не научившийся в те годы, выступая «без бумажки», логически завершать начатую мысль. (В последнее время он говорит порой несколько четче и иногда достаточно содержательно – видимо, сказался опыт бесчисленных лекций за рубежом, под предлогом которых благодарный Запад до сих пор поддерживает его материально.) Конечно, остро воспринимался не сам факт появления рядом с Генсеком его жены, а то, что она, не будучи избранной никем, кроме него самого, присвоила себе роль политического деятеля и к тому же оказалась способной играть ее и на внутренней, и на международной арене лишь убого, бездарно, чаще всего поучающе, менторски, и всем этим сразу и напроцех скомпрометировала идею демократизировать, «очеловечить» облик главы партии и государства. Границы имеет только ум, у глупости их нет, и позднее оба они хором, как и их ближайшие сотрудники, стали твердить, что явление жены высшего руководителя народу стало второй перестройкой (!), не менее важной (!!), чем общегосударственная. Тогда в пору заметить, что они дружно провалили ее еще быстрее и «успешнее», чем ту, с которой страна и мир связывали такие большие надежды.

Изложил я эти сюжеты и засомневался: а вдруг кто-нибудь подумает, что автор – женоненавистник какой-то. На всякий случай вношу ясность: моя «теоретическая» позиция по этому поводу – жену уважай, считайся с нею и советуйся по любым вопросам, особенно по тем, в которых твоего ума не хватает, а она в них компетентна, но не теряй при этом самого себя. И тогда из тебя, не исключено, со временем получится личность, мужчина и даже лидер. В противном случае путь на политическую арену должен быть тебе заказан. Хорошо бы нам, избирателям, учитывать и эту сторону характера и поведения тех, кто так жаждет управлять нами.

С жадной властью, которая у многих затмевает и разум, и совесть, и даже стыд (помните прошедший по телевидению рассказ весьма уважаемого человека о том, как на его глазах партийный лидер огромного края

Горбачев смахивал пыль с ботинок Суслова?), мне приходилось сталкиваться не раз. Полагаю, что желание управлять другими людьми – одно из самых низменных побуждений. Другое дело, что кто-то может стремиться занять тот или иной заметный пост ради реализации своих идей, которые, по его убеждению, принесут пользу обществу. Но, положив руку на сердце, не придется ли нам признаться, что слишком часто эти благородные намерения служат лишь прикрытием тщеславному желанию возвыситься над окружающими? И разве не получил наш народ жесточайший урок, когда борьба двух фантастических честолюбцев – союзного и российского, – их патологическая жажда власти стали, как это ни нелепо и ни постыдно для всех нас, исходным пунктом процесса разрушения единого могучего государства?

Конечно, общество не может существовать без разветвленной системы управления и кто-то должен выполнять функции руководителей – эту банальную истину я понимаю, а осуждаю только одно: стремление управлять себе подобными как самоцель, буквально наслаждение самим собой в качестве властителя чужих судеб. Особенно отвратительно выглядит это на экране телевизора, который, повторяю, раскрывает подлинную природу очерченного его рамками намного быстрее и убедительнее, чем пресловутый детектор лжи. Такой самовлюбленный человек, как правило уже в силу одного этого свойства крайне недалекий, может руководить лишь с помощью авторитета кресла, которое он занимает, но не авторитета своей личности, знаний, опыта и нравственной позиции. И сегодня (пишу эти строки, напомним, в 1997 г.) страна гниет и разлагается заживо, помимо прочего еще и потому, что не имеет общенационального лидера, который, обладая набором необходимых личностных качеств – честностью, разумом, волей, управленческим опытом, справедливостью и человечностью, соединенных с профессиональными способностями достаточно точно предвидеть развитие событий, находить оптимальные решения и создавать эффективные механизмы их реализации, – мог бы сплотить различные общественные силы, выразить интересы основной части народа и вывести государство на путь выздоровления, обновления и всестороннего прогресса.

Но для этого у настоящего Лидера должна быть светлая идея, великая цель, ради достижения которой массы людей будут поддерживать его, идти вместе с ним и за ним. Похоже, сейчас разные политические течения прочувствовали наконец гибельность движения общества без руля, без ветрил и без объединяющей основную часть населения цели. Тридцать с лишним лет тому назад в Великобритании мне довелось возглавлять делегацию советских журналистов, писавших на научные темы. Мы встречались в лабораториях, обсерваториях, клиниках, институтах с интереснейшими людьми – крупнейшими учеными, лауреатами Нобелевских премий, организаторами и руководителями науки. И от этих высоких интеллектуалов не раз слышали: «Как мы завидуем вам! Ведь у вас в стране есть общая цель, которая объединяет весь народ...»

Да, такая цель в советском обществе была. Не думаю, что в этой книге мне нужно утомлять читателей подробным анализом истории нашего противоречивого движения одновременно к ней и от нее. Скажу лишь, что и бывшая у нас, и любая другая цель могла или может претендовать на роль общенациональной, объединяющей людей только в том случае, если она выражает их действительно существующие чувства и настроения или хотя бы привлекает внимание своими масштабностью, реалистичностью, конкретностью и осязаемостью (ощущаемостью). Последний термин, не очень согласующийся, быть может, с языковыми нормами, я позволил себе «изобрести» для этого разговора, чтобы подчеркнуть: движение к цели должно именно ощущаться (а потому и осознаваться) в виде каких-то промежуточных результатов каждым человеком, всеми социальными группами и обществом в целом.

Мне представляется, что человечество, в том числе и населяющие Россию народы, еще очень долго будет вынашивать самую светлую свою мечту – идею общества социальной справедливости. Вполне вероятно, что, когда общественное устройство и повседневная жизнь людей станут реально и гарантированно соответствовать тогдашним, т. е. будущим, представлениям о социальной справедливости (ведь само это понятие неизбежно и постоянно в чем-то трансформируется и обогащается новыми характеристиками), появится потребность в каком-то ином идеале, в более высокой цели развития. Но пока до этого так далеко, что и пытаться заглядывать туда вряд ли стоит.

В разные эпохи и у разных народов идея социальной справедливости выражалась в различных формулах, наибольшее распространение среди которых получил лозунг Великой французской революции конца XVIII в. «Свобода, Равенство, Братство!». Для современной России с ее во многом уникальным историческим опытом, приобретенным именно в завершившемся столетии, ни этот лозунг, ни несколько академическая формула «общество социальной справедливости» сами по себе, автоматически не могут стать достаточно притягательными ориентирами для огромных масс людей, сброшенных во мрак экономической разрухи, социальной незащищенности, политического бесправия, культурной деградации и нравственного одичания и потому озабоченных прежде всего и главным образом проблемой элементарного физического выживания¹. Эта тотальная острокризисная ситуация осложнена тем, что за последние годы так называемыми демократами, монополизировавшими средства массовой информации и абсолютно беспардонно использующими их для достижения своих – и только своих, а не общенародных, не общегосударственных – интересов, обработано и попросту зомбировано сознание десятков миллионов человек. Даже, казалось бы, вполне интеллигентные люди, по крайней мере многие из них, не понимают принципиального различия между социализмом как идеалом об-

¹ Еще раз – текст 1997 г.

щества социальной справедливости и сталинским «социализмом» на практике; между социально ориентированным рынком и диким, до мозга костей антинародным капитализмом; между демократической формой и авторитарным содержанием современной системы управления обществом и т. д.

Чувствую, однако, что меня опять затягивает в свои тенета сегодняшний день, от чего хочется брезгливо отстраниться. Лучше скажу несколько слов о дне завтрашнем. Он будет для России светлым лишь в том случае, если у ее народов появятся безусловно объединяющие и активизирующие их Цель и Организующая Сила.

Что касается Цели, то ее глупо искать *позади* себя, в прошлом. Только научные недоросли, хотя бы и с дипломами, да политические недотепы (это самая мягкая из всех просящихся сюда характеристик) могут призывать народ вернуться к капитализму, к монархии, к сословности и тому подобному, давно сданному нашей страной в архив Истории. В самых развитых капиталистических странах политики, экономисты, социологи, ученые в других областях знания еще в 70–80-х гг. с гордостью (!) говорили мне об имеющихся там элементах *социализма* в сферах собственности, производства и управления им, распределения и перераспределения национального дохода, социальной защищенности населения, демократических форм существования общества.

Правда, утверждая, что их страны давно обогнали нас в решении социальных проблем именно на социалистических началах, они чаще всего забывали об исходном пункте этого процесса: ведь реальное движение мира в этом единственно прогрессивном и потому единственно верном направлении началось после Великого Октября и в связи с существованием СССР. Эти действительно всемирно-исторические события поставили буржуазию как правящий класс перед выбором: или социальный взрыв, или эволюция в сторону более демократического устройства общества, частичного перераспределения национального богатства в пользу наемного труда и т. д. Естественно, что предпочтительнее оказался второй вариант. А так как в развитых капиталистических странах экономическая база в расчете на душу населения была намного большей, чем в СССР, то уже в силу хотя бы этого обстоятельства они оказались впереди нас и в решении ряда социальных проблем. Но то, что там родилось и развивалось в огромной мере под влиянием внешних факторов (еще раз – Октябрьская революция, существование Советского государства), то в нашем обществе являлось одной из его органических составляющих, было внутренне присуще ему и в принципе не имело никаких объективных препятствий, кроме уровня экономического развития, для своего постоянного прогресса. Он был прерван насильственно – антисоциалистической, антисоветской, антинародной контрреволюцией 1991 г. И поддержавший ее одурманенный народ таким образом сам себя столкнул в пропасть, со дна которой никто и никогда при ельцинских «порядках» его не извлечет.

Итак, каковы же наиболее общие выводы из этих фактов и размышлений? По-моему, есть все основания утверждать, что:

1) идея движения к обществу социальной справедливости, создания его отнюдь не умерла, более того, она и *только* она в нынешней ситуации в России имеет наибольшие шансы привлечь к себе внимание десятков миллионов обездоленных, потерявших жизненные ориентиры людей, объединить вокруг этой цели, этого знамени основную часть населения, активизировать его как *решающую* политическую силу, стать действительно НАЦИОНАЛЬНОЙ, общенациональной ИДЕЕЙ;

2) ее, достаточно общую для выполнения объединительной функции и вместе с тем достаточно конкретную, дающую возможность каждому наполнить это понятие *своим* реальным содержанием, с близкими его сознанию и душе акцентами, необходимо предложить народу в ясной, краткой, лозунговой форме;

3) вся разъяснительная работа должна строиться под этим лозунгом, естественно вырастающим из честного, объективного исторического анализа, без назойливости подводящего мало-малышки думающего человека к неизбежному выводу о том, что в современном мире обществом социальной справедливости, процветающим и действительно демократическим, может быть только подлинно советское, подлинно социалистическое;

4) постоянную, настойчивую, всестороннюю критику существующего положения вещей и проводимой ныне политики необходимо вести с позиций их углубляющегося несоответствия задаче продвижения к обществу социальной справедливости;

5) к контркритике, направленной в конечном счете на создание достоверной истории революции и последующего развития нашей страны, а на этой основе и на прояснение сознания людей, плотно окутанного большой Ложью, важно привлечь лучшие интеллектуальные силы сторонников общества социальной справедливости (используя, в частности, прямую тематическую публичную полемику, а главное – опираясь на неопровержимую Правду фактов);

6) силы, объединенные идеей строительства, движения к обществу социальной справедливости, вовлекут в свою орбиту широкие круги населения, если найдут в себе мужество и умение перешагнуть через отличающие их друг от друга взгляды ради достижения общей победы на выборах, вовремя пройдут этап соответствующего структурно-правового оформления и будут иметь единое краткое и выразительное наименование, не оставляющее никаких сомнений в выдвинутых целях;

7) успех этих сил в решающей мере зависит от наличия у них эффективных средств массовой информации, от умелого использования с их помощью всего научно-пропагандистского аналитического и конструктивного потенциала.

Работа гигантская и неотложная, но лишь на этом пути можно убедить народ в том, что у него есть достойная цель, для достижения кото-

рой нужны его ясная мысль и великая энергия. И тогда, когда в России появятся первые ощутимые результаты экономического, политического, социального, культурного и нравственного возрождения и роста, к ней не только по экономическим и стратегическим соображениям, а прежде всего из-за неодолимой силы исторического примера обратят свои взоры и стремления бывшие республики Союза ССР. Но это окажется возможным в том случае, если Россия и по темпам, и по реальному положению дел в ней станет безусловным лидером в реформировании всех сторон жизни на подлинно демократических и гуманистических, а значит, истинно социалистических началах.

По моим наблюдениям, острейшая в нынешних условиях необходимость срочно предложить обществу именно эту идею, убедительно представить ее как основной, несущий элемент идеологии всех его исторически прогрессивных и созидательных сил, подкрепить ее *немедленной* организацией широкого, общероссийского фронта единомышленников до сих пор в обществе не осознана, хотя она и витает в воздухе. Лидеры нынешних партий и движений, очевидно, полагают, что смогут решить поставленные ими задачи имеющимися силами и средствами, и пока не ощущают, что измученный совершаемыми над ним издевательствами, впавший в состояние глубокой политической апатии народ нуждается в новом, свежем подходе к современным проблемам, в новой, не обгаженной реакционными силами терминологии (а в пропаганде недооценка этой стороны дела может иметь роковое значение), в новых, более широких, более свободных формах объединения и практической деятельности.

Думаю, однако, что есть смысл несколько подробнее аргументировать эти соображения, даже рискуя в чем-то повториться. В современных условиях, когда политическая борьба между силами реакции и прогресса идет в далеко неравных, по сути антидемократических условиях, когда ельцинский¹ режим ради самосохранения не гнушается ничем и никем – от массового убийства при расстреле парламента и зверского избияния собственных граждан, вышедших на демонстрации, до цинично откровенного использования (в том числе на прямой подкуп части так называемой творческой интеллигенции) гигантских средств, включая государственные, для обеспечения своей победы на выборах, когда даже в проправительственной прессе проскальзывает информация о едва скрываемой фальсификации итогов, – в этих условиях рассчитывать на элементарную порядочность противника, на действительно нормальный ход событий и, значит, на приход к власти какой-либо из прогрессивных партий или движений не приходится. В народной массе программы их мало известны, слабо осознаны и к тому же оболганы противником. Лидеры, как бы они ни хорохорились, привлекают симпатии далеко не

¹ Надеюсь, каждый читатель внесет в этот сюжет свой, больший или меньший, в соответствии с личным опытом последних лет поправочный коэффициент.

подавляющей части населения. Лозунги, понятия, даже такие, казалось бы, святые для многих поколений, как Родина, патриотизм, революция, Советская власть, социализм, не говоря уже о коммунизме, в глазах многих людей потускнели, дискредитированы отчасти самим историческим прошлым, а более того – средствами массовой информации и системой образования, которые представляют их в односторонне ложном и просто в прямо противоположном истине виде. Любой нынешней структуре – партии ли, движению ли – бесполезно надеяться на получение такого огромного перевеса голосов избирателей, при котором даже масштабная фальсификация итогов выборов властями окажется безрезультатной. Бессмысленно рассчитывать и на то, что продолжающееся ухудшение экономического положения подавляющей части населения само по себе не только прояснит сознание людей, но и автоматически организует их в борьбе за свои интересы и права: под лежащий камень вода, известно, не течет...

В такой ситуации политический лидер, партия, движение, которые возьмут на себя смелость поднять знамя борьбы за социальную справедливость как за национальную идею, общенародную цель – живую, хранимую в общественном сознании, в душах огромного большинства людей, – резко усилят свой политический вес, свое влияние. Но прочный успех придет лишь в том случае, если из их уст, от их имени будет постоянно раскрываться все богатство, вся разносторонность содержания этого принципа, реальные пути все более полного воплощения его в различных сторонах жизни общества. Под этим знаменем могут в определенной мере объединиться и те, кто не приемлет возврата к капитализму (мне, может быть, «не повезло», но я ни разу не слышал даже от самых оголтелых апологетов буржуазного строя его характеристики как общества социальной справедливости!) и видит историческую перспективу России только в развитии на социалистических началах, очищенных от деформаций и искажений; и те, кто стремится к становлению подлинного народовластия со всеми присущими ему сильными и ответственными демократическими институтами, надежно обеспечивающими охрану всего спектра прав человека; и те, кто ратует за появление социально ориентированного рынка; и те, кто борются за сохранение окружающей среды, и т. д. и т. п.

Организационное объединение разнородных, но в целом прогрессивных сил, действующих в одном генеральном направлении, стремящихся к общей цели, позволит сблизить их идейные позиции и политические интересы, сплотить в борьбе за создание общества социальной справедливости и, следовательно, против сил реакции и контрреволюции, отбросивших страну в уже пройденное далекое историческое прошлое, погрузивших ее в экономический хаос и тотальную разруху. В результате резко ускорится процесс оздоровления России, ее возрождения как государства, имеющего не только великое прошлое, но и не менее замечательное уже ближайшее настоящее и будущее. При этом ни

одной партии, ни одному движению и их лидерам не придется жертвовать своими принципами и лозунгами. Напротив, они лишь укрепят свои политические и «избирательные» позиции. Но руководство подобного блока должно состоять из людей, не имеющих «исторических хвостов» (в которые вцеплялись бы противники), способных найти общий язык с любой его составной частью и, конечно, с массовой аудиторией. Подчеркну со всей возможной силой: успех и процесса объединения, и достижения победы на выборах напрямую зависит от готовности лидеров партий и движений отойти *внутри* блока на второй план, сохраняя, естественно, свое ведущее положение в рамках их структур, и поддерживать *вне-* и *над*партийных руководителей блока – назовем его, например, Народный фронт «За социальную справедливость!»).

Далее, успех зависит и от того, насколько постоянно, настойчиво, разнообразно и умело идея социальной справедливости будет звучать во всех возможных формах и видах – от индивидуальной беседы с человеком до массового митинга, от выступлений в парламенте до научных исследований и т. д. «Впрочем, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен» – такими словами, напомним, римский сенатор Катон заканчивал свои речи, чему бы они ни были посвящены. Сейчас, через два с лишним тысячелетия в наших российских условиях следовало бы каждому принимающему участие в подготовке и обсуждении законопроектов, в публичной полемике, занимающемся научными изысканиями руководствоваться важнейшим, определяющим критерием: работают ли та или иная выдвинутая идея, принимаемое решение на укрепление социальной справедливости или на подрыв ее? Тогда и широкому зрителю, слушателю, читателю, просто собеседнику будет ясно, отвечает деятельность политика, чиновника, журналиста и прочих нынешних ловцов человеческих душ интересам народа или остается только очередным словоизвержением ради их узкокорыстных целей.

И наконец, защита и, если угодно, повседневная проповедь идеи социальной справедливости настолько мало уязвима со стороны ее противников, что потерять ее, дать им возможность (как было, например, с понятиями «демократы», «реформаторы») перехватить этот лозунг было бы огромной, непростительной ошибкой. Поэтому еще в самом начале 1997 г. я предложил руководителям двух общественных сил, которым концепция Социальной Справедливости, на мой взгляд, наиболее близка, сделать ее основополагающей идеей и стержнем политической практики, способной при хорошо организованной разъяснительной работе воодушевить и объединить значительную часть населения. К сожалению, убедить друзей в исторической необходимости встать под такое знамя, «вытащить» эту идею, эту задачу из вороха прочих на передний план, превратить ее в лейтмотив всей деятельности возглавляемых ими общественных структур мне не удалось.

Может быть, конечно, у них были (напомним, речь идет о 1997–1998 гг.) какие-то свои соображения, связанные, скажем, с еще более драма-

тическим, чем сегодня, ходом событий, который объективно придаст их партиям и движениям дополнительный общественный вес, достаточный, например, для победы на очередных выборах. Но не исключая и того, что просто сработала не изжитая старинная привычка катастрофически опаздывать с жизненно важными решениями (тем самым, подчеркну еще раз, позволяя противнику перехватывать лучшее из твоего собственного арсенала, выдавать твои цели за свои) и в конечном счете проигрывать в политической борьбе.

И впрямь, уже весной того же 1997 г. появились предложения, близкие к моим, но идущие от людей противоположной социальной ориентации. А осенью оголтелые приверженцы возвращения в очень, очень... несвежее лоно буржуазного общества, чувствуя ненадежность своих позиций и страшась ответственности за содеянное, заявили о намерении сколотить коалицию «сторонников реформ». Выглядит такая формулировка демагогически расплывчато, поскольку в ней не содержится честного их определения как «капиталистических», или «антинародных», или «грабительских» и т. п. Но это-то и позволяет собрать под нее кое-какие силы, в том числе и часть тех, кто мог бы войти в блок «За социальную справедливость!», *будь он вовремя создан*. Однако его потенциальные организаторы и участники, похоже, и сейчас дремлют или сознательно повторяют крупнейшую, поистине историческую ошибку Сталина, навязавшего германской и другим коммунистическим партиям практически во всем мире категорический отказ от сотрудничества с социал-демократами и другими левыми движениями, что, в частности, способствовало легальному приходу Гитлера к власти. К чему, в свою очередь, это привело – известно слишком хорошо. Близорукость в политике, да еще помноженная на неповоротливость в ней, может слишком дорого обойтись и нынешним поколениям. Понимая это, я ближе к концу 97-го г. выпечатал несколько предыдущих страниц, посвященных проблеме общенациональной идеи и организации всероссийского движения «За социальную справедливость!», и вновь предложил их «группе товарищей». Увы, опять впустую.

Между тем буквально через несколько дней узнал: оправдалось ощущение того, что эта идея носится в воздухе. Нашлись, наконец, силы (независимо от моих исканий), создавшие в Москве избирательный блок примерно такой же – формально, по крайней мере, а в чем-то и по существу – ориентации. Правда, ему еще явно предстояло основательно углубить теоретическую разработку своих позиций, придать им более радикальный и, можно сказать, всеобъемлющий характер, выстроить систему аргументов (она выглядела весьма дилетантски), расширить масштабы и разнообразить формы своей деятельности, сделать ее более решительной и наступательной. Таковы были неперемennые условия успеха нового блока. К сожалению, они не были соблюдены и первые шаги именно в направлении борьбы под знаменем Социальной Справедливости сошли на нет. Да и в принципе серьезные политические результаты

могут быть достигнуты только в том случае, если движение в этом направлении будет энергичным, неуклонным и постоянным, не связанным только с кратковременной избирательной кампанией.

Что же касается моих товарищей, которые, очевидно, предпочли сохранить в неприкосновенности сложившиеся структуры, методы и навыки работы, то уже вскоре пришлось снова убедиться в том, что «корифей всех наук» иногда бывал и прав. Например, когда говорил: «А отсталых бьют». После думских и президентских выборов 2000 г. сверх сказанного три года назад вынужден с горечью добавить только одно: жизнь подтвердила, что чрезмерная самоуверенность и неспособность любой партии и ее лидеров к своевременным и кардинальным изменениям стратегии и тактики в связи с новой общественной обстановкой неизбежно приводят к долговременной, а то и безвозвратной потере их, партии и лидеров, политического лица, авторитета у избирателей и самой исторической перспективы. Так было, так есть, так и будет.

И в заключение этого пассажа подчеркну: давно пора было бы понять, что сегодня ни у одной партии, ни у одного движения или блока нет равноценной идеи, которая пробудила бы самосознание миллионов людей, подняла с колен, объединила и организовала *весь* народ в борьбе за спасение страны и своего будущего. Объединительная же сила или, если угодно, объединяющая мощь идеи Социальной Справедливости потенциально такова, что ее хватит на многие десятилетия. Она будет работать в любых условиях – и при движении к власти, и после обретения ее. И в обозримой исторической перспективе прочную победу одержит тот, кто выше всех поднимет знамя с таким призывом, кто каждый свой реальный политический, экономический, управленческий шаг будет делать в строгом соответствии с этим принципом.

У многих, в том числе и у меня, серьезные надежды на оздоровление общественной ситуации возникли в 1998 г. в связи с приходом на пост премьер-министра Е. М. Примакова. Я даже считал нужным опубликовать свои соображения в статье «Страну объединит только социальная справедливость» (еженедельник «Век»). К сожалению, ход событий эти надежды опрокинул. В 2001 г. лозунг социальной справедливости был взят на вооружение организованным Г. Н. Селезевым левodemократическим движением «Россия». В думской избирательной кампании 2003 г. этот тезис зазвучал не только в выступлениях представителей появившейся Партии социальной справедливости, но и ряда других. Однако пока он не стал их генеральной идеей и не получил должного содержательного наполнения, понятного каждому человеку. Политическое будущее этих партий, на мой взгляд, напрямую зависит от того, насколько успешно они своей теоретической, пропагандистской и практической повседневной работой и ее результатами убедят российское общество в том, что развитие страны по пути укрепления социальной справедливости во всех ее аспектах есть единственно возможная в современных условиях и жизненно необходимая общенациональная задача и высшая цель.

Глава 10

БУМЕРАНГ ИСТОРИИ

Историческая необходимость коренной перестройки всей идеологической работы партии. — Политика или совесть. — Первая попытка ресталинизации общества. — Фальсификация мемуаров Г. К. Жукова и других военачальников.

Месяцы работы над книгой незаметно сливаются в годы, жизнь за окном все стремительнее катится в пропасть¹ — и мне, пожалуй, пора пояснить одно немаловажное обстоятельство: невольно выходя в своих размышлениях о прошлом и на сегодняшние мотивы, я не считаю правильным постоянно возвращаться (хотя в ряде случаев вынужден это делать) к уже написанным главам, чтобы «осовременивать» их. Возможно, ко времени выхода книги в свет что-то устареет или даже будет опровергнуто ходом событий, но пусть останется таким, каким оно изначально представлялось мне.

Надеюсь, несмотря на все мои отвлечения от исходного пункта прошлой главы, читатель все же не забыл, что речь в ней шла — и еще не завершена — о «Тезисах для Конституционной комиссии». На протяжении многих лет, прошедших со времени их подготовки до воцарения Горбачева и далее практически до его падения, то есть в общей сложности на протяжении четверти века, к этому документу периодически возвращались исполнители разных поручений, поступавших «сверху». Думаю, не реже чем раз в два-три года раздавались звонки примерно одинакового содержания:

— Лев, где твоя знаменитая бумага о коренной перестройке всей советской системы?

— В архиве Комиссии по разработке проекта новой Конституции.

— Да мы уже все бумаги перебрали — нет там ничего. У тебя ведь, наверное, осталась какая-нибудь копия? Ты не мог бы перепечатать ее еще раз?

И с «Тезисами...», и с продолжавшими и развивавшими их материалами были знакомы многие сменявшие друг друга члены Политбюро, в той или иной форме до меня доходили положительные и даже более высокие оценки этих работ, но никто не рискнул внести их в него для официального обсуждения, хотя формально по своему статусу читавшие эти записки таким правом обладали. Впрочем, это было вполне естественно в тогдашних условиях. О фактической невозможности этого прямо и четко

¹ Глава написана в разгар позорно-катастрофического ельцинского правления.

сказал однажды первый помощник Брежнева – Г. Э. Цуканов, которому я отдал один или два из моих основных перестроечных документов в 1975 г., когда началась подготовка к XXV съезду партии. Ознакомившись с ними, Георгий Эммануилович тепло отозвался об этих разработках и вместе с тем как-то озабоченно и очень искренне, явно из лучших по отношению ко мне побуждений, воскликнул:

– Только умоляю, не подавайте эти документы официально: можно попать под колесо!

– Но ведь если того, что изложено в них, не делать, то ничего в стране и не изменится к лучшему.

– Подождите немного. Вот пройдет съезд, и, если он закончится для Леонида Ильича благополучно (т. е. он вновь будет избран Генеральным секретарем. – *Л. В.*), после этого вернемся к Вашим идеям. А пока отдадим эти бумаги в группу, готовящую материалы съезда, если не возражаете...

К сожалению, мои разработки были использованы кем-то в группе, хотя ею руководил академик, крайне примитивно, и, увидев их в очередном варианте текста, я был вынужден сказать Георгию Эммануиловичу, что идеи высыпаны на бумагу, как горох из мешка, без всякой связи с основным содержанием соответствующего раздела доклада и без внутренней логики. Формально я в подготовке этого съезда не участвовал, как-то вмешиваться в работу группы оснований не имел и поэтому попросил, чтобы мои предложения были удалены из дальнейших проектов его материалов.

Съезд закончился в очередной раз «благополучно», и, выждав некоторое время, я позвонил Георгию Эммануиловичу раз-другой – для того лишь, чтобы вновь убедиться в неосуществимости сколько-нибудь серьезных перемен в обществе и даже в отсутствии у Генсека и всего высшего руководства заинтересованности в осознании реального положения дел в стране и готовности искать пути выхода из созревающего кризиса системы. Очевидно, наше тогдашнее руководство считало ее достаточно совершенной и несокрушимой...

Вернусь, однако, в 68-й год. Сдав Яковлеву свои «Тезисы...», насквозь пронизанные, напомним, идеей неразрывного единства социализма и демократии, я уехал в отпуск, в Крым, и здесь на пляже на меня буквально обрушилась чудовищная новость: ввод советских и других войск стран Варшавского договора в Чехословакию, чтобы задушить попытку на деле придать социализму его истинный характер и, как говорили тогда, человеческое лицо. В первые минуты я просто не контролировал себя: ярость и отчаяние слились в душе воедино, и я в присутствии группы партийных работников из Москвы и других городов, не выбирая выражений, буквально выкричал то, что думал о тех, кто принял это решение, и о его последствиях не только для нашей страны, но и для судеб социализма вообще. И представьте – никто на меня не донес! Гибель «пражской вес-

ны» навсегда осталась для меня личной трагедией, очередным крушением надежд на то, что я своими глазами увижу очищение социализма от сталинских грязи и коросты, всестороннее приближение реальной жизни к его природе как общества социальной справедливости в самом широком смысле этих слов.

Выйдя из отпуска, я застал на работе, в Отделе пропаганды ЦК, атмосферу повышенной озабоченности и активности, связанную с вводом войск в ЧССР. Ряду коллег срочно присвоили весьма «приличные» воинские звания, и свежее испеченные старшие офицеры в соответствующей экипировке были направлены туда со спецзаданиями. Другие же мои коллеги были привлечены к целенаправленной работе внутри страны. И меня «Аэн», который лично и непосредственно руководил всей этой работой, за что, к слову, вскоре получил внеочередной орден, пытался приспособить к ней. Зайдя ко мне в комнату, он поставил задачу:

– Лев, ты должен срочно написать авторскую, за своей подписью, двухподвальную статью в «Правду» с идейным разгромом событий в Чехословакии.

Пришлось ответить прямо:

– Александр Николаевич, делайте что хотите, вплоть до моего увольнения с работы и исключения из партии, но писать такую работу ни за своей, ни за чужой подписью и даже редактировать чей-либо материал на эту тему я не буду. Это противоречит моим убеждениям.

И опять же к чести тогдашнего «Аэна», судя по отсутствию немедленных последствий, огласки этот «криминальный» сюжет не получил.

Расскажу заодно еще о нескольких эпизодах, связанных с ним и не только с ним, сохраняя объективность и абстрагируясь от его дальнейшей столь неоднозначно воспринимаемой в обществе эволюции.

Итак, наше знакомство с Яковлевым состоялось первоначально по телефону. В 1966–1968 гг. я работал в аппарате ЦК КПСС, в Отделе международной информации, а когда он был расформирован, получил возможность перейти в Отдел пропаганды. Но резко обострившиеся в тот момент (весна!) болезни, привезенные из лагеря, загнали меня в больницу. Туда-то и позвонил мне Яковлев, спросивший:

– Какой вид деятельности Вы предпочитаете – устный или письменный?

– Письменный, – ответил я.

– Ну, тогда мы зачислим Вас в... лекторскую группу, – заключил он.

Не вдаваясь в размышления по поводу того, чем была продиктована такая логика, скажу лишь, что и впрямь, находясь в этой группе, я не прочитал ни одной лекции, так как был непрерывно занят работой письменной, но «зато» года через три, перейдя в группу консультантов, в которой положено было в основном запечатлевать свои мысли на бумаге (тем самым становящиеся уже не твоими), стал буквально с первого дня параллельно с этим занятием читать «перестроечные» лекции. О них расскажу дальше.

Так вот, среди самых первых было поручение Яковлева подготовить большой фрагмент доклада кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК П. Н. Демичева. Речь шла об идеологической работе партии. Мой вариант текста содержал предложения по коренной перестройке этой сферы ее деятельности. По аналогии с одним из знаменитых в свое время выступлений «корифея всех наук», которое в литературе именовалось «Шесть условий товарища Сталина», я свои предложения (их было тоже именно столько) в шутку называл «Шесть условий товарища Демичева», о чем Петр Нилович, естественно, и не подозревал.

В довольно емком документе, как я вижу, перечитывая его сейчас, говорилось, в частности, о взаимосвязи и взаимодействии идеологии с изменениями материальных и прочих условий жизни, с совершенствованием повседневной общественной практики – этим *главным* учителем, в решающей мере формирующим сознание человека, о развитии в пропаганде научного, *аналитически-критического* начала, прежде всего по отношению к нашему собственному строю, к социализму, о воспитании у самых широких масс людей навыков *самостоятельного* политического мышления и поведения и т. д. и т. п. Жаль только, что в то время я не подозревал о существовании некоего М. С. Горбачева, а то бы предложил организовать персонально с ним просветительно-воспитательную работу, чтобы привить ему способность, как сказано в документе, «чутко и своевременно улавливать тенденции социального развития, уметь трезво и... вовремя оценить их и не упускать момента, когда их надо возглавить и повести за собой в нужном направлении и нужным темпом». Глядишь, через какую-нибудь четверть века после такой подготовки он и не погубил бы перестройку и страну...

Думаю, что, поскольку в документе содержались слишком радикальные предложения, далеко выходящие за традиционные рамки тогдашних представлений о роли и функциях идеологии в обществе, «Аэн», скорее всего, и не представил их адресату, т. е. П. Н. Демичеву. Во всяком случае, через год, если не больше, Яковлев позвал меня к себе, вынул из сейфа мой «труд» и, возвращая его, сказал:

– Я обеими руками подписываюсь под твоими мыслями. Но как же ты их изложил – прямо в лоб! Это же убийственная критика. А надо писать так, чтобы идею сохранить, но и не вызвать негативной реакции руководства. Вот смотри...

И, процитировав несколько строк из разных мест этого материала, он предложил примерные проходимые через сознание начальства формулировки. В то время такое искусство казалось мне чем-то вроде высшей школы верховой езды, приемы которого приходилось использовать в дальнейшем ради того, чтобы закладывать в материалы съездов, пленумов ЦК, в речи руководителей партии и страны и другие документы определенные идеи, характеристики, оценки процессов, происходивших в стране. Именно таким путем чаще всего они приобретали «права гражданства» и входили в научный и политический оборот.

Конечно, те, кто непосредственно и достаточно часто соприкасались с руководителями высшего ранга и имели за душой *что* сказать им о реальном положении дел на том или ином участке жизни, не упускали возможности воздействовать на их сознание и в устной форме. Другие писали инициативные или заказные закрытые аналитические записки с конструктивными предложениями, высказывали свои мысли в открытой печати, выступали с лекциями, участвовали в дискуссиях. Но все же общественный резонанс от этих форм работы был, естественно, меньшим, чем в случаях, когда те же идеи звучали из уст первых лиц партии и государства.

Но одно дело – что-то провозгласить, другое – осуществить на деле и третье – ответить за выполнение или невыполнение обещанного. Между всеми этими позициями существовал слишком, слишком большой разрыв. За годы работы в аппарате мне довелось не раз слышать от друзей хорошие, дельные мысли относительно того, что и как нужно кардинально изменить в обществе, и вместе с тем горькие слова о невозможности при тогдашней системе управления осуществить это практически, поскольку реальная власть – у стариков, цепко за нее держащихся, с вьевшимися в их плоть и кровь примитивным догматизмом и глубоким консерватизмом. Пытаясь влить хоть каплю оптимизма в такие сетования, я нарочито грубовато пояснял, что в ситуации, когда любые существенные сдвиги в управлении страной могут произойти только по инициативе сверху, те, кому выпало работать в относительной близости к руководству страны и непосредственно на него, могут исполнять лишь очень полезную роль исторического навоза, без которого еще долго не взойдут жизнеспособные ростки нового. Задача состоит в том, чтобы «воспитывать начальство», вкладывать в его уста – через соответствующие тексты докладов, выступлений, материалов ЦК партии – и таким образом объяснять и всему обществу, что без научно-технического прогресса страна погибнет, что кибернетика и генетика – это не выдумки буржуазных идеологов, а важнейшие его направления, что интеллигенция – не пресловутая «прослойка» в структуре общества, а ее цвет (правда, в последние годы я нередко думаю, что в этом пункте мы очень сильно ошибались), что подлинная демократия не сводится к участию народа в голосованиях на выборах, что закон должен применяться одинаково ко всем гражданам, что гуманизм есть понятие общечеловеческое, а не классовое, и т. д. и т. п.

После этих слов кто-то, может быть, подумает, что работа или всего аппарата, или нашего и каких-то других его подразделений, или хотя бы групп консультантов была бесплодной. Нет, ведь, как известно, именно в ЦК сходились все нити управления страной, и при любых издержках, вызванных таким порядком, – нуждавшемся в существеннейших изменениях! – при нем все же лучше ли, хуже ли, но обеспечивалась жизнедеятельность общества и государства. И, несмотря на всякого рода трудности и проблемы, связанные с работой в таком аппарате, мы испытыва-

ли и удовлетворение от добросовестного выполнения служебных обязанностей, и радость, когда в их рамках и за пределами таковых удавалось сделать что-то безусловно общественно полезное. И мы выполняли свое дело, не кривя душой и не страдая от отсутствия широкой известности и публичного признания. В частности, меня функция одного из певцов за сценой совершенно не угнетала. Почему? Ответ, хотя бы частичный, содержится, наверное, в двух таких эпизодах. Однажды мой друг, с которым я работал в ЦК, с искренними гневом и обидой сказал (а это были времена Брежнева):

– Мы все здесь играем в одну большую игру. В ней существуют определенные правила, но ты же не хочешь им подчиняться, хочешь остаться самим собой! Где бы ты был, если бы принимал эти правила! И мы были бы за твоей спиной как за каменной стеной...

Прошло несколько лет, и другой человек, первый заместитель председателя Гостелерадио СССР, никак не связанный с упомянутым моим другом, заявил – и это меня просто поразило – почти то же самое:

– Мы тут все копаемся по уши в дерьме. Ты думаешь, мне это приятно делать? А ты не хочешь запачкаться, чистеньким остаться хочешь...

Верно, быть самим собой, оставаться не столько «чистеньким», сколько просто самим собой в любых обстоятельствах – возносит ли тебя жизнь на какие-то высоты общественного положения или пытается превратить в ничто, прожить отпущенное тебе время, не продаваясь ни за деньги, ни за начальственную ласку, за звезды на груди или на плечах, карьеру и комфорт, не переступать, даже если от этого страдают твои близкие, а не только ты сам, границ, существующих в твоей душе, – вот, наверное, самое главное, что должно быть в человеке, и самое трудное (ведь оно ежедневное, ежечасное) испытание для него. Если ты не предал, не сподличал ни в большом, ни в малом, ты получаешь право смотреть в глаза – не людям, самому себе прежде всего. Дымкой времени постепенно затягивается плохое и даже ужасное, что было с тобой, из суеты дней ярче выделяется и бережно хранится в памяти хорошее, светлое, но случаи собственной слабости, поступки, если они могут быть самим тобой поставлены под сомнение, жгут душу всю жизнь. Может быть, это и есть кара небесная, которую мы несем еще на Земле? Тяжек такой груз, но видит Бог, не завидую тем, кто, предав, продав и продавшись, оболгав все и вся, живет в душевном покое и физическом довольстве, да еще гордится собой, таким умным, ловким, способным вписать себя в любую ситуацию, даже если она, как нынешняя в России, невыразимо грязна и абсолютно преступна.

Еще в юности, соприкоснувшись с различными сторонами политической жизни, в которой участвовали мои родственники, принадлежавшие к старшему поколению семьи, я увидел, что они были уничтожены прежде всего потому, что хотели остаться чистыми в политике, считали, что ее можно делать в белых перчатках. Может быть, нельзя абсолюти-

зировать это наблюдение, но на примере погибших в нашей семье я пришел к выводу, что активное участие в политике ставило (тем более ставит сейчас) человека в наших условиях перед выбором: победить в ней, но предать при этом самого себя, или остаться самим собой и жить по нормам собственной нравственности, но не добиться поставленных целей, а то и погибнуть. Борьба и победа в политике были и до сих пор остаются возможными, на мой взгляд, только ценой предательства самого себя. Поэтому еще в университете я дал себе слово не делать политической карьеры, не допускать ни одного шага, который заставил бы меня сгорать за него от стыда.

Исходя из этой внутренней установки, мне на протяжении десятков лет приходилось постоянно взвешивать, что можно было позволить себе опубликовать в печати или высказать по телевидению, а от чего нужно было отказываться, хотя это сулило порой немалые выгоды. Приходилось думать не только о том, что делать, но и о том, чего не делать, ибо запрограммированная определенным образом государственная машина, а теперь еще и совокупившаяся с криминальным бизнесом, при малейшей слабости человека могла и может запросто, равнодушно-автоматически перемолоть его душу, а с нею и всю судьбу.

...Каждый день работы в ЦК добавлял новые и новые краски и оттенки в палитру наблюдений за характером деятельности высшего аппарата управления страной. В целом он, в том числе и Отдел пропаганды, состоял из высококвалифицированных и глубоко порядочных людей, заряженных прежде всего интересами страны. Различные формы коллективного творчества быстро высвечивали реальный потенциал любого сотрудника и его подлинное нутро. Думаю, что именно поэтому наша дружба выдержала испытание десятками очень непростых лет, в течение которых многие работали в самых разных организациях, прошли через немалые политические и служебные испытания, но сохранили верность общим целям и принципам и друг другу. Однако все это не означает, что мы жили и работали в каком-то идиллическом мире. Напротив, пребывание в таком аппарате требовало постоянного интеллектуального и психологического напряжения, что, на мой взгляд, и делало нашу работу содержательной и вместе с тем интересной для нас самих. Были, конечно, и моменты, о которых вспоминаешь с невольной грустной усмешкой.

Скажем, вызывает меня в очередной раз тот же «Аэн» и говорит, что требуется написать доклад для съезда Всесоюзного общества «Знание» руководителю, рангом ниже, чем секретарь ЦК, и сделать это так, чтобы там были только вполне устоявшиеся, привычные позиции. А на заявление, что я таким образом писать не умею, последовало традиционное в его устах: «Надо!» Пришлось, скрепя сердце, выполнить и этот заказ. Передавая Яковлеву материал, подготовленный, по формуле одного из моих друзей, в духе ритуального словоговорения, я сказал:

– С таким докладом, где нет ни одной свежей мысли, я бы выступить не смог: мне было бы просто стыдно.

«Аэн» просмотрел документ и произнес:

– Это очень хорошо, это то, что нужно. Да, тебе было бы стыдно выступать так. Но ты не понимаешь психологии слушателей, перед которыми будет произносить все это наш докладчик. Представь себе его – седого, импозантного, хорошо поставленным голосом читающего текст со сцены Большого театра. Да будут слушать, затаив дыхание, и записывать каждое слово!

– Не может быть, кто же будет слушать банальности? – усомнился я.

– А ты сходи на съезд и сам посмотри на реакцию зала.

Любопытства ради я пошел и, увы, убедился, что мой собеседник был абсолютно прав: и слушали благоговейно, и записывали. Так что и докладчик, и аудитория вполне соответствовали друг другу, поскольку на практике слишком часто считалось само собой разумеющимся: основа пропаганды – это постоянное повторение устоявшихся формулировок. К счастью, подобное поручение выпало на мою долю только раз.

Позже я понял еще одну причину того, почему пришлось писать именно такой текст: выступавший не должен был по своему чину выглядеть ярче, содержательнее, чем секретарь ЦК, делавший доклад на том же съезде. Таков был неписанный закон аппаратных взаимоотношений. Когда же Яковлев сам об этом забыл, опубликовав в «Литературной газете» (15 ноября 1972 г.) статью «Против антиисторизма», написанную под его руководством группой сотрудников Отдела (я в нее не входил), он был изгнан из аппарата и даже из страны – напомним, направлен послом в Канаду. Мы все были убеждены: причиной или, по крайней мере, поводом для этого послужило то, что, подписав статью, он «взял не по чину», поскольку в ней были мысли, которые могли исходить только от намного более высокопоставленных «авторов». И вот недавно в одной из публикаций я наткнулся на характерную деталь, подтверждающую наши тогдашние наблюдения и выводы: М. А. Суслов дал указание помощнику выяснить, кто является действительным автором «криминальной» статьи; Яковлев своих сотрудников не выдал и взял авторство целиком на себя; на это Суслов заметил: «Что он, Ленин, что ли?»

Аналогичную ошибку допустил и В. Н. Ягодкин, мой соученик по университету и добрый приятель, ставший секретарем Московского комитета партии и, к сожалению, печально прославившийся историей с так называемой бульдозерной выставкой картин молодых художников-модернистов 15 сентября 1974 г. Он тоже хватил лишку, с точки зрения верхов, в статье, опубликованной в «Коммунисте» (№ 3 за тот же год). У меня есть два, за одним и тем же номером, варианта журнала. «Исправления» в тексте ничтожны по объему, явно не обязательны по существу и служат лишь формальным прикрытием для изменения первоначального заголовка: «Развитие марксистско-ленинской теории и идеологическая работа». В чем же здесь криминал? – может спросить современ-

ный читатель. А в том, что секретарю (пусть и по идеологии) какого-то, пусть и московского, горкома партии не положено давать в теоретическом и политическом журнале статью, которую читатели могут воспринять как указания ЦК КПСС, чьим органом он является. Это – тщательно охраняемая территория высшего идеологического руководства, а точнее, в то время – М. А. Суслова. Поэтому заголовок в новом варианте был низведен до ранга автора и теперь звучал достаточно скромно: «Некоторые вопросы идеологической работы в современных условиях». Часть, если не весь тираж журнала был уничтожен, и, например, мне по почте поступил повторный его выпуск. Конечно, теперь можно сказать: подумайшь, мелкий эпизод. Да, не крупный, но весьма характерный для еще не слишком далекого прошлого и имевший, к слову, вполне реальные персональные последствия: несмотря на то что автор статьи очень нравился выдвинувшему его Брежневу, он был по этому поводу (или по этой причине?) удален со своего поста.

Несколько лет назад я прочитал в газете «Гласность» небольшой, но содержательный материал, посвященный Яковлеву. Похоже, его автором был человек, неплохо знавший героя тех строк или получивший вполне достоверную информацию о нем. Там выдвигались различные претензии к прошлому Яковлева и, в частности, отмечалась его роль в удушении «пражской весны» и в многолетних преследованиях диссидентов. К слову, в уже «демократических» «Известиях» одно время публиковались документы из бывшего Архива ЦК, и лишь однажды там, под самым невинным из них, проскочила подпись Яковлева, хотя без нее в те годы не могли появиться и многие другие, под которыми его фамилии в газетном воспроизведении я не увидел. Видимо, это и есть историческая правда, это и есть порядочность современной журналистики... Так вот, в «Гласности» я тоже не нашел указаний на то, что Яковлев в течение многих лет был ярым сталинистом и, более того, возглавлял самые заметные акции, вполне открыто или тихой сапой, как говорил незабываемый «корифей», противостоявшие решениям XX и XXII съездов партии, как и постановлению ЦК «О преодолении культа личности и его последствий», где разоблачались и осуждались Сталин и его преступления.

Впрочем, здесь Яковлев и его приспешники, прежде всего заведующий сектором печати Отдела пропаганды ЦК партии И. И. Чхиквишвили, лишь подхватили эстафету из рук С. П. Трапезникова. Замшелый, убогий в теоретическом отношении догматик-сталинист, он длительное время возглавлял Отдел науки ЦК КПСС. Под руководством Трапезникова и готовилась первая, по моим сведениям, попытка повернуть колесо истории вспять. Он и его сообщники (нарочно использую термин сталинских времен, только направленный против их апологетов) разработали программы для высших учебных заведений по всем четырем основным тогда обществоведческим дисциплинам – истории партии, философии, политической экономии и научному коммунизму. Программы

были сведены в один том символически серого цвета и представляли собой, так сказать, идеологическую водородную бомбу, которая должна была отбросить общество в прошлое, зачеркнув решения упомянутых выше съездов и фактически реабилитировав сталинизм во всех его проявлениях. Эти документы предназначались для рассмотрения и утверждения на очередном Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (речь идет о 1966 г.), и в случае их принятия, что по тогдашним нормам общественного поведения было практически неизбежно, начавшийся при Н. С. Хрущеве процесс десталинизации был бы прекращен, и идеология сталинизма уже в то время вновь окрасила бы собой все сферы общества, всю жизнь людей – от детского сада и школы до литературы, искусства, политики и т. д., а за нею, этой идеологией, потянулась бы, естественно, и практика управления страной.

Провести анализ программ меня попросили А. Е. Бовин и Г. А. Арбатов, которые по каким-то причинам не захотели сделать этого сами. Снабдив меня экземпляром сборника программ, они сообщили Г. Э. Цуканову о моем согласии выполнить такую работу.

Произошло все это буквально в первый день и даже час, когда я официально приступил к новой, после журнала «Коммунист», работе – в Отделе международной информации ЦК КПСС. Явился же я туда по незнакомству с аппаратными традициями в слишком свободной, по-журналистски, одежде – в ярко-рыжей рубашке с короткими рукавами, и в подъезде на контроле дежурный офицер с плохо скрываемым недоумением довольно долго сравнивал мою «личность» с фотографией на только что выданном удостоверении. Поэтому, когда зазвонил телефон и Г. Э. Цуканов спросил, не могу ли я немедленно прийти к нему (а его кабинет находился рядом с брежневским), мне пришлось сказать, что сегодня, кажется, я не по форме одет.

– Это неважно, – ответил Георгий Эммануилович. – Главное, приходи поскорее.

И как только я появился, он отвел меня в кабинет другого помощника Брежнева – отсутствовавшего в то время А. М. Александрова – и изолировал меня там. В этом заточении за два дня и была написана аналитическая записка с разбором всех четырех программ, не только густо напичканных формулами прошлого, но и воспевающих практику сталинщины.

Сейчас, через 30 с лишним лет после этой работы, какие-то детали стерлись из памяти, да и Георгий Эммануилович реквизирует, как я думал до сих пор, все мои бумаги, вплоть до черновых набросков. Но при разборе своего архива я вдруг обнаружил десятка три листов и листиков, которые все-таки осели у меня (правда, почти все лишь по курсу «История КПСС»), но и они позволяют припомнить кое-что достаточно конкретно.

Предполагалось, что в июле 1966 г. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук, как уже сказано чуть выше, уза-

конит эти программы, по аналогии с которыми в дальнейшем будут изменены и прочие подобные документы для всех звеньев обучения и воспитания, включая и партийное просвещение. В порядке же подготовки к этой всесоюзной акции 1000 экземпляров сборника программ были разосланы для предварительного обсуждения в тридцать университетов союзных республик и ряд вузов Москвы и Ленинграда.

На кустовых совещаниях по этому поводу развернулась резкая и открытая полемика, прежде всего по вопросам, связанным с культом Сталина. В Грузии потребовали показать его положительную роль в истории партии. В Армении приняли противоположное решение. В Эстонии ученые и преподаватели решали этот вопрос... голосованием. Чрезвычайно острые идейные столкновения произошли в Московском университете. Такой разнотой был неудивителен: новые программы возвращали нас в уже осужденное и, казалось, навсегда отвергнутое прошлое.

Интересно, что группировка Трапезникова умудрилась всю организационную работу по подготовке идеологического переворота провести в обход Секретариата ЦК, что в существовавших тогда условиях было почти невероятно. Очевидно, просталинистские силы исходили при этом из расчета на тесные и давние отношения Трапезникова с Брежневым. Тем не менее, узнав, что всем этим заинтересовалось руководство Центрального Комитета, Трапезников подстраховался, срочно представив записку о внесенных в программы редакционных изменениях и уточнениях. Однако и содержание, и сам дух этих документов оставались глубоко порочными и попросту реакционными. Моя задача и состояла в том, чтобы срочно разобраться в этом дурно пахнувшем «теоретическом» месиве и вооружить научными и политическими доводами против него Брежнева и все Политбюро.

Судя по сохранившемуся экземпляру какого-то варианта моих «Замечаний к проекту программы по истории КПСС», это было сделано в виде текста выступления Генерального секретаря на заседании Политбюро. Главная идея состояла в необходимости соблюдать историческую правду, бороться с лицемерием в науке и преподавании, с разрывом между словом и делом. Авторы же программы, отмечалось далее, преподносят историю КПСС как цепь непрерывных побед и обходят все ошибки и преступления ее лидеров и созданной ими системы управления обществом и государством. Из 10–12 страниц не правленного после перепечатки текста приведу для примера лишь два отрывка, исправив только несколько опечаток, но без купюр и каких-либо просящихся сегодня смысловых и стилистических улучшений, точно так, как это было в данном, явно не последнем, что видно из моих же пометок на полях, варианте.

«Проект программы старательно обходит почти все отрицательные стороны в истории партии, которые связаны с деятельностью Сталина. Ни слова не сказано об ошибочных установках, проводившихся через Коминтерн. Нет характеристики московских процессов. Обойден пакт о

ненападении с фашистской Германией. Ничего не сказано о политико-стратегических просчетах накануне войны. Умалчивается о возмутительных фактах репрессий, примененных по отношению к целым национальностям. Обойдены вопросы о Коминформе, о советско-югославском конфликте, о методах диктатора, которые Сталин насаждал в мировой системе социализма. Не дается оценка крупным ошибкам в идеологической работе в послевоенные годы (борьба с «космополитизмом»; охаивание крупных деятелей искусства – Шостакович, Мурадели, Ахматова и др.; неквалифицированное вмешательство в научные дискуссии; господство догматических методов в общественных науках и др.).

Могут возразить, а стоит ли вспоминать об этом, стоит ли вновь и вновь перелистывать позорные страницы нашей истории? Не лучше ли умолчать о них и сделать упор на другие, славные страницы? На эти вопросы партия уже ответила на XX и XXII съездах. Историю нельзя «закрыть». Но можно и нужно учиться на ее уроках. И – я повторю то, с чего начал, – если мы хотим воспитать молодежь в духе ленинской принципиальности, если мы хотим, чтобы изучение истории партии было важным фактором идейного воспитания, мы обязаны не хитрить, не лицемерить, а говорить правду, всю правду.

Если мы не сделаем этого, за нас это сделают другие, враждебные нам люди, но тогда наша собственная история будет работать против нас. (Вот эту фразу не могу не выделить теперь, в 1998 г., размышляя над тем, что запущенная по кривой история, подобно бумерангу, непременно вернется к исходной точке и рано или поздно поразит своих фальсификаторов. – Л. В.)

Проект программы даже не пытается подойти к культу личности как к определенному социально-историческому явлению, общему для многих, если не для всех, социалистических стран. Не ставится вопрос о его причинах, о живучести его последствий – а ведь без всего этого невозможно научное изучение истории КПСС».

В конце же документа были предложены выводы:

«1. С научной точки зрения проект программы по истории КПСС неосостоятелен, ибо он искажает историю партии, умалчивает как раз о тех проблемах, которые в последние годы находились в центре внимания историко-партийной науки и всей советской общественности.

2. С политической точки зрения проект программы вреден, ибо он ставит под сомнение искренность и последовательность партии в ее борьбе за преодоление культа личности Сталина и его последствий, рождает неверие в способность и желание партии объективно оценить свою собственную историю.

3. Со всех точек зрения проект программы будет воспринят прогрессивной мировой общественностью (в том числе и у нас, и в большинстве компартий) как попытка возрождения «сталинизма». Об этом, кстати, уже говорилось в ходе обсуждения проекта программы.

Кому это выгодно?»

Проект выступления Генерального произвел, очевидно, должное впечатление и был, по словам Г. Э. Цуканова, основательно использован в ходе двухдневного разбирательства на Политбюро возникшей ситуации. В итоге Всесоюзное совещание было отменено, все 5000 экземпляров сборника «улучшенных» программ, подготовленных к нему, уничтожены, а Трапезников остался на своем посту только благодаря старым личным связям с Брежневым. Так был остановлен первый вал неосталинизма, накатывавшийся на страну.

История эта получила некоторую огласку, прежде всего в академических кругах, и все попытки «Трапа», как его довольно-таки презрительно называли в аппарате, пробиться в Академию наук в течение многих лет были заблокированы. Только в конце жизни он, кажется, стал ее членом-корреспондентом.

Конечно, было очевидно, что сталинисты, которых в то время в обществе, включая и руководство, было немало, на этом не успокоятся. Действительно, притихнув на некоторое время, они избрали новый путь – восстановление «доброты» имени Сталина в общественном сознании через мемуары маршалов. И. И. Чиквишвили не раз с нескрываемой гордостью заявлял: «Это я вернул Сталина народу, заставив маршалов в их мемуарах осветить его личность и роль такими, какими они остались в памяти людей! Я прямо говорил авторам, что, если таких страниц не будет, мемуары света не увидят».

Впрочем, насчет «нового пути» я, может быть, не очень точен. Ведь подспудная работа по реабилитации Сталина и сталинщины началась не позднее 1965–1966 гг., т. е. вскоре после удаления Хрущева из руководства партией и страной. Она протекала в разных формах и направлениях. Известно, в частности, что идеи возврата к сталинизму в идеологии и практике Трапезников и его «высокие» единомышленники (судя по некоторым наблюдениям, ими были прежде всего Шелепин, прозванный «железным Шуриком», и его присные) пытались внедрить в Отчетный доклад ЦК, готовившийся к XXIII съезду партии. Программы же, о которых шла речь выше, и военные мемуары были, можно сказать, своеобразными пиками в этом процессе, обострившемся и проявившемся на поверхности вскоре после выхода в свет воспоминаний маршала И. Х. Баграмяна «Город-воин на Днепре». Они были выпущены Политиздатом в 1965 г., разошлись молниеносно и вызвали очень живую реакцию со стороны читающей публики. Мне не удалось купить книгу, но прочитав довелось, после чего я записал свое впечатление от этой хорошей, искренней работы: «Рассказ о крайней скованности в самостоятельных решениях даже крупнейших военачальников, не имевших права принимать их, даже бесспорных, без указания Ставки (Сталин, Шапошников), о принципиальных просчетах Ставки, о ее ошибочных распоряжениях и приказах, приведших к гибели и окружению войск под Киевом (1941 г.), о неподготовленности к войне, о героизме (и военных, и гражданского населения – добавлю сейчас. – Л. В.) масс».

Книга оставила у меня на всю жизнь, помимо прочего, прекрасное впечатление от ее автора. Думаю, что она была одним из первых мемуарных свидетельств того порядка и уровня управления войсками, которые в решающей мере зависели от Сталина и стали одной из главных причин гигантских потерь в них на начальном этапе войны. Именно эта горькая правда и явилась, надо полагать, причиной развернувшегося поношения книги. Более того, в то время ходили упорные слухи, что она была изъята из массовых библиотек – как и вышедшая в том же году и подвергшаяся разгрому книга А. М. Некрича «1941, 22 июня», где рассматривались причины трагических событий на фронтах после нападения фашистской Германии на СССР. Видимо, эта история и вся дальнейшая, растянувшаяся на несколько десятилетий, нечистоплотная возня сталинистки настроенных руководителей идеологии вокруг военных мемуаров и даже научно-исторической литературы повлияла на Ивана Христофоровича настолько, что, включая в следующие свои книги часть текста из «Города-воина на Днепре», он существеннейшим образом изменил свою позицию. Теперь критика Ставки и лично Сталина оказалась снятой или резко ослабленной и, более того, появились сюжеты, оправдывающие то, что в свое время было трагедией для страны, не говоря уже об авторе и его героях, сражавшихся вместе с ним в памятном 41-м. И пусть простит меня ушедший из жизни наш заслуженно уважаемый полководец, эти новые мотивы в глазах любого непредвзятого читателя выглядят так же вызывающе противоестественно, как, скажем, парчовая заплатка на рубище нищего.

Да и мог ли сопротивляться маршал Баграмян фальсификации истории от его имени, если под напором боссов от идеологии, прикрывавшихся, конечно, заботой об исторической правде и интересах партии и государства, был вынужден сдаться сам Георгий Константинович Жуков?! За спиной И. И. Чиквишвили, который приписывал себе все «лавры» в этом отношении и с удовольствием брал на себя ответственность за такие деяния, маячили куда более весомые фигуры. И мы, работники Отдела пропаганды, отлично знали, что он не мог и пальцем пошевелить в столь серьезных вопросах без санкции А. Н. Яковлева, истинные роль и лицо которого в то время особенно ярко и однозначно проявились в истории с мемуарами Г. К. Жукова.

Насколько мне известно, именно его мемуары подверглись наибольшему вивисекциям, а по существу – прямым фальсификациям. Но здесь свою «славу» Яковлев по праву делит с тогдашним директором издательства Агентства печати «Новости», где в 1969 г. вышло первое издание «Воспоминаний и размышлений» маршала, В. Г. Комоловым.

Он был одним из наиболее заметных студентов на первом из моих курсов на экономическом факультете МГУ (из-за ареста их у меня, родных, два: с первым я начинал учиться, а со вторым заканчивал). Так что

карьера Вадима, на мой взгляд, была вполне естественной: хороший ум давал о себе знать. Мы были с ним достаточно дружны и взаимно открытвенны. Правда, мне не нравились его самовлюбленность, самоуверенность и слишком явный карьеризм, но в конечном счете его интеллектуальные качества казались мне более значимыми.

А с «Аэном» он был, о чем говорил взхлеб, в самых тесных отношениях, особенно укрепившихся в связи с их совместной работой над рукописью Жукова. По рассказам Вадима, в первоначальном авторском варианте книга была открыто и резко антисталинской. Но и Комолов, и Яковлев стояли на противоположных, сугубо просталинских и просталинистских позициях. В результате же длительной, нелегкой и «тонкой» работы с автором явный (Комолов) и закулисный (Яковлев) редакторы не только вымарали из рукописи негодные им тексты, но и внесли в нее, по словам первого из них, 10 печатных листов, т. е. примерно 250 (!) машинописных страниц просталинского толка. Писал их Комолов в основном в Центральной клинической больнице (ЦКБ), где он находился в течение чуть ли не полугода по поводу гипертонии и где ему специально для литературной и редакторской работы были созданы идеальные условия. Я же приезжал туда навещать больную мать, и мы с ним неоднократно вели беседы по поводу этой его деятельности. По словам Комолова, именно он был автором чуждых первоначальному замыслу Жукова текстов, но решающая роль принадлежала Яковлеву. «Мы вместе с ним, – говорил Вадим, – прорабатывали каждую фразу». В конце концов он так сумел войти в контакт с Жуковым, что тот в предисловии к первому изданию выразил ему особую благодарность. Потом Комолов попал в какую-то уголовно наказуемую историю. После его ареста и осуждения за материальные злоупотребления по службе¹ в новых изданиях книги эти слова из нее исчезли, а теперь, при «демократии», опять появились.

История с мемуарами Г. К. Жукова на этом, однако, не закончилась. В 1988 г. Р. А. Медведев в газете «Московский комсомолец» высказал серьезные подозрения по поводу того, что в книгу Жукова «вписывались целые главы, абзацы, строчки, которые он не писал». В ответ Комолов там же опубликовал насквозь лживую статью, в которой отрицал этот факт и соответственно свою причастность к появлению в мемуарах маршала просталинских пассажей. Поскольку в свое время я прямо показывал Вадиму места в книге, которые фактически принадлежали ему, что было очевидно и по смыслу, и по стилю (и он подтверждал правильность таких наблюдений), а сам Яковлев, деликатно говоря, хорошо знал историю вопроса, я отправил ему в 1989 г. письмо с напоминанием об этих событиях. Поводом же для такого обращения послужил выход в

¹ На стадии следствия, когда причины привлечения Вадима к ответственности были еще не ясны, я добросовестно передавал его обращенные к Яковлеву просьбы о помощи, и тот, как можно было заметить, пытался по крайней мере выяснить степень обоснованности возникших претензий.

свет десятого издания мемуаров, в котором были восстановлены и даже выделены фрагменты, *вымаранные* из рукописи Жукова. Тем самым текст в какой-то мере приблизился к первоначальному замыслу автора. Но при этом в книге остались чужие *вставки*! Конечно, Георгий Константинович их подписал, и историю, как говорится, не переделаешь: очевидно, они должны навсегда остаться в «Воспоминаниях и размышлениях». Но эти фрагменты, подобно вычеркнутым, по отношению к которым справедливость, как говорится, восторжествовала, необходимо было бы тоже обозначить особым образом (скажем, хотя бы квадратными скобками), чтобы сделать еще один шаг к восстановлению исторической правды и истинного образа мыслей автора мемуаров. (Кстати, аналогичную работу стоило бы выполнить и в других подобных изданиях, где это возможно, естественно.)

Мне очень хотелось бы провести скрупулезное сопоставление прежних и последних к настоящему моменту – десятого и одиннадцатого – изданий «Воспоминаний и размышлений», оценить по достоинству характер и степень их фальсификации. К сожалению, я смог просмотреть лишь ранее вычеркнутые из книги сюжеты. Но даже беглое ознакомление с ними вызывает стойкое чувство отвращения по отношению к тем, кто заказывал и кто осуществлял такую беспредельно грязную работу. Чтобы хоть сколько-нибудь отмыть мемуары от ее результатов, пришлось бы решить, по крайней мере, три задачи. Первая – дать политический и исторический анализ вычеркнутого материала. Вторая – выявить и тоже проанализировать чужеродные тексты. И третья – рассмотреть, каким образом в последних изданиях соединялось несоединимое – критика Сталина и сталинизма, с одной стороны, и их восхваление – с другой. Все это дало бы нелицеприятную картину эпохи, показало бы действительный облик нашего общества, реальный механизм управления им, особенно – обработки сознания огромных масс людей в заданном направлении и циничное, наглое использование для этого, далеко не в последнюю очередь, всесторонней и глубокой фальсификации истории.

Такой анализ показал бы, между прочим, что трагическая социальная утопия, роман Джорджа Оруэлла «1984» – замечательный по своей разоблачительно-обвинительной силе, по точности и тонкости описания психологических аспектов жизни в условиях тоталитаризма, во многом был слепком и вместе с тем предвидением нашей действительности во времена не только Сталина, но и его наследников. Не перечисляя всех удручающих совпадений романа и реальности, напомним об одном: у нас тоже было свое «Министерство Правды» (незримое, конечно), в худших сталинских традициях перелицовывавшее прошлое по сиюминутным конъюнктурным меркам. История с мемуарами Жукова – один из бесчисленных примеров подобной деятельности. Конечно, самому мне уже не удастся провести сопоставление изданий этой книги, но надеюсь, что чей-то пытливым молодой ум когда-нибудь возьмется за эту проблему – тем более что в архивном фонде маршала какие-то материалы, связан-

ные с «обработкой» его мемуаров, сохранились – и внесет свой вклад в нелегкий процесс очищения отечественной истории от бесчисленных ее перекроек, начатых при Сталине и продолжающихся (с прямо противоположным знаком!) до сих пор.

К сдаче позиций Георгия Константиновича подвела, по-моему, вся его послевоенная жизнь. Общеизвестные факты изгнания маршала с высоких государственных и партийных постов дополняются теперь впервые опубликованными материалами из сборника «Военные архивы России». Содержащиеся в нем документы показывают, как против него готовились провокации еще при Сталине, практически сразу после войны, как выбывались из близких ему людей компрометирующие его показания, подслушивались телефонные разговоры, проводились негласные обыски квартиры и дачи, лепилось громкое «дело» о нем как руководителе очередного заговора против самого Генералиссимуса. Ощущение гадливости вызывают документы, поступавшие Хрущеву, – доносы то одного, то другого председателя КГБ о высказываниях Жукова по разным вопросам, информация о его вызовах в связи с этим в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, «некоторые сведения, полученные в последнее время о настроениях *бывшего Министра обороны Жукова Г. К.*», сообщение о намерении КГБ во время отпуска Георгия Константиновича принять «меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний», запись подслушанного разговора его с женой о вызове в ЦК, где товарища маршала «предупреждали о некоторых вещах», записка Жданову, в которой Жуков дает объяснения по поводу разных действительно произнесенных или приписываемых ему слов и совершенных поступков... Многолетняя травля не могла не сказаться даже на таком волевым человеком, как Жуков, постепенно приучила его, видимо, к мысли о том, что плетью обуха не перешибешь. Иначе я не могу объяснить себе, как могли обломать его Комолов, Яковлев и те, кто стоял за ними.

В последнее время появились добросовестные, на мой взгляд, изыскания, направленные против мифологизации истории Великой Отечественной войны, всяческих крайностей в оценке ее событий и их участников. Естественно, речь идет при этом и о такой крупной фигуре, как Г. К. Жуков. Не включаясь в дискуссию по этим вопросам, считаю важным изложить то, что мне известно, и делаю это по двум причинам. Во-первых, ради исторической правды. Во-вторых, потому, что сам Георгий Константинович (это тоже обнародовано сравнительно недавно: *Н. Павленко*, статья в «Военно-историческом журнале»; *А. Антонов-Овсеенко*. «Портрет тирана»; *В. Карпов*. «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира») перед кончиной признавался с грустью и горечью: «Книга воспоминаний наполовину не моя» и даже – «Это не моя книга».

Допускаю, что незванные соавторы его воспоминаний могут сказать: М. А. Суслов был против публикации книги Г. К. Жукова и наша работа

над нею была направлена на ее спасение, тем более что эта история при-
шлась на период, когда разворачивалась кампания по «ликвидации пе-
рекосов (?) в борьбе с культом личности». И правда, книга Жукова вышла
в свет весной 1969 г., а зимой, в день 90-летия со дня рождения Сталина,
в «Правде» была опубликована статья, по существу ревизирующая ряд
принципиальных позиций уже упоминавшихся съездов партии и поста-
новления ЦК по проблемам преодоления культа личности и его послед-
ствий¹. Кто же был ее основным автором и скрупулезным редактором?
Читателю уже ясно и без моих слов: конечно, А. Н. Яковлев. Может быть,
он прояснит когда-нибудь историю этой непристойной политической ак-
ции и, допустим, скажет, что такая статья все же смягчала простилинист-
ские настроения ряда высших партийных руководителей того времени.
Но даже если действительно так и было, недооценивать его личный вклад
в восстановление и раздувание сталинистских тенденций в тогдашней
идеологии, мне представляется, нет никаких оснований.

В подтверждение – самый свежий эпизод из несвежей истории, опуб-
ликованный в книге «Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти»
(2003 г.): главный редактор журнала «Советский Союз» Н. М. Грибачев
уже много позже XX съезда КПСС на заседании редколлегии бьет кула-
ком по столу и восклицает: «Правильно Александр Николаевич Яковлев
говорит: «Надо вернуть народу имя Сталина!»

Мигель де Сервантес Сааведра – творец бессмертного «Дон Кихота
Ламанчского», будучи великим гуманистом, тем не менее полагал, что
«лживых историков следовало бы казнить, как фальшивомонетчиков».
Не решаюсь поддержать его предложение, поскольку это коснулось бы
слишком многих деятелей исторической и иных, сопряженных с нею
наук, но все же хотелось бы призвать участников фальсификации мему-
аров и других подобных акций хоть в какой-то мере исправить учинен-
ное ими зло, памятуя слова самого автора «Воспоминаний и размышле-
ний»: «Историю пытались обмануть и обхитрить, бесполезно... Надле-
жащую службу своему народу можно сослужить только правдой и борь-
бой за нее...»

¹ Ее предварительный вариант обсуждался на заседании Политбюро.

Глава 11

«ТВОЙ ОТЕЦ БОЛЬШЕ ГОДА СМЕЯЛСЯ НАМ В ЛИЦО...»

*Лубянка. – Лефортово. –
«Живым ты от нас не выйдешь». –
Этап в лагерь. – Все по закону.*

Пожалуй, каждому человеку труднее всего сохранить верность правде, истине, когда он должен рассказать о себе, не приукрашивая задним числом своих мыслей, чувств и поступков, но и не занимаясь самобичеванием, если для этого нет серьезных оснований. Попробую справиться с такой задачей в завершающей части краткого «отчета» о своем собственном тюремно-лагерном опыте – малой капле в море пережитого миллионами советских людей.

После ареста нашего отца мы с моим младшим братом, пока в МГБ из ничего продолжали стряпать «ленинградское дело», в течение 14 месяцев 1949–1950 гг. оставались на свободе. Эрнест за это время успел, к счастью, окончить школу и поступить, несмотря на чинившиеся ему препятствия, в вуз, а я перешел уже на пятый курс. Более того, как выяснилось впоследствии, нас, выпускников, заранее распределили, причем наши многомудрые университетские наставники, не поинтересовавшись моим мнением (наверное, это было все-таки предварительное распределение), вместе с еще одним фронтовиком наметили направить меня на какую-то аналитическую работу в ... МГБ! Может быть, я ошибаюсь, но думаю, что таким образом наш замечательный декан и редкостный человек Иван Дмитриевич Удальцов хотел повысить мои шансы не попасть туда в другом качестве. Конечно, если бы дело дошло до официального предложения работать там, я вынужден был бы его отклонить хотя бы потому, что видел свое будущее в университетской научно-исследовательской и преподавательской деятельности (еще не понимая должным образом элементарной истины: этот путь для «члена семьи врага народа» закрыт). Однако желание тогдашнего главы МГБ Абакумова как можно скорее увидеть меня не столько в рядах своей организации, сколько в ее стенах, было, очевидно, так велико, что он не стал ждать весны, когда студенты сдают государственные экзамены, получают дипломы и направления на работу, а уже осенью «пригласил» меня на Лубянку.

Сделал он это вполне традиционным в те годы способом, прислав ко мне домой в ночь на 20 октября 1950 г. «группу товарищей» с орденом

на арест. На всю жизнь запомнился этот, можно сказать, любовно, художественно-каллиграфически оформленный листок, на котором особенно дорогие сердцу министра Госбезопасности слова «Арест» и «Обыск» были изображены именно так, с заглавной буквы. Впечатляла своим уверенным размахом и роскошная, зелеными чернилами выполненная подпись – «Абакумов». На этой бумаге не было подписи прокурора, но стоило ли считаться с такой правовой формальностью, когда речь шла о Безопасности самого Государства?!

Возможно, я сам ускорил свой арест на неделю-другую, сказав друзьям по телефону, что на днях предполагаю ненадолго съездить в Ригу (через несколько лет мне довелось прочитать рапорт с записью того разговора). Впрочем, вполне вероятно и более простой ход событий: много позднее выяснилось, что именно этой ночью в Москве и в Ленинграде были арестованы почти все, а чуть позднее и буквально все наши родственники – от 84-летней бабушки до моей 8-летней сестры. Но в то время я об этом не знал и даже решил, что нет худа без добра: все-таки в тюрьму легче и удобнее уходить из дома, чем из какого-нибудь чужого места. Да и в целях экономии государственных средств целесообразнее доставить меня на Лубянку из Дома на набережной в Москве, нежели этапировать из другого города. И опять-таки исходя из высоких соображений, стоило пренебречь какими-то там официальными правовыми нормами и заранее арестовать членов семей еще не осужденных людей, но, как достоверно знало руководство МГБ, задолго до так называемого суда назначенных Сталиным на убой, о чем уже рассказано выше.

Но даже такая совершенная машина сыска и уничтожения людей, как сталинско-бериевское МГБ, все же порой давала сбои: приехавшие за мной сотрудники были немало удивлены, увидев в квартире еще и моего брата (сокращенный вариант воспоминаний которого читатели найдут в Приложениях). Разумеется, эту оплошность быстро исправили – его арестовали следующей же ночью и тем самым закончили сосредоточение за тюремными стенами всех, кто имел кровное родство с отцом или входил в состав его семьи хотя бы и в прошлом.

Перед тем как навсегда покинуть свой дом, я, прощаясь с братом, сказал ему:

– Что бы с нами ни случилось, помни всегда: наш отец ни в чем не виноват!

Тем самым я, как эстафету, передал ему слова отца, сказанные мне незадолго перед его арестом.

...Итак, машина прошла через гостеприимно распахнувшиеся огромные ворота в здании на Лубянке, и я досрочно оказался там, куда меня собиралась направить комиссия по распределению выпускников экономического факультета Московского государственного университета. В памяти осталось огромное помещение – то ли холл, то ли зал,

где и произошло первое знакомство со вскоре ставшей такой обыденной процедурой – дотошным обыском каждой складки в одежде и даже на теле.

И тут произошел примечательный эпизод. Принимал меня в новом месте и в новом качестве пожилой капитан. Заполняя соответствующие бумаги, он задавал необходимые по такому случаю вопросы. В гулком зале с высоченным потолком мои ответы рокотали так громко (в то время у меня был сильный низкий голос), что капитан, проникшийся к новичку чем-то вроде сочувствия или симпатии, несколько испуганно прошептал:

– Тише, тише говорите, молодой человек: тот, кто у нас говорит тихо, еще иногда (! – *Л. В.*) отсюда выходит...

И какой-то беспомощный, что ли, смысл, и теплая тональность этой фразы-предупреждения, подсказки благодарно запомнились навсегда, как и другие редкие проявления человечности и дружелюбия со стороны того или иного «гражданина начальника». (Именно так полагалось называть всех, начиная с солдата-новобранца из охраны, окружавших заключенных своим поистине неусыпным круглосуточным «вниманием». Меня от такого обращения тошнило, и я умудрился за все годы неволи ни разу к нему не прибегнуть.)

Ненадолго приостановившийся было конвейер покатился дальше. После оформления бумаг и обыска меня наголо остригли, сфотографировали в фас и в профиль, сняли отпечатки пальцев, описали приметы, пропустили через душ, вернули выпотрошенные фуражку и шинель – и я приобрел, можно сказать, полноценный облик заключенного.

Уже под утро меня водворили в так называемый бокс – микроскопическое помещение, где можно было только стоять или сидеть на узкой скамеечке – треугольнике, врезанном в угол. Такой же небольшой треугольник заменял стол. Войдя в эту конуру, я положил руки на «стол», голову – на руки и тотчас... заснул. По-видимому, это была инстинктивная защита организма от навалившихся психологических перегрузок. Вскоре, однако, меня разбудили и через несколько часов перевели в камеру побольше – узкое помещение, где все же можно было сделать три-четыре шага вдоль стены.

Похоже, камеру сравнительно недавно приводили в порядок (не ради меня, конечно) и делали это второпях: между верхней и нижней частью ее стен, покрашенных в разные, но темные цвета, шла разделительная полоса, проведенная по еще сырой краске, в результате чего образовались причудливые потеки в виде зубцов, башенок и тому подобных архитектурных сооружений. При желании в этом можно было увидеть контуры города за рекой, и я часами вглядывался в них, находя какое-то сходство с родным Ленинградом, хотя, наверное, то было лишь игрой воображения.

Слишком долго скучать, однако, не пришлось. В первый же день меня повели по каким-то безлюдным, будто вымершим, коридорам и

переходам (мне показалось, что их было очень много) Внутренней тюрьмы, подняли на лифте и остановили перед высокой и мощной стальной дверью, возле которой за столиком сидел охранник. Между ним и конвоиром произошел какой-то разговор шепотом, охранник взял лежавший на столе журнал движения через «его» дверь и, прикрыв нужную страницу металлической пластиной с передвижной прорезью, удостоверился в совпадении моей фамилии с записанной в обнажившейся таким образом строке. Затем он дал сигнал коллеге по другую сторону двери (или второй двери?), которую тот и отворил. Мы с конвоиром прошли в нее, после чего таинственная процедура идентификации повторилась и там, и наше путешествие продолжилось по коридорам, теперь уже устланным ковровыми дорожками, по которым время от времени весьма энергично и с очень деловым видом, бросая тем не менее любопытные взгляды в нашу сторону, передвигались люди в форме офицеров МГБ. Было ясно, что мы находились в святой святых – в недрах Министерства Государственной Безопасности СССР (именно так – все слова с заглавных букв – именовалось оно во многих официальных документах).

Наконец я был введен в большой кабинет, покрытый толстым ковром, и очутился лицом к... нет, не к лицу, а к наклоненной голове сидевшего за массивным столом человека в штатском. Его физиономия была закрыта, мне показалось, париком таким образом, что сброшенные вперед волосы выполняли роль чадры, сквозь которую его хозяин, как через тюлевую занавеску, видел все, а извне что-либо различить за ней было практически невозможно. Так и не подняв головы и поэтому исподлобья глядя на меня, он задал мне несколько совершенно формальных биографических вопросов, ответы на которые ему были явно известны заранее. Воспользовавшись возникшей паузой, я спросил, в чем состоят претензии ко мне, и, сославшись на законодательство (а незадолго перед арестом в моем матрикule как раз появилась «пятерка» за экзамен по «Теории государства и права», сданный блестяще, так как у меня уже появилась очень, очень большая заинтересованность в хорошем знании именно этого предмета), заявил, что настаиваю на предъявлении мне обвинения, поскольку не имею представления о том, почему нахожусь в тюрьме. И в ответ услышал «успокоительное»:

– О, не беспокойтесь: у нас более чем достаточно времени, чтобы по закону предъявить вам обвинение!

Формальный, чтобы не сказать пустой, разговор лучше всяких слов показал, что это были просто смотрины, и по их завершении меня с теми же предосторожностями препроводили обратно в камеру. Сродниться с нею я, правда, не успел, так как через несколько дней меня погрузили ночью в так называемый «черный ворон», в арестантском быту нежно именуемый «воронком» (тюремную грузовую машину с закрытым металлическим кузовом – поясию для непосвященных, если таковые вдруг обнаружатся). После не слишком долгой поездки, по ощуще-

ниям, на каком-то «пяточке» открылась задняя – и единственная – дверь машины, вплотную вписавшаяся в другую распахнутую дверь здания. Так что с его внешним видом мне познакомиться не удалось, и только из выданных по результатам очередного тщательного обыска квитанций на «имущество» я узнал, что нахожусь в печально знаменитой Лефортовской тюрьме.

Именно там, через несколько недель, когда начались допросы, приоткрылась завеса над странной «беседой» на Лубянке.

– Вы хоть знаете, *кто* вас допрашивал в первый раз? – понизив голос до почтительного – не ко мне, естественно, – полушепота, спросил меня следователь.

Я вполне искренне-равнодушно пожал плечами.

– Ну и ну, ведь это же был Сам... – тут шепот превратился в еле слышное придыхание, – Лаврентий Павлович!

(У меня были опасения, что читатели воспримут эпизод с париком за сюжет из дурного детектива, но недавно в воспоминаниях С. Аллилуевой и в книге Ю. Семенова «Отчаяние» я обнаружил свидетельства того, что Берия нередко прибегал к такому приему маскировки, участвуя в допросах и пытках.)

Почему я был удостоен столь «высокой чести», однозначного и достоверного ответа на этот вопрос у меня нет. А в тот момент я вообще не придавал этой информации большого значения, однако позднее понял, что встреча с Берией, по-видимому, в какой-то мере предопределила и будущий приговор мне, и соответствующий характер содержания в тюрьме и на этапе, и, самое главное, мои перспективы на дальнейшую жизнь.

«Отвели» мне камеру № 34, по рассказам бывалых «лефортовцев» – из числа самых тяжелых: холодную, сырую одиночку, где я и был на долгие дни и короткие ночи (ни лежать, ни тем более спать до отбоя не позволялось) предоставлен самому себе. Все законные сроки предъявления пусть и незаконного обвинения давно прошли, и я решил бороться за это свое формальное право.

С чего начать? С голодовки, естественно, как и полагалось, судя по историко-революционной литературе, попавшему в неволю. А поскольку было ясно, что руки мне выкрутят сразу, как только будет сделано такое заявление, я решил совершить намеченное явочным порядком. Действительно, пять дней, без всякого изъятия, я выливал пищу (это слово стоило бы взять в кавычки) в так называемую парашу и, почувствовав первые результаты голодовки, перешел к следующему пункту своей программы – подготовке самоубийства как форме протеста.

На узкой части стены, не просматривавшейся через волчок в двери, я написал мылом – ничего другого, более подходящего, в камере не имелось – протест против незаконности моего содержания в тюрьме. Сейчас помню лишь, что там были, как я думал тогда, в пику тюремщикам слова «Ухожу из жизни коммунистом», которым, кстати, в то время я уже являлся – и не только формально.

Скажу попутно: кандидатом в члены КПСС я стал в 19 лет, членом партии – в 20 и шел в нее потому, что к этому времени увидел уже немало несправедливостей и людских страданий, в том числе по вине всяческих «начальников» низшего и среднего ранга. В то время мои представления о механизме управления обществом еще не поднимались до высших, как много позже стали говорить, «эшелонов» власти и не углублялись до ее корней. Поэтому свою задачу я видел тогда в том, чтобы, став членом партии, получить возможность всерьез бороться с теми чиновниками и чиновничками, которые, поднявшись на вершок над народом, удобно усаживались у него на шее, да еще и гадили в души людей, вызывая у них раздражение, а то и ненависть не столько по отношению к себе, сколько к олицетворяемому ими в глазах масс самому советскому строю. В общем, при всей наивности этих представлений они во многом определяли в те годы мои жизненные установки и поступки.

...Так вот, чтобы исполнить задуманное, нужен был инструмент, и я его нашел – ручку от железной кружки. Казалось, она была намертво припаяна к корпусу. Но выяснилось: если в течение нескольких дней ее осторожно, но упорно расшатывать, она поддастся и в нужный момент окончательно оторвать ее будет уже вполне возможно. Правда, концы этой ручки не очень напоминали бритву, но все же они были достаточно тонкими, чтобы рвануть ими вены.

Но тут я несколько просчитался в своих планах и действиях. Конечно, и голодовка, и надпись мылом, и даже острая ручка от кружки не гарантировали того, что мой протест в такой форме, даже если его удастся довести до логического конца, вызовет сколько-нибудь серьезный резонанс в органах МГБ и тем более за их пределами. А без этого акция самоуничтожения никакого смысла не имела. И я решил подкрепить всю свою подготовительную работу письмом Сталину. На эту мысль меня навели глаза одного из надзирателей. Мне показалось, что совсем молодой служивый смотрел на меня с искренним сочувствием и, быть может, даже с готовностью чем-то помочь. Его я и хотел попросить бросить мое письмо, точнее, записку, состоявшую из одной фразы, в почтовый ящик. Но сначала надо было записку изготавить.

Бумага у меня была: квитанция на изъятую медаль, полученную по окончании школы. Пером стала соломинка из веника. Ну а чернила, за неимением другого, должна была заменить собственная кровь. Проблема состояла в том, как ее добыть из самого себя. Решение нашлось в подошве моего офицерского сапога, откуда удалось извлечь плохо державшийся ржавый гвоздь прямоугольного сечения с тупым откушенным концом. Ребром этого квадратного конца можно было попытаться пропилить кожу на пальце, чем я и занялся.

Дело, как, собственно, и все предыдущее, т. е. выбрасывание пищи в парашу, писание на стене, расшатывание ручки, осложнялось тем, что при полной тишине за стенами камеры волчок оживал с завидной регулярностью через каждые двадцать–тридцать секунд, и все недозволен-

ные поступки приходилось совершать буквально в считанные мгновения. Тщательно отработав в уме текст, сделав его максимально кратким, жестким по тону и конкретным по содержанию, я стал – с такой же оглядкой на волчок – пилить кожу на пальце. Тупой гвоздь, хотя и с «островатым» ребром – не лучшее орудие для этого, но в конце концов, пройдя много ее слоев (невольнo вспомнилось – *«семь шкур с тебя спущу»*), до крови я добрался. Ну а затем, действуя практически одной рукой, так как левая была «чернильницей», которую к тому же приходилось постоянно «пополнять», т. е. дополнительно пилить и выжимать новые капли, я секунд за пятнадцать должен был исполнять почти цирковой номер: достать листок – прижать его к стене – открыть и пополнить «чернильницу» – обмакнуть соломинку – написать букву или часть ее – спрятать бумагу – принять невинный вид. Затем цикл повторялся до завершения записки.

Что в ней было – буквально воспроизвести через столько лет не могу. Помню лишь, что это обращение к Председателю Совета Министров СССР было не просьбой о помощи, а протестом против содержания в тюрьме без предъявления обвинения. А вот последствия этого послания сохранились в памяти хорошо. Как только молодой надзиратель открыл «кормушку» – окошко в двери, через которое подавали пищу, – я спросил его, не сможет ли он бросить в почтовый ящик записку. Бог мой, что тут началось! С грохотом захлопнулась «кормушка», загремели сапоги бегущего от камеры человека, затем раздался топот многих ног, залязгали замки и в камеру ворвались начальник тюрьмы и еще какие-то ее служители. Экспресс-допрос перемежался угрозами применить разные кары, но самым убедительным аргументом для меня оказалась фраза: «Если вы немедленно не прекратите голодовку, мы будем вводить вам пищу насильно, через задний проход!». Перед такой малоэстетичной перспективой я сдался. И все же попытка протеста, говоря словами одного из моих будущих, послелагерных руководителей, «пропала даром»: в ту же ночь состоялся первый допрос.

Позднее я понял, почему меня, как и некоторых моих родственников, держали в тюрьме, не допрашивая. Дело было не только в том, что к моменту нашего ареста формально приговор отцу еще не был вынесен и следствие не имело пока на руках все нужные ему «карты», но и в том, что арестованных стремились таким путем сломить психологически, показать им абсолютную бесправность их положения, бессмысленность какого-либо сопротивления механизму, который без всякой оглядки на государственные законы и права человека отныне будет перемалывать их судьбы. И я даже допускаю, что следственный аппарат воспринял мою акцию как вполне успешный результат его психологических приемов.

Так или иначе, но воз с места сдвинулся, и именно в ту ночь я и увидел те стертые ступени, о которых рассказано в начале книги. С невольной осторожностью поднявшись по ним, я очутился в следствен-

ном корпусе Лефортовской тюрьмы, в кабинете «моего» следователя. Им оказался некий майор Госбезопасности (что по тогдашним временам приравнивалось к армейскому полковнику) А. Белов. Теперь, почти через полвека после этих событий, я впервые, когда ему ничего не грозит, называю его фамилию. Делаю это только сейчас из чувства... благодарности. За что? Отвечу чуть ниже.

Как только он представился: «Старший следователь Следственной части по Особо Важным Делах (и эти слова чаще всего тоже писались с заглавных букв) МГБ СССР...» – я понял, что от этого подразделения можно ожидать того, что по нормальной логике невозможно или, по крайней мере, маловероятно: студент – и «особо важные дела»?! И действительно, смысловая, если так можно сказать, часть допроса началась с классического для тех времен штампа:

– Рассказывайте о вашей преступной деятельности.

Естественным ответом было:

– Мне нечего об этом рассказывать – такой деятельностью я не занимался.

В течение многих часов с разных сторон следователь пытался выжать из меня «признание», цепляясь за самые нелепые поводы. Запомнилась долгая «дискуссия» на тему: «Вот откуда корни твоей преступной деятельности!». Они таились, по его мнению, в принадлежности моих предков и со стороны отца, и со стороны матери к духовному словию. Долгое время мы спорили по «принципиальному» вопросу: со стороны отца «служителем религиозного культа» был дед – по версии следователя или прадед – по моим сведениям? Закончился этот дурацкий, другое слово подобрать трудно, спор такими репликами:

– И фамилия-то у тебя поповская!

– Ну, знаете, в конце концов Сталину она очень нравилась многие, многие годы!

Как ни странно, этот аргумент подействовал – тема была закрыта.

На столе у следователя лежали изъятые при обыске фотографии, из которых он выбрал женские.

– Кто такая? Как фамилия?

– Не помню уже, – тут я врал безбожно и, наверное, глупо. – Студентка, кажется. Давно встречались, теперь и имя позабыл...

– Какие были отношения?

– Дружеские.

Подобные ответы на одинаковые вопросы шли до тех пор, пока следователь не заорал:

– Да что же, ты дожил до 24 лет и никого не ...?

Тут вскипел и я и тоже рявкнул:

– Да!! Считайте, что я занимался онанизмом!

Мой «собеседник» опешил, а затем расхохотался и отбросил фотографии. Тема и этой части допроса была закрыта, я никого не подвел, в моем «деле» не оказалось ни одного женского, как, впрочем, и мужского.

го, имени (кроме родителей, естественно), что было для меня в высшей степени важно в моральном отношении. Факт этот и стал одной из причин того, что, вернувшись через несколько лет в Москву, я не только не разыскивал «своего» следователя, но и не называл нигде его фамилии.

Современному читателю, наверное, трудно понять, насколько это было существенно и для меня, и для тех, чьи имена пытался выяснить следователь. В полной мере я сам осознал это только в лагере, когда познакомился с историями других заключенных. Дело в том, что практически из всех арестованных мужчин и женщин «выжимали», выбивали имена близких им людей. Этим преследовалась двоякая цель: если для арестованного данный человек был дорогим, его можно было тоже вовлечь в машину репрессий и тем самым нанести удар по самым чувствительным струнам души подследственного, ослабить его волю к сопротивлению; если бывший дорогой человек в чем-то затаил обиду, ему можно было предложить дать какие-нибудь показания, в том или ином отношении компрометирующие или хотя бы унижающие подследственного. Так что с точки зрения интересов МГБ копание в нижнем белье арестантов имело для допрашивающих не только садистически-развлекательное, но и вполне практическое значение.

...В общем, мы долго и бесплодно «крутились» вокруг предложения мне признаться в преступной деятельности, пока в кабинет не вошел небольшого роста полковник, перед которым майор вскочил и, застыв по стойке «смирно», отрапортовал:

– Товарищ полковник! Производится допрос подследственного Вознесенского Льва Александровича!

– И что он показывает? – суровым начальственным тоном спросил тот.

Следователь расслабился и картинно развел руками:

– Не рассказывает Лев Александрович о своей преступной деятельности, не рассказывает...

– А Вы предъявили ему обвинение?

– Нет еще.

– Так предъявите! – жестко приказал полковник и, круто повернувшись, энергично вышел из кабинета.

Сейчас уже не помню (к сожалению, слишком часто – прошу извинить – мне приходится повторять это слово) его фамилии: это был, скорее всего, начальник Следственной части по особо важным делам Леонов или его помощник Сорокин, непосредственно занимавшиеся до того времени «делом» моего отца, а затем курировавшие создание «дел» на членов его семьи.

Обвинение было предъявлено и состояло в том, что я принимал активное участие в преступной деятельности моих родных. Но в чем их обвиняют, я пока не знал и, более того, до возвращения в Москву так и не узнал. Это не помешало, однако, провести второй тур допроса, в ходе которого произошел еще один памятный эпизод. На постоянные и го-

лословные заявления следователя о «государственных преступлениях» моего отца я столь же упорно отвечал, что уверен в его невиновности и знаю его как человека самой высокой порядочности. Наконец, следователю надоело такое упрямство, и он, схватив толстую пачку моих и брата заявлений в защиту отца (которые мы, студент и школьник, пока оставались на свободе, направляли Сталину, другим «высокопоставленным» лицам, кроме Берии, Маленкова, Кагановича и Вышинского, заведомо зная, что спасти отца наши бумаги не смогут, что они отовсюду соберутся в одном месте – в МГБ, в моем, как старшего сына, «деле», – но мы должны были использовать даже тень надежды на то, что эти письма хоть чем-то облегчат его положение), хлопнул ею по столу, ударил по нему кулаком и заорал:

– И ты еще смеешь защищать своего отца?! Ну и крупный же ты враг Советской власти!

Услышав такую тираду, я громко и от души... рассмеялся, хотя обстановка к такой реакции явно не располагала: на столе у следователя лежали орудия убеждения, а на стене за моей спиной были выбоины явно от пуль (пугали, что ли, кого-то из арестантов?). Смех мой взбесил следователя окончательно, и он снова закричал в полный голос:

– Смеешься? Твой отец больше года смеялся нам в лицо, когда мы называли его врагом народа! Теперь, наверное, смеется в другом месте!

Не давая ему остыть, я, подавшись вперед, быстро спросил:

– Это правда?

– Разве наши органы обманывают? – ответил он и сгоряча (или обдуманно?) бросил мне том с материалами по «делу» отца.

(Эпизод этот я описал, вернувшись в Москву, в заявлении в КПК о восстановлении отца в партии.)

Понимая, что, опомнившись, он у меня том отберет, я сразу открыл последний лист и увидел: расстрел. Тут же взглянул на первую страницу, выхватив из текста начало протокола допроса: «Где и когда вы познакомились с Андреем Александровичем ...?». И: «Где и когда вы познакомились с Алексеем Александровичем ...?». В этот момент следователь вырвал у меня папку, но и увиденного было достаточно для вывода: обвинения связаны, скорее всего, с деятельностью отца в Ленинграде, раз речь идет о не названных в тексте фамилиях руководителей города в предвоенное, военное и первое послевоенное время – А. А. Жданове и А. А. Кузнецове. Впрочем, любые обвинения в тот момент были уже не важны на фоне давно предвиденной и все же невыносимо ужасной новости: отец погиб...

Эта сцена искренней или разыгранной ярости следователя, давшая мне самую важную на всю жизнь информацию: «Смеялся нам в лицо!» – была второй и последней причиной моего послелагерного нейтралитета по отношению к нему.

Полагая, очевидно, что теперь-то арестованный психологически сломлен, следователь продолжал настаивать на том, что я «принимал

активное участие в преступной деятельности» моих родных. В конце концов эти глупости мне уже настолько надоели, что пришлось сказать:

– Вы утверждаете, что мои родственники совершили государственные преступления. Но если у члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров страны и так далее, и у министра, одного из руководителей Общеславянского движения в мировом масштабе и прочее, помощником был недоучившийся студент, то их «преступления» не стоят и ломаного гроша.

Подумал-подумал следователь над такой логикой и заявил:

– Ну, хорошо. Предъявим тебе другое обвинение: ты знал об их преступлениях, но не донес...

Опять началось многочасовое перетягивание каната. Мат сменялся в соответствии с принятой методикой допросов цивилизованными угрозами типа: «Признайся, сними камень с души – самому легче станет!» и тому подобными ублюдочными «классическими» штампами. Почему-то они тоже не проникли в мою черствую душу, и, поняв это, следователь заявил:

– Ладно, дадим (и он был прав: именно «мы», следствие, давало срок или отнимало жизнь: суд, как и разные его «замены» типа ОСО, троек и т. п., практически всегда лишь штамповали решения «органов» и всегда – решения Политбюро, Сталина, если они принимались в связи с тем или иным «делом». – Л. В.) тебе пока (тоже точно! – Л. В.) восемь лет, потому что больше дать нельзя, но знай, что живым ты от нас не выйдешь! Загоним туда, куда Макар телят не гонял, в такое место поедешь, откуда не возвращаются...

Вот тут-то я понял, какое удовольствие доставил бы всей этой сволочи, начиная с ее «верхов», если бы сам ушел из жизни, и дал себе слово: что бы ни предстояло впереди, никто, никогда и ничем не заставит меня сделать такой шаг. Я решил отныне зубами держаться за жизнь до последнего мгновения – хотя бы из духа противоречия носителям беззакония и насилия: было очевидно, что обещание не выпустить меня живым исходило не от самого следователя (он его лишь озвучил), а от тех, кто фактически предрешал судьбы не только старшего, но и младшего поколения нашей семьи.

После заключительного разговора со следователем мне дали подписать итоговый и единственный протокол из трех вопросов и трех ответов:

« – Расскажите о преступной деятельности вашего отца.

– Не знаю.

– На чьем иждивении вы находились?

– На иждивении отца, но не порывал связи со своей матерью.

– От кого и когда вы узнали о партийном проступке вашей матери?

– От отца в 1949 году».

«Партийным проступком» матери оказались несколько слов в ее письме отцу, написанном в начале 30-х гг., где она пожаловалась на матери-

альные трудности, обострившиеся к тому же большим вычетом на государственный заем. Через несколько десятилетий, получив возможность ознакомиться с ее «делом», я увидел, что на примере своего коллектива она критиковала и морально-психологическую обстановку, сложившуюся к тому времени в стране. В связи с этим она была исключена из партии, а он «за нереагирование» (точнее было бы сказать – за недонесение на нее) получил выговор.

Тогда же, через десятки лет, я смог прочитать и свое «дело» и был несколько удивлен содержанием этой папки. Вместо первичного ордера на арест в ней оказался иной, данный мне на подпись через 18 дней после этого события, да и то с фальсифицированной датой, а только что процитированный протокол был заменен на два других, тоже «мини», по-видимому промежуточного характера, хотя по смыслу и близких к исчезнувшему итоговому. Все же остальное представляло собой как бы гарнир из разных эмгэбэшных документов, противоречащих друг другу по датам, по логической взаимосвязи и многим другим параметрам. Но тратить время на разбор этих беспомощных с формально-правовой точки зрения бумаг и бумажек, хотя вполне, как оказалось, достаточных для последующих действий машины государственного террора, современному читателю смысла, конечно, нет. Перейду поэтому к краткому описанию дальнейших поворотов ее рычагов и маховиков.

Как только меня вновь водворили в камеру, я стал обдумывать свою речь на предстоящем, по моим наивным представлениям, суде. «Ну, тут уж я скажу все, что думаю об этой сволочи!» – под таким «лозунгом» шла подготовка моего обвинительного выступления. С некоторым даже нетерпением ждал я судебного заседания, и наступил день, когда меня привели в явно предназначенное для такой процедуры помещение – в той же самой Лефортовской тюрьме.

В вытянутой, узкой комнате, по размерам, пожалуй, такой же, как и камера-одиночка (а может быть, первоначально она ею и была), вдоль длинной стены находился внушительный помост с массивным столом и тремя креслами. На их высоких (в центре – еще выше, чем у кресел по краям) спинках красовались государственные гербы. Вот это, подумал я, наверняка судебное помещение и приготовился произнести свои обвинения. Некоторое время прошло в ожидании судей, как вдруг в распахнувшуюся дверь впорхнул молодой, жизнерадостный подполковник (теперь я знаю, что это был начальник 1-го отделения Отдела «А» МГБ СССР Воробьев), который, можно сказать, даже несколько игриво спросил меня:

– Вы такой-то?

Пришлось признаться, что это именно так.

– Ну, слушайте, – сказал энергичный подполковник и, раскрыв папку, вроде бы прочитал:

– «Особое Совещание при Министре Государственной Безопасности СССР, рассмотрев на своем заседании 11 ноября 1950 года дело по

обвинению Вознесенского Льва Александровича по статье 58-1 «в» часть 1-ая УК РСФСР, постановило: Вознесенского Льва Александровича как члена семьи изменника Родины заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок с 20-го октября 1950 года. Имушество конфисковать».

– Распишитесь! – добавил он, протягивая мне папку с листком текста, повернутым обратной, чистой стороной.

На секунду я в глубине души слегка оторопел: а как же моя пламенная речь против всяческого беззакония и его носителей? Что это за Особое Совещение, расправляющееся с людьми заочно?

– Позвольте, а по какому закону это делается?

– У нас все делается по закону! – с глубокой убежденностью и прямо-таки искрящейся жизнерадостностью в голосе и в движениях (казалось, в нем играла каждая жилочка) ответил он.

– Дайте мне прочитать текст.

– Это не положено.

– Тогда прочитайте его еще раз.

Эту просьбу он выполнил, но с небольшими вариациями в тексте. Они не меняли существа документа, однако заронили у меня сомнение в точности воспроизведения того, что в нем содержалось. И только через десятки лет, прочитав эту «Выписку из протокола № 53 Особого Совещения при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 11 ноября 1950 г.», я увидел, что она состояла из двух половинок – «Слушали» и «Постановили», и понял: настороживший меня разноречивой в его изложении возник из-за желания подполковника, объявляя мне приговор, как-то «облитературить» сей шедевр канцелярского творчества. Но тогда я этого не знал, что имело некоторые последствия, о чем расскажу в одной из следующих глав. При чтении этого решения меня поразило, что оно числилось под номером 437. Вдумайтесь в эту цифру: сколько же человеческих жизней обрывали такие антиконституционные органы за каждое свое заседание, когда их члены и имя-то невинной жертвы расслышать не успевали, сколько судебных сломали! Я говорю *невиновной* хотя бы потому, что на ОСО отправлялись прежде всего дела тех арестованных, чьи «преступления» сколько-нибудь убедительно не могли быть доказаны даже изуверским следствием и признаны таковыми даже самым предвзятым судом.

Не могу не вспомнить в связи с этим историю Юрия Михайловича Захарова – замечательного во многих отношениях человека, с которым мы познакомились и подружились в лагере. В начале Отечественной войны он был капитаном в войсках, обслуживавших правительственную связь, и обеспечивал ее функционирование между Киевом и Москвой. В какой-то момент, находясь в одной из дивизий, он вместе с нею попал в окружение. Командир дивизии дрогнул и хотел было сдать ее немцам. Захаров публично расстрелял его, возглавил дивизию и с боем вывел из окружения. Однако на беду свою он по роду работы был слиш-

ком близок к Хрущеву, работавшему в предвоенное время на Украине. А так как Берия собирал всяческий компромат на него, Захарова арестовали и стали выбивать из него показания против Никиты Сергеевича. Юрий Михайлович был действительно человеком стальной воли, и, пройдя в течение нескольких лет через зверские пытки в самых страшных тюрьмах – Внутренней, Лефортовской и Сухановской, он так и не оправдал надежд своих палачей: они не получили никаких желанных для них сведений. И самого его тоже не удалось обвинить буквально ни в чем. В конце концов его «дело» отправили на рассмотрение Особого Совещания (ОСО), которое «дало» ему 15 лет лагерей плюс еще какие-то «довески» с поразившей меня формулировкой решения: «...по подозрению в намерении (курсив мой. – Л. В.) изменить Родине». Много лет я думал, что вынесенный ему приговор вообще уникален, но в последнее время наткнулся в литературе еще на несколько подобных примеров.

Вот с таким органом мне и пришлось заочно познакомиться в конце 1950 г. Ну а вслед за объявлением приговора ОСО меня переместили, наконец, в достаточно теплую камеру, правда с глухими стенами, без окна, и даже разрешили что-нибудь выписать из тюремного ларька в счет тех двухсот рублей, которые числились за мной после ареста. Тут я едва не умер от заворота кишок, так как после голодовки и на тюремной баланде не сумел противостоять безумному желанию что-нибудь съесть и незаметно для самого себя, отламывая кусок за куском, проглотил чуть ли не целый батон хлеба. Выжил, однако, и через несколько дней растался с Лефортовской тюрьмой.

Оформлено это было не без своеобразной торжественности. После тщательнейшего «шмона» (кажется, этот термин является сокращенным вариантом словосочетания «швыряние манаток»), т. е. обыска, меня сдали спецконвою как особо опасного государственного преступника. Зачем было тратить столько денег и сил на эту «показуху» (вспоминаешь обо всем этом и невольно начинаешь использовать тюремно-лагерный жаргон)? Наверное, так полагалось поступать в отношении тех, чьими «делами» занималась, а точнее, чьи «дела» создавала пресловутая Следственная часть по особо важным делам МГБ СССР. Как бы то ни было, но ни в тюрьме, ни на этапе вплоть до самого лагеря я не видел ни одного заключенного, а другие арестанты не видели меня.

Ранним утром я был доставлен в «воронке» к запасным путям одного из московских вокзалов (в тот момент даже не понял какого) и окруженный кольцом солдат с оружием наперевес и во главе с офицером препровожден к тому концу перрона, у которого пыхтел паровоз. Чем ближе подходили мы к этому месту, тем чаще попадались на глаза «нормальным» людям («вольняшкам» – опять-таки из еще неизвестного мне в то время лагерного лексикона), которые явно видели в арестанте чудовищного преступника, способного, судя по конвою, в любую минуту совершить что-то невыразимо ужасное. Особенно ударили по сердцу и потому запомнились испуганные глаза людей, стоявших на перроне в

ожидании посадки. Меня ли, конвоя ли боялись они – не разобрал хотя бы потому, что, пройдя сквозь плотный строй солдат, тут же был водворен в «стольпинский вагон» (молодым читателям – вагон для перевозки арестантов).

Осмотревшись, я обнаружил, что это был обычный жесткий пассажирский вагон, переоборудованный для невольно «путешествующих» в нем: от окон в купе оставлена лишь закрытая решеткой узкая полоска вверху, сквозь которую проникал дневной свет; решетка же отгораживала купе от коридора, окна в котором тоже были зарешечены; сверх решетки вместо нормальной имелась еще металлическая дверь, наглухо закрывавшая купе, когда мимо него нужно было провести других заключенных, которыми (кроме соседних с моим, оставшихся пустыми) были, судя по звукам, основательно заполнены остальные купе, а точнее, камеры. Впрочем, моя закрывалась наглухо нечасто и очень ненадолго, так как в коридоре прямо напротив нее был установлен круглосуточный пост: очевидно, меня требовалось доставить к месту назначения в целости и сохранности.

Поскольку развлечений в пути не было, я много раз мысленно «проигрывал» варианты появления надписи, выпарапанной на нижней стороне верхней полки, – «Иван Дмитриевич Папанин» – и думал о судьбе всемирно известного полярника. К слову, в то время я уже слышал изустный рассказ о его телефонном разговоре со Сталиным. Ивану Дмитриевичу после дрейфа на льдине среди прочих наград выделили дачу. Однако ему хотелось сохранить и ту, которая у него была. С этой просьбой он по телефону обратился к «вождю народов». Тот, выслушав его, ответил: «Слишком много хотите снять с одной льдины, товарищ Папанин!» – и, не прощаясь, положил трубку. На следующий день Иван Дмитриевич передал свою прежнюю дачу детскому саду, и дальнейшая жизнь героя протекала, кажется, без существенных осложнений. Так что надпись в «вагонзаке» была, надеюсь, какой-то случайностью, так и неразгаданной.

В конце концов мы добрались до крупного города (потом оказалось – до Челябинска), где меня поместили в одиночку местной тюрьмы, построенной, судя по ее могучим стенам, въевшимся в камень «патриархальным» запахам и прочим «прелестям» местного быта, еще в петровские или в екатерининские времена. Через несколько дней путешествие было продолжено, и наконец по разным мелким признакам я понял, что оно близится к завершению. И тут один из карауливших меня солдат, оглянувшись по сторонам и подойдя поближе к решетке, шепотом стал расспрашивать, кто я и почему оказался здесь под усиленной охраной и круглосуточным надзором. Таить мне было нечего, и я коротко рассказал ему о своих родных и еще короче – о себе. Это был второй, после совета капитана, принимавшего меня во Внутренней тюрьме, доброжелательный контакт с человеком, находившимся по другую сторону, если так можно сказать, колючей проволоки, отделившей меня от прошлого,

от близких, от друзей, от книг, от всего, что до ареста составляло мою жизнь.

Но уже через несколько часов этот мысленный образ стал на три с лишним последующих года зримой повседневной реальностью. В крошечной декабрьской тьме поезд (или вагон?) остановился в пустынной, без единого огонька степи. Раздались какие-то команды, топот ног выходивших из него, а затем и меня высадили на землю, основательно покрытую снегом, подвели к уже освоенному средству передвижения – «воронку» и приказали забраться в него. В этот момент я увидел невдалеке какое-то большое колышущееся пятно, вглядевшись в которое понял, что это – несколько десятков человек, ранее меня высаженных из вагона.

– А кто эти люди? – спросил я у «моего» начальника конвоя.

– Заключенные, – ответил он. – Их поведут в лагерь, соседний с тем, куда мы Вас должны отвезти.

– А это далеко?

– Не близко, да и дороги занесло. Придут только к утру.

– Как же так? Меня вы повезете, а эти люди ночью, да еще в такой холод пойдут пешком по степи?

– Ничего не могу сделать. Машина одна, а я по инструкции должен довести Вас до места таким образом, чтобы Вы не имели ни с кем никакого контакта.

– Так сделаем иначе: посадите меня в кабину между водителем и собой, а всех остальных погрузите в кузов машины.

Офицер явно обрадовался такому предложению, но еще колебался:

– Не положено – это будет слишком большим нарушением режима...

А Вы не попытаетесь бежать?

До сих пор не понимаю, за кого они принимали или за кого им меня выдавали. А может быть, начальнику конвоя не хотелось убивать арестанта при попытке к бегству? Из суммы наблюдений во время этапа можно было сделать лишь один вывод: инструкции были жесткими...

– Не бойтесь, я Вас не подведу. Даю слово, в бега не ударюсь.

Так и сделали: меня «зажали» в кабине между водителем и офицером, а уже начавшую двигаться пешком колонну повернули к машине и загрузили в чрево «воронка», который повез их дальше к месту назначения после того, как меня высадили у моего нового местожительства и сдали с рук на руки лагерному начальству.